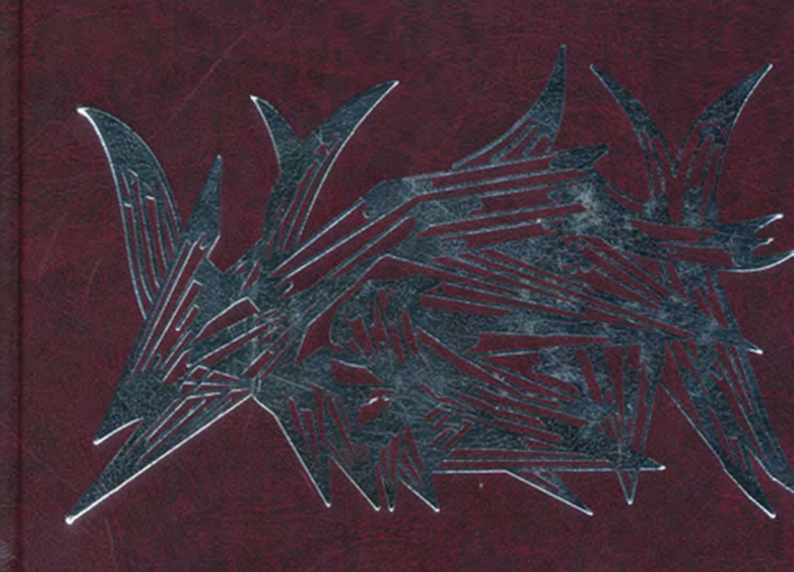

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

А. АВЕРЧЕНКО

ЧЁРТОВА ДЮЖИНА

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

собрание сочинений

ЧЁРТОВА ДЮЖИНА

МОСКВА 2013

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1
А19

Составление, подготовка текста и комментарии
С.С. Никоненко

Аверченко А.Т.

А19 Собрание сочинений: В 13 т. Т. 7. Чёртова дюжина / сост., подг. текста и комментарии С.С. Никоненко. — М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. — 424 с.

ISBN 978-5-904962-22-7

В седьмом томе сочинений Аркадия Аверченко впервые после смерти писателя собраны все пьесы из пяти его драматургических сборников, выходивших с 1911 по 1916 гг.: 8 одноактных пьес и инсценированных рассказов; «Чертова дюжина», «Бенгальские огни», «Без суфлера», «Миниатюры и монологи для сцены». Многие пьесы были в репертуаре дореволюционных театров Петербурга и провинции, и пользовались большим успехом. Пьесы «Визитеры», «Женская доля», «Тихое помешательство» и другие шли одновременно в нескольких театрах.

ISBN 978-5-904962-11-1 (Общ.)
978-5-904962-22-7 (Т. 7)

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)1

8 ОДНОАКТНЫХ ПЬЕС И ИНСЦЕНИРОВАННЫХ РАССКАЗОВ (1911)

чёртова дюжина

ГОЛОЛЕДИЦА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нарымский, редактор «Обозрения».
Мария Ивановна, его жена.
Миколаев, ответственный редактор «Обозрения».
Епифанский, секретарь редакции.
Подписчик.
Мурзакин, приказчик.
Инспектор.
Илья, служащий при редакции.
Мальчик.

Кабинет редактора.

Входят Миколаев и Мурзакин, оба слегка навеселе.

Миколаев. Иди, иди, Мурзакин, не бойся!.. Иди, это моя редакция... Видишь, это мой кабинет. Вон и на дверях написано: «Кабинет редактора». Ты это понимай, Мурзакин! (*Садится за стол, шапка на затылке.*)

Мурзакин (*крайне почтительно*). Я понимаю... Как же это вы так, Микеша, достигли... До такой, шутка ли сказать, высоты... Шутка ли, — редактор.

Миколаев (*гордо*). Да, брат. И не просто редактор, а, как это называется... «зиц-редактор». Так и издатель меня называет. Ответственный редактор, значит. Понимаешь? Чуть что — кто в ответе? Я! Не простой редактор Нарымский, не издатель, а я! Понял? Значит, кто главный?

М у р з а к и н (*подобострастно*). Да-с. Свезло вам.

М и к о л а е в. Да, брат... Попал я в жилу — и никаких гвоздей! Не жизнь у меня теперь, а вакханалия! Не пито, не едено — пятьдесят целкачей в месяц вынь да положь. Ловко? Ге! Миколаев, брат, тоже не левой ногой сморкается... И всякая собака знает меня: «Редактор Миколаев, издательница Шмит». В каждой газете написано.

М у р з а к и н. А ты не радуйся. Этак вот прыгаешь до поры до времени, а потом трах! И сядешь в тюрьму.

М и к о л а е в (*другим тоном, испуганно*). Нет, не сяду... Зачем мне садиться? Скажешь тоже...

М у р з а к и н. Сам-то не сядешь... Другие посадят... Вот подумал я сейчас и вижу — нехорошее твое дело, Миколаев. Какой ты редактор? Силы настоящей в тебе нет. Вот ты мне друг, приятель закадычный с миниатюрного возраста — и что же? Пишу я стишки разные, поэмки, а ты... разве ты их напечатаешь в своей газете? Как же! Так тебе и дадут. Кишка тонка, милый!

М и к о л а е в (*нерешительно*). Отчего же не напечатать? Можно и напечатать... Если... гм... материал подходящий.

М у р з а к и н (*недоверчиво*). Как же это ты сделаешь?

М и к о л а е в. Да очень просто! Если стихи мне понравятся, возьму их, отдам приказание печатать...

М у р з а к и н. Ну? Да ведь здесь другой редактор есть. Который настоящий.

М и к о л а е в. Што-с? Какой это еще другой! Я — редактор, зиц- редактор Миколаев, и больше никаких редакторов Миколаевых! Ш-што-с? Редактор Миколаев, издательница Шмит, типография «Польза и Дело»! Это, брат, мы твердо знаем! Где ваши стихи? Посмотрим-с!

М у р з а к и н (*подавая стихи, робко*). Осмелюсь предъявить! Стихи моего сочинения!

М и к о л а е в. Гм... Да! Действительно, стихи... Вы не ошиблись. Прочтем-с, прочтем-с.

Что за славная картина
Этот город Петербург,
Только плохо там живется
Всем приказчикам всегда.
Распроклятый бакалейный
И тяжелый очень труд:
День-деньской все на ногах ты,
Даже некогда вздохнуть...

Очень мило! Стихи о положении народного класса трудящихся. Социалистическое неустройство Карла Маркса. Так, так. Классовая перегородка, как говорится... Ну, хорошо. (*Встает и торжественно говорит.*) Трудящий поэт Мурзакин, ваши стихи приняты!

Мурзакин. Вот мерси, Миколаша. Это здорово! А когда ты их напечатаешь?

Миколаев. Я их завтра напечатаю, господин Мурзакин... Вот в этой самой газете... Видите, что внизу написано: «Ре-дак-тор А.С. Миколаев, издательница О. Шмит»... Господин Мурзакин... Вы уже приняты в число сотрудников! (*Звонит.*) Эй, кто там?

Входит служащий.

Тысячу раз нужно вас звать? Позовите секретаря Епифанского!

Служащий уходит.

У меня, господин Мурзакин, строго. Не потерплю безобразия!

Епифанский (*входит*). Миколаев! Это вы тут кричите? Что вам нужно? Зачем вы сели сюда?

Миколаев. Нет, это мне нравится: зачем я здесь? Да кто редактор? Вы редактор или я редактор? Что вы тут такое? Секретарь? Так и занимайтесь своим делом! Ш-што-с? Распустились все, за делом не следите! Если вас не подтягивать, так тут черт знает что пойдет!. Не бойтесь, Мурзакин!.. Да, кстати, секретарь... вот стихи этого господина. Отошлите их в типографию «Польза и Дело» и велите напечатать их покрупнее.

Епифанский (*пожимая плечами*). Вы пьяны, Миколаев... или с ума сошли...

Миколаев (*с угрозой*). Это вы мне говорите? Мне? Вон отсюда! Чтобы духу твоего не было! А? Как вам это понравится? Он мне говорит такие вещи. Ну, времечко! Недаром я вчера читал, говорят: реакция! И верно. Яйца курицу учат! Чего же вы стоите? Сказано вам — уходите! Скажите, чтобы вам там в конторе выдали расчет! Я вас тут всех шелковыми сделаю! Ступайте!

Епифанский (*растерянно*). Черт знает что! Ну, погодите же... (*Уходит.*)

М у р з а к и н (*испуганно*). Уйдем лучше...

М и к о л а е в. Откуда? Куда? Я должен быть тут и работать. Я редактор, милый,.. И не хочу, чтобы мне даром ни за что ни про что платили деньги... (*Звонит.*)

Входит с л у ж а щ и й.

Редактор здесь?

С л у ж а щ и й. Нет.

М и к о л а е в. Где же это он ходит? Вместо того чтобы дело делать, слоны слоняет... Безобразие! За чем не приглядишь сам — все валится.

С л у ж а щ и й. Слушайте... Шли бы вы домой, а? Ей-Богу, вам же хуже... Знаете ведь нашего Павла Захарыча.

М и к о л а е в. Ш-што-с? Ты, братец, дурак! Секретаря я выгнал, потому что он человек интеллигентный, а поступает, как нахал! Но ты просто глуп и не знаешь, с кем и как говорить. Ты видишь эту газету? Кто здесь подписан? Редактор А.С. Миколаев! А я кто? Андриан Семеныч Миколаев! Ясно, кажется?

С л у ж а щ и й уходит, махнув рукой.

М у р з а к и н. Пойдем лучше... Микеша... Страшно мне!..

М и к о л а е в. Што-с! Чепуха... Гм!.. Тяжелая, братец, это штука — редактировать газету... То да се... это что? Письма? Почта? (*Читает.*) Написано: «Господину редактору “Обозрения”». Это значит мне. Ну, посмотрим, это что? Рассказ: «Холерный бунт». Только публику пугают. Зачем? Нужно веселенькое, а они о бунтах... Это что? «Дальневосточные осложнения». Политика.,. Ну, это можно. «Еще о мелкой земской единице». «Еще»? Значит, что-то уже было? Гм... Автор повторяется... Да и глупо: что такое мелкая единица? Разве единицы бывают разных размеров? И почему земская? Пишут, пишут и сами пе знают, что пишут... Это мы бросим в корзину, а это в типографию... Крупный шрифт.

Входит редактор Н а р ы м с к и й со с л у ж а щ и м.

Н а р ы м с к и й. Миколаев! Что это ты, брат?

М и к о л а е в. А, Павел Захарыч! Где это вы пропадали? Так нельзя!

Нарымский. Ты пьян?!

Миколаев (*сурово и твердо*). Павел Захарыч! Вы здесь у меня, и поэтому прошу... Довольно! Не забывайте, кто здесь редактор!

Нарымский (*служащему*). Илья, возьми Миколаева и выведи в переднюю. Да скажи там в конторе, чтобы выписали ему расчет!

Служащий. Пожалуйте... Иди, тебе говорят!..

Мурзакин. Не трогайте его. Он сам уйдет... Умоляю вас. (*Суетится.*) Ах ты ж, Господи! Такое дело... Не толкайте его.

Миколаев (*печально*). Не понимаю... Что же это такое: редактор я или не редактор...

Его уводят.

Нарымский (*один*). Свинья! Вот держи таких... Ну, времечко... (*Просматривает гранки.*) Что они пишут?.. Несчастье с этими репортерами, вечно подводят... Не угодно ли: «А те, кому это знать надлежит, и в ус себе не дуют». Положительно здесь есть что-то такое... опасное... Кому это знать надлежит? Какому-то начальству. Значит, автор обвиняет начальство в том, что оно не дует себе в ус... Конечно, в буквальном смысле это обвинение вздорное: почему начальство непременно должно дуть в ус?.. Но нет! Но нет! Репортер положительно имел в виду переносный смысл: не дуть в ус — значит не считаться с интересами граждан, презирать их и не обращать должное внимание на приведенный в статье вопиющий факт. А что это такое? Как это называется? Возбуждение населения против администрации? А чем это пахнет, несчастный ты редактор? (*Зачеркивает фразу.*) Так ее... Зачеркнул и спокоен. (*Пауза.*) В сущности, здесь так глухо сказано, что сам черт не поймет. Фраза «Кому это знать надлежит» — фраза растяжимая. А хвост ее — «и в ус себе не дует» — носит даже легкий приятно-фамильярный, добродушно-юмористический характер... Эх, редактор, запугали тебя, брат, как зайца. Восстановлю-ка я фразу. (*Счищает резинкой зачеркнутое, водит пальцем по строке.*) Гм... Черт возьми! Рискованно в сущности. Это хорошо — я сам себе

говорю: добродушно-юмористический оттенок! А потом пойди доказывай! Э-эх! (*Зачеркивает фразу.*) Вот так! Оно-то поспокойнее... Гм... Однако... Но ведь мой долг быть в рядах оппозиции... Восстановлю-ка я ее опять, черт бы ее побрал.

Входит м а л ь ч и к.

Ты что? За материалом? Из типографии? Сейчас. Подожди минутку... (*Кричит в соседнюю комнату.*) Епифанский, зайдите-ка ко мне!!

Входит Е п и ф а н с к и й.

Е п и ф а н с к и й. Что скажете?

Н а р ы м с к и й. Вот, Епифанский, я хочу с вами посоветоваться. Как вы думаете, не опасна в смысле цензурности эта фраза: «А те, кому это знать надлежит, и в ус себе не дуют»?

Е п и ф а н с к и й. По-моему, эта фраза совершенно безопасна.

Н а р ы м с к и й. Ага! Хорошо. На тебе, мальчик. Ступай!

Е п и ф а н с к и й. Хотя, пожалуй, она и опасна.

Н а р ы м с к и й. Вы думаете, опасна?

Е п и ф а н с к и й. Безусловно.

Н а р ы м с к и й. Ма-а-альчик!

Е п и ф а н с к и й (*в раздумье*). С другой стороны, она может и проскочить. Пускайте, черт с ней.

Н а р ы м с к и й. Ступай, мальчик. Хотя, гм... Знаете что... Я еще посоветуюсь с вами... А вдруг в ней усмотрят такое...

Е п и ф а н с к и й. Да, пожалуй... Но уж если усмотрят, то нас с косточками съедят. Со всеми потрохами...

Н а р ы м с к и й (*хватаясь за голову*). Мука мученическая! Ничего не понимаю! Ничего я уже не соображаю!

Е п и ф а н с к и й. Да выкиньте ее просто. Чего там. Или лучше вот что: вызовите по телефону инспектора по делам печати и посоветуйтесь с ним.

Н а р ы м с к и й (*радостно*). Идея! (*Говорит по телефону.*) 43–14!.. Это господин цензор? Виноват... виноват... господин инспектор... Здравствуйте! Говорит редактор «Обозрения»... Как ваше здоровье? Как вы находите, опасна в цензурном отношении фраза: «А те, кому надлежит дуть в ус, ничего не знают»? Виноват, я

не так выразился: «А те, кому дуюжит в знат...» Фу ты, наказание... язык заплетается... Вот я вам прочту ее внятно. «А те, кому надлежит знать, и в ус себе не дуют...» А? Ничего опасного? Вы думаете? Спасибо! До свидания. (*Вешает трубку.*) Ничего опасного. Сдам ее в набор. (*Уходит.*)

Звонок телефона.

Епифанский (*подходит к телефону*). Алло! Кто говорит? Господин инспектор? Слушаю... Хорошо... передам... (*Вешает трубку.*)

Входит Нарымский.

А здесь сейчас к вам инспектор звонил. Он сказал, что то, о чем вы его спрашивали, лучше не печатать.

Нарымский. Ах, боже мой... Надо бежать опять в типографию. (*Уходит.*)

Звонок телефона.

Епифанский (*у телефона*). Алло! Редакция «Обозрения»! Слушаю... Хорошо, я передам... (*Вешает трубку.*)

Входит Нарымский.

Инспектор сейчас опять звонил. Он сам не знает, печатать то, о чем вы спрашивали, или нет. Он сказал, поступайте как знаете...

Нарымский. Ах, Боже мой! Мне кажется, я с ума схожу!

Епифанский. Да вы бросьте это! И вообще, вы, по-моему, перетрусили! Вот и с моей статьей о шоссейных дорогах. Кто вас просил выбросить из нее добрую половину?

Нарымский. Опасно, милый! Вы там чуть ли не исправника касаетесь.

Епифанский. Будь вы прокляты отныне и до века с вашей трусостью, расчетливостью, тактичностью, недомыслием, вашими исправниками, шоссейными дорогами, со всем вашим арсеналом лжи и угодничества! Умный человек никогда не выкинул бы второй половины о шоссейных дорогах.

Нарымский. Однако на прошлой неделе нас за меньшее оштрафовали на триста.

Епифанский. Будьте вы прокляты! Прокляты! Уйду я от вас!.. (*Уходит.*)

Нарымский. Что он?!

Вбегает подписчик.

Подписчик. Вы редактор?

Нарымский. Я-с!

Подписчик (*бросает сверток*). Нате! Подавитесь! Будьте вы прокляты! Нате, получайте, отдавайте мне мои деньги назад!

Нарымский. Что это такое?

Подписчик. Это ваше глупейшее «Обозрение». С начала года... Берите вашу газету и отдайте мне мои деньги!

Нарымский. У нас не принято возвращать подписчикам деньги.

Подписчик (*дико*). Да-а-а? Деньги возвращать не принято, а чепухой кормить подписчика принято? Давать хорошие, свежие новости не принято, а писать передовицы «Еще об уме слонов» — принято?! Освещать жизнь и неустройство провинции не принято, преследовать и обнаруживать злоупотребления мерзавцев не принято, а «простейший способ приготовления замазки для склеивания фарфора» — это принято? И сколько помещается бацилл в капле воды — тоже принято? Получайте вашу паршивую газету и отдавайте мои деньги! Тут двух номеров не хватает — жена варенье завязывала; черт с вами! Высчитайте гривенник. А остальные давайте! Начхать мне на то, сколько слонов помещается в капле воды. Слышите? И если вы мне завтра же не пришлете деньги, я вам всю редакцию разнесу. Так вы и знайте, дубовая голова! (*Уходит.*)

Нарымский. Ушел? (*Бежит к дверям.*) Илья! Не пускай никого... Я не принимаю... Скажи, что я занят, болен, ранен наповал... (*Отходит от дверей.*) Фу! Устал я.,. И есть хочется. (*Кричит в дверь.*) Маничка, дай-ка мне чего-нибудь поесть!

Входит Мария Ивановна — жена Нарымского.

Жена. Чего тебе?

Нарымский. Да вот есть что-то захотелось. Нет ли у тебя чего-нибудь?

Жена. Есть? Кушать хочешь — лопай вареный картофель. Больше ничего нет.

Нарымский. Как? Неужели все деньги вышли?

Жена. Ах, дитя прелестное! Институточка в переднике! Неужели вышли? На прошлой неделе триста заплатили за «околоточного в нетрезвом виде» да четырнадцатого двести за «что нам нужно, чтобы укрепиться в Желтом море». Что, укрепился в Желтом море? Забыл? Тебе не жену иметь, а в тюрьме баланду хлебать! Тоже! Робеспьер выискался... Буланже! «Аллон Занфан»... Туда же лезет, Фальер несчастный! (*Уходит, сильно хлопнув дверью.*)

Входит служащий.

Служащий. К вам податной инспектор.

Нарымский. Ох, господи, опять что-нибудь... Проси.

Входит податной инспектор.

Здравствуйте-с. Чем могу служить?

Инспектор. Недоволен я вами, батюшка. Вы играете в плохую игру. Вы знаете, о чем. я говорю? То-то же!.. Я понимаю, что означает фраза: «Многие чиновники также не оказываются на высоте своего назначения»... Понимаю-с. Знаете ли вы о существовании статьи сто семьдесят три параграфа 17-в?

Нарымский. Какой? Виноват...

Инспектор. Я говорю: статьи двести девяносто два параграфа 9-б?

Нарымский. Я... не знал...

Инспектор. Он не знал о существовании четыреста двадцать третьей статьи параграфа 3-д!! Что же вы тогда знаете? Статья девяносто два, параграф семь гласит: виновный и так далее, подвергается и так далее...

Нарымский (*плачет*). Ваше высокородие... Господин податной инспектор... Где-то в Италии, во Франции, в Германии ходят по улице люди и улыбаются, и им тепло... и они смеются... и у них есть счастье... и у них есть личная жизнь... деточки радостные бегают... Чем же, ваше высокородие, я виноват, что я не немец?

Инспектор. Что за вздор?

Нарымский. Ох, не то я хотел сказать... Ну, да все равно... Позвольте мне, пожалуйста, поплакать у вас на груди... Ничего, ничего, я не испорчу вашей жилетки... Эх, родненький, ваше податное... Виноват... Ваше высокородие... Возьмите мою голову, обнимите ее одной рукой, прижмите к груди и погладьте мои волосы: «Бедный ты, мол, бедный... Нет у тебя ни одного луча светлого, ни одной минуточки теплой, тихой...» Смешались бы наши слезы, и выросло бы от этих слез райское дерево красоты неописуемой... Или хотите так: я положу голову на паркетик, а вы каблуком по ней хряснете и конец... Господи! Ах, да и устал же я... (*Плачет.*)

Инспектор. Зачем же мне вас каблуком? Я люблю литературу и уважаю ее представителей. Но все нужно в пределах закономерности... На основании тех законоположений, кои размером не выше трех месяцев... с заменой, в случае несостоятельности... Статья сто сорок девять... параграф семь... (*Присматривается.*) Что с ним? Кажется, он в обмороке... Удивительно! Который раз сталкиваюсь с ним — все в обморок падает! (*Уходит.*)

Занавес

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Плюмажев, чиновник.
Гимназист.

Деревья, кусты, за которыми виднеется берег реки. Лето. На первом плане, прикрытый кустом, лежит длинный гимназист в форменной тужурке и фуражке, сдвинутой на затылок. Смотрит в бинокль на реку.

Плюмажев (*появляется, раздвигая руками кусты и озираясь. Приставляет кулак к глазу, вертя головой, глядит на реку*). Э, черт. Ведь, ей-Богу же, это женщина... Гм... кажется, молоденькая. И кажется, хорошенькая... Купается... А я не вижу... Вот тебе — старый близорукий дурак. Она купается, а ты не видишь... Так тебе и надо. Не забывай дома бинокль. За три-то версты домой за биноклем не побежишь... Гм... Черт его знает. Вижу, что-то белое, что-то полосатое. А что оно? Хоть убей — не разобрать. (*Натыкается на гимназиста.*) Кто тут? А-а... Ишь, шельма. Пристроился. Ба! Да у вас, молодой человек, бинокль?

Гимназист (*не оборачиваясь, игриво толкает Плюмажева в ногу*). А... И вы тоже? Ложитесь рядом. Отсюда замечательно видно.

Плюмажев. Гм... Молодой человек. Я вижу в вас склонность к поступкам, не свойственным вашему возрасту. Подглядывать, вообще, безнравственно, а тем более... (*другим тоном*) хорошенькая?

Гимназист. Богиня! Венера Милосская. Одни руки чего стоят. Колени тоже: стройные, белые. Честное слово.

Плюмажев (*нерешительно*). Так, так... А вот что, молодой человек... Господин студент. Вы, конечно, еще гимназист, но я уверен — такой умный мальчик должен быть обязательно студентом... Вот что, дорогой мой: не могли ли бы вы... одолжить мне на минутку... бинокль.

Гимназист (*прищелкнув языком*). Э, нет, дяденька. Этот номер не пройдет. Надо было свой брать.

Плюмажев (*дрожащим голосом*). Да дайте. На минутку.

Гимназист. Ни-ни. Даром, что ли, я его у тетки из комода утащил. Небось, если бы у вас был бинокль — вы бы мне своего не дали.

Плюмажев. Да дайте...

Гимназист. Отстаньте... Не мешайте... Что это? Ого-го. Спиной повернулась... Что за спина. Я, однако же, не думал, что у нее такой красивый затылок...

Плюмажев (*опускаясь рядом*). В сущности, — если на то пошло — вы не имеете права подглядывать за купальщицами. Это гнусно! Это безнравственно.

Гимназист. А вы у меня просили бинокль. Тоже... Самому можно, а мне нельзя.

Пауза.

Плюмажев. Захочу вот — и отниму бинокль. Да еще приколочу. Я ведь сильнее...

Гимназист. Ого. Попробуйте отнять... Я такой крик подниму, что все дачники сбегутся. Мне-то ничего, я мальчик — ну, выдерут, в крайнем случае, за уши, а вот вам позор будет на все лето. Человек вы солидный, старый, а скажут, такими глупостями занимается... Теперь она опять грудью повернулась... Хотите, я вам буду рассказывать все?

Плюмажев. Убирайся к черту.

Гимназист. Сам пойди туда.

Плюмажев. Грубиян...

Гимназист. От такого слышу.

Плюмажев (*после паузы*). Учащаяся молодежь... Ха-ха. Питомцы просвещения. И я еще унижался, разговаривал с ним... Вы думаете, я хотел смотреть в бинокль? Как бы не так... Я просто хотел пресечь ваше позорное падение в глубину, как говорится, безнравственного порока.

Пауза.

Плюмажев. Чего же вы молчите?

Гимназист. Отстаньте. Вы только мешаете тут.

Плюмажев. Удивительно вежливо... А бинокль у вас хороший? Гм... Да... А вы преострый паренек. Зубастый. Хе-хе... Ну, вот что, милый... Бог с вами. Ежели не хотите одолжить на минуточку, то... продайте.

Гимназист. Да... продайте. Ишь ты какой... А тетка мне потом покажет, как чужие бинокли продавать...

Плюмажев (*заискивающе*). Я уверен, молодой человек, что тетушка ваша и не подумает на вас. Теперь прислуга такая воровка пошла... Я бы вам полную стоимость сейчас же... А?

Гимназист (*подумав*). Гм... А сколько вы мне дадите?

Плюмажев. Три рубля.

Гимназист. Три рубля? Вы бы еще полтинник предложили. Он в магазине восемь стоит. (*Приставляет снова бинокль к глазам и смотрит на реку.*)

Плюмажев. Ну, вот что — пять рублей хотите?

Гимназист. Давайте десять.

Плюмажев. Ну, это уж свинство. Сам говорит, что новый восемь стоит, а сам десять дерет. Жильник.

Гимназист. Мало ли что. Иногда и двадцать отдашь... Вот теперь она наклонилась грудью... Перешла на мелкое место, и видны ноги. Икры, щиколотки, доложу вам, замечательные. Эге! Что это у нее? Ямочки на плечах... Действительно. А руки белые-белые... Локти красивые. И на сгибах ямочки.,. Видите... А вы не хотите бинокля купить...

Плюмажев (*хрипло*). Молодой человек. Хотите... я вам дам восемь рублей...

Гимназист. Десять.

Плюмажев. У меня больше нет... Вот кошелек... восемь рублей с гривенником. Берите... с кошельком даже. Кошелек новый три рубля стоил.

Гимназист (*презрительно*). Так то новый. А старый — какая ему цена? Полтинник. Что ж... не хотите — буду сам смотреть. (*Прищелкивая языком.*) Ого... Стала спиной и нагнулась. Что это? Ха-ха. Ну, конечно, купальный костюм расстегнут и... Ага! А вы не видите.

Плюмажев (*в большом волнении*). Слушайте. Слушайте... Я вам дам, кроме восьми рублей с кошельком, — еще перочинный ножичек и неприличную открытку.

Гимназист. Острый?

Плюмажев. Что?.. Что — острый?..

Гимназист. Да ножичек?

Плюмажев. Острый. Конечно, острый. Прекрасный ножичек — блестит, как серебряный. Только вчера купил.

Гимназист (*подумав*). А папиросы у вас есть?

Плюмажев. Есть, есть... Гм... гм... Курите? Позвольте предложить, господин студент?

Гимназист. Нет, нет, не предложить. Вы мне все отдайте. А! Это у вас кожаный портсигар? Вот — если папиросы с портсигаром, ножичек, неприличную открытку и деньги — тогда отдам бинокль.

Плюмажев (*бормочет про себя*). У-у, проклятый жмот. (*Вслух.*) Ладно, ладно, милый мальчуганчик. Только вы мне парочку папиросок оставьте. На дорожку...

Гимназист. Ну, вот новости... Их всего в портсигаре шесть штук. Не хотите меняться — не надо. Что же... я не нуждаюсь.

Плюмажев (*испуганно*). Ну, ну... берите, берите. Вот вам. Можете пересчитать: восемь рублей десять копеек. Вот ножичек... Открытка. Видите, штучка какая изображена... ха-ха. Вот ножичек... Слушайте. А она не ушла?

Гимназист (*развязно*). Успокойся, почтенный старче. Стоит в полной красе. Ну, вот. Постойте... Боком повернулась. Ноги у нее, доложу я вам... (*Прячет в карман полученные вещи, передает Плюмажеву бинокль, хлопает фамильярно его по спине и скрывается.*)

Плюмажев один. Кряхтя, снимает шляпу, пиджак, долго примащивается под кустом, чтобы было удобнее. Ложится боком, на живот, садится. Наконец, приставляет к ногам камень, замирает на несколько секунд. Вдруг вскакивает с бешеным криком, бросает с размаху бинокль в воду. Смотрит на публику, заломив руки. Пауза.

Плюмажев. Моя жена...

Занавес

РЫЦАРЬ ИНДУСТРИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Цацкин, представитель разных фирм.
Хозяин дома.

Кабинет хозяина дома. Обстановка обыкновенная.

Хозяин сидит за письменным столом. Робкий стук в дверь. Входит Цацкин.

Цацкин. Можио?
Хозяин. Войдите... Что угодно?
Цацкин. Цацкин.
Хозяин. Что-о?
Цацкин. Цацкин.
Хозяин. Что такое — Цацкин?
Цацкин. Цацкин. Моя фамилия.
Хозяин. А-а... Очень рад... (*Всматривается в него.*) Послушайте... Гм... Ваше лицо, кажется, мне знакомо?.. Позвольте... позвольте... (*Припоминая.*) Это не вас ли вчера какой-то господин столкнул с трамвая?
Цацкин. Ничего подобного.

Пауза.

Это было третьего дня. А вчера... вчера — да! Меня спустили с черной лестницы по вашей же улице. Но, правду сказать, какая это лестница? Какие-то семь паршивых ступенек.

Хозяин (*удивленно*). Почему же это?

Цацкин. Почему! Почему вы спрашиваете — почему? Потому что, очень просто, я хочу застраховать им жизнь. Хороший народ, а? Нечего сказать... Я хлопочу об их жизни, а они стараются об моей смерти.

Хозяин (*меняя тон. Сухо*). Так вы — агент по страхованию жизни? Чем же я могу быть вам полезен?

Цацкин. Вы? Вы мне можете быть очень полезны одним маленьким ответиком на вопросик: как вы хотите у нас застраховаться — на дожитие или с уплатой премии вашим близким после... Ой, ну, дай Бог вам солидного здоровья, — после вашей смерти.

Хозяин. Никак я не хочу страховаться... Ни на дожитие, ни на что другое. И близких у меня нет. Я совершенно один.

Цацкин. Ну да!..

Хозяин. Да ей-Богу.

Цацкин. Слушайте... А супруга?

Хозяин. Я холост.

Цацкин (*всплеснув руками*). Ой, так вам же нужно жениться — очень просто. Могу предложить вам девушку, пальчики оближете. Двенадцать тысяч приданого, отец две с половиной лавки имеет... Ну, и вы даже не смотрите, что у нее брат шарлатан, зато она такая брюнетка, что все прямо удивляются. Вы завтра свободны? Что? А? Можно завтра же и поехать, посмотреть. Ну, вы знаете, как это: сюртук, белый жилет. Если нет сюртука, хорошо. Я вам достану готовый... Моя фирма — магазин «Оборот», которая...

Хозяин (*вставая с места*). Господин Цацкин, я не хочу жениться. Ей-Богу, я не хочу и не могу жениться. Я вовсе не создан для семейной жизни...

Цацкин (*прищуривается*). Ой! Не созданы? По-че-му? Может, вы до этого, извините, очень шумно жили? Так вы не бойтесь. Это сущий поправимый пустяк. (*Таинственно.*) Могу предложить вам средство, которое несет собою радость каждому меланхоличному мужчине. Шесть тысяч книг бесплатно. Имеем массу благодарностей. Пробный флакончик...

Хозяин. Оставьте ваши пробные флакончики при себе. Мне их не надо. Не такая у меня наружность, чтобы

внушить к себе любовь. На голове порядочная лысина, уши оттопырены, морщины, маленький рост...

Цацкин. Что такое лысина? Если вы ее помажете средством, которого я состою представителем, так обрастете волосами, как, извините, кокосовый орех. А морщины, а уши? Возьмите наш усовершенствованный аппарат, который можно надевать ночью... Всякие уши как рукой снимет. Рост? Наш гимнастический прибор через каждые шесть месяцев увеличивает рост на два вершка. Через два года вам уже можно будет жениться, а через пять лет вас можно будет уже показывать. А вы мне говорите — рост...

Хозяин (*нервно*). Ничего мне не нужно. Простите, но вы мне действуете на нервы...

Цацкин (*радостно*). На нервы? Так он молчит... Патентованные холодные души, могущие складываться и раскладываться... Есть с краном, есть с разбрызгивателем. Вы — человек интеллигентный и очень мне симпатичный... Поэтому могу посоветовать взять лучше разбрызгиватель. Он дороже, но...

Хозяин бегает по комнате, хватаясь за голову.

Чего вы хватаетесь? Голова болит? Вы только скажите: сколько вам надо тюбиков нашей пасты «Мигренин» — фирма уж сама доставит вам на дом.

Хозяин (*закусывая губу*). Извините, но прошу оставить меня. Мне некогда. Я очень устал, а мне предстоит еще утомительная работа — писать статью...

Цацкин (*сочувственно*). Утомительная? (*Задумывается.*) Я вам скажу — она утомительная потому, что вы до сих пор не приобрели нашего раздвижного пюпитра для чтения и письма. Нормальное положение, удобный наклон... За две штуки семь рублей, а за три — десять...

Хозяин (*в бешенстве*). Пошел вон, или я проломлю тебе голову этим пресс-папье... (*Хватает с письменного стола пресс-папье.*)

Цацкин (*презрительно*). Этим пресс-папье? Этим пресс-папье?.. Вы на него дуньте — оно улетит. Нет, послушайте... Если вы хотите иметь настоящее тяжелое пресс-папье, так я вам могу предложить целый набор из малахита...

Хозяин (*нажимая кнопку электрического звонка. Злобно*). Вот сейчас придет человек, прикажу ему вывести вас.

Долгая пауза. Хозяин звонит снова.

Цацкин (*иронически*). Хорошие звонки, нечего сказать. Разве можно такие безобразные звонки иметь, которые не звонят. Гм... Позвольте вам предложить звонки с установкой и элементами за семь рублей шестьдесят копеек. Изящные кнопки...

Хозяин (*вскакивает с места, хватает Цацкина за рукав, тащит к дверям*). Идите. Или у меня сейчас будет разрыв сердца.

Цацкин. Это не дай Бог, но вы знаете, очень не беспокойтесь. Мы вас довольно прилично похороним по второму разряду. Правда, не будет той пышности, как первый, но катафалк, лошади, приличный хор...

Хозяин выводит его за двери. Запирает дверь на ключ и идет к столу, утирая со лба пот... Пауза. Через полминуты дверная ручка шевелится, дверь вздрагивает и отворяется. Робко, застенчиво, на цыпочках входит Цацкин.

В крайнем случае, могу доложить, что ваши дверные замки никуда не годятся... Они, извините, отворяются от простого нажима. (*Топчется на месте. Робко.*) Хорошие английские замки вы можете иметь через меня — полированный металл, беззвучный ключ — один прибор два рубля сорок копеек, за три — шесть рублей пятьдесят копеек, пять штук девять рублей, а восемь...

Хозяин (*вцепившись руками в свои волосы, смотрит на Цацкина, стукнув кулаком по столу, подскакивает к ящику, выдвигает его, выхватывает револьвер*). Эй, вы там! Сейчас я буду стрелять в вас.

Долгая пауза. Цацкин стоит в выжидательной позе, наклонив голову.

Чего же вы торчите?..

Цацкин. Ну? Стреляйте, пожалуйста.

Хозяин. Вы... Хотите, чтобы... я стрелял в вас?!

Цацкин. Конечно. Я буду очень рад. Тогда вы сможете убедиться в замечательном, превосходном качестве панциря от пуль, который сейчас надет для образца и который могу вам предложить. А? Легкость, изящество — полная непробиваемость. Одна штука восемнадцать рублей, две дешевле, три дешевле, а четыре совсем дешевле...

Хозяин (*бросает в угол револьвер, падает на стул; долго сидит так, положив голову на стол. Поднимает голову. Говорит устало*). Записывайте, черт нас с вами подери.

Цацкин с довольной улыбкой вынимает записную книжку.

Цацкин. О! это так!

Хозяин. Записывайте: мигренин, пюпитр, прибор для ращения ушей, панцирь от жен, дверные ручки для пресс-папье и катафалк на две персоны с разбрызгивателем... Все! Все! Все давайте. Все покупаю... Слышите?.. (*Злобно рычит.*)

Цацкин (*записывая*). Ну, вот, видите... Я же говорил, что вам нужно ....
....

Занавес

КОНЕЦ ЛЮБВИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Судья.
Девица Глафира Мучкина.
Газетчик Прохор Безоглядов.
Мать девицы Мучкиной.
Сторож.
Публика.

Действие происходит у судьи.

Судья. Ваше имя, сударыня?

Мать Глафиры. Глафира ее зовут, господин судья. Глафира Мучкина.

Судья. Помолчите, свидетельница. Глафира Мучкина? А ваше имя, обвиняемый?

Мать Глафиры. Прошка, господин судья.

Судья. Что-о?!

Мать Глафиры. Прошка, говорю. Прохор Безоглядов, чтоб ему пусто было!..

Судья. Еще раз говорю вам, помолчите. Ваше имя?

Безоглядов. Прохор же! Мы Безоглядовы. Газетчики! Как же-с... Помилуйте!

Судья. Вы, Глафира Мучкина, обвиняете Прохора Безоглядова в отказе жениться на вас, вопреки его обещанию, и, кроме того, предъявляете к нему гражданский иск в сумме сто десять рублей.

Глафира. Да-с.

Судья (*обращаясь к Безоглядову*). Меня удивляет ваше поведение, Прохор Безоглядов. Вы встречаете молодую

доверчивую девушку, ухаживаете за ней, кружите ей голову, покоряете ее сердце и вдруг отказываетесь жениться на ней, разбивая всю, только что начавшую расцветать, жизнь... Подумайте о тех слезах, которые она пролила и еще прольет, подумайте о муках и терзаниях, которые в тиши ночной испытает она, чувствуя, что любимого человека нет, что она была для него лишь игрушкой.

Безоглядов (*пожимая плечами*). А вы спросите, господин судья, эту игрушку, куда она ехала на позапрошлой неделе в два часа ночи на извозчике, обнявшись с выпившим офицером, который при помощи пальца чикотал ей подбородок?

Судья (*сурово*). Как! Это правда? О времена, о нравы... Глафира Мучкина! Вы действительно ехали в ночное время с офицером на извозчике?!

Глафира. Он вовсе не офицер... Какой там офицер! Он чиновник из морского ведомства...

Судья. Так это правда? Вы этого не отрицаете и вместе с тем имеете... смелость жаловаться на него в суд за отказ жениться?! Да знаете ли вы, госпожа Мучкина, что каждый порядочный человек на его месте сделал бы то же!

Мать Глафиры. Да-с? Вы так думаете? Какие же это порядочные люди так делают?! Вот уж нечего сказать, времена пошли... Хучь ложись да помирай!.. Судья, судья, а говорит такое, что...

Судья. Замолчите ли вы, наконец?! Вы, Глафира Мучкина, предъявляете к нему иск, а подумали ли вы о тех бессонных ночах, о тех терзаниях и муках, которые испытал этот человек, представляя себе вас, любимую им девушку, в объятиях другого?

Глафира. Какие вы гадости говорите, господин судья. Очень даже стыдно. А ежели он тянул, тянул, то какая моя причина? Я ведь девушка молодая — это тоже должны понять. Тянул, тянул, вот и дотянулся.

Безоглядов. Вы, Глафира, говорите чистейшей воды юрунду. Вы знаете, почему я тянул: меня обещали в артель взять помощником старосты, с увеличением содержания на двенадцать рублей ежемесячно. Это не шутки!

Судья. Ввиду того, Глафира Мучкина, что ваша жалоба на отказ Безоглядова жениться не имеет под собой никакой почвы, а гражданский иск имеет, как я думаю, не фактическое, а только моральное значение и может быть объяснен лишь гневом на вашего бывшего жениха, я нахожу нужным прекратить дело.

Глафира. Ах! (*Падает в обморок.*)

Мать Глафиры. Вот вам!.. Довели девушку. Нечего сказать, судья тоже... Да я бы таких судей, если бы на то моя воля, да если бы мне сказать правду...

Судья (*Глафире*). Успокойтесь, ради Бога! Сторож, дай воды. Сударыня! Умоляю вас, придите в себя...

Сторож дает воду.

Ну, вот, так... лучше вам? (*В сторону.*) Как она его любит! Все-таки подобную искреннюю непосредственную любовь только среди народа еще и встретишь... (*К Глафире.*) Успокойтесь, сударыня! Ну, чего там... Встретите на своем жизненном пути другого, более достойного избранника...

Глафира (*очнувшись*). Ишь ты, какой вы ловкий! А деньги?

Мать Глафиры. Да-с, а деньги?! Этак тоже, знаете ли, всякий будет успокаивать... Да я бы...

Судья. Ради создателя — помолчите!! О каких деньгах вы, Глафира Мучкина, говорите?

Глафира. Как о каких? Вот это мне нравится!

Мать Глафиры. Да уж, знаете... Еще и спрашивают...

Судья. Помолчите же!! Что это еще за деньги? Какие?

Глафира. А сто-то десять рублей!!

Судья. Господи помилуй! Да за что же? Это только в Англии и Америке женихи платят пострадавшим невестам за отказ жениться, а у нас такого закона нет...

Глафира. В таком случае пусть он отдаст мне свою руку!

Судья. Простите, сударыня, но этого я не могу заставить его сделать... Да и зачем вам рука без сердца? Зачем форма без содержания? Брак, настоящий брак, должен быть основан не на принуждении и неохоте, а на влечении сердца и взаимном согласии... А без согласия — что это, сударыня, будет за жизнь... Мало ли примеров видим мы... Так что зачем его рука вам, раз сердце отсутствует.

Глафира. Как зачем? Да она мне, может быть, на что-нибудь пригодится!

Судья (*изумленно*). Кто?! Что?!

Глафира (*спокойно*). Да рука же!

Судья. Какая рука?!..

Глафира. Его. Левая рука. Даром я, что ли, за нее восемьдесят рублей выбросила?

Судья (*трет голову*). Позвольте, позвольте... Что такое вы говорите? Что за вздор? Какие восемьдесят рублей?

Глафира. Кровные мои денежки, покорно вас благодарю. У маменьки взяла... Думала, он окажется, порядочным — пусть, мол, с рукой ходит, а он оказался, извините, свинья свиньей.

Мать Глафиры. Да уж... Послал господь человечка! Чтоб ему на том свете не видать...

Судья. Помолчите же, черт возьми!.. Прохор Безоглядов... Не объясните ли вы...

Мать Глафиры (*ворчливо*). Судья, судья, а ругается, черта поминает!.. Нечего сказать...

Судья. Я вас прикажу вывести, если вы не замолчите!.. Безоглядов... О чем толкует ваша бывшая невеста? О какой руке?..

Безоглядов. О деревянной, извините.

Судья. При чем тут рука?

Безоглядов. А как же-с! Вот она! (*Поднимает правой рукой свою левую, хлопает по ней.*) Деревянная, господин судья. У меня трамваем в позапрошлом году полруки отчекрыжило.

Судья. Ф-фу! Вы что же, значит, Глафира Мучкина... Ему на свой счет искусственную руку приставили?

Глафира. Ну да же! Восемьдесят рублей, как это вам понравится! С пружиной. Я еще раньше думала без пружины купить, а потом, думаю: мне же с ним жить придется, пусть уж с пружиной будет...

Судья. Вы признаете, Безоглядов, что ваша невеста на свой счет поставила вам руку?

Мать Глафиры. Еще бы ои не признал! Да я б его...

Судья. Вас не спрашивают! Признаете, Безоглядов?

Безоглядов. Да-с... Только ведь и я тоже: и в «зоологию» ее, и туда, и сюда... На «поплавке» раза два ужином угощал... И маменька тоже всегда за нами таскалась...

Мать Глафиры. Таскалась! А? Как это вам нравится? То сам приставал, тянул меня, а теперь — таскалась...

Судья (*в отчаянии*). О, господи, замолчите ли вы?! Безоглядов! Скажите... Гм... ваша рука снимается, или она прикреплена наглухо?

Безоглядов (*неохотно*). Отвинчивается. Да что ж, она ее у меня снимет, что ли?

Глафира. И сниму! А ты что думаешь — не сниму? Церемониться буду? С какой же это стати свои восемьдесят рублей дарить всякому встречному-поперечному?

Судья. Конечно, вы вправе отобрать у него подаренную вещь, или, в данном случае, отвинтить руку, но я должен вас спросить: на что вам эта рука? Ведь она здоровому человеку совершенно не нужна.

Глафира. Нет нужна!

Судья. Да для чего же?

Глафира. Вот нужна и нужна! И кончено!

Судья. Не понимаю... (*Язвительно.*) На нос вы ее себе оденете или пол будете ею подметать?

Глафира. Это уж мое дело! Может быть, я найду другого человека, который больше заслужит ее, чем этот... субъект!

Судья (*нервно вскакивает*). Безоглядов! Отвинтите руку и отдайте ей.

Безоглядов (*ядовито*). Сделайте одолжение! Получайте, госпожа Глафира Ильинишна! Можете ее своему морскому чиновнику на спину пришить!

Глафира. Глупо.

Безоглядов. Или верхом на ней по улице ездить...

Глафира. Глупо.

Безоглядов. Не всем же быть, извините, умными! (*Отвинчивает руку, отдает Глафире.*) Да-с... мы, конечно, дураки... Так, значит, подарки нынче отбираются? Слышите, мамаша? Значит, выходит, господин судья, — всякий человек может свой подарок отобрать?

Судья (*пожимая плечами*). Да. Если одариваемый не высказал должной, по мнению дарителя, благодарности.

Безоглядов (*зловеще улыбаясь*). Ага,.. Так? (*Приближается с молодцеватым видом к старухе Мучкиной.*) Ну-с, мамаша... Пожалуйте! Вынимайте-с!

Мать Глафиры (*растерянно*). Чего тебе, бесстыдник? Отвяжись!

Безоглядов (*руки в боки*). Как это так — отвяжись? Что ж, мне зубной техник их даром делал? Вынимайте, вынимайте, мамаша!

Судья (*в недоумении*). В чем дело?!

Безоглядов. А как же-с! Зубы мои у нее во рту. Обе челюсти я ей презентовал. Мне техник хучь и по знакомству делал, но за матерьял-то... я ведь платил? Давайте, мамаша. А то сам вытащу.

Судья. Черт знает что! И это взрослые, солидные люди... Боже, какая грязь... Сколько грязи, господи!..

Безоглядов. И верно, что грязь. Взяла зубы, да и держит, как ни в чем не бывало...

Судья. Да на что они вам, эти несчастные челюсти?

Безоглядов. Нужны-с! Может, я их сам носить буду!

Судья (*с отвращением*). Да ведь челюсти по мерке делаются... Куда ж они вам?

Мать Глафиры (*всхлипывает*). Бесстыдник! Право, бесстыдник, У самого рот — полон зубов, а он у старухи последние отнимает.

Глафира (*похлопывая по ладони жениховой рукой*). Мужчины нынче пошли! Женщине в рот залезть готовы... Хи-хи...

Безоглядов. Нечего, нечего, мамаша, прохлаждаться... На свои потом закажете... Вынимайте!

Мать Глафиры. Господь тебя накажет, разбойник! (*Утирая слезы, вынимает челюсти, швыряет их жениху и опускается с похудевшим лицом на скамью.*)

Судья (*иронически*). Обменялись? Теперь-то, надеюсь, дело я могу прекратить?

Мать Глафиры (*вскакивает, начинает размахивать руками*). Пррр... Хррр...

Судья. Что еще? Что такое? Вы даже теперь не можете дать мне покой?

Мать Глафиры. Пррр. Мд... Мм...

Судья. Вы хотите сделать какое-то заявление? (*Нерешительно.*) Гм... Позвольте... Ну, мы сейчас это сделаем... Господин жених! Одолжите ей на минутку челюсти...

Безоглядов. Вот еще! С какой стати?!

Судья. Да она только скажет, что нужно, и опять вернет их...

Безоглядов (*с презрением*). Что она там скажет, господин судья... Наверно, какую-нибудь глупость... Не стоит ей давать.

Судья. Боже, боже мой... Какой ужас! Безоглядов! Я вижу, вы человек без сердца! Ведь вам же сейчас вернут вашу вещь!

Безоглядов. Да... вернут! Скажет она на меня какую-нибудь гадость, да я же ей еще и челюсти одалживай... Ну на, мамаша. Не проглоти только!

Мать Глафиры (*прилаживает челюсти, говорит ехидно*). Глашенька! А ты у него золотой мардальон отобрала? Который иделан сердцем? Ты отбери его — пусть знает, паршивец.

Глафира. Ах, да! Совсем было из ума вон... Как вам это нравится? Отдавайте мне мой медальон — золотое сердечко, который я вам подарила... Ишь ты, молчит сам!

Безоглядов. Я вам говорил, господин судья, что старуха ничего путного не скажет. Так и знал — каверзу подстроит. Да моими же челюстями! (*Отстегивает брелок, бросает невесте. Потом обращается к ней, зловеще.*) Шляпку!

Глафира. Ах, сколько угодно... Как вам это нравится? Жалею даже, что таскала эту дрянь... Огород несчастный! На! Нацепи ее себе на голову!

Судья (*страдальчески*). Боже! Какая грязь, какая пошлость.

Глафира. И верно, что пошлость... Шляпка ему моя понадобилась... (*Вдруг устремляет внимательный, пронзительный взгляд на грудь жениха... Тот ежится.*) А... голубчик... Думал, что забыла? Отдавай галстух.

Безоглядов (*снимает галстук*). Мамаша! Зубки обратно! Думаете, в суматохе — так и удрать можно. А вы, Глафира Ильнишна, скажите вот что... Чьи это ботиночки на ваших ножках? Кто их покупал?

Глафира. Как вам это нравится? Да ведь пополам же покупали! По три рубля сложились тогда — ты и подарил.

Безоглядов. Не могу ли я получить свою половину, уважаемая?

Судья (*бешено*). К черту! К черту! Я вас вышвырну, если вы не уйдете! Дело прекращено!!! Вы получили руку и сердце? Убирайтесь! (*Прячет голову в руки, сидит молча.*)

Безоглядов. Виноват, господин судья. Нужно сделать как следует... Любовь не картошка!

Отходят в угол, злобно шепчутся; Глафира снимает башмак, старуха стаскивает с жениха жилетку, сдирает с рукава пиджака заплатку, он у нее — черный платок с головы. Нагруженные вещами, полураздетые, уходят; сзади плетется, подпрыгивая на одной ноге, невеста.

Судья (*кричит рассыльному*). Трофим! Скажи домой по телефону, чтобы мне приготовили ванну!!

Занавес

ЮБИЛЕЙ АНТРЕПРЕНЕРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сверкалов, антрепренер.
Ляписов, режиссер.
Лучезарская, Эрастов, Карабахский — актеры.
Суфлер.
Бильбокеев, театральный завсегдатай.
Вторые актеры и актрисы.

Большая комната, убранная по-праздничному. Посредине длинный стол, уставленный закусками и винами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бильбокеев (*входя*). Никого еще нет... Странно... Ужасно неудобно являться раньше всех. (*Смотрит на часы.*) Чествование назначено на девять часов, теперь уже четверть десятого, а еще нет ни актеров, ни юбиляра... Странно... Вот кто-то, кажется, идет...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Эрастов — драматический любовник.

Бильбокеев (*идет ему навстречу*). Кажется, господин Эрастов? Позвольте представиться, Бильбокеев. Страст-

ный театрал и большой поклонник вашего таланта. Рад познакомиться!

Эрастов. Очень рад... очень рад. (*Жмет руку.*)

Бильбокеев. Знаете, я страшно интересуюсь артистами и их бытом. Какая интересная жизнь, не правда ли? Все артисты такие душевные, ласковые, талантливые...

Эрастов (*снисходительно усмехаясь*). Ну уж и талантливые...

Бильбокеев. Не скромничайте!

Эрастов. Уверяю вас! Разве этот старый башмак имеет хоть какую-нибудь искру? Ни малейшей!

Бильбокеев. Какой... старый... башмак?!!

Эрастов. Карабахский! Я говорю об этом бездарном осле Карабахском.

Бильбокеев. Зачем же ему режиссер в таком случае поручает ответственные роли?

Эрастов. Дитя! Вы ничего не знаете... Да ведь режиссер живет с его женой! А сам он пользуется щедротами ростовщицы Поливаловой, которая родственница буфетчика Илькина, имеющего на антрепренера векселей на четыре тысячи!

Бильбокеев. Какой негодяй! И с таким человеком должны играть бок о бок вы и эта милая, симпатичная Лучезарская!

Эрастов. Героиня? Да ей-то что! Она сама живет с суфлером только потому, что тот приходится двоюродным братом рецензенту Кулдобину. Фруктец, я вам скажу. Со всяким, кто ей десятирублевую бумажку покажет, — убежит... Ей комическая старуха Агренева-Мяткина давно уже руки не подает!

Бильбокеев (*растроганно*). Смотрите-ка! Комическая старуха, а какая благородная стыдливость...

Эрастов. Она не потому. Просто у Агреневой был любовник на выходах, Клеопатров, которого она содержала, а Лучезарская насплетничала, что он в бутафорской шлем украл, — его и уволили. Вообще, Лучезарская — это такой типец, я вам доложу.

Входит Лучезарская.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Эрастов. А, мамуля! Здравствуй. Мы тут о тебе как раз сейчас с Бильбокеевым говорили.

Лучезарская. Спасибо, милый. Очень рада с вами познакомиться. Часто бываете в нашем театре?

Эрастов. Благословляю вас! Воркуйте, как голубки. (*Отходит в сторону.*)

Лучезарская. Вы, конечно, не поверили ему, что я обобрала ротмистра Бугаева?

Бильбокеев. Он не об этом... говорил, простите...

Лучезарская. Ну, все равно. Кстати, он у вас взаймы не просил?

Бильбокеев. Нет еще. А что?

Лучезарская. Больше синенькой не одолжайте — все равно не отдаст. Эрастов и Карабахский — это такие зловредные нарывы на теле нашего родного искусства...

Влетает Карабахский.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карабахский. Те же и Карабахский! Что так мало народу? А почтенного юбиляра еще нет?

Эрастов. Рано... Сейчас наши соберутся, тогда и юбиляра притащим.

Бильбокеев (*Карабахскому*). Позвольте представиться, Бильбокеев, — страстный любитель театра и ваш поклонник...

Карабахский. А вы не рецензент?

Бильбокеев. Нет... Хотя, знаете, однажды согрешил пером. Написал корреспонденцию в «Театральную газету».

Карабахский (*весьма ласково*). А! Очень, очень рад познакомиться! Вы были вчера на спектакле? Видели меня? Ну, как? Прекрасно я играл? Нет? Да... Я мог бы прекрасно играть, но не здесь, (*на ухо*) я мог бы играть, но не с этим Эрастовым. Знаете ли вы, что этот человек в диалоге невозможен? Дубина — страшнейшая, перехватывает реплики, комкает слова и своими дурацкими позами отвлекает внимание публики...

Лучезарская (*кокетливо*). О чем вы там шепчетесь? В обществе не принято секретничать (*Бильбокееву.*) Пойдемте со мной! Разве можно оставлять даму? (*Отводит его в сторону и говорит шепотом.*) Не слушайте этого пьяницу! Он, вероятно, Бог знает что наговорил вам обо мне?

Бильбокеев. Нет, ничего... Право же, ничего...

Лучезарская. Рассказывайте! Все они хороши!.. Товарищи, черт бы их побрал!..

Входит режиссер Ляписов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ляписов. Однако публика, я вижу, собирается туго. (*Здоровается со всеми.*) А где же наш почтеннейший юбиляр?

Эрастов. Бес его знает, где... Сидит, вероятно, в другой комнате и ждет, когда его позовут.

Входят актеры и актрисы.

Ляписов. Господа, так вот нам все-таки нужно выработать порядок чествования...

Карабахский. Какой там, к черту, порядок? Какой может быть порядок, когда тошнит от голода? (*Оглядывает стол.*) А тут такой аппетитный закусон... и водочка холодненькая, мамочка... И винцо... (*Смотрит на этикетку.*) Винцо, правда, неважное... Дрянь винцо... И тут, сквалыга, пожалел денег! Раз в двадцать пять лет справляет свой юбилей и жадничает, черт бы его драл!..

Ляписов (*хлопает в ладоши*). Ну, будет, будет! Надо все-таки выработать программу чествования и, так сказать, ознаменовать этот юбилей. Прошу садиться, господа, прошу садиться... Я, так и быть, буду председательствовать... И примем сейчас какое-нибудь решение. Давно следовало бы это сделать, да некогда было... Так хоть теперь...

Лучезарская. По-моему, следует устроить танцевальный вечер... и сюрпризы какие-нибудь...

Ляписов. Да? Танцы? Сюрпризы? Не-у-же-ли? Тоже предложение, нечего сказать!.. Даже удивительно, считал вас за культурного человека, а вы...

Эрастов. Не касайтесь, господа, личностей, не касайтесь личностей!

Лучезарская (*громким шепотом*). Дурак!..

Ляписов. Так вот, господа... Вносите ваши предложения.

Карабахский. Господа, давайте отметим этот юбилей, этот, так сказать, светлый праздник, каким-нибудь культурным образом...

Суфлер (*тоскливо*). К столу бы!
Ляписов. Что?
Суфлер. К столу, говорю...
Ляписов (*раздраженно*). Успеете... Не перебивайте, черт возьми! Так что же вы предлагаете, Эрастов?
Эрастов. Можно бы учредить кровать его имени...
Ляписов. То есть?
Эрастов. Ну... просто учредить кровать...
Ляписов. Да какую же кровать?
Эрастов. Это ваше дело... Я только предлагаю. Я слышал, что... вот, кровати учреждают...
Карабахский. Нет, вы скажите, что вы под этим подразумеваете?!
Эрастов. Да чего вы пристали?! Учреждают же другие кровати чьих-нибудь имен...
Карабахский. Учреждают-с... но как? Известно ли вам это?
Эрастов. Это делается очень просто... собираются деньги и учреждается кровать...
Ляписов. Хорошо-с... Скажем, собрали мы сорок рублей наличными деньгами и вручили вам... Какой способ вы изберете для учреждения кровати?
Эрастов (в *страшном затруднении*). Ну, тогда я иду... иду...
Ляписов. Куда же вы идете?
Эрастов. Иду... с целью, конечно, учредить кровать (*с пафосом*) имени незабвенного Кузьмы Федоровича Сверкалова, нашего почтенного антрепренера и юбиляра...
Карабахский. Э, нет! Вы не увертывайтесь! Вы нам расскажите, как вы будете учреждать кровать?
Эрастов. Да что вы ко мне пристали?
Ляписов. Вы же предложили, вы и объясните нам! Вы, может быть, думаете, что нужно на эти сорок рублей приобрести кровать и, находясь в подпитии, спать на ней?
Эрастов (*раздраженно*), Сами на ней спите! Вам оно нужнее!
Ляписов (*вспыльчиво*). Что-с?! Я, выходит, по-вашему, пьяница?
Эрастов. Прошу на меня не кричать! Я ведь и сам могу дать по морде!
Лучезарская. Перестаньте, господа, что вы?! Как вам, право, не стыдно? Такой день — и вдруг драка!..

Суфлер (*тоскливо, среди общего молчания*). К столу бы!

Карабахский. И в самом деле, бросьте, господа! Ясное дело— эти обсуждения ни к чему хорошему не приведут. К черту кровати! Давайте лучше позовем юбиляра, а там и водочки можно дребалызнуть...

Голоса. Юбиляра! Юбиляра! В самом деле! К черту кровати!

Ляписов. Ну, раз большинство настаивает на закрытии заседания, я повинуюсь... Госпожа Лучезарская, — к юбиляру!

Уходит с Лучезарской.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гости выстраиваются у входной двери. В дверях показывается Сверкалов, поддерживаемый под руки Лучезарской и Ляписовым. Его встречают аплодисментами. Сверкалов, взволнованный, обходит всех, пожимает руки и целуется.

Сверкалов. Семен Иваныч! Низкое спасибо за то, что ответили на мое скромное приглашение! Вася! Здравствуй! Низкое спасибо за то, что... скромное приглашение... вспомнил... Григорь Григорич! Низкое спасс... за приглашение... скромная память... Василий Пантелеймонович! Низкое... ничего, что насморк, поцелуемся... Скромное приглашение... низкое спасс... Игнатов!..

Карабахский (*громко*). Многия лета нашему, почтенному юбиляру, честнейшему антрепренеру, редкому товарищу и замечательному человеку! Ура!

Все. Ура!

Сверкалов (*очень взволнованный*). Спасибо... господа... товарищи... Никогда не забуду... и прочее... Пожалуйте, дорогие гости, к столу... Перекусите чего-нибудь... У меня очень невзыскательно... уж извините...

Карабахский. Чего там!.. Молчи уж.

Все с шумом усаживаются за стол, юбиляр посредине.

Ляписов. Первый бокал, то бишь рюмку, я позволю себе предложить за нашего драгоценного юбиляра...

Все. Ура!

Сверкалов. Спасибо... господа, спасибо... Кушайте на здоровье, кушайте... Рекомендую вам эту закуску... Вы

не смотрите, что она такая неаппетитная... Гм... Гм... Кстати, читали вы вчера в газете о том, как пьяный фельдшер съел кашу, вынутую для исследования из кишок отравленного... Занятнейшая история! Вот я сейчас вам расскажу...

Лучезарская. Ах, не надо, не надо! Я такая впечатлительная!..

Суфлер. А мне вот все равно... За ваше...

Сверкалов. Вот холодные котлетки... Кушайте, господа, кушайте!.. Не стесняйтесь! Ха-ха-ха! У меня с котлетками связано, так сказать, воспоминание юности... Кушал я как-то в кухмистерской вот такую точно котлетку и вдруг, представьте, вижу, ползет по ней большой-пребольшой червяк. Я нечаянно разрезал его ножом и... ха-ха-ха!.. Кушайте, прошу вас...

Ляписов (*бросая вилку*). И что вы такое говорите, право?! Спасибо, мне не хочется есть... Я вот лучше красненького винца выпью.

Сверкалов (*радушно*). Пейте, пейте, голуба, хорошее винцо, итальянское! Правда, эти канальи итальянцы давят сок ногами, не совсем безукоризненными в смысле чистоты, но если сравнить с нашим русским вином, в котором попадаются дохлые крысы...

Лучезарская. Нет, нет, не наливайте мне вина! Ради Бога! Я не хочу...

Бильбокеев. И я, если позволите, уж лучше выпью беленького, русского... И еще, если позволите, я скажу слово...

Все. Просим, просим!

Бильбокеев (*волнуясь, откашливается и поправляет галстук*). Кге!.. Милостивые государыни и милостивые государи! Позвольте мне, скромному летописцу русского театра, сказать несколько слов о том, к кому сегодня прикованы все любящие восторженные взоры, о том, кто сейчас сидит со скромно опущенной талантливой головой, одним словом, об антрепренере здешнего театра, Кузьме Федоровиче Сверкалове! Кузьма Федорович! Позволь тебе поклониться от имени зрителя и принести нашу теплую благодарность за те минуты незабываемого, трепетного восторга, которые мы переживали в этом театре, превращенном твоим

гением в светлый храм искусства. Пусть в этот день все узнают и услышат о тебе правду, — о тебе, чутком, умном художнике, обаятельном товарище и кротком, милосердном человеке к младшей актерской братии... Ура!

Все. Ура! Ура!

Сверкалов. Спасибо, господа!.. Я так растроган, так растроган!,. Чем я только заслужил?.. Правда, должен сказать, что здоровья не жалел, чтобы все всегда было как следует..

Карабахский (*стучит ножом по тарелке*). Прошу слова! Прошу слова!

Все. Тсс... Слушайте! Слушайте!

Карабахский. Многоуважаемые собравшиеся! Здесь говорили сейчас о маститом юбиляре — гордости русской сцены! Да! Он этого вполне заслуживает... Но не забудьте же и о нас, о тех скромных, трудолюбивых муравьях, с помощью которых достиг уважаемый юбиляр своего величия и значения! Не забудьте, господа, и о нас, об актерах — строителях этого храма, руководителем и вдохновителем которых был юбиляр... За нас я поднимаю свой бокал! Господа! За здравие актеров!

Все. Ура!

Ляписов. Позвольте, господа, позвольте! Так нельзя... Позвольте и мне сказать слово... Я тоже хочу сказать... Все говорят, а мне нельзя?

Все (*пьяно-равнодушными голосами*). Просим! Просим!

Ляписов. Господа! Сейчас здесь мой многоуважаемый оппонент говорил об актерах, назвав их строителями храма, рабочими, если так можно выразиться, подрядчиком которых, вдохновителем которых был юбиляр. Нет, господа! Настоящим вдохновителем и творцом всего являюсь я — режиссер — гениальный полководец этой разнокалиберной армии, и за себя поднимаю я свой бокал! А юбиляр — это просто... ну... большая финансовая сила, которая сумела организовать коммерческую сторону предприятия!..

Все (*шумно*). Ура!!

Суфлер (*совершенно пьяный*). Ляписов, дружище!.. Поцелуемся... Может, мы уж больше никогда не увидимся... Я уже и теперь тебя почти не вижу...

Лучезарская. Раз все говорят, то позвольте и мне сказать слово... Я тоже хочу... Нет, вы меня не останавливайте! Я скажу все, что я думаю.

Эрастов (*пренебрежительно*). Пусть говорит!

Лучезарская. Здесь говорили об уважаемом юбиляре как об организаторе деловой, коммерческой стороны предприятия. Откуда оратор это взял? Позвольте мне, господа, поднять бокал за истинную вдохновительницу и доброго гения коммерческой части нашего театра — купеческую вдову Агнию Стечкину, которая, к сожалению, сейчас доведена болезнью до печального пребывания в доме для умалишенных. Ура!

Все. Ура!

Сверкалов (*растерянно*). Позвольте, господа... Что же это такое?.. Выходит, что я... как будто и не юбиляр... как же так... Извините-с!

Ляписов (*заметно опьяневший*). Подожди!.. Еще не то услышишь... Господа! Здесь говорили о болезни многоуважаемой купеческой вдовы Стечкиной, о болезни, которая довела ее до сумасшедшего дома. Так... Болезнь довела ее до сумасшедшего дома, а кто или что довело ее до болезни? Не то ли предприятие, организатора которого мы здесь чествуем? И я считаю своим долгом выпить за то, чтобы наступили те светлые времена, при которых подобные вещи казались чудовищными, а не собирали бы здесь толпу идиотов, инертно любующихся на развал искусства... Да здравствует будущее, когда все антрепренеры из волков превратятся в овец!..

Все. Ура!

Ляписов. Постойте, черт вас возьми, я еще не кончил! Будем пить за то время, когда сгинет тип антрепренера-кулака! Чтобы вывелись эти грабители, эти канальи. Конечно, о присутствующих мы из вежливости не говорим, но самое лучшее, господа, выпьем и молчок. И мол-чок!! Черт с ним! Ура!

Все. Ура!

Эрастов (*с трудом поднимаясь*). Эх, долго я молчал! (*Бьет себя кулаком в грудь.*) Долго я терпел, теперь и я скажу!.. Все скажу! Все!.. Предыдущий оратор сказал фразу: «о присутствующих не говорим»... Да почему? Вот я, например, имею мужество сказать в лицо юби-

ляру: куда ты девал залоги театральных служащих? Почему второй актер Беззубов пытался отравиться и не отравился только потому, что у него не было на отраву денег, — потому что ты ему не заплатил ни копейки! Почему бездарная лошадь Паникадилова играет первые роли? Почему я с тебя уже три месяца не могу получить двухсот рублей? Тебе кричали «ура»? Нет, брат, нужно кричать «караул»!

Все. Ура! Караул!!

Суфлер. Да разве с этой свиньей словами можно? Заехать ему в ухо покруче, чтобы он знал!.. Сеня, ты сидишь ближе к нему, — дай-ка ему что полагается...

Сеня хватает антрепренера за шиворот. Общая свалка. Стол падает ....

....

Занавес

НАСТОЯЩИЕ ПАРНИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михаил Петрович Дыбин.
Гарри.
Господин Вилкин.
Госпожа Вилкина.
Серж.

Спальня. Будуарная мебель, обстановка уютная, комната небольшая, кровать, ширмы.

Входят Гарри и Дыбин.

Дыбин. Ну, вот мы и дома!

Гарри. Однако у вас довольно странная манера — открывать отмычкой дверь в собственную квартиру...

Дыбин. Что делать, милый... У каждого неординарного человека бывают странности... На, возьми пальто... Пожалуйста, не гримасничай... Не ломайся, ради Бога! Помни, что так или иначе, а ты мой слуга.

Гарри (*печально*). Да... слуга... (*С досадой.*) И дернула меня нелегкая играть с вами на бильярде! (*Снимает и уносит пальто Дыбина.*)

Дыбин. Теперь, милый мой, поздно жалеть... Надо было раньше подумать.

Гарри возвращается.

Посуди сам, если ты проиграл все, что у тебя было ценного, — что у тебя осталось? Твое тело и твои

здоровые руки... Я и придумал сыграть с тобой на месяц службы у меня... Ты проиграл — и нечего тебе ломаться!.. Ты мой слуга! Баста!..

Гарри. Слушаю-с! И подумать только, что я проиграл вам все... ну решительно все!.. А на последнем шаре в последней партии продул даже свободу. Гм... Да! (*С увлечением.*) Однако, черт возьми, и играете же вы на бильярде!

Дыбин (*самодовольно*). Да, могу сказать... Однако как тебя зовут, мой милый?

Гарри. Григорием.

Дыбин. Ладно. Я буду называть тебя Гарри. Гарри! Дай мне спичку! (*Закуривает и потягивается.*) Эх!.. Дьявольски устал... Твоя служба далась мне нелегко... Вот что, Гарри, мне хочется поболтать с тобой. Садись. Сегодня я разрешаю тебе держаться со мной, как с равным... Слуга на сегодня — к черту...

Гарри (*разваливаясь на другом диване*). К черту так к черту!.. (*Закуривает.*)

Дыбин. Гарри!

Гарри. Что?

Дыбин. Ты мне нравишься...

Гарри. Ну-у? Спасибо. Очень рад.

Дыбин. Может, ты, Гарри, интересуешься знать, кто я такой? Я, брат, уфимский помещик Михаил Петрович Дыбин... Да... помещик я. Две тысячи десятин земли, имение, мельница, образцовый питомник.

Гарри (*равнодушно зевая*). Две тысячи? Удобной много?

Дыбин. Много.

Пауза. Дыбин хохочет. Гарри смотрит на него, улыбаясь.

Нравишься ты мне, Гарри. Ты настоящий парень! Знаешь, Гарри, я соврал тебе. Никакой я не помещик, и земли у меня удобной нет. В этом смысле вся земля нашей планеты для меня неудобная, потому что не моя. Меня смешит, откуда это я про питомник взял? Скажешь — и сам не знаешь, как это оно вышло...

Гарри (*снисходительно улыбаясь*). Ничего, Миша, ты меня не обидел этим...

Дыбин. Да, брат... где там мне быть помещиком? Живу я с того, что имею в Одессе дом. Купец я. Домина доходный, на Арнаутской улице... Только управляющий жулик.

Гарри (*равнодушно*). А ты его прогони...

Дыбин. Прогоню... (*Смотрит на Гарри, и оба смеются.*) Гарри, а ведь это я тебе соврал. Врешь вот и сам не знаешь — зачем?.. Никакой я не купец и не помещик, и дома у меня нет, и насчет управляющего я не имею права сказать дурного слова, потому что и управляющего-то нет... Гарри! Ты, я вижу, стоящий парень и без предрассудков... Знаешь, кто я?

Гарри (*добродушно*). Адмирал швейцарского флота?

Дыбин. Вор, Гарри, самый настоящий профессиональный вор! Но я этим, Гарри, не горжусь. Гордость — скверное мелкое чувство ничтожных натур. (*Смеется.*)

Гарри (*вставая*). Тогда я должен перед тобой извиниться: я принимал тебя, признаться, за парня другого склада. Если так, — получай. (*Дает Дыбину часы и булавку.*)

Дыбин (*изумленно*). Мои часы и булавка?!.. (*Ощупывает своей карман и галстук. Восторженно.*) Ну, знаешь, чисто сделано... Я и не почувствовал...

Гарри (*скромно*). Ну уж... Чего уж...

Дыбин. Ну, спасибо. В таком случае, я, по справедливости, должен вернуть тебе твое кольцо и часы. Потому что хотя они тобой и проиграны, но главным образом потому, что я потихоньку переложил пару твоих шаров к себе.

Гарри (*деловито*). Каких?

Дыбин. Четырнадцатый и десятый.

Гарри. Гм... Тогда я отбираю, конечно, часы. Потому что хотя я тоже переложил к себе, когда ты зазевался, два твоих шара, но это были девять и семь. Разница в мою пользу.

Пожимают друг другу руки.

(*Оглядывая комнату.*) Однако ты хорошо устроился!

Дыбин. Я, Гарри, всегда хорошо устраиваюсь. Всюду, куда я ни приеду, я устраиваюсь комфортабельно на диво.

Гарри. Как же ты это делаешь?

Дыбин. Опыт, Гарри, многократный опыт! Когда я приезжаю в какой-нибудь город, мне нужен только тяжелый чемодан и три рубля. Я еду в лучшую гостиницу и первым долгом, ни с того ни с сего, бросаю швейцару на чай последние три рубля. Затем требую самый дорогой номер. По гостинице дураком-швейцаром тотчас же распространяется слух, что приехал дьявольский богач. Непосредственно затем я спускаюсь в ресторан при гостинице, требую ужин, вина, фруктов, сигар — так рублей на двадцать. Это для того, чтобы сразу задолжать хозяину и чтобы ему было жаль потом со мной расстаться. Эти дураки всегда льстят себя надеждой получить долг. Ну, а потом, когда мне больше невмоготу, я бросаю свой чемодан на произвол судьбы и еду в другую гостиницу.

Гарри. Недурно! Запомним.

Дыбин (*сладко потягиваясь*). Ах, Гарри, из всех кирпичей, которые после моего отъезда обнаруживались в моих чемоданах, можно было бы к моему, юбилею построить небольшой, но доходный домик, хотя бы на Арнаутской улице... Однако к делу! Гарри, ты любишь женщин?

Гарри. Женщины зло, но я никогда не желал себе добра.

Дыбин. Так слушай, Гарри! Недавно я вступил в преступную связь с одной рябой кухаркой. Меня, нужно тебе сказать, привлекает не соблазнительная шероховатость ее лица, а ее господа и, главным образом, те маленькие штучки, которые лежат в ящике в этом шкафчике.

Гарри. Так мы, значит, не у тебя?

Дыбин. Не будь глупцом... Разве ты не видишь, что это спальня женщины...

Гарри. Так вот почему ты открывал дверь отмычкой...

Дыбин. Не будь институткой! Ты мне нужен... Слушай: оставляю тебя на десять минут здесь в полной безопасности. Будь умницей и остерегайся вещей бесценных и громоздких.

Гарри. А ты... куда?

Дыбин. Я буду внизу... у кухарки... Гарантировать твою безопасность. Дело самое серьезное.

Гарри. Ты разве с ней знаком?!

Дыбин. Я? Любовь! Форменная прочная страсть! Сегодня, впрочем, последнее свидание... (*Ласково.*) Ты торопись,

милый, потому что вернуться могут каждую минуту. Прощай... (*Целует его, нежно треплет по плечу.*) Трудись, Гарри. Труд возвышает. (*Берет свое пальто.*) Советую снять ботинки... Боюсь, внизу на кухне слышны шаги. Жду потом на углу, в ресторане «Гвоздь». Все?

Гарри. Все.

Дыбин. Понял?

Гарри. Понял.

Дыбин. Сделано?

Гарри. Сделано.

Дыбин уходит.

Браво! Хорошо. У хозяина есть нюх... Эти вещицы отлично скрасят нашу неприхотливую жизнь.

Голоса. Гарри останавливается. Хмурится.

Что такое?.. Хозяева! Черт возьми, неловко, если хозяйка застанет сейчас в спальне меня, незнакомого ей человека... (*Гасит свет.*) Ах, черт, да там и мужской голос!.. Неужели муж! (*Сжимает руками голову. Быстро лезет под кровать.*)

Входят жена Вилкина и Серж.

Жена (*целует Сержа. Раздевается*). Знаешь, Сержик, мой уважаемый супруг, вероятно, чрезвычайно изумляется, что я не устраиваю ему теперь сцен за карточную игру.

Серж (*снимая пиджак и ботинки*). Ха-ха! Как ты ухитрилась сплавить его из театра?

Жена. Сказала, что мне нужно отдать кухарке распоряжение и, кроме того, написать письма двум институтским подругам. Он и уехал с этим идиотом Крышкиным.

Серж (*обнимая и целуя ее*). Ты у меня умница!.. Широкий энциклопедический ум.

Гарри (*из-под кровати*). Боже! Как страдает моя нравственность.

Жена. А ты меня... никогда не разлюбишь?

Серж. Конечно никогда. С какой стати!

Жена. Не забудешь меня?

Серж. Нет, нет... Да раздевайся же!

Жена. А вдруг ты перестанешь меня уважать?

Серж (*нетерпеливо*). Да нет же! Ну, раздевайся!

Жена. Может быть, ты думаешь — я такая же легкомысленная, как другие?

Серж. Что ты! Тебя легко смешать с Жанной д'Арк! Разденешься ты или нет?

Стук в дверь.

Голос мужа. Маруся, ты спишь?

Жена. Боже мой! Муж!

Серж. Мы погибли!

Жена (*растерянно*). Боже мой! Что делать? Что делать? Прячься скорей! Вот сюда!.. За ширмы.

Серж прячется.

Муж. Ты не спишь, Маруся? (*Входит.*)

Жена. Не сплю, мое сокровище...

Муж (*целуя ее*). Отчего ты так бледна, моя жизнь?

Жена. Ничего. Здесь холодно.

Муж. Что ты! Здесь африканская температура!

Жена. Неужели? Значит, мне жарко.

Муж. Но ты дрожишь... Эге-ге! Что это за мужская шляпа здесь на стуле?

Жена. Какая шляпа? Это не шляпа.

Муж. Нет шляпа.

Жена. Жан! Это недоразумение... Клянусь тебе!..

Гарри (*вылезая из-под кровати*). Нет, Жан, это не недоразумение...

Жена вскрикивает в ужасе и прячет под одеяло голову.

Да... (*Спокойно и грустно.*) Я ее любил и люблю. Но умоляю вас, не обрушивайте свой гнев на эту кроткую страдалицу! Я виноват один. Если хотите, я дам вам всяческое удовлетворение.

Муж. Негодяй! Вы осмеливаетесь...

Гарри (*перебивая, твердо*). Сударь! Вы можете убить меня, но не оскорблять... (*Бормочет.*) Впрочем, я предпочел бы наоборот... (*Громко.*) Я ее любил... Но разве это вина? Где корень любви? Спросите цветок, оживающий под лучами росистого утра, спросите птичку...

Муж (*яростно*). К черту птичку...

Гарри (*спокойно*). Правда, если вы желаете, то это пернатое может быть удалено из ряда метафор без ущерба для доказываемой мной аксиомы...

Жена (*высовывая из-под одеяла голову*). Жан, поверишь ли ты мне, когда я тебе поклянусь, что не знаю этого господина?!..

Гарри (*сурово*). Маруся! Надо быть мужественной. Мы обманывали твоего уважаемого мужа, но мы же должны найти в себе смелость и сознаться в этом...

Жена. Но я вас не знаю!.. Как вы сюда попали?

Гарри. Я? Маруся! Неужели ты и сейчас будешь обманывать этого достойного человека? У меня и раньше было тяжело на душе, когда ты уверяла его, что едешь отдать распоряжение кухарке и написать ненаписанные письма мифическим подругам... Кроме того, ты непочтительно отозвалась о симпатичном приятеле твоего мужа, Крышкине, назвав его идиотом...

Муж (*угрюмо*). Сударыня! И вы еще осмелились назвать Крышкина идиотом?

Гарри (*возмущенно*). Да... Вы осмелились?..

Жена. Жан! Я схожу с ума! Он мне совершенно не знаком!..

Муж. Мужчина без сюртука в вашей спальне под кроватью — и вы в стороне?!.. Ха-ха-ха!

Гарри. Да... Мужчина без сюртука в вашей спальне — и вы в стороне?! Ха-ха-ха!.. Имейте мужество!

Жена истерически плачет.

Гарри (*гордо, мужу*). Итак, я к вашим услугам. Вот моя карточка. (*Дает карточку. В сторону.*) Карточка моего портного...

Муж (*яростно*). К черту карточку! (*Бросает ее на пол.*) Я с вами расправлюсь иначе... Вы попались и не пытайтесь отпираться...

Гарри (*хмурясь, другим тоном*). Ну, мне это уже начинает надоедать... Довольно!.. Слышите вы — довольно!.. Старый дурак!..

Муж (*яростно*). Да как вы смеете?

Гарри (*спокойно*). Что такое?

Муж. Он еще спрашивает, что такое?! С чужой женой, в квартире, за которую платит ее муж...

Гарри (*насмешливо*). У вас со своими дровами квартира?

Муж (в *страшном гневе*). Ах, так вы вот как?! Еще смеяться... (*Выхватывает револьвер.*) На колени, несчастный! Молись, пока не поздно! Даю тебе минуту сроку!

Гарри. Тссс... Не строй же дурака! (*Бросается к мужу, вырывает у него револьвер и больно бьет его по затылку.*)

Муж (*растерянно*). А... и ты же еще драться!.. Вот я сейчас кликну дворников — они тебе покажут...

Гарри (*отталкивая его от двери и запирая ее*). Э, нет, милый... Ты еще в самом деле сдуру накличешь дворников! Никуда я тебя не выпущу!

Муж (*сдавленным голосом*). Убирайся отсюда!

Гарри (*зевая*). Пора. Который час?

Муж (*хочет сказать что-то очень обидное, но, покосившись на Гарри и стиснув зубы, злобно говорит*). Пять минут десятого...

Гарри. Ого! Время-то как летит... Надо собираться. Послушайте, милый, как вас зовут... Я забыл вашу фамилию... Эй!.. Вас спрашивают! Как ваша фамилия?..

Муж (*с недовольным видом*). Вилкин! Вилкин моя фамилия... А еще за женой ухаживаете... а не знает...

Гарри. Так вот что, брат Вилкин, — не мотайся ты, голубчик, ради Бога, перед глазами. Мешаешь только. Сядь вон там в углу на диван и сиди. А где же запонка? Выскочила, анафемская... Вилкин, ты не видел моей запонки?

Муж (*угрюмо*). Отстаньте вы от меня с вашей запонкой...

Гарри. Чудак-человек, как же я без запонки?..

Муж. На пол обронили, наверно... Тоже кавалер, подумаешь...

Гарри. Однако, Вилкин, ты не очень-то... У меня характер, ты видел, нехороший... Ты, может, поискал бы ее, бледнолицый брат мой, а?

Муж. Можете сами...

Гарри (*грозно*). Ну?!

Муж (*хватаясь за голову*). Навязались вы на мою голову! (*Ползает на четвереньках и ищет.*)

Гарри. Посмотри под диваном... Не там... Дальше! Левей!.. Ох, какой ты бестолковый!..

Муж (*торжественно*). Вот! Скажите мне спасибо! Если бы не я — ни за что не нашли бы!

Гарри. Молодец, дядя! Старайся! Ну, а теперь, Ножиков, принеси мое пальто... Оно в передней...

Муж (*угрюмо*). Ножиков! Будто не знает, что моя фамилия Вилкин... (*Уходит.*)

Гарри оглядывается, надевает пиджак Сержа.

Серж (*высовываясь из-за ширмы*). Послушайте... Ради Бога!.. Что вы делаете?.. Ведь это мой пиджак...

Гарри (*спокойно*). Знаю.. Но он лучше моего... И в нем, вероятно, деньги...

Серж (*умоляющим шепотом*). Что вы делаете? Что вы делаете?

Гарри (*наставительно*). Надо быть нравственнее... Разврат к добру не ведет, молодой человек...

Серж. Но в моем пиджаке бумажник... Отдайте, или я закричу...

Гарри. Попробуй только, идиот!.. Я скажу тогда, что ты вор и спрятался, чтоб обокрасть этих добрых людей. Муж теперь боится меня как огня, а ей все равно никто не поверит...

Серж. Тогда спасите меня...

Гарри. Ничего, брат. Сам выпутаешься.

Входит муж. Серж прячется.

Помоги же мне, Ложкин, одеть пальто...

Муж (*со стоном*). Я не Ложкин!

Гарри. Это не важно... Ну, прощай, Маруся! Надеюсь, что после твоего бессмысленного запирательства и двойного обмана — между нами все кончено...

Жена истерически плачет.

Плачь, милое дитя, плачь!.. Я понимаю, ты слишком сильно любила меня и никак не можешь успокоиться... Ну, Ножиков, возьми свечу и выпусти меня в парадную дверь...

Муж (*чуть не плача*). О, черт возьми, — да ведь Вилкин же я!

Гарри. Хорошо, хорошо! Назову тебя целым Сервизовым, только проводи меня. (*Подходит к дверям.*) Ну, прощай, братец... Я тобой доволен... На, брат, возьми!.. (*Уходит.*)

Муж (*разжимает кулак*). Двугривенный! Однако... (*Падает в бессилии на диван.*)

Из-за ширмы с виноватым видом показывается Серж. Муж изумлен.

Это еще что? Кто такой?

Серж. Это я... Тут, знаете, был...
Муж. Зачем, черт возьми?!
Серж. А вот вы спросите! И сам недоумеваю.
Муж. Без пиджака?!
Серж. Жарко тут... Топят! Жгут, жгут дрова, и все без толку.
Жена (*делая удивленное лицо*). Сергей Петрович! Какими судьбами? Милый! Позволь тебе представить: Сергей Петрович Подходцев, мой знакомый... Вы, вероятно, пришли сообщить, что достали ложу в оперу?
Серж. Да... ложу... в оперу...
Жена. Жан! Поблагодари. Мне, право, совестно, что вы так беспокоитесь...
Муж (*вяло*). Очень... гм... приятно... Очень... польщен... Садитесь, пожалуйста. Ну, как поживаете?
Серж. Ничего, знаете, дожди все, то да се...
Муж. Пренеприятная погода. Курите? (*Предлагает папиросу.*)

Все довольны.

Занавес

БЕЗ КЛЮЧА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Плюмажев, муж.
Госпожа Плюмажева, его жена.
Мишка Саматоха, подозрительная личность.
Пьяный жилец.
Молодой жилец.
Городовой.
Дворник.

Действие происходит на верхней площадке парадной лестницы. Налево и направо две парадных двери, прямо — окно. Зрителю видна верхняя часть лестницы, уходящей вниз. Перила. Время действия — между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На верхней ступеньке лестницы сидят муж и жена Плюмажевы, оба в пальто, мрачно молчат. Большая пауза.

Муж. В конце концов, это даже удивительно: стоит только поручить что-либо женщине — и она приложит все усилия, чтобы исполнить поручение как можно хуже и глупее.

Жена. Что-о?! Повтори, что ты сказал?

Муж. Гораздо хуже и глупее!!

Жена (*угрюмо*). Молчал бы лучше... Уж достаточно одного того, что мужчины картежники и пьяницы.

Муж (*страдальчески усмехаясь*). В огороде бузина, а в Киеве дядька... (*Неожиданно поворачивается к угловому столбику на перилах и говорит, обращаясь к нему.*) Представьте себе!.. Можете себе представить, что я, выходя днем с нею из дому, с этой... женщиной!.. вышел первый, а ее попросил запереть переднюю дверь и ключи взять с собой... Что же, вы думаете, она сделала? Ключ забыла внутри в замочной скважине, захлопнула дверь на английский замок (*кричит*), а ключик от него висит тоже внутри, по той стороне дверей!! Как вам это покажется?

Жена (*саркастически*). Вот нашел себе собеседника... как раз по плечу. Товарищи!.. Конечно, со столбом приятнее разговаривать, чем с женой.

Муж. Конечно! Он, по крайней мере, молчит... не говорит глупостей... Да... (*Обращается к столбику.*) И представьте себе, чем эта женщина оправдывается?! А вы, говорит, картежники! Логично, доказательно, всеобъемлюще!

Жена. Конечно картежники. Придет этот дурак Семен Семеныч, сядете за свои глупые шахматы, уткнетесь, смотреть на вас противно!

Муж. Вы видите? Мы картежники потому, что играем в шахматы... Где ум? Где логика?

Жена (*гневно*). Ты гениальный ум! Ты гений! Ты... Александр Дюма... да?..

Муж. Чего ты ко мне пристаешь? Я не с тобой, а с ним (*указывая на столбик*) разговариваю.

Жена. Пожалуйста!.. Можешь даже выпить с ним на «ты»...

Муж. Глупо.

Жена (*энергично оборачиваясь*). Скажи, чего ты от меня хочешь?!

Муж. Мне было бы желательно знать, как мы попадем в квартиру?!

Жена (*задумывается; неожиданно*). Это ты виноват! Ты отпустил прислугу до завтра — ты и виноват! Если бы прислуга была дома, она бы открыла нам.

Муж (*к столбику*). Видели?! Я виноват, потому что отпустил прислугу?!.. А она, жена моя, ее нанимала — значит, она и виновата? А та заперла черный ход — она, значит, и виновата?! А какой-то глупый англичанин изобрел английский замок — он и виноват?!!

Ж е н а. Недаром я так не хотела выходить за тебя замуж... Это отец пристал, как с ножом к горлу: выходи да выходи!.. Если бы не вышла за тебя замуж — ничего этого и не случилось бы...

М у ж. При чем здесь отец? Где смысл? Где логика? Не постигаю.

Ж е н а. Конечно... где тебе постичь?.. Давно нужно было переменить эту квартиру — так нужно было оттягивать... (*Передразнивая.*) «Ничего, милочка, в декабре переедем! В декабре много свободных квартир! До декабря подождем..,» Как же! Переехали. (*Помолчав.*) Декабрист паршивый!

М у ж. Ф-фу! Ну, вот что... Хочешь, поедем сейчас в гостиницу?

Ж е н а. Сам поезжай в гостиницу.

М у ж (*встает*). Ну ладно. Поеду в гостиницу.

Ж е н а. Постой... А я?!!

М у ж. Поедем вместе.

Ж е н а. Ты с ума сошел? Что я, француженка какая-нибудь, чтобы ездить по гостиницам.

М у ж. Если не хочешь в гостиницу — переночуем до утра тут... на площадке.

Ж е н а. Дурак.

М у ж (*кротко*). Не-у-же-ли? Ну, если я дурак, а ты умная — придумывай сама выход. А я вздремну... (*Прислоняется к перилам и дремлет...*)

Ж е н а (*подходит к правой двери, засматривает в замочную скважину, дует в нее. Потом отходит*). Это что такое? Заснул?

М у ж. Хрр-ха! Хрр-ха...

Ж е н а (*смотря ему в лицо*). У-у, как я тебя ненавижу... Сытое животное. Толстый, батюшка мой, еще не значит — умный... Храпит! Вот узнал бы, что я тебе изменяю, — похрапел бы... Григорий Иваныч не спал бы... Он бы придумал что-нибудь. (*Пауза.*) Он романсы хорошо поет, а ты как кошка мяучишь. И волосы у него лучше, чем твои... И целуется он по-особенному. (*Задумчиво.*) И не храпит как лошадь, когда спит.

М у ж. Хрр-ха! Гррр...

Ж е н а (*вздрагивает, плачет*), Эй, ты! Проснись... Мне страшно...

Муж. Хм... А? Чего же тебе страшно?

Жена. Неужели так всю ночь?.. Ступай за слесарем!

Муж. Да какой же слесарь может быть в двенадцать часов ночи? Все честные, порядочные слесаря спят.

Жена. Бери хоть непорядочного! Мне все равно.

Муж (*улыбаясь*). Вот если бы сейчас поймать вора с отмычкой — он бы оборудовал все это моментально!

Жена (*стуча кулаком по ступеньке*). Поймай вора! Поймай, его!! Поймай! Мне все равно!!

Муж. Что ты, милая... Как же это так: «поймай вора»! Что это — блоха на теле, что ли? Где я его ловить буду? Если бы слесаря какого-нибудь найти... Тут в переулке есть подозрительный трактир «Назарет». Можно было бы там безработного мастерового найти. Но там, кажется, жуликов больше. А впрочем... (*Задумывается. Подходит к дверям и дергает их. Машет рукой.*) Вот что... Я пойду поищу человека какого-нибудь, а ты посиди тут... Ладно?

Жена. Ну, иди... Только ты не запьянствуй где-нибудь. Я долго ждать не намерена.

Муж. Логично-с! Мне нужно попасть домой, а я пойду бражничать... Ну-ну!.. Сиди, я через десять минут вернусь. (*Спускается с лестницы.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жена одна. Прохаживается по площадке, потом подходит к средней двери и, вынув из волос шпильку, ковыряет в отверстии замка. Шпилька соскальзывает и колет руку.

Жена (*сосет палец, говорит сквозь слезы*). Проклятый домовладелец! Какие-то замки тут устроил... Вон — кровь идет... (*Садится на верхнюю ступеньку... Зевает. Склоняет голову к перилам и засыпает.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

По лестнице поднимается веселый молодой жилец, что-то напевая... Замечает, уже подойдя к дверям, спящую Плюмажеву. Приостанавливается у дверей

в нерешительности, поглядывая на спящую. Вынимает кошелек, считает деньги. Нерешительно трет затылок. Машет рукой, подходит спереди к спящей, заглядывает ей в глаза. Еще раз машет рукой, вздыхает, открывает правую дверь и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

По лестнице поднимается пьяный жилец из левой квартиры. Он пошатывается, спотыкаясь о ступеньки. Роняет с ноги калошу, шарит ногой, с трудом нагибается и берет калошу в руки. Калоша все время в руке. Увидев спящую Плюмажеву, изумленно останавливается.

Жилец. Ч-человек... Кто его тут забыл? (*Хрипло смеется.*) Женщину потеряли... Удивительно! Сударыня! Я тот, который... Смешно! Поразительно смешно!.. Позвольте вас проводить... Ку... куда вы спешите?

Жена Плюмажева просыпается.

Жена (*испуганно*). Кто вы такой? Что вам надо?

Жилец (*опершись о перила*). Со-орок раз!.. Со-орок раз говорил Никите: «Ника! Отдай мой прибор для бритья. Ника! Я расходуюсь на этот предмет в па... парикма... херск...» Впрочем, черт с ним! Шш-то-с? Ни-ка не дает! Как вам это нравится, сударыня? Я хожу небритый... Мне скучно!.. Сударыня... А... (*Оглядывается.*) А... почему тут нет меблировки?

Жена (*нервно*). Отстаньте вы от меня, пьяный человек! Какая тут меблировка, когда это площадка!

Жилец (*размышляет*). Пло-щадка?! Вон оно что... То-то я смотрю...

Жена. Набрались... Хорошо, нечего сказать... Как зюзя! Как не стыдно, право.

Жилец. Соо-тню раз! О! Соо-тню раз говорю ему: «Никка! Будь товарищем... отдай мой прибор для бритья... Не могу же я так».. Чего вы думаете? Нет! Нет и нет. Ничего подобного! Нет и нет... Грустно! А?

Жена. Шли бы вы спать!

Жилец (*изумленно*). По-разительно! Откуда вы узнали?

Жена. Что узнала?

Жилец (*садясь рядом*). Эт-ту... вещь... Поразительно!.. Сговаривались они, что ли? Сначала хозяин ресторана говорит: «Шли бы вы спать!» — «Почему?» — «Вы, — говорит, — требуете уже какого-то хлористого натра... Откуда его взять ночью?» — «Как откуда? В каждом порядочном ресторане должен быть хлористый натр... На случай ежели... котлета несоленая!» — «На то, — говорит, — соль есть. — Милосс... государь, — говорю я. — Вы необразованны, а я химик. По-вашему — соль, а по-нашему, по-научному, — хлористый натр1» Да... А он мне: «Идите спать». Выхожу в швейцарскую: «Дайте шапку и калоши!..» — «Извольте!» — «Не-ет, не извольте! Что ты мне все сразу подаешь! Укажи мне, где шапка; где калоши... Не могу же я... сударыня, согласс... ситесь, на голову калоши надеть... как дикарь... А он мне: «Идите спать!» Иду. Городовой стоит. «Городовой! Не знаете, скоро режим будет изменен?» Согласитесь — от кого же мне узнать? Говорит: «Идите спать». Дворник сидит. «Здравствуйте, дворник!.. Как ваше здоровье? Где летом на даче?» А он: «Идите спать!» Теперь вы, сударыня... Да я не желаю! Что это? Заговор? Конглом... мер... ну, черт с ним.

Пауза.

Не знаете, тут негде достать пива?

Жена. Идите спать.

Жилец. Не желаю. Я хочу разговаривать. (*Придвигаясь, интимно.*) Меня, Маруся, никто не понимает...

Жена. Какая я вам Маруся? Идите спать.

Жилец (*неожиданно поднимаясь*). И пойду! Напрасно вы меня задержали... своими разговорами... Пойду спать. Скажите, чтоб меня разбудили пораньше... Там в половине какого-нибудь. (*Идет к левой двери; шарит по карманам пальто ключ... не находит. Снимает пальто и трясет воротником вниз. Ключ и деньги падают на пол.*) А... Попался, мошенник? (*Тычет ключом мимо замка.*) Гм!.. Не входит! Или ключ не тот, или дверь... не та. Вот черт!.. Где же это я дверь переменил? (*Подходит к правой двери, тычет ключом, пожимает плечами.*)

Жена. Куда вы лезете! Это наша квартира.

Жилец. Ну-ну?! А где же моя? П-положение! Две двери, лестница, а куда идти — неизвестно.

Жена. Да вы у кого живете?

Жилец. У этого... Такая фамилия, вроде Гоголя... Гор... Городничин! У Городничиных.

Жена. Так это вот правая дверь. (*Указывает на левую.*)

Жилец. Эта? Мерси. (*Идет к правой двери.*)

Жена. Да не эта. Та! (*Указывает на левую.*)

Жилец. Суд... дарыня. Извините меня, но это левая дверь.

Жена. Вы бы еще больше напились. Правой от левой отличить не можете!

Жилец (*упрямо*). Но уверяю вас. Эт-то ле-вая дверь. Удивительная женщина! Говорит: «правая», а она левая.

Жена. Да где у вас левая рука?

Жилец. В... вот! (*Неуверенно показывает левую руку.*)

Жена. Да? Так поздравляю вас! Это — правая.

Жилец (*с пьяным удивлением осматривает левую руку, качает головой*). Од-днако! Вот не думал... Ну, спасибо... Оч-чень признателен. (*С трудом открывает свою дверь, исчезает в ней.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жена Плюмажева одна. Садится опять на ступеньки. Зевает. Засыпает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жена Плюмажева одна; спит. Внизу слышны голоса Мишки Саматохи и мужа. Поднимаются.

Муж. Уверяю вас, мы меня очень и очень выручите...

Саматоха (*он в косоворотке, пиджаке, бритый, глаза бегают, сверкают... В руках набор воровских инструментов, завернутый в сукно. Нерешительно говорит*). Да как же так? Ночью идти в чужую, незнакомую квартиру, отмыкать какие-то двери. Бог его знает, что оно такое... Хорошо ли это? Нет, право... Отпустите меня... Меня товарищи в «Назарете» ждут... Все это так нехорошо...

Муж. Да я хозяин! И я вам разрешаю! Ну? Мало того — я даже прошу... усиленно умоляю вас об этом. Вы меня выручите!

Саматоха (*нерешительно*). Почему же вам не обратиться в слесарную мастерскую?

Муж. Заперто все уже! Господи!.. Двенадцать, часов! А мне говорили, что в «Назарете» можно найти много этих, как их... разных мошенни... машинистов! Разных безработных слесарей,.. Подумайте сами, как же мы попадем в квартиру? Ну что вам стоит честно рубль заработать...

Саматоха (*сухо*). Я всегда честно рубли зарабатываю.

Муж. Верно! Верно! Но я вам три рубля дам! Понимаете, три. Сделайте нам это! (*Схватывает его руку и жмет ее.*)

Саматоха (*сочувственно глядя на спящую Плюмажеву*). Не знаю, как уж нам с вами и быть... Это ваша супруга?

Муж. Да! Это моя жена Сашенька. Она будет так рада... Представьте, ничего мы себе такого не думали, с обеда отпустили прислугу, пошли в гости к Арбузовым... знаете, Павел Егорыч такой, Арбузов, в.контроле служит, первую жену потерял, женат на второй... Пошли, посидели, то да се, приходим домой — здравствуйте! Саша! Са-ашенька! Проснись! Вот я человека нашел! Он сейчас откроет...

Жена (*просыпается*). Пошел на целый час и пропал! Кто это такой?

Муж. Это так, один... слесарь... Познакомьтесь. Моя жена Сашенька, Александра Павловна — ремесленник Миша. Не знаю, как по отчеству?..

Саматоха (с *умилением глядя на заспанную Плюмажеву*). Михаил Сергеич! Очень приятно... В квартирку попасть не можете?

Жена. Да, такое несчастье... Эти дурацкие замки...

Саматоха (*с неуклюжей любезностью*). А оно, конечно, время позднее... В постельку молодой барыньке хочется?.. Мы это сейчас оборудуем. (*Кладет на верхнюю ступеньку сверток, который держал в руках. Разворачивает его.*)

Жена (*заглядывая через плечо мужа. Капризно-кокетливо*). О-ой... что это? Зачем это? Я бою-юсь.

Саматоха (*снисходительно*). Ничего, сударыня. Инструменты. Тут разные есть.

Муж (*заискивающе*). А это что, Михаил Сергеич?

Саматоха. Английский лобзик. Тут их три... мелкий зубец, средний зубец и крупный... Пилочка такая... Первые для деликатных работ, для мелочки, вторые так себе, а крупные для серьезных работ: амбарные замки, засовы... Извольте видеть! А вот этим смазывают, чтобы не слышно было.

Жена (*простодушно*). А... зачем, чтобы не слышно?

Саматоха (*конспиративно переглядывается с мужем. Оба улыбаются*). Как зачем?.. Мы, слесаря, народ нервный. Когда пила скрипит — на нервы действует.

Муж (*заискивающе*). А это что, Михаил Сергеич?

Саматоха. Американский ключ, бра-америкен — последнее слово техники! Со вставными бородками. Таким образом, мы имеем в руках один ключ, но с помощью этих вставочек из него можно сделать десять разных ключей.

Жена (*берет в руку связку отмычек*). А это что? Какие смешные...

Саматоха. Это чепуха-с... Не стоит даже вам белых ручек марать... Обыкновенные отмычки. Так просто, для коллекции держу... А вот это вещь интересная-с! Старинной системы, но лучше и не выдумаешь! (*Потрясает в руках коловоротом.*) Делается так. (*Говорит с увлечением.*) В любой двери можно в пятнадцать минут навертеть дюжину дырок на таком расстоянии друг от друга. (*Подходит к двери, показывает.*) Потом берем эту пилку и в пять минут пропиливаем промежутки между отверстиями. Ха-ха! Сделайте ваше такое одолжение! Через двадцать минут вы вынимаете такой вот кусок дверей и входите в квартиру.

Жена (*с интересом слушая*). Но ведь от этого же двери портятся... Не лучше ли попробовать ключом или как-нибудь открыть замок?

Саматоха (*с увлечением*). Не всегда! Ха-ха. Не всегда-с! Осторожнее, сударыня, обрежетесь. Это острая штука... Для часовых цепочек... А вот эта вещь — видите? Ею я открою вам замок. (*Встает. Деловым тоном*). У вас английский?

Муж. Английский и обыкновенный.

Саматоха (*перебирая инструменты*). Дверь на оба заперта? Или на один? На какой? На английский?

Муж. Да-с, Михаил Сергеевич... Будьте так добры... (*Суетится.*) Вам, может быть, пиджачок бы снять? Удобнее будет.

Саматоха. Можно. (*Снимает пиджак.*) Извините, Александра Павловна...

Муж (*добродушно*). Ничего... Дело мастеровое.

Саматоха с видом хирурга, приступающего к трудной операции, засучивает рукава, подходит к двери... Плюмажев за ним, услужливо держит развернутое сукно с инструментами.

Саматоха. Вот, смотрите... (*Берет какой-то крючок и с ухватками фокусника показывает присутствующим; на лице сияет гордость и торжество.*) Вот-с... Только предупреждаю: замок уже больше не будет годиться. Ничего? Английские замки, видите ли, нужно сломать снаружи, чтобы открыть.. А простой, обыкновенный замок, так называемый тульской работы...

Жена. Все равно, Михаил Сергеевич... Пусть будет сломан... Нам лишь бы попасть в квартиру!.. Ужасно спать хочется.

Саматоха. Слушаю-с! (*Возится у замка, изредка меняя инструмент, который держит муж. Лицо озабоченное, деловое. Раздается треск. Саматоха толкает коленом дверь — она отворяется.*) Извольте-с! Готово. Работа артиста, Александра Павловна. Имею честь пожелать спокойной ночи!

Жена. Открыто? Боже, до чего я измучилась. Спасибо, милый. (*С радостным криком скрывается за дверью, роняя на ходу перчатку.*)

Саматоха (*весело*). Спокойных снов, Александра Павловна.

Муж (*сухо*). До свиданья, до свиданья... (*Стоит в нерешительности.*) Обождите тут. Я вам вышлю сейчас три рубля за вашу работу. Не знаю, есть ли мелочь... Кажется, придется менять... (*Скрывается за дверью.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Саматоха один; на лице его блуждает мечтательная улыбка... Стоит некоторое время, опустив голову...

Замечает оброненную Плюмажевой перчатку. Нагибается, поднимает, нюхает ее и, улыбаясь, медленно опускает за пазуху. Постояв немного, опускается на ступеньку и начинает перебирать инструменты, с видом артиста или ребенка любуясь их блеском, чистя рукавом и дыша на них любовно ртом. Проходит минуты две... за дверью голоса.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дверь распахивается, и из нее показываются д в о р н и к, г о р о д о в о й, сзади — П л ю м а ж е в.

С а м а т о х а со странным подавленным криком вскакивает на ноги и, прижавшись в угол, молча смотрит на Плюмажева.

П л ю м а ж е в (*строго, внушительно*). Вот что, милый мой... Миша... Ты, я вижу, слишком большой искусник, чтобы оставлять тебя на свободе. Не правда ли? Логично рассуждая, сегодня ты открыл дверь с моего разрешения, а завтра — сделаешь это без оного... Не правда ли? Общество должно бороться с подобными людьми, попирающими созданные этим обществом законы, — всеми легальными способами, которые есть в распоряжении общества. Не так ли? Итак: признавая легальным способ борьбы с людьми, состоящими во вражде с законом, приглашая чинов полиции, организованной для борьбы с антиобщественными элементами, я, таким образом, служу обществу. Не так ли? Понимаешь, Миша? А такой субъект, как ты, да на свободе, да с твоими артистическими талантами, да с твоими удивительными инструментами — благодарю покорно! Да я ночей не буду спать... Не так ли?

Д в о р н и к. Ах ты, черт паршивый! Мало вас еще бьют. Ишь ты, разложился с инструментом, ровно зубной врач. Брать его, Василь Мироныч?

Г о р о д о в о й. Веди! В участке все разберем. Птица, по виду, стреляная... Айда!

С а м а т о х а (*все время, не сводя сверкающих глаз, смотрит на Плюмажева. Когда дворник грубо хватает его за шиворот, отталкивает и говорит шипящим голосом*). Не хватай, сам пойду.

Дворник собирает инструменты, прячет за пазуху и идет впереди по лестнице, за ним Саматоха, сзади городовой, Плюмажев скрылся за дверью. Сцена пуста полминуты.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Средняя дверь осторожно открывается; выходит Плюмажев без пиджака и жилета. Перегибается через перила, прислушивается; в лице сонное равнодушие... Выходит жена Плюмажева, без кофточки, с голыми руками; лукаво улыбаясь, смотрит вниз. Плюмажев целует ее в шею.

Жена (*жмется*). Повели виртуоза? Какой страшный... У-у... А знаешь, у него глаза немного напоминают Григория Иван...

Муж (*солидно*). Вздор! А теперь, милая, спать, спать, спать, спать, спать!..

Занавес

ЧЕТВЕРО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Четвероруков, чиновник казенной палаты.
Симочка, его жена.
Мирон Абрамович Сандомирский, коммивояжер.
Незнакомец.

Купе вагона второго класса. В углу сидят Четвероруков и Симочка. Сандомирский читает юмористический журнал. Все скучают и зевают.

Симочка (*зевая*). Боже! Какая скука!

Четвероруков. Перестань зевать! (*Зевает.*) Видишь, я заразился... (*Зевает.*) Да... Скучища изрядная!

Сандомирский (*зевает*). Немножко-таки скучновато... Когда долго едешь, всегда скучно становится... (*Смотрит в окно.*) Интересно, какая это станция?

Четвероруков (*смотрит в окно*). А вот мы сейчас прочитаем название... (*Вытирает стекло окна.*) Вот теперь будет видно... (*Читает.*) «Для мужч...» Ах, это не то!..

Симочка (*зевает*). Господи! Вот надоела дорога! Скорее бы приехать!..

Четвероруков (*зевая*). Не зуди! И без того уж коченеешь от скуки.

Сандомирский (*зевая*). Да!.. Невесело...

В вагон входит Незнакомец. На нем косматое пальто и дорожная шапочка. В руках саквояж. Любезно кланяется остальным пассажирам.

Незнакомец. Позволите?

Четвероруков недовольно отодвигается.

Симочка. Пожалуйста!

Сандомирский (*в сторону*). Еще одного черт принес.

Незнакомец садится и погружается в чтение газеты. Пауза. Слышен свист паровоза и громыхание колес.

Симочка (*зевая*). Нам еще ехать пять часов!.. Пять часов отчаянной скуки!..

Четвероруков (*наставительно*). Езда на железных дорогах однообразна, чем и утомляет пассажиров...

Сандомирский. И железные дороги невыносимо дорого стоят! Вы подумайте: какой-нибудь билет стоит двенадцать рублей... Уже я не говорю о плацкартах!

Симочка (*раздраженно*). Главное, что скучно!

Незнакомец (*складывает газету, внимательно оглядывает своих спутников и смеется тихим, придушенным смехом*). Хе-хе-хе! Вам скучно? Я знаю, отчего происходит скука!.. Оттого, что все вы не те, которыми притворяетесь, а это ужасно скучно!

Сандомирский (*обиженно*). То есть как мы не те? Мы вовсе — те! Я, как человек интеллигентный...

Незнакомец (*перебивает его, улыбаясь*). Мы все не те, которыми притворяемся. Вот вы — кто вы такой?

Сандомирский. Я? Я представитель фирмы «Эванс и Крумбель», — сукна, трико и бумазея.

Незнакомец (*закатывается смехом*). Так я и знал, что вы придумаете самое нелепое! Ну зачем же вы врете и себе и другим?!.. Ведь вы кардинал при папском дворе в Ватикане и вы нарочно прячетесь под личиной какого-то Крумбеля.

Сандомирский (*испуганно и удивленно*). Я — Ватикан?!

Незнакомец. Не Ватикан, а кардинал! Не притворяйтесь дураком! Я знаю, что вы одна из умнейших и хитрейших личностей современности. Я слышал кое-что о вас.

Сандомирский. Извините, но эти шутки... мне не надо!..

Незнакомец (*строго, тяжело кладя руку на его плечо*). Джузеппе! Ты меня не обманешь! Вместо глупых раз-

говоров я хотел бы послушать от тебя что-нибудь о Ватикане, о тамошних порядках и о твоих успехах среди набожных знатных итальянок...

Сандомирский (*в ужасе*). Пустите меня? Что это такое?!

Незнакомец (*угрожающе закрывая ему рукой рот*). Тссс!!! Не надо кричать!.. Здесь дама. (*Садится на свое место, вынимает револьвер и наводит его на Сандомирского.*) Джузеппе, я человек предобрый, но если около меня сидит притворщик, я этого не переношу.

Симочка в испуге прячется в угол.
Четвероруков пытается встать, но жест Незнакомца снова пригвождает его к месту.

Господа, я вам ничего дурного не делаю. Будьте спокойны. Я только требую от этого человека, чтобы он признался, кто он такой.

Сандомирский (*дрожа*). Я Сандомирский...

Незнакомец. Лжешь, Джузеппе! Ты кардинал! (*Наводит на него револьвер.*)

Четвероруков (*шепотом, Сандомирскому*). Вы видите, с кем вы имеете дело?!.. Это сумасшедший!.. Скажите ему, что вы кардинал! Что вам стоит?

Сандомирский (*шепчет с отчаянием*). Я же не кардинал?!!

Четвероруков (*заискивающе говорит Незнакомцу*). Он стесняется сказать вам, что он кардинал. Но, вероятно, он кардинал...

Незнакомец (*живо*). Не правда ли? Вы не находите, что в его лице есть что-то кардинальное?

Четвероруков (*с готовностью*). Есть! Но... стоит ли вам так волноваться из-за этого?!

Незнакомец (*капризно, играя револьвером*). Пусть он скажет!..

Сандомирский (*с отчаянным криком*). Ну, хорошо, хорошо! Ну, я кардинал!

Незнакомец (*с торжествующим жестом*). Видите! Я вам говорил?! Все люди не те, какими они кажутся!.. Благословите меня, ваше преподобие!..

Сандомирский нерешительно пожимает плечами, затем протягивает обе руки и машет ими над головой Незнакомца. Симочка хохочет.

Сандомирский (*обиженно*). При чем тут смех? Позвольте мне, господин, на минутку выйти!

Незнакомец. Нет, я вас не пущу! Я хочу, чтобы вы нам рассказали о какой-нибудь забавной интрижке с вашими прихожанками.

Сандомирский. Какими прихожанками? Какая может быть интриж...

Незнакомец приставляет револьвер к его виску.

Ну, были интрижки... Стоит об этом говорить?!

Незнакомец (*бешено*). Говорите!

Сандомирский. Уберите ваш пистолет — тогда расскажу! Ну, что вам рассказывать?!.. Однажды в меня влюбилась одна прелестная дама...

Незнакомец. Графиня?

Сандомирский. Ну, графиня... Мирон, говорит, я тебя так люблю, что ужас... Целовались...

Незнакомец. Нет, вы подробнее!.. Где вы с ней встречались и как впервые возникло в вас это чувство?

Сандомирский (*с тоской*). Она была на балу. Такое белое платье с розами... Нас познакомил посланник какой-то... Я говорю: ой, графиня, какая вы хорошень...

Незнакомец (*сурово, перебивая его*). Что вы путаете? Разве можно вам, духовному лицу, быть на балу?

Сандомирский. Ну, какой это бал?! Маленькая домашняя вечеринка... Она мне говорит: «Джузеппе, я несчастна. Я хотела бы перед вами причаститься...»

Незнакомец. Исповедаться?!

Сандомирский. Ну, исповедаться... Хорошо, говорю я, приезжайте. И она приехала и говорит: «Джузеппе, извините меня, но я вас люблю...»

Незнакомец. Ужасно глупый роман! Ваши соседи выслушали его без всякого интереса! Если у папы все такие кардиналы, я ему не завидую. (*К Четверорукову.*) Я не понимаю, как вы можете оставлять такую жену, как ваша, скучающей, когда у вас есть такой прекрасный дар...

Четвероруков (*робко*). Ка...кой дар?

Незнакомец. Господи, да пение же! Ведь вы хитрец! Думаете, если около вас висит форменная фуражка, так уж никто и не догадается, что вы знаменитый баритон, пожинавший такие лавры в столицах.

Четвероруков (*криво улыбаясь*). Вы ошиблись. Я чиновник Четвероруков, а это моя жена Симочка.

Незнакомец (*переводя дуло револьвера на Четверорукова*). Кардинал, как ты думаешь, кто он: чиновник или знаменитый баритон?

Сандомирский (*злорадно*). Наверное баритон!..

Незнакомец. Видите! Устами кардиналов глаголет истина! Спойте что-нибудь, маэстро! Я вас умоляю!

Четвероруков (*беспомощно лепечет*). Я не умею... Уверяю вас, у меня голос противный, скрипучий...

Незнакомец (*дико хохочет*). Скромность истинного таланта... Ха-ха-ха!.. Прошу вас, — пойте!..

Четвероруков. Уверяю вас...

Незнакомец. Пойте, пойте, черт возьми!!!

Четвероруков (*робко смотрит на жену и поет очень фальшиво*).

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется...

Незнакомец. Хорошо поете! Тысяч шесть получаете? Наверное, больше! Знаете, что там ни говори, а музыка смягчает нравы. Не правда ли, кардинал?

Сандомирский. Еще как!

Незнакомец. Вот видите, господа. Едва вы перестали притворяться, стали сами собой, как настроение ваше улучшилось и скуки как не бывало. Ведь вы не скучаете?

Сандомирский (*вздыхая*). Какая тут скука? Сплошное веселье! Ха-ха-ха!..

Незнакомец. Очень рад. Я замечаю, сударыня, что и ваше личико изменило свое выражение. Самое ужасное в жизни, господа, это фальшь, притворство. И вот я снял личины с этих господ. Один оказался кардиналом, а другой — баритоном. Не правда ли, кардинал?

Сандомирский. Вы говорите, как какая-нибудь книга...

Незнакомец, И самое ужасное, что ложь во всем! Она окружает нас с пеленок, сопровождает на каждом шагу, мы ею дышим, носим ее на своем лице, на теле... Сударыня! Осмелюсь почтительнейше попросить вас, снимите платье. Оно скрывает прекраснейшее, что есть в природе, — тело. (*Направляет револьвер на Четверо-*

рукова и, глядя в упор на Симочку, мягко продолжает.) Будьте добры раздеться!.. Ведь ваш супруг ничего не будет иметь против этого?!..

Четвероруков (*смотрит на револьвер и дрожащим голосом говорит*). Я ни...ч...ч...его... Я сам люблю кррасссоту... Немножко раздеться можно... Хе-хе-хе!

Симочка (*гневно смотрит на мужа и решительно поднимается со своего места, истерически смеясь.*) А-а! Так?!!! Ну, хорошо!.. Я тоже люблю красоту и ненавижу трусость. Я для вас разденусь. Прикажите только вашему кардиналу отвернуться!..

Незнакомец (*строго*). Кардинал! Вам, как духовному лицу, нельзя смотреть на сцену сцен! Закройтесь газетой!

Четвероруков (*лепечет*). Симочка... ты... немножко...

Симочка. Отстань! Без тебя знаю! (*Раздевается.*) Не правда ли, я интересная?!.. Если вы желаете меня поцеловать, можете попросить разрешения у мужа; он, вероятно, позволит?!..

Незнакомец. Баритон! Разрешите мне почтительнейше прикоснуться к одной из лучших женщин, которых я знал?!..

Четвероруков молча, с ужасом смотрит на Незнакомца.

Сударыня, он, очевидно, ничего не имеет против. Я почтительнейше поцелую вашу руку...

Симочка. Зачем же руку? Мы просто поцелуемся... Ведь я вам нравлюсь?!..

Незнакомец (*восторженно*). Я буду счастлив!

Горячо целуются.

Свист паровоза. Поезд замедляет ход и останавливается.

(*Забрав свои вещи.*) Вы, кардинал, и вы, баритон! Поезд стоит здесь пять минут. Эти пять минут я тоже буду стоять на перроне с револьвером в кармане. Если кто-нибудь из вас выйдет — я застрелю того, как собаку... Ладно?

Сандомирский (*со стоном*). Идите уже себе!

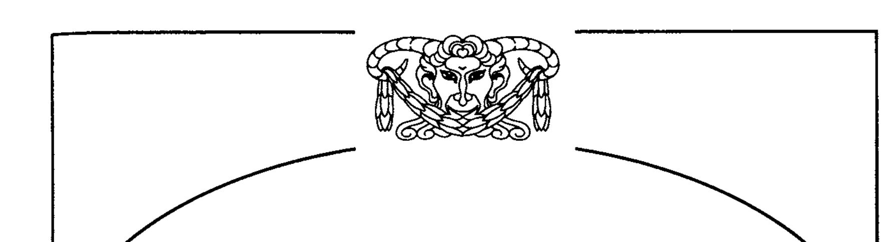
Незнакомец уходит.

Пауза. Все застыли. Свисток. В дверь просовывается рука с запиской.

Четвероруков (*хватает ее и читает*). «Сознайтесь, что мы не проскучали... Этот оригинальный, но действительный способ сокращать дорожное время имеет еще и то преимущество, что всякий показывает себя в натуральную величину. Нас было четверо: дурак, трус, мужественная женщина и я — весельчак, душа общества! Баритон, поцелуй от меня кардинала!»

Живая картина.

Занавес

МИНИАТЮРЫ И МОНОЛОГИ ДЛЯ СЦЕНЫ (1912)

НОВОГОДНЯЯ ПАСХА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Терентьич Будагов.
Катерина Михайловна, его жена.
Макс Двуутробников, гость.

Гостиная Будаговых. В углу накрыт новогодний стол. На стене большой календарь с числом «1 января». Окна запушены снегом. Будагова *— одна. Стук в дверь.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Макс (*заглядывая, в бобровой шубе, шапка в руках*). Надеюсь, можно?

Будагова. О, конечно! Позвольте, позвольте, Макс... Что это у вас? Новая шуба? Покажитесь-ка!

Макс. Да, новая. Довольно дорога, но зато чрезвычайно хороша. Нравится?

Будагова. Прелесть! Она вам чрезвычайно идет. Ну, раздевайтесь и жалуйте сюда. Невероятно скучно!

Макс (*раздевается в передней, входит, во фраке*). Как изволите себя чувствовать?

Будагова. О, превосходно, благодарю вас.

Макс (*целуя руку*). Имею честь поздравить вас с Новым годом и пожелать гм... разного такого... что вам приятно.

Будагова. Merci. Прошу присесть.

Макс. А ваш уважаемый супруг Петр Терентьич изволит быть в добром здоровье?

Будагова. Да, спасибо, он себя ничего чувствует.
Макс. Могу я засвидетельствовать ему почтение?
Будагова. Да ведь его нет. Он поехал с визитами.
Макс (*меняя тон*). Ага! Ну, иди скорее сюда, моя стрекоза. Я тебя поцелую. Ужасно соскучился.
Будагова (*целуя его*). Соскучился, соскучился, а сам целую неделю не показывался.
Макс (*легкомысленно*). Кто, я? Неужели? Однако времечко-то... Летит, как говорится. Недаром один мудрец сказал... какая чудесная щечка!
Будагова. Изречение неглубокое.
Макс. Да, да. Вообще, эти мудрецы. А это что такое? Шейка? Я ведь могу и шейку поцеловать. Я человек отчаянный. А это что? Неужели губки? Какое совпадение! (*Целует ее.*)

В дверях показывается Будагов. Макс стоит спиной к нему, ничего не замечая.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Будагов в дверях. Жена замечает его, отшатывается.

Жена. Оставьте! Что вы делаете! Вы с ума сошли...
Макс. Что такое — оставьте? Почему — оставьте? Враг я сам себе, что ли? (*Пытается снова поцеловать; легкая борьба.*)
Будагов (*иронически*). Христосуетесь?
Макс (*отскакивает, стоит, опустив голову. Говорит, сам себе не веря*). Дд... да. Гм. Этого... Христосуюсь.
Будагов. Та-а-а-ак... Дело хорошее. Ну — Христос воскресе. (*Подходит хладнокровно к Максу, лобызается троекратно.*)
Макс (*неуверенно*). Вв...воистину.
Будагов. Садитесь, пожалуйста. (*Садится. Жена отходит к окну, рисует на стекле узоры.*) Да-с. Где были у заутрени?
Макс. У какой... заутрени?
Будагов. У обыкновенной. У пасхальной. Где были у заутрени?
Макс (*неопределенно*). Так, знаете... Собственно — нигде. Праздничные хлопоты, разные дела...

Будагов. Так, так, так, так. Напрасно, напрасно, молодой человек. Нет ничего возвышеннее и трогательнее, когда первый раз прозвучит «Христос воскресе»! Поцелуи, ликование. Иллюминация горит, оживление... Восторг!

Макс тоскливо оглядывается, берет рассеянно пепельницу, внимательно рассматривает донышко, окурки падают ему на колени.

Макс (*сам с собой*). М.С. Кузнецов в Будах.
Будагов (*хладнокровно*). Чего-с?
Макс. Вот тут... написано... М.С. Кузнецов... в Будах.
Будагов. Да-с. Фирма. Окурочки уронили, хе-хе! Не беспокойтесь, я сам подниму. Не затрудняйтесь.

Пауза. Макс сидит, робко на него поглядывая.

У кого разговлялись?
Макс. Как... разговлялся?
Будагов. Ну, свяченый кулич ели. Вероятно, у Халюзиных?
Макс (*грустно*). Нет, не у Халюзиных.

Пауза..

Будагов. А у кого же?
Макс. Да так... Ни у кого. Дома был.
Будагов. Ну, что вы говорите!! Разве можно ж так —не разговляться?! Да мне праздник не в праздник, если я, вернувшись от пасхальной заутрени, не похристосуюсь да не съем парочку красных яичек да ветчинки, а прежде всего кулича свяченого, да колбаски с чесноком, да барашка ломтик молоденького, у которого в ротике первая весенняя травка торчит! А впрочем (*спохватывается*) — что же это я, дурак, болтаю. Гость тут сидит, а я болтаю, забыл предложить вам чего-нибудь выпить и закусить. Милости прошу закусить чем Бог послал! Ветчинки, кулича попробуйте, яичко лиловенькое... (*Берет Макса под руку, ведет к столу. Внимательно оглядывает стол и вдруг сердито кричит.*) Катя! Что это такое?! А? Что это за стол?
Жена (*отходя от окна. Нервно*). Что такое? Что там еще случилось?
Будагов (*отчеканивает, постукивая черенком ножа о стол*). Я тебя спра-ши-ваю... слышишь? Я спра-ши-ваю: что

это такое за стол? Кто это так делает? Кто так накрывает, что не поставлено ни крашеных яиц, ни барашка жареного, ни куличей? Где куличи? Я спрашиваю: где ку-ли-чи?!! (*Раздражается все больше и больше*). И еще я спрашиваю: что это за пасхальный стол?! Где яйца?!

Жена (*смущенно; не знает, что сказать*). Я сейчас... принесу. Забыла поставить...

Будагов. Ну, то-то. Да чтоб яйца были крашеные! А то мне и праздник не в праздник. Живо! Я хочу выпить с моим молодым другом.

Целует Макса. Жена, понурившись, уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, без жены.

Будагов (*молча ходит из угла в угол. Потом останавливается; отрывисто*). Ранняя нынче Пасха, не правда ли?

Макс. Ч... что?

Будагов. Я говорю, ранняя в этом году Пасха.

Макс (*поглядывая на календарь, неопределенно*). Да...

Будагов. Хотя это бывает. У евреев, вот, Пасха еще раньше.

Макс. Гм... Так то ж — евреи.

Пауза. Рассматривает свои руки, поправляет манжеты.

Будагов (*вяло*). Ранняя Пасха, а теплая. Не правда ли?

Макс. Да... Теплынь.

Будагов. Что вы говорите?

Макс. Я говорю — теплынь! Тепло.

Будагов. Да. Дело, как говорится, к лету идет.

Пауза.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Входит жена.

Жена (в *руках у нее поднос; на нем большая обыкновенная булка с бумажным розаном на верхушке; на подносе кроме того четыре яйца – три, черных, свежевыкра-*

шенных чернилами, одно красное, со следами губной помады). Вот, нате вам!!

Будагов (*весело*). Вот и крашеные яички! Чудесные яички — хозяйка сама красила! Возьмите черненькое.

Макс берет, пачкает. пальцы, вытирает потихоньку о край скатерти и о салфетку; на всем остаются черные следы.

Катя! Отрежь гостю кулича. Пусть попробует — хороши ли нынче куличи... Сама ведь пекла.

Жена режет булку, дает кусок Максу.

Ну, как находите?

Макс. Ничего. Славный куличок.

Будагов. Гордость хозяйки! Ужасно волновалась, что не выйдет. Вообще, эти куличи... Ну, выпьем! С праздником! Христос воскресе.

Макс (*робко*). Воистину. (*Обтирает салфеткой лицо; на лице остается след от чернил.*)

Будагов. А что ж вы яичко-то? Надо яичком закусить. Это уж такой порядок. Дачку уже ищете?

Макс (*изумленно*). Что?

Будагов. Я говорю, дачку уже начали искать? Или когда пасхальная неделя кончится, тогда поедете?

Макс. Нет еще... не искал.

Будагов. Как же вы так? Надо теперь искать. А то после Пасхи хватитесь — все хорошие дачки разберут.

Макс. Дд... да. Мерси. Ну, я, знаете, побегу. Пора.

Будагов (*любезно*). Куда ж вы?! Посидите.

Макс. Я и так засиделся. Извиняюсь. Еще уйма визитов.

Будагов. Очень, очень жаль. Но — не смею задерживать. Я вам сейчас пальто сюда принесу. Извините, горничная куда-то ушла... (*Уходит в переднюю, возвращается с затасканным рваным летним пальто и маленькой жокейской фуражечкой.*) Вот-с... Вот оно. Позвольте я вам помогу... (*Нахлобучивает ему на голову фуражку, подает пальто.*)

Макс (*нерешительно*). Это... не мое пальто! У меня бобровая шуба и... и... каракулевая шапка.

Будагов (*хлопает себя по коленям, заливается хохотом*). Ха-ха! От двух-то рюмок что нынче с молодыми людьми

делается! Шуба! Ха-ха-ха! Да кто же на Пасху в шубе ходит... Тут в летнем пальто жарко... А вы кутаетесь еще, весеннее надеваете. Правда, положим, оно легонькое. Ну, одевайтесь, одевайтесь. (*Подает пальто.*)

Макс. Уверяю вас, что у меня шуба. Это не мое пальто. На дворе страшный мороз...

Будагов. Моро-оз?!! На Пасху?!!

Макс (*нервно*). На какую там Пасху?! Какая там Пасха, когда нынче Новый год!!

Будагов (*зловеще*). То есть... Как это? (*Прищуривается.*) Не хотите ли вы сказать, что целовали мою жену просто так...

Жена (*оборачиваясь к мужу, испуганно*). Нет, нет! Ради Бога! Мы, конечно, христосовались.

Макс (*уныло*). Христо... совались.

Будагов. Ну, вот видите! Просто вы выпили немножко, и вам всюду мерещатся шубы. Одевайтесь, ведь вам спешить надо.

Макс молча одевается.

Ну, вот. Чудесно. Всего хорошего. Заглядывайте после Пасхи! Досвишвеция, как говорят шутники. (*Идет впереди Макса, который в слепом ужасе наталкивается на него.*)

Макс. Извините.

Будагов (*добродушно*). Ну, чего там!

Выходят в переднюю. Жена одна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Будагов (*возвращается с шубой. Раскладывает ее на полу, любуется в кулак*). Хороша, шельма! За нее в ломбарде рублей триста отвалят.

Жена (*возмущенно*). Негодяй!

Будагов. Ну уж и негодяй! Ты слишком на него... Просто заблудший молодой человек... (*Смеется.*)

Занавес

РОДСТВЕННАЯ КРОВЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дядя.
Племянник.

Совершенно пустая передняя. Налево и прямо две двери, направо окно. По передней шагает из угла в угол дядя. *Одет он в рваный, ужасного вида, халат; подпоясан толстой веревкой. На ногах громадные рваные галоши. Шея повязана тряпкой.*

Дядя. Черт его побери... Скоро должен явиться. Хотя бы ему там каким-нибудь автомобилем ноги переломало! И откуда только такие проклятые родственнички берутся? (*Вынимает из-за пазухи письмо, читает.*) «Милый дядюшка! Это пишет вам дорогой племянник Макс Двуутробников, живший доселе в одиночестве без родственного участия, попечения и ласки...» (*Прерывает чтение письма.*) Так бы я тебя приласкал, чтоб ты и ног не потянул! (*Читает.*) «О, как тяжело, незабвенный дядюшка... Зайду к вам сегодня вечером. В чаянии быть вам полезным. Ваш Макс». Чтоб тебе провалиться. Чует мое сердце — плохо это окончится.

Звонок.

Вот оно... Несет его! (*Открывает левую дверь.*)

В переднюю входит племянник, *прекрасно одетый, молодой; удивленно осматривается.*

Дядя. Кого вам?

Племянник. А что, братец, скажи-ка ты мне: дядюшка мой, Илья Капитоныч, принимает?

Дядя (*пожимая плечами, отходит к подоконнику, садится на него; сурово*). Принимает?! Где мне принимать. Я и лекарство-то перестал принимать, потому что в доме ни шиша нет, а мошенники-аптекаря в долг не отпускают.

Племянник (*строго*). Это, значит, вы и есть мой дядя? (*В сторону.*) Вот тебе и богатый родственник! (*Громко.*) Это вы —дядя?!

Дядя. Я! А то кто же. Спасибо, что вспомнил племянничек. Авось хоть он поддержит чем-нибудь бедного больного разоренного дядьку. Знаешь, братец, не приди ты — я уж не знаю, что бы мне и делать — форменный ты, брат, якорь спасепия. (*Хлопает суетливо племянника по плечам.*) Какой же ты молоденький!.. Какой раскрасавчик! Как пышно одет!! Небось, тысяч шесть в год зарабатываешь?

Племянник (*печально*). Эх, дядюшка! Дядюшка! Знаете ли вы, что это платье — единственное, что у меня есть. Вы живете по сравнению со мной богачом!.. А я... даже собственного угла не имею... Живешь просто из милости у приятелей; сегодня у одного, завтра у другого. (*Заложив руки назад, перевертывает бриллиантовое кольцо камнем внутрь и потом, помахивая сжатым кулаком, энергично продолжает.*) Дядюшка! Знаете ли вы, что мне по три дня не приходилось есть горячей пищи?! Чай, колбаса, французская булка — таково было мое неприхотливое меню.

Дядя (*всплеснув руками*). Как?! У тебя есть чай, колбаса и булки — и ты... жалуешься?! О, милый... Если бы ты угостил меня подобным обедом — я, кажется, насытился бы на месяц. О Боже! Свежая вареная колбаса... чуть-чуть с чесночком. Французская булка похрустывает на зубах... Чай ароматно и приветливо испускает теплый пар... Ложечка тихо позвякивает в стакане, размешивая сахар.

Племянник. Увы!! У меня даже нет ложечки... Я размешиваю чай ручкой зубной щетки.

Дядя (*недоверчиво*). О? У тебя есть даже зубная щетка. Решительно мы прожигаем жизнь!.. Зубная щетка...

Когда ты, милый, придешь ко мне еще раз, захвати ее с собою. Давно я не видел зубной щетки. Хоть перед смертью погляжу!

Племянник (*презрительно*). Э, черт возьми! Значит, вам тоже неважно живется?

Дядя. Мне? Если ты, милый, не позаботишься обо мне, я скоро умру от голодухи и лишений... Раньше у меня была одна знакомая кухарка с верхней площадки, которая снабжала меня объедками и огрызками с барского стола — за то, что я читал ей Четьи-Минеи. Но теперь Четьи-Минеи дочитаны, — и я лишился кухаркиной поддержки.

Племянник (*нервно прохаживаясь*). Чем же вы питаетесь?

Дядя (*качая головой*). Животными.

Племянник. Какими?

Дядя. Преимущественно крысами. У нас тут много развелось этих грызунов. Я ставлю ловушку и потом жарю пойманных крыс. Они по вкусу чуть-чуть напоминают молодую баранину и только немного отдают свечным салом. Если ты, дорогой мой, заглянешь ко мне еще раз, — угощу тебя горяченьким.

Племянник. Спасибо, дядюшка. Но едва ли мне придется еще раз воспользоваться вашим гостеприимством.

Дядя (*беспокойно*). А что?

Племянник. Дело в том, что это платье, в сущности, не мое, дядюшка. Я давеча прихвастнул. Это платье взято напрокат у приятеля... Я вернусь к нему сейчас, возвращу платье — и положение мое делается в прямом смысле безвыходное.

Дядя. Эге! Дела твои действительно плохи... Нельзя ли этому помочь? Я вчера утащил, признаться, у швейцара коверчик, который был разостлан на площадке... Нельзя ли тебе соорудить из него своими средствами теплый костюмчик? Только уж ты тогда, являясь ко мне, молнией проносись мимо швейцара. А то узнает свое добро — беды не оберешься. Хе-хе!..

Племянник (*кисло*). Тоже... придумали! Кто же шьет из цветных ковров платье?! Да и кто шить-то будет?

Дядя. Ничего, брат. Можно как-нибудь... Иглы, правда, у меня нет, но зато есть припрятанная про запас

парочка-другая рыбьих костей. А то, хочешь, я тебе свой пальмерстончик уступлю. Ходи в пальмерстончике.

Племянник (*оглядывая дядю*). Нет! Не надо. Я не хочу лишать вас последнего. Не судьба нам, значит, встречаться. Прощайте, бедный, бедный, дорогой дядюшка.

Дядя. Куда же ты? Посиди еще.

Племянник. Да на чем тут, черт возьми, сидеть? Когда даже и стульев нет.

Дядя (*робко*). А ты... на подоконнике... Или я тебе газетку на полу постелю, интересная газетка... посидим еще, поболтаем о том о сем.

Племянник (*злобно*). Благодарю вас!! От вас пышет гостеприимством! Усядемся мы на рваных газетах, займемся шитьем пальмерстончика из старых рыбьих костей и краденых «коверчиков», а потом, подкрепив силы парой жареных крыс, разойдемся, веселые и довольные друг другом. Нет-с, дядюшка! Я к такой жизни не привык-с. Ч-черт! (*Садится на пол.*)

Дядя (горько). Конечно, где нам! Вы привыкли на стульях сидеть, чаи с колбасами распивать, зубными щеточками жизнь свою украшать... Где нам... (*Садится на пол.*)

Племянник. Ну, чего там, дядя, бросьте. Не стоит.

Пауза.

Только вот что: объясните мне одну дьявольскую загадку.

Дядя (*беспокойно*). Что такое? Что такое? Что?

Племянник. Почему у вас такая роскошная медная дощечка на дверях прибита? Почему квартира ваша во втором этаже? Что у вас в следующих комнатах?

Дядя. О, милый! Это целая история... Квартира эта принадлежит моему другу, торговцу стеклом и фаянсовой посудой. Однажды дела его испортились... ему грозила продажа с аукциона товаров, полное разорение... Тогда он ночью свез самый ценный товар в эту квартиру, сложил до поправления дел, а мне разрешил из милости жить в первых двух комнатах. В остальные я и не захожу.

Племянник (*встает*). Гм... Ну, прощайте, дядя... Свидимся ли — Бог весть.

Дядя. Куда же ты? (*Встает.*)

Племянник. Я думаю, мне пора! Кстати, который теперь может быть час?

Дядя (*машинально засовывает руку за пазуху халата, вытаскивает золотые часы*). Шесть.

Племянник. Дядюшка! У вас золотые часы! (*Всплеснул руками.*)

Дядя замечает бриллиант, хватает племянника за руку, рассматривает.

Дядя. Убей меня, если я поверю, что это тысячное кольцо одолжил тебе тот же приятель!

Племянник (*тычет многозначительно в грудь дяди*). Часы. Золотые.

Дядя. Золотые? Ха-ха! (*Фальшиво смеется.*) Нового золота, брат! Шесть с полтиной — в лучшие времена были куплены. Их теперь и за рубль не продашь.

Племянник. Э, черррт!.. Вы все еще ломаетесь?.. Так докажу же я вам, что юность порывистее, откровеннее и честнее старости! Вот... и вот! И вот! И вот! (*Снимает кольцо, вынимает золотой портсигар, часы, толстый бумажник, тонкий батистовый платок, бросает на подоконник.*) Вот вам колбаса! Вот булки! Вот вам моя нищета и злосчастье! Перехитрил ты меня, старая лисица! А дома еще есть фрак, два сюртука, бриллиантовая булавка и запонки.

Долго смотрят друг на друга.

Дядя (*щекочет пальцем племянника*). Ага... Вот это другое дело. Тогда — ладно! (*Развязывает веревку на животе, сбрасывает свой халатик.*) Долго пришлось мне рыться на чердаке, пока подвернулась под руку эта подходящая дрянь.

Под халатом у него черный суконный жилет и элегантный бархатный пиджак. Сбрасывает опорки. На ногах надеты прекрасные ботинки.,

Адольф!! Вели Ильюшке подавать обед!! Ты не откажешься, надеюсь, пообедать со мной?

Племянник (*насмешливо*). Крысами?

Дядя. Но ведь и не колбасой же. Хе-хе! У меня повар не из последних. (*Толчком ноги раскрывает среднюю дверь.*)

Из дверей показываются д в о е   л а к е е в *в ливреях; за ними* м е т р д о т е л ь *и* п о в а р *в белом колпаке с громадным блюдом, на котором индейка. В перспективе анфилада комнат.*

П л е м я н н и к (*изумленно*). Дядя!!

Д я д я (*самодовольно*). Племянник!

П л е м я н н и к. Ага! У меня все-таки есть нюх!

Д я д я. А ведь получишь ты после меня наследство, каналья! Чувствую я это.

П л е м я н н и к. А то как же. Конечно, получу! Ведь я ваш настоящий, неподдельный племянник...

Д я д я. Верно! В меня. Выдержки только у тебя не хватает...

П л е м я н н и к. Я ж еще молодой!,

Д я д я. Племянничек!

П л е м я н н и к. Дядюшка! (*Бросаются друг другу в объятия и замирают.*)

З а н а в е с

СТАРИКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Архитектор Макосов, 56 лет.
Старый слуга Перепелицын.

Действие происходит у архитектора Макосова; комната; у левой стены широкая оттоманка, посредине стол, на котором шипит утренний самовар. Прямо и направо двери; восемь часов утра. Слуга Перепелицын возится у оттоманки, стелет простыню, взбивает подушки; любовно раскидывает поверх пледа халат, ставит аккуратно туфли. Все время ворчит.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Перепелицын. И чего, спрашивается, дома не сидеть? Дома тепло, уютно, да и слуга Перепелицын знает, что барчуку нужно. Слуга — он и должен услужить. Нет, вот нужно ходить по клубам да по ресторациям; одно нехорошо — напьется этого винища, а головка-то и болит. А другое нехорошо — изобидеть могут. Известно, пьяная компания — она что? Тьфу она — вот что! Ни тебе приятства, ни тебе спокою. А барчук-то, я знаю, добрый... Ангельская душа нараспашку. «Павлуша, одолжи десяточку до послезавтра»... — «Изволь, изволь!» — «Павлуша, нет ли у тебя деньжат, до зарезу нужно». — «Изволь, братец, изволь». Все изволь да изволь. Извольский какой выискался! А по мне —

пойди сам заработай — тогда и проси! Мой барчук трудится, работает, плант делает, а ты что? Паршивец ты, и больше ничего. Моему барчуку, может, тысячу в месяц за архиктуру платят, а ты что? (*Рассматривает халат.*) Ишь ты — халатик будто протерся... Зашить надо завтра, нехорошо. Сам-то он не обратит внимания, известно, молодость — а непорядок! Вчера, этак, будто смеючись, говорит мне: «А что, дескать, Перепелицын, ежели жениться мне? Как ты это понимаешь?» «Жениться, — говорю, — Павел Егорыч, не шутка, легче, чем сапоги вычистить, а только рано еще. Молоды вы. Да и характер у вас овечий, ангельский характер, а смотря какая жена попадется... Другая и заклюет нас с вами». Смеется! Добрая душа. Хе-хе-хе! (*Смеется старческим смехом.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит пьяный Макосов. Он в пальто, цилиндре и галошах. Останавливается у притолоки, обводит стол, самовар, комнату, оттоманку и Перепелицына тяжелым взглядом.

Макосов. Отчего ты, черт тебя подери, не следишь за самоваром? Почему самовар потух?

Перепелицын. Да он вовсе не потух...

Макосов. Молчать! Если я говорю — потух, значит — потух!

Перепелицын. Извольте посмотреть...

Макосов. Ах, так! Значит, я лгу! Так смотри же, собачье отродье! (*Схватывает горячий чайник и одним духом выливает его содержимое в самоварную трубу.*) Ну? Теперь что?

Перепелицын. Так точно. Потух самовар.

Макосов. А я что говорил?

Перепелицын. Что самовар потух.

Макосов. Значит, я прав был?

Перепелицын. Правы. Прикажете уложить вас? Постельку я загодя приготовил.

Макосов. Ты! Ты! Пе-ре-пе-ли-ца!! Не думаешь ли ты, старое чучело, что я пьян?

Перепелицын. Нет, помилуйте. Вы просто устали...

Макосов. Не-ет... Ты думаешь, я пьян?

Перепелицын. Да ей-Богу, не думаю.

Макосов. Помолчи ты, ради Бога!

Перепелицын. Слушаю.

Макосов (*опускается на стул, не снимая пальто и галош, кладет голову на руки и задумывается. Говорит, обиженно*). И это называется слуга... Какая-то жалкая пародия на человека. Нос толстый, глаза маленькие. Ты некрасив, брат Перепелицын, ты чертовски некрасив — это ясно. Ведь ты меня ненавидишь — я знаю. Думаешь: нализался барин как сапожник, ноги его не держат... Врешь ты, тварь! Я, брат, и пьяный, может быть, умнее тебя, трезвого. Почему? Тебе это, конечно, любопытно знать? А? Любопытно? Отвечай, Перепелицын!! Любопытно?

Перепелицын (*со вздохом*). Любопытно...

Макосов (*с пьяной торжественностью*). Оттого, что ты мужик, хам, а я барин, братец! Господин! Homo sapiens!! Ага?

Перепелицын (*покорно*). Так точно. Но только теперь, скажу я вам, господа еще спят. Восемь часов утра. Постелька свеженькая, халатик тепленький...

Макосов. Молчи! Ты мне противен со своей примитивной хитростью дикаря. Я тебя, братец, насквозь вижу. Тебе неприятно, что барин твой говорит тебе тяжелые истины прямо в лицо, и ты мечтаешь о том, чтобы сплавить меня спать. Ага?!

Перепелицын (*добродушно улыбаясь*). Да по мне — хоть здесь сидите. Может, чайку налить?

Макосов. Протрезвить хочешь? Хам ты, старик. Форменный мужлан. Никакой в тебе деликатности. Отвечай мне откровенно: думаешь ли ты, что я пьян?

Перепелицын (*деликатно*). Вы не пьяны, а только вы устали.

Макосов. Так-с... Значит, я, по-твоему, трезвый? А почему я шатаюсь? Почему от меня вином пахнет? Ты это все прекрасно видишь! И ты лжешь... Лжешь своему господину, которого должен любить и почитать пуще отца. Ага! Да ты знаешь, я, может, из-за тебя и пьян. Ей-Богу. Как слуга — ты ниже всякой критики. Гм... да. Пусть моя кровь падет на твою голову.

Долгая пауза.

Слуга... тоже! Должен бы, кажется, понимать, что ты черная кость, а я белая кость. Где же уважение? Где почтение перед высшим интеллектом. Ты меня как называешь? Павлом Егорычем? А надо говорить: ваше высокоблагородие!

Перепелицын. Хорошо. Теперь буду вас так звать. Может, скушаешь что-нибудь, ваше высокоблагородие?

Макосов. Убирайся! Отстань. Не люблю я тебя, знаешь ли? В тебе нет грации, нет манер, говоришь ты ужасно... А фамилия... Ха-ха-ха! (*Иронически.*) Пе-ре-пе-ли-цын! Это знаешь от какого слова? Думаешь, от слова «перепел»? Как бы не так! Дудочки-с! От слова «пе-ре-пить-ся». Твой предок, вероятно, был пьяница, перепился однажды, — так его и назвали.

Перепелицын (*пытается перевести разговор*). У кого ужинали? У Ишимовых?

Макосов. Да-а, брат... Там ужинал, где тебя, черта лысого, и на порог не пустят. Ты не воображай о себе много... Другой бы взял барина, снял с него пальто, сюртук, надел халат, да и уложил своего доброго, своего прекрасного (*со слезой*), своего замечательного барина на диван отдохнуть. Вот что сделал бы другой... А ты?! Господи! И выдумал же Господь такую чудовищную физиономию... Ни грации, ни манер.

Перепелицын. Действительно, где мне. Разве ж я не понимаю? Эх, Господи! Так как же... На диванчик... спать пожалуете?

Макосов. То есть как этот человек может надоесть, даже удивительно.

Перепелицын снимает с него пальто, шляпу, галоши, ботинки и сюртук, облачает в халат, заботливо укладывает на оттоманку; поправляет подушку, покрывает пледом. Ходит на цыпочках, грозя зрителям пальцем: «Тссс!»

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена сразу темнеет. По возможности, абсолютная темнота одна-полторы минуты. Потом — свет. Уже вечер. Над столом ярко горит лампа.

Макосов (*просыпается, потягивается, сбрасывает плед*). Ффу! Ну и заспался же я... Который час? (*Смотрит на часы.*) Однако! Восемь часов вечера! Заспался я. Это значит — двенадцать часов продуть без просыпу. Что-то мой старик на это скажет? Не любит он такого бурного времяпровождения. О, черт возьми, как пить-то хочется. Сельтерской бы. (*Возвышает голос.*) Перепелицын! Перепелицын!! (*Прислушивается.*) Ишь ты, не отзывается... Может, заснул старик. Жалко и будить-то. Слабый он у меня... (*Кашляет.*) О, черт! Какая в глотке засуха. Эх, сельтерской бы. Ну, да черт с ней, перетерплю. Ужасно не хочется старика моего на ночь глядя за сельтерской гонять,.. (*Кашляет.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Перепелицын (*входит в комнату, опирается о притолоку; угрюмо поглядывает на Макосова; он сильно выпивши*). Проснулись? Та-а-ак. Так, значит, и запишем..

Макосов. А, это ты, братец? Заспался я что-то. Ну, как, вообще, у нас дела?

Перепелицын угрюмо молчит, опустив голову.

Чего ж ты молчишь, чудак?

Перепелицын (*после паузы. Сердито, ворчливо*). У других как у людей. Ежели увидит человек своего слугу, он перво-наперво должен сказать ему: «Здравствуйте!» Вот что-с. А у нас, видите, не до того! Некогда. А какое такое занятие? Лишь бы нос задрать повыше.

Макосов (*добродушно-снисходительно*). Бог с тобой, Перепелицын. С удовольствием поздороваюсь с тобой. Здравствуй, Перепелицын.

Перепелицын (*презрительно хохочет; садится у стола*). Снизошли? Жалуете здоровье со своего барского плеча? Не надо мне вашего здоровья!

Макосов. Ты... на меня сердишься?

Перепелицын (в *тоне страшное презрение*). Я? На вас? (*Горько.*) Разве я имею права сердиться на вас? Ведь я ваш раб, вы купили меня и можете делать со мной, что хотите. «Высокоблагородие»... Вы можете сейчас даже голову мне отрезать — ничего вам никто за это не скажет.

Пауза.

А спрашивается, чем вы лучше меня? Тем, что вы архитектор? Ну так что ж... и я могу быть архитектором. Накупить только разных линеечек, циркулей да красок, — и малюй себе на здоровье. Денег только нет, вот беда. А заставь вас делать. то, что я делаю, да вы и повернуться не сумеете. Вы... (*Обливает Макосова презрительным взглядом.*) Даже самовара не поставите! Ха-ха! Нет-с. Не сумеете.

Макосов (*нерешительно*). Однако ты того, брат... послушай...

Перепелицын. Да чего там слушать-то? И слушать тут нечего! Самовар-то ведь не сумеете сготовить?

Макосов. Если ты хочешь, Перепелицын, чаю, я могу поставить самовар. Я сумею...

Перепелицын. Лежите уж лучше! Ба-арин... Почему белая кость? Кто ее смотрел? А может, и у меня белая? Только людей морочат.

Макосов, огорченный, встает, прохаживается по комнате. Тяжелая пауза.

Конечно, я вам служить обязан, потому что вы мне платите деньги, но уважать вас — за что? Да разве уважение на деньги берется? Не-ет, миленький. Уважение не такая музыка. Ха! Белая кость... Вот ежели человек сделает какую-нибудь такую штуку — велосипед там какой-нибудь смешной выдумает или песни играет хорошо — я его уважу. А так — что? Наш брат рабочий мастеровой человек и фундамент выкопает, и камни сложит, и крышей покроет, а потом говорят: «Кто строил дом?» — «Архитектор Макосов». — «Да не может быть? Архитектор Макосов? Ну, что вы?..» — «Так точно»;

Макосов. Ты не понимаешь, Перепелицын... Ведь я план делаю, всю постройку выдумываю, — я ведь учился для этого сколько.

Перепелицын (*саркастически*). А косить умеете?

Макосов. Косить не умею.

Перепелицын. Вот вам и план! Без вашего-то плана проживут, а без хлеба у человека брюхо вспухнет, почернеет он и помрет. Нет уж, что разговаривать-то.

Макосов. Если ты хочешь спать, Перепелицын, иди. Я сам оденусь. Мне еще в клуб надо..

Перепелицын (*подпирает руками голову, долго думает, как бы еще уязвить архитектора. Неожиданно.*) Как ваша фамилия?

Макосов (*кротко*). Ты же знаешь, вот чудак!

Перепелицын. Ну? Как?

Макосов. Макосов! Ну...

Перепелицын (*ядовито*). Так... значит, ваши родители макосы были!

Макосов (*ошеломленный*). Что такое макосы?

Перепелицын (*грубо хохочет*). Такие бывают... Макосы. Даром не назовут. Значит, было за что.

Макосов. Ты, голубчик, говоришь вздор.

Перепелицын. Нет, уж вы извините! Ха-ха! Макосы! Вот тебе и макосы.

Макосов. Однако это уже переходит всякую меру... Как ты смеешь говорить это? Этакий хам!!

Перепелицын (*утирает слезы*). Хам! Конечно, хам. Где ж нам. Недолго ждать-то... Помру — тогда уж не буду хам. Перед Богом все равны будут...

Макосов. Ну, ну... довольно, старик. (*Треплет его по плечу, сконфуженно.*) Чего там... Ты не обижайся... Я пошутил!

Перепелицын. Конечно... Гм... где же мне... Черная кость! А как сапоги починить или за газетами сбегать — тогда не черная кость?.. Тогда Перепелицын? Если у вас есть имя «высокоблагородие», то и у меня есть не хуже — Иван Захарыч! Вот что-с! Потрудитесь на будущее время называть меня Иван Захарыч.

Макосов. Хорошо. Ну, прощай, брат Иван Захарыч. Пойду одеваться.

Перепелицын. Конечно! В деревне люди от голоду дохнут, а мы, значит, по клубам в карты-марты разыгрываем. Нешто нам есть до чего-нибудь дело?..

Макосов (*мягко*). Ну, ну, полно, дружище...

Перепелицын. Да чего там «полно». Может быть, я человек старый, мне с места подняться трудно, а вам разве дело до этого? В клуб бежать нужно. А то, что старый человек и до комнаты своей не доползет — это как?

Макосов. А ты ложись тут, на диване. Поспи до моего прихода... Освежишься — встанешь. Постой, я тебе помогу.. (*Поднимает его со стула, нежно ведет к дивану.*)

Перепелицын приостанавливается.

Перепелицын. Так-так-так... Макосов! Нечего сказать, красивая фамилия! Идите уж! И смотреть-то на вас тошно. (*Ложится, потом приподнимается.*) Нет, вы скажите мне, какая я кость? А? Вы мне это скажите! Какая?

Макосов (*успокоительно*). Ну, белая, белая, конечно же, белая. Спи, голубчик.

Перепелицын (*угрюмо*). То-то. (*Поворачивается, засыпает.*)

Макосов очень осторожно, на цыпочках ходит по комнате, собирает вещи. Роняет ботинок, испуганно оглядывается на Перепелицына, прижимает палец к губам и уходит на цыпочках.

Занавес

ЛЕТО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гамов, студент.
Безобручин, бухгалтер, маленький, невзрачный господин.
Лизавета Ивановна } молодые дамы.
Ольга Пименовна }

Лето.

Сцена представляет берег реки, на котором прямо против зрителя две купальни: направо мужская, налево женская. Купальни разделяются двойной перегородкой. Гамов и Безобручин в купальных костюмах стоят, опершись о перила мужской купальни, и тихо беседуют.

Гамов. Все дело не в том, Игнатий, что ты глуп или неинтересен. Нет! Вздор! Ты не глуп и по-своему интересен. Но ты взял себе такую манеру обращаться с женщинами, что они или считают тебя идиотом, или попросту убегают. Нельзя быть таким робким, неповоротливым, молчаливым, полным угрюмой углубленности... С женщинами нужно уметь говорить!

Безобручин (*кисло*). Да как же еще с ними там говорить?!

Гамов. Эй, миленький! Это целая наука... Не разговаривай с дамой, как с мужчиной, — в этом случае ты ее только спутаешь и собьешь с толку. Убедительность должна быть не в словах, а в голосе. Упрощай свои глубокие мысли до глубины чайной ложки, коверкай

выводы, напирай на детали — результаты получатся чуду подобные. Давай ей философию копеечную, поэзию грошовую! Довольно с нее. Любуясь с нею на закат, не распространяйся так, как бы ты написал это в рассказе, а просто глубоко вздохни, сверни вот этак набок голову и скажи: «Какой прелестный закат, не правда ли? Розовый-прерозовый... Вот так и жизнь наша!»... При чем тут жизнь — это не важно, но при таких словах можно положить свою руку ей на талию...

Безобручин. На... талию?

Гамов. Ну да! Пойми ж ты, что они жесты предпочитают словам.

Безобручин. А если она за это... по физиономии?

Гамов. За что?

Безобручин. А вот... за талию-то.

Гамов, Иногда ударит... иногда и не ударит. Они добрые.

Безобручин хихикает.

Ты чего?

Безобручин. Я в прошлом году был у одной дамы и — хи-хи!—увидел, что у нее расстегнулись пуговицы...

Гамов. Где, где?

Безобручин. На углу Гороховой и Фонтанки...

Гамов. Да нет! Пуговицы-то где расстегнулись?

Безобручин (*неуклюже*). А вот тут... кофточка; на затылке. Я взял да и сдуру поцеловал.

Гамов. Ударила?

Безобручин. Нет. Сказала: «Что вы делаете? Безумец! Вы с ума сошли!» Я обиделся и ушел.

Гамов (*убежденно*). Идиот! Как можно было уходить?!

Безобручин. А чего ж она ругается?!

Гамов. Ты должен был сделать после этого вот что. Сказать: «Ну, дайте я застегну вам пуговицы...» Да вместо того чтобы застегнуть, — расстег...

В это время из раздевальной женской купальни выходят Лизавета Ивановна и Ольга Пименовна — обе в купальных костюмах. Тоже облокачиваются на перила и начинают разговор; Гамов на полуслове замолкает, прижимая палец к губам.

Ольга Пименовна. Главное дело, что мужчин нельзя распускать. Иначе они делаются страшными нахалами. Мужчину надо хорошенько осадить.

Лизавета Ивановна. А если он все-таки лезет?..

Ольга Пименовна. Как так лезет? Как лезет? Вот это мне нравится! Да что мы, живем в дикой стране, что ли? Пусть-ка только мужчина попробует что-нибудь себе позволить, да я такой крик подниму, что он готов будет сквозь землю провалиться! Интересно, вода теплая?

Лизавета Ивановна. Теплая. Двадцать шесть градусов.

Ольга Пименовна. А вы откуда знаете?

Лизавета Ивановна. Да я нынче посылала горничную. Велела ей набрать бутылку воды с реки и принести домой. Вылила в соусник и смерила градусником.

Ольга Пименовна (*восхищенно*). Как просто!

Лизавета Ивановна. Я только очень рыб боюсь. Говорят, есть такие, которые даже путешественников едят.

Ольга Пименовна. Мы ж не путешественники. Я недавно купалась, вдруг вижу — осетрина напротив меня плывет... Я захлопала руками — и она убежала. Нет, тут рыбы безвредные.

Лизавета Ивановна. Не всегда, милая; мой муж на днях порезал себе ногу в воде жестянкой.

Ольга Пименовна. Зачем?

Лизавета Ивановна. Просто так. И представьте — жестянка-то была от сардинок. Вот вам!.. А вы говорите — рыбы не опасные.

Обе берутся за руки и спускаются по лесенке к воде; Ольга Пименовна пробует ногой воду, отдергивает.

Ольга Пименовна. Ой!

Лизавета Ивановна. Что с вами?

Ольга Пименовна. Ничего, ничего... Ну идите же в воду, идите!

Лизавета Ивановна. А вы?

Ольга Пименовна. Я подожду пока; отдохну.

Лизавета Ивановна. Нет, вы идите первая.

Ольга Пименовна. Да почему же непременно я?

Лизавета Ивановна. А я почему?

Ольга Пименовна. Ну, вместе!

Прыгают с нижней ступеньки; визжат, хлопают руками.

Ой, холодно,.. Ай-ай! Что это такое? Ай-я-яй!!

Лизавета Ивановна. Да что там такое?

Ольга Пименовна. Рак, рак!

Лизавета Ивановна. С чего вы взяли?

Ольга Пименовна. Ей-Богу! Я видела, что-то красное около ноги поползло... Ну, ничего! Теперь он ускакал!

Смех; возня.

Гамов. Послушай... Кто это там, на женской половине?

Безобручин. Это, вероятно, соседки с красной дачи. Две дамы. Они шли позади нас.

Гамов. Послушай, бухгалтер... Знаешь что? Поплывем к ним.

Безобручин. В своем ли ты уме?! Замужние, приличные дамы, а мы вломимся в их купалыно — нате, здравствуйте! Да они такой крик поднимут, что потом неприятности не оберешься. Мужья, суд... Драка.

Гамов. Эх, ты! Гроссбух несчастный! Трусишь? Ну, я поплыву один. Хочешь, приплывай после. Познакомлю. (*Сходит со ступенек; ныряет. Через несколько секунд мокрая голова его показывается на женской половине, сзади купальщиц; говорит, отфыркиваясь.*) Mesdames, я должен принести вам свои искренние извинения... гм!

Безобручин, махнув рукой, уходит в раздевальную.

Ольга Пименовна (*негодующе*). Ай-я-яй!!! Кто это?! Мужчина? Да как вы смеете, негодяй вы этакий?! Вон отсюда! Я побегу, я кликну людей!

Гамов (*кротко, рассудительно*). Вот вы меня назвали негодяем... Вы, сударыня, пользуетесь преимуществами вашего пола и уверены, что я не буду вас преследовать узаконенным порядком... Да! Вы правы! Я предам этот тяжелый случай забвению.

Лизавета Ивановна. Ольга, что он говорит?! Какой тяжелый случай? Какой?

Гамов. Этот. Да-с. Вы говорите, я совершил преступление... Но какое же? Вы знаете, конечно, что в заграничных курортах мужчины и дамы купаются вместе — и что же! Никто даже не обращает на это внимания. Dura lex — sed lex*, как говорит русская пословица.

* Закон суров, но это закон (*лат.*).

Ольга Пименовна (*усаживаясь на ступеньку*). Какое нам дело до заграницы?! Там это обычай, а здесь, в дачных купальнях, это не принято, не принято!.. Убирайтесь отсюда! Убирайтесь, слышите?

Гамов. Я, конечно, уйду... Но знаете ли вы, знаете ли вы... (*Постепенно и незаметно подбирается к ступенькам и примащивается на одну из них, пониже Ольги Пименовны.*) Знаете ли вы, что сказал Наполеон, когда его спросили о предках?

Лизавета Ивановна. Нам это совершенно не интересно!

Гамов. Когда его спросили о предках, он сказал: «Я сам предок!».

Лизавета Ивановна. При чем тут Наполеон?

Гамов (*нравоучительно*). А при том, что и мы можем сказать: «Господа! Мы сами себе обычай! Заведемте же обычай купаться вместе...» Впрочем, если, конечно, вам не нравится мой вид, то попрошу вас, Ольга... как по батюшке?

Ольга Пименовна. Никак!

Гамов. Благодарю вас! Я знал, что вы позволите бедному старикашке называть вас просто по имени... Итак, madame Ольга, если вам не нравится мой вид, будьте добры перебросить мне с перил вашу простыню, дабы она прикрыла мои бренные останки!

Лизавета Ивановна. Боже мой, какая наглость! Он же еще и простыню нашу просит. Ольга! Бросьте этому нахалу простыню, и пусть он убирается!

Ольга Пименовна. Нате, ешьте! И сейчас же убирайтесь!

Гамов. Хорошо, уйду. (*Закутывается; садится.*) Сейчас же уйду. Раз вы говорите уйти — я уйду. Я человек ненавязчивый. Раз мое присутствие почему-либо неприятно, я..

Ольга Пименовна. Смотрите на него! Говорит — уйду, а сам сидит.

Гамов. Я не буду сидеть, тем более что сидячий образ жизни мне вреден; я уйду, но, уходя, хочу спросить вас: за что вы меня гоните?

Ольга Пименовна (*всплеснув руками*). Вот новости! Да как же не гнать вас?! Мы тут в одних купальных костюмах, а вы на нас глаза пялите. Убирайтесь!

Гамов (*рассеянно*). А? Что? Сейчас, сейчас... Я уйду! Раз надо уйти — уйду и все! Но мне одно странно: если бы

вы служили в театре и пели бы когда-нибудь партию Зибеля в «Гугенотах»...

Лизавета Ивановна. Зибель не в «Гугенотах», а в «Фаусте»... Даже этого не знает.

Гамов. Да, да, да!.. Совершенно верно! Мерси! А вы, однако, знакомы с историей музыки. Очень, очень приятно. Так вот я и говорю: если бы в театре, исполняя партию Зибеля в «Гу...», «Фаусте», показались бы в трико? И не перед каким-нибудь скромным близоруким студентом (я ведь слеп, как курица!), а перед тысячной толпой!.. Ведь тут не было бы ничего ужасного? Почему же теперь у вас появился этот какой-то ложный, ненормальный стыд?

Ольга Пименовна. То театр, а то купальня.

Гамов. Виноват-с! Ви-но-ват-с!! Но где же разница по существу? Ведь презумпция установлена?

Лизавета Ивановна. Что он говорит! Какая презумпция?

Гамов. Та, о которой мы говорили.

Пауза.

Ольга Пименовна. Не забывайте, что мы замужние дамы, а вы незнакомый нам человек.

Гамов. О, Господи, Господи!.. Ну, представьте вы себе (*садится ступенькой выше, ближе к Ольге Пименовне*), — представьте, что вы бы не встретились с вашими мужьями в свое время, а встретились бы со мной... Вышли бы за меня замуж — и что же! Я имел бы на вас все права... Вы бы ни капельки не стеснялись меня. Так что, стоит ли простую случайность возводить в принцип?

Лизавета Ивановна. Что такое!! В какой там еще принцип?

Гамов (*вежливо*). В тот самый, о котором мы только что говорили. Колесо фортуны не всегда убивает беспочвенные стремления людей, пытающихся идти против велений судьбы. Верно?

Ольга Пименовна. Не понимаю, о чем вы говорите?.. Одному только удивляюсь: как вы могли решиться, не боясь последствий, явиться сюда?

Гамов. Сударыни! В сущности говоря, какая разница, если я сейчас в пяти шагах от вас (*осторожно обнимает ее за талию*) или если бы я был в своей купальне,

в сорока шагах? Если бы мы были в платьях — так очень возможно, сидели бы еще ближе друг к другу где-нибудь в концерте... Значит, по-вашему, — ха-ха!—все дело в платьях? В этой жалкой условности, сшитой из груды разноцветных тряпок руками жалкой глупой портнихи, иногда даже испорченной до мозга костей или больной изнурительной болезнью...

Лизавета Ивановна. Кто?

Гамов (*спокойно*). Портниха.

Ольга Пименовна. Какой вы странный... Сидит, разговаривает. (*Придумывает, что бы сказать.*) Но представьте себе, что ваше присутствие нам просто очень неприятно!

Гамов (*скорбно*). Боже мой! О, Боже мой! Бедные мы люди... Мы с головой сидим в целом море условностей. Вы оскорбляете и гоните меня только потому, что я мужчина. А если бы сейчас явилась купаться сюда какая-нибудь жирная, отвратительная, вульгарная торговка, вы бы не заявили ни одного слова протеста... Почему? Только потому, что она женщина? Несправедливо! А представьте себе, что моей матери пришло бы в голову родить меня девочкой? Сущая случайность!

Ольга Пименовна. Но вы забываете о женской стыдливости!

Гамов (*наставительно*). Женская стыдливость! Стыдиться можно нехорошего: воровства, убийства. Некрасивая женщина может стыдиться своих недостатков — худых ног, впалой груди...

Ольга Пименовна. У меня ноги не худые!

Лизавета Ивановна. И у меня. И грудь не впалая.

Гамов. Я и говорю: а чего же стыдиться красивой женщине? Бог создал ее, наделил всеми совершенствами, и если она скрывает их, она обижает этим Создателя. (*Вдохновенно.*) Творца всего сущего, мудрого, вечного... (*Берет руку Ольги Пименовны, целует ее.*) Что может быть прекрасней этой руки, этого совершенного создания природы. (*Целует.*)

Ольга Пименовна (*жалобно*). А-ай! Лиза, он целует мою руку... Ой! Смотрите-ка, он уже сидит около меня! Ухо-ди-и-те отсюда!

Гамов. Сейчас уйду. Сию минуточку. Сказал уйду — и уйду. Только мне очень тяжело и обидно, (*Утирает слезы.*) Очень, очень обидно — почему на вечере любой дурак, шулер и негодяй может поцеловать вашу руку, а мне, тихому, застенчивому человеку...

Лизавета Ивановна. Застенчивый... Хорош застенчивый! Приплыл к незнакомым дамам, уселся на ступеньку, забрал простыню... Сидит... Убирайтесь отсюда! Не смейте на меня смотреть!..

Ольга Пименовна. Он на вас и не смотрит. Почему вы к нему придираетесь. Человек сидит около меня и... и... и на вас вовсе и не смотрит.

Гамов. А что такое, в сущности, взгляд? Ведь, в сущности, если разобрать...

Безобручин (*выходит из раздевальной, облокачивается на перила; кричит нетерпеливо*). Га-мо-о-ов! Га-а-а-мов!! Ско-о-ро ты?!

Гамов (*беззаботно*). Ах, я и забыл! Меня тут товарищ дожидается... Заговорили вы меня совсем. А впрочем... (*Кричит, приложив руку рупором.*) Иг-на-тий! Иг-на-тий! Плыви сюда!

Лизавета Ивановна. Вы с ума сошли? Кого вы там еще зовете?

Гамов. Это мой друг —мухи не обидит! Вы его, пожалуйста, приободрите. Он в малознакомом обществе теряется. Поручаю его вашему такту и заботливости.

Безобручин (*в это время он сходит в воду; ныряет и появляется мокрый, с выпученными глазами среди дам; говорит робко, жалобно*). В... в... сущности, mesdames, это предрассудок... Честное слово, предрассудок...

Ольга Пименовна. Что предрассудок?

Безобручин. Да вообще все. Жизнь, знаете, не веселит. Всеобщая дороговизна. В опере вы пели бы...

Гамов. Иди уж, иди. Садись! Вот тебе еще есть что-то... вроде полотенца. (*Снимает с перил.*) На, закутайся.

Лизавета Ивановна. Какое безобразие! Мое полотенце... Воображаю, что скажут наши мужья, когда вернутся.

Гамов (*смеется*). Они не узнают, мы им не расскажем. Вот это, господа, Игнатий Безобручин — промышленник и торговый гость.

Безобручин знакомится, пожимая дамам руки.

Очень хорошо поет — прямо загляденье. У вас есть пианино?

Ольга Пименовна. Есть. А что?

Гамов (*кокетливо*). Ах, мы уж и не знаем, идти к вам или нет... Но если вы так настаиваете...

Лизавета Ивановна. Боже мой! На чем?

Гамов. А? На приглашении.

Ольга Пименовна. Я, в сущности, не настаивала, но если вы уж так хотите...

Лизавета Ивановна (*смеется*). Что уж с вами делать! Придется вас пригласить!.. Но только если вы будете так на меня смотреть — я вас за уши выдеру.

Ольга Пименовна. Это мне нравится! Опять вы воображаете, что он на вас смотрит? Знаете, это у вас какая-то мания величия. Вам досадно, что он на вас никакого внимания не обращает, вы и кричите на него!

Лизавета Ивановна. И буду кричать, потому что он нахал! Вот мосье Безобручин не такой! Он очень скромный молодой человек... это сразу видно.

Безобручин. Ха-ха-ха!.. Это верно. (*Подсаживается к Лизавете Ивановне.*) Я — скромный! Я такой скромный, что просто ужас.

Лизавета Ивановна (*гладит его по голове*). Вот и умница... Ведь вы бы никогда первый не приплыли к нам, если бы он вас не позвал?

Безобручин. Я?! Да ни за что! Разве можно. Я сгорел бы со стыда!

Лизавета Ивановна (*Ольге Пименовне*). Вот видите!

Ольга Пименовна. Ну и целуйтесь с ним!

Лизавета Ивановна. Это мое дело,.. Что хочу, то с ним и сделаю!

Ольга Пименовна. Пожалуйста, пожалуйста! Только если он такой скромный, нечего было ему мне руку так многозначительно жать при знакомстве.

Лизавета Ивановна (*хватая Безобручина за руку*). Она правду говорит? Вы жали ей руку? Жали? Многозначительно?!.. Жали?

Безобручин хихикает, стыдливо отвернувшись.

Гамов. Ну, знаешь, Игнатий, это свинство. Я трудился, приплывал сюда, разговаривал, а ты мне под носом

устраиваешь многозначительные пожатия?! Тихоня проклятый!

Лизавета Ивановна. Да чего вы к нему пристали? Вам завидно, что он такой серьезный, положительный человек, а вы просто оглушительный болтун и больше ничего!

Ольга Пименовна. Он? Оглушительный... болтун?! Господин Гамов! Пожалуйте сюда. Садитесь. Надеюсь, что после всего сказанного вы не унизитесь до разговора с ними?!

Гамов. Нет, конечно, Я оскорблен до глубины души. (*Подсаживается к ней.*) Чай у вас дома есть?

Ольга Пименовна. Конечно есть. И кизиловое варенье, вкусное-превкусное.

Лизавета Ивановна. Господин Безобручин! Вы пойдете ко мне на дачу чай пить. У меня, конечно, кизилового варенья нет — терпеть не могу этой кислятины!—но зато я вас угощу хорошим ромом к чаю. (*Ласково.*) Любите ром?

Безобручин. Еще как!

Ольга Пименовна. Гамов, одевайтесь. Потом пойдете по левой дорожке — я вас догоню.

Лизавета Ивановна. Ну, ступайте, милый Безобручин, а то простудитесь; когда оденетесь — ждите меня на правой дорожке!

Гамов и Безобручин плывут к себе. Все молча возятся с полотенцами и простынями. Ольга Пименовна, найдя около себя полотенце Лизаветы Ивановны, сердито швыряет его ей в ноги. Лизавета Ивановна молча швыряет ей простыню. То же самое делают ожесточенно и молча Гамов с Безобручиным.

Занавес

ЛОЖЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лязгов, адвокат.
Серафима Петровна, его жена.
Сандалов, друг Лязгова.
Конякин, студент.
Блюхин, газетный рецензент.
Селиванский, драматург.
Слуга.

Действие происходит в Петербурге.
Зима. Кабинет адвоката Лязгова. Двенадцать часов ночи. У камина сидят Лязгов, Сандалов; молча курят, глубокомысленно пуская друг другу дым в лицо.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сандалов. Жизнь наша одно мучение.
Лязгов. А что?
Сандалов. Да вот надел узкий воротничок, теперь дышать трудно.
Лязгов. Это что! А вот у меня случай: и воротничок широкий, а дышать трудно.
Сандалов. Что так?
Лязгов. Денег нет.
Сандалов. Неужели? А я как раз хотел спросить у тебя сто рублей денька на три.

Лязгов. А у тебя нет? Ну, сто-то рублей я тебе могу дать. На, изволь. (*Вынимает деньги.*)

Сандалов. Нет, в таком случае не надо.

Лязгов. Вот тебе раз! Почему?

Сандалов. Да я просто застраховался.

Лязгов. Это что еще такое?

Сандалов. Да у меня просто такое правило есть: как кто начнет говорить о безденежье, сейчас же нужно попросить у него денег; после этого он уже не подумает просить их у меня.

Лязгов. Бессердечно, но остроумно. А у меня нынче было около тысячи рублей, да я их почти все — фффу!!

Сандалов. Боже мой! Куда же ты это их?

Лязгов. А вот тебе моя печальная повесть в кратких словах: из Одессы вчера ко мне приехала знакомая француженка Люси Бонтон; она там в гранд-отеле царица была, так сказать. Обедали мы с ней у Контана, в кабинете, после обеда катались на автомобиле, потом я был у нее в гранд-отеле, потом мы поехали к ювелиру, я выбрал ей кольцо, а вечером завез ее в оперетку, где и оставил. Ловко?

Сандалов. Боже мой, какая неосторожность! А если жена узнает?

Лязгов. Как она там узнает?

Сандалов. Ну, представь, кто-нибудь видел вас и сказал ей...

Лязгов (*беззаботно*). Ничего, выкручусь. Я мальчишка тоже не дурак! Однако нужно распорядиться; сейчас все съедутся, приедет драматург со своей пьесой, а ничего еще не готово... Ты извини, брат, я тебя покину одного.

Сандалов. Пожалуйста!

Лязгов уходит.
Сандалов ходит по комнате, посвистывая, крутя головой и повторяя время от времени: «Фрукт! Вот так фрукт! Этакий субъект! А?»

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Серафима Петровна (*входит озабоченная, запыхавшись, в шляпе и в верхнем платье*). Володя! Ах, это вы, Семен Семеныч! Здравствуйте. А я думала, муж!

Что это вы одни здесь раскуриваете? А где же муженек-то? Разве никого еще нет? А я спешила.

Сандалов. Владимир Митрофаныч вышел на минутку. Все хлопочет; скоро приедет драматург с пьесой. А я-то, как видите, из театра, вас опередил. Уже десять минут как здесь!

Серафима Петровна (*теряясь*). О каком... театре... вы говорите? Не понимаю! Разве я сегодня была в театре?

Сандалов. Вы шутите или нет?

Серафима Петровна. Нисколько! И не думаю.

Сандалов. Да? В таком случае, Серафима Петровна, вы говорите неправду. Я вас ясно видел сегодня в театре с Таней Черножуковой. Совершенно не понимаю: зачем вы это хотите скрыть?

Серафима Петровна (*ходит по комнате, кусая губы; решительно*). Ну, в таком случае, я вам скажу правду: да, я с Таней была в театре, действительно была, но, прошу вас, Володе об этом — ни слова. Он этого не должен знать ни в коем случае! Слышите?

Сандалов. Черт возьми. Я опять ничего не понимаю. Позвольте... Ведь вы весь вечер сидели с одною только Таней! Ни одного мужчины я около вас не видел, и из театра, судя по времени, вы прямо поехали домой. Для чего же вся эта ложь?

Серафима Петровна. Ах, вы ничего не понимаете! Видите ли, Володя терпеть не может эту Черножукову. Он ее называет напыщенной дурой и говорит, что она оказывает дурное влияние на меня. Поэтому он просил меня не встречаться с нею. Ну, теперь поняли?

Сандалов. Причина уважительная.

Серафима Петровна. И, пожалуйста, держите язык за зубами, слышите?

Сандалов (*поддразнивая*). А я возьму да скажу!

Серафима Петровна. Нет, не скажете!

Сандалов. Что мне может помешать?..

Серафима Петровна. Ну милый, ну хороший — ради Бога! Я сделаю все что хотите, я буду вам так благодарна — не говорите!

Сандалов. Поцелуйте меня, тогда не скажу!

Серафима Петровна. Ишь ты, чего захотели! (*Звонит.*)

Сандалов. Ну? А то ей-Богу скажу!

Серафима Петровна (*борется сама с собой; хочет уйти, возвращается. Целует*). Нате вам! Какой вы, однако, негодяй! (*Грозит пальцем.*) Тссс! Кто-то идет!

Входит слуга.

Слуга. Изволили звонить?

Серафима Петровна. Изволила. Возьмите шляпу и это вот. (*Раздевается.*)

Слуга уходит.

Сандалов. Знаете что? Поцелуйте меня еще раз.

Серафима Петровна. Тссс! Шаги мужа! Смотрите же — вы обещали!

Входит Лязгов.

Лязгов. А, Симочка! Приехала? Где была?

Серафима Петровна. Я была... (*Задумывается; решительно.*) Я была на катке, что на Бассейной, с сестрой Тарского! Однако что же это такое — уж скоро час, а публики не видно.

Лязгов. Ничего, подойдут.

Звонок в передней.

Вот видишь?

Конякин (*входит и со всеми здоровается, приговаривая*). Ну и морозец, скажу я вам. (*Серафиме Петровне.*) Ну, как сегодняшняя пьеса в театре... Интересна?

Серафима Петровна (*удивленно пожимает плечами*). С чего вы взяли, что я знаю об этом? Я же не была в театре.

Конякин. Как не были? А я заезжал к Черножуковым — мне и сказали, что вы с Татьяной Викторовной уехали в театр.

Серафима Петровна (*неуверенно усмехается*). В таком случае, я не виновата, кто Таня такая глупая. Когда она уезжала из дому, то могла солгать как-нибудь иначе...

Лязгов (*жене*). Почему же она должна была солгать?

Серафима Петровна (*постукивая нервно носком ботинка*). Неужели ты не догадываешься? Наверное, поехала к своему поэту.

Конякин (*изумленно*). К поэту? К Гагарову? Но этого не может быть! Гагаров на днях уехал в Москву, и я сам его провожал.

Серафима Петровна (*упрямо, с затравленным видом*). А он все-таки здесь!

Конякин. Не понимаю... (*Пожимает плечами*). Мы с Гагаровым друзья, и он, если бы вернулся, первым долгом известил бы меня.

Серафима Петровна (*нервно*). Он, кажется, скрывается. За ним следят.

Конякин (*беспокойно*). Следят?! Кто следит?

Серафима Петровна. Эти вот... Сыщики.

Сандалов смеется.

Конякин. Позвольте, Серафима Петровна!.. Вы говорите что-то странное: с какой стати сыщикам следить за Гагаровым, когда он не революционер и политикой никогда не занимался?!

Серафима Петровна (*окидывая Конякина враждебным взглядом*). Не... занимался, а теперь занимается. Впрочем, что это мы все: Гагаров да Гагаров. Хотите, господа, чаю?

Лязгов. Ну что ты, Симочка, спрашиваешь, конечно, вели подать!

Серафима Петровна (*звонит слуге*). Подайте чай!

В передней звонок.

Лязгов. Ага! Ну, кого это Бог принес?

Из передней голос Блюхина: «Что, уже читают?»

Иван Петрович Блюхин!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит слуга с чаем. За ним Блюхин — потирает красные руки.

Блюхин (*со всеми здоровается*). Здравствуйте! Здрасте, здрасте, уважаемая Серафима Петровна. Мое почтенье! Мороз, а хорошо! Холодно до гадости. Я сейчас часа два катался на коньках. Прекрасный на Бассейной каток.

Лязгов (*прихлебывая чай*). А жена тоже сейчас только оттуда. Встретились?

Блюхин (*изумленно*). Что вы говорите?! Я все время катался и вас, Серафима Петровна, не видел.

Сандалов все время посмеивается.

Серафима Петровна (*улыбается*). Однако я там была с Марьей Александровной Шемшуриииой.

Блюхин. Удивительно... Ни вас, ни ее я не видел. Это тем более странно, что каток ведь крошечный, все как на ладони.

Серафима Петровна. Мы больше сидели все... около музыки. Я не могла кататься... У меня на коньке винт расшатался.

Блюхин. Ах, так! Хотите, я вам сейчас исправлю? Я мастер на эти дела. Где он у вас?

Серафима Петровна (*нервно*). Я уже отдала его слесарю!

Лязгов. Как же это ты ухитрилась отдать его слесарю, когда уже ночь?

Серафима Петровна (*рассердившись*). Так и отдала! Что ты пристал?! Слесарная, по случаю срочной работы, была открыта. Я и отдала. Слесаря Матвеем зовут.

Звонок.

Кажется, пришел кто-то?!.

Конякин (*заглядывая в переднюю, многозначительно*). Сам автор-с!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит, раскланиваясь, Селиванский с пьесой, свернутой в трубку.

Селиванский. Извиняюсь, что опоздал. Задержал прекрасный пол.

Лязгов (*улыбаясь*). На драматурга большой спрос... Кто же это тебя задержал?

Селиванский. Шемшурина, Марья Александровна.

Серафима Петровна вздрагивает.

Читал ей до сих пор свою пьесу.

Лязгов (*иронически аплодирует*). Соврал, соврал драматург! Драматург скрывает свои любовные похождения. (*Смеется.*) Ха-ха-ха... Никакой Шемшуриной ты не мог читать свою пьесу!

Селиванский обводит компанию недоуменным взглядом. Сандалов и Лязгов смеются.

Селиванский (*кричит досадливо*). Как не читал?! Именно ей читал!

Лязгов. Ха-ха-ха! Скажи же ему, Симочка, что он попался с поличным, ведь Шемшурина была с тобою на катке.

Серафима Петровна (*холодно осматривая всех*). Да, она со мной была.

Селиванский. Когда?! Я с половины десятого до двенадцати сидел у нее и читал свою «Комету».

Серафима Петровна (*пожимает плечами*). Вы что-нибудь спутали.

Селиванский. Что? Что я мог спутать? Часы я мог спутать, Шемшурину мог спутать с кем-нибудь другим или свою пьесу с отрывным календарем?! Как так — спутать?

Серафима Петровна (*Селиванскому*). Ну довольно!.. Хотите чаю? А?

Селиванский. Да нет, разберемся: когда Шемшурина была с вами на катке? В которых часах?

Серафима Петровна. Часов в десять, одиннадцать... и позже.

Селиванский (*всплеснув руками*). Так поздравляю вас: в это самое время я читал ей у нее на дому свою пьесу!

Серафима Петровна (*язвительно*). Да? Может быть, на свете существуют две Шемшуриных? Или я незнакомую даму приняла за Марью Александровну? Или, может быть, я была на катке вчера... Ха-ха!..

Селиванский (*изумленно*). Ничего не понимаю!

Серафима Петровна (*смеясь*). То-то и оно, то-то и оно! Ах, Селиванский, Селиванский...

Селиванский пожимает плечами и разворачивает рукопись, почти все в недоумении, Сандалов смеется, Серафима Петровна смотрит в потолок, потом вскакивает, нервно шагает по кабинету, неожиданно оборачивается к мужу.

Что же это у тебя такой усталый вид? Что ты делал сегодня?

Лязгов. О, я! Я сегодня целый день провел с одной очаровательной дамочкой!

Серафима Петровна. Ну, не говори, пожалуйста, чепухи!

Лязгов. Ей-Богу! Из провинции приехала по делам одна из моих доверительниц, помещица, ужасно беспомощное создание. Пришлось пообедать с ней, чтобы не оставлять одну, у Контана, потом ездили по делам на автомобиле, потом я был у нее в гранд-отеле, по делу продажи ее каракачевской усадьбы, потом заехали к ювелиру — она отдавала в починку колье, очень недурное старинное колье, а вечером я завез ее в оперетку, где и покинул на произвол судьбы. Ужасная вещь эта адвокатура, ни дня ни часа.

Серафима Петровна. Ну, то-то же! Пойдем, господа, в гостиную.

Все постепенно уходят, Сандалов пропускает мимо себя Лязгова, одобрительно хлопает его по плечу; остается последним с Серафимой Петровной.

Сандалов (*глядит на нее иронически, с легким презрением*). Эх!.. Сказал бы я вам что-то, да не хочется... Эх, вы!!!

Занавес

ЗНАМЕНИТЫЙ ТРАНСФОРМАТОР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мошенник-трансформатор.
Его пособники — тоже не лучше:
городовой,
вор,
кормилица,
остальные —на скамейке.
Негодующая публика — преимущественно
первых рядов.

От автора

Я рекомендую театру, ставящему эту пьесу, не указывать в анонсах, публикациях и программах, что «Знаменитый трансформатор» — пьеса Аркадия Аверченко.

Гораздо лучше дать совершенно серьезные объявления о «проезде через наш город — впервые! впервые! — знаменитого, неподражаемого конкурента Фреголи и Франкарди, изумительного трансформатора сеньора такого-то (фамилию каждый режиссер может выдумать по своему вкусу и чутью), который даст только один чарующий спектакль «В мире тайн и загадок», при освещении бенгальским огнем и римско-католическими свечами».

Наивная публика подумает, что это взаправдашний трансформатор, и повалит валом на пьесу...

Если в конце пьесы обман обнаружится и публика начнет шуметь — тем лучше: негодование публики входит в замысел автора.

А полный сбор будет сорван, а что, в сущности, господа, может быть лучше хорошего полного сбора... Не правда ли?

После окончания пьесы и после того, как скандал поутихнет, я разрешаю режиссеру выйти перед опущенным занавесом и свалить все на меня.

Можно сказать так:

— Господа! Простите! Не судите нас строго за этот невинный обман. Это Аркадий Аверченко подучил нас, написав пьесу и посоветовав выдать ее за выступление настоящего трансформатора. Он клялся, что это выйдет очень мило, а мы, простые, доверчивые люди, поверили, и — вот!..

Широкий извиняющийся жест рукой — и публика простит.

На сцене занавеска, из-за которой показывается Трансформатор.

Трансформатор (*раскланиваясь*). Милостивые господа и господини. Я чичас будет иметь шрезвичайни шесть демонстрировать перед этот собраний ряд поразительни и сагадочни превращени, котори должны изумль... вразумль... проводить госпожов и господин в крайни вразумлений...

Голос из публики. Говори по-русски.

Трансформатор. Хорошо. Вот, господа, я сейчас покажу вам целый ряд портретов знаменитых людей, без всяких приспособлений, только с помощью бороды и парика, а также моей мимики. (*Подходит к столику, на котором разложены бороды, усы и парики. Надевает седую бороду.*) Ну, господа, кто это?

Голос из публики. Ибсен, что ли? Толстой? А, знаю, Фальер.

Трансформатор (*торжественно*). А вот и не догадались. Эх, вы. Это — Наполеон.

Голос из публики. Да он не похож.

Трансформатор. А вы должны догадаться.

Голос из публики. Наполеон-то ведь был бритый.

Трансформатор. Ну?.. Значит, я что-нибудь перепутал. Ну, Бог с ним. А это кто? (*Надевает седой парик и усы.*) Ну-ка, пошевелите мозгами.

Голос из публики. Станиславский? Так нет, не похож... Марк Твен!

Трансформатор (*торжественно хлопает в ладоши*). Не угадали. А, что? Опять сели в галошу. Это — писатель Ясинский.

Голос из публики. Да Ясинский бородатый, что вы.

Трансформатор. Что вы меня путаете?.. Показываюсь вам с бородой — говорите, нужно без бороды... показываюсь без бороды — кричите — борода нужна. Я так не могу, вы меня нервируете... (*Понемногу успокаивается.*) Ну, ладно, этот, по-вашему, не похож на Ясинского? В таком случае это — Пушкин.

Голос из публики. А где бакенбарды?

Трансформатор (*беспомощно роется в париках*). Эти? Такие? (*Прикладывает что-то к подбородку.*) Похоже?

Голос из публики. Ничего общего. Позвольте, я вам помогу. (*Перелезает через рампу. Сердобольно.*) Эх, вы. Стойте уж... Я сейчас попробую. Вот так... (*Примеряет бакенбарды.*) Сделайте гордое лицо... да не глупое, а гордое. Вот наказание, какой бестолковый. А еще трансформатор. (*Прилаживает кое-как баки и возвращается на место.*)

Трансформатор мнется, ходит по сцене, барабанит пальцами по столу; наконец говорит.

Трансформатор. А вот я вам сейчас покажу кого-то, ни за что не догадаетесь. (*Надевает, спиной к публике, усы, парик, барабан бьет дробь, как в цирке перед трудным трюком. Поворачивается быстро к публике.*) Ну, кто это? А ну-ка?

Голос из публики. Не знаем.

Трансформатор (*гордо*). То-то. Я так и знал... Это мой знакомый, живет в Симферополе. Иван Мартынович Собакин.

В публике свист.

Господа! Прошу во время сеанса не аплодировать — после можете. Сейчас я вам, господа, покажу изумительный сеанс шпагоглотания. (*Кричит за кулисы.*) Эй, Мишка. Дай шпагу. Я ее проглочу на глазах почтеннейшей публики.

Голос из-за кулис. Больше нету.

Трансформатор. Как нету?

Голос из-за кулис. Так и нету. Вчера последнюю шпагу проглотили. Больше не осталось.

Трансформатор (*разводит руками*). Извините, господа. Придется этот номер отложить. Все шпаги уже прогло-

чены. Но это ничего. Я вам покажу сейчас не менее поразительный сеанс отгадывания чужих мыслей. Вот пять цифр: один, два, три, четыре, пять. Я их кладу лицом вниз, и пусть каждый назовет какую он хочет цифру. Я ее вытащу.

Голоса из публики. Один.

– Три.
– Пять.
– Четыре.
– Два.

Трансформатор задумывается. Потом берет одну из карточек с цифрами; барабан в оркестре выбивает дробь. Тишина.

Трансформатор. Кто сказал – три?

Голос из публики. Я...

Трансформатор. Вот – извольте-с. Ваша цифра угадана. Еще раз! (*Задумывается. Берет другую карточку.*) Кто сказал – пять?

Голос из публики. Я! Я!

Трансформатор. Вот извольте-с! И ваша цифра угадана! (*Берет третью карточку.*) Кто сказал два?

Голос из публики. Я!

Трансформатор. Извольте! И это верно! Теперь я вам покажу чудо быстроты переодевания – трансформацию. Я исполню один целую пьесу с несколькими действующими лицами. Пьеса называется «Украденная ложечка»! Мировая аттракция. (*Снимает рукав фрака, быстро удаляется за ширму.*)

Проходит одна минута, другая, третья – его нет.

Голос из публики. Скоро вы там? Заснули,.что ли?

Трансформатор. Обождите. Я переодеваюсь. Нельзя же сразу. Поспешишь – людей насмешишь... Вы думаете – трансформация – это легко? Думаете – раз плюнуть?

Показывается из-за занавески в том же костюме, только без фрака и с подвязанным фартуком, как слуга. Поет куплеты слуги на мотив из «Графа Люксембурга» «Обожаю, люблю»:

Ах, скандал, ах, скандал,
Я не ждал, я не ждал,

Мне хозяин сказал,
Что я ложку украл.
    Но, ей-ей, у него
    Я не взял ничего.
    А упер
    Уж наверное — вор.
Ах, хозяин, свинья,
Ведь не брал ложки я...
Ее, наверное, вор украл
А ты на мне все зло сорвал...

Скрывается и через полминуты выходит г о р о д о в ы м. *Поет куплеты городового на мотив «Качели»:*

Ну, что могу я сделать тут,
Когда все грабят и крадут,
Об этом знает целый свет,
Что на воров управы нет.
Но все ж я жулика найду,
В участок мигом приведу,
Там дело живо разберут,
И будет жулику капут.

Скрывается и выходит к о р м и л и ц е й. *Поет на мотив уличной песни.*

Мово миленка вон погнали,
Как он ни плакал, ни страдал,
А мне хозяева сказали,
Что будто ложку он украл.
Такую ценную потерю
Нельзя с лакея теребить,
Что милка жулик — не поверю,
Как без него я буду жить!

Выйдя на сцену к о р м и л и ц е й, *прежде чем петь, ребенка кладет на стол. После куплетов уходит, оставляя ребенка. С другой стороны выходит* в о р, *крадет ребенка, поет куплеты и убегает. Куплеты на мотив «Чижика».*

Чижик в клеточке играл,
А я ложечку украл,
Чижик будет петь-свистать,
А я буду удирать.
В доме крики, шум и гам,
А я ложечку продам.
Положу я рубь в карман
И пойду кутить в шантан.

Скрылся.

Выходит п ь я н и ц а *с узелочком, кладет узелок, поет куплеты «Матчиш», после которых исчезает.*

Не грек я, не испанец
И даже не япошка,
Я пьяница из пьяниц
И пьян сейчас немножко.
Кого-то там поймали,
Наверное, воришку...
Хоть гривенник бы дали,
Пошел бы в кабачишку.

Ушел.

Выбегает к о р м и л и ц а, *хватает узелок, хочет уйти, но не успела она еще скрыться, как показывается* г о р о д о в о й. *В публике страшный крик, скандал и свистки.*

Г о л о с и з п у б л и к и. Вон! Долой! Мошенник!! Он не один выходит, а двое. Гоните его... долой... У него за ширмой сообщник.

Публика бросается на сцену. Свалка, во время которой роняют ширмы. За ширмами на длинной скамейке спокойно сидят в ряд, ожидая выхода: Т р а н с ф о р м а т о р *в костюме слуги,* в о р, п ь я н и ц а *и еще два-три заготовленных персонажа. Занавес под страшный шум и свист опускается.*

З а н а в е с

ВЛАСТЬ РОКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Молодая дама.
Молодой господин.
Слуга его.
Голос Рока за сценой.

Пролог

Выходит Рок. Он во фраке, цилиндре.

Я — Рок. Вы, вероятно, будете немного удивлены тем, что я появляюсь перед вами в таком необычном для Рока виде — во фраке, с цилиндром на голове и в перчатках... Я, собственно говоря, не понимаю вашего удивления. Вы, кажется, должны бы были понять, что я могу являться во всех видах, формах и положениях. Сегодня, например, одному из вас падает на улице на голову кирпич с карниза недостроенного дома... Это падаю я, Рок, загримированный кирпичом. Завтра на вас налетит лошадь, под копытами которой вы найдете преждевременную, а иногда и запоздалую смерть. Это все-таки будет не лошадь, а я, Рок, загримированный лошадью.

Вот почему я и прошу вас не придавать значения моей форме и внешности.

Конечно, я не всегда разбиваю головы и калечу ребра — иногда я являюсь в дом в виде билета первого займа, на который пал выигрыш в семьдесят пять тысяч, но тогда меня почему-то не называют Роком.

Тогда говорят — счастье! Никто не скажет; «Роковая случайность — человек выиграл двести тысяч». Обо мне, Роке, тогда и не вспомнят... Меня связывают только с разными гадостями: «роковая ошибка», «роковая неосторожность», «роковой удар»... Ужасно обидно!

Да вот, например, теперь... Разве я с дурной целью появился перед вами? Просто я участвую в пьесе, которая сейчас пойдет, и мне хотелось бы перед поднятием занавеса замолвить несколько слов за автора, режиссера и артистов. Господа! Признаться, пьеса эта очень странная и... трудная... и... неблагодарная. Как мы воплотим на сцене задуманное автором — мы и сами не знаем. А мысль у автора красивая, интересная, глубокая — честное слово!

И я вам предлагаю, давайте вместе посмотрим, что у нас вышло, и не спеша решим — хорошо это или плохо?

Мысль автора так тонка и спрятана так глубоко, что не всякий зритель сейчас же охватит ее в полном объеме. Некоторые молча уйдут из театра, молча поужинают, молча разденутся, молча улягутся спать и только среди ночи, когда поймут все, — раздадутся на постели или оглушительные аплодисменты или протестующий свист. Вот какая это мысль! (*Пауза.*)

Все-таки я боюсь, что вы не поймете пьесы! Видели ли вы когда-нибудь в кинематографе, как, по ошибке пьяного механика, лента вдруг пойдет в обратном порядке? В жизни это очень трудно сделать, трудно вернуть прошлое, и, как сказал один древний мудрец, вычеркнуть прошлое не могут даже сами боги!!

И все же я, Рок, попытаюсь сделать это, попытаюсь на середине пьесы пустить ленту жизни человеческой в обратную сторону. И вы увидите, что из этого получится. (*Пауза.*)

Я сейчас только заметил, что для Рока я довольно-таки болтлив. Роковая болтливость! Это все благодаря моей рассеянности. Роковая рассеянность! (*Хочет ещё что-то сказать, потом машет рукой и скрывается за опущенный занавес.*)

Кабинет *молодого господина.*

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Слуга (*один; в левой руке у него корзина для ненужных бумаг, правой рукой он подбирает с полу разбросанные бумажки и бросает их в корзину*). Вот всегда так: насорит, набезобразничает, набросает на полу разной дряни, а ты за ним прибирай; нет того, чтобы аккуратно в корзинку бросать, корзинка — она-то для чего же поставлена? Чтобы, значит, порядок был, чистота и благопо...

Звонок.

Кого это там еще принесло? Ходят, ходят, а чего, спрашивается, ходят — и неизвестно. И блюнетки, и брондинки, и корня уже порыжели, а что за дело такое? А я бы на месте барина сказал так: вам чего, собственно, угодно? Вчерашнего дня забыли или за прошлогодним снегом пришли? Брысь!

Звонок.

Ишь ты! Поспеешь, милая! Я один, а вас много. (*Уходит.*)

За сценой слышен шум, потом в кабинет влетает *молодая дама, за ней слуга; дама очень расстроена.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дама. Барин твой дома?

Слуга. Барина нет дома.

Дама. Ну, это хорошо. Скажи, пожалуйста, это кабинет барина?

Слуга. Кабинет.

Дама. А это письменный стол?

Слуга. Этот? Стол.

Дама. Как это интересно! А это что такое? Ящик стола?

Слуга. А то что же. Ящик, он и будет ящик. Это уж так, как полагается. Уж ежели стол сделан, то в ём и ящики, и все, что следовает.

Дама. Какой милый, рассудительный человек! Барин-то ящиков не запирает?

Слуга. А зачем их запирать-то?

Дама. Ты чрезвычайно милый человек. Так вот что, друг: мне нужно будет достать из ящика стола одну пустяковую бумажку... Ты позволишь мне это?

Слуга. Да как же это так можно, без барина. Это, пожалуй, и нехорошо.

Дама. Почему же нехорошо? Очень даже хорошо. Ты куришь?

Слуга. Курю, да бедный человек, где нам курить!

Дама. А сигары куришь?

Слуга. Да где там! Собачью ногу не всегда выкуришь.

Дама. Ах, бедный! Какой ужас... А вот я тебе коробочку сигар принесла в подарок. Очень хорошие! (*Вынимает из муфты коробку.*)

Слуга. Вот барыня так барыня! О бедном человеке вспомнили! Мне что! Я и не видел, как вы бумажку эту самую доставали. Я, гляди, отвернулся закурить. Так-то-с. Люблю покурить. (*Отвернувшись, открывает коробку, отламывает кончик сигары, вынимает спички, закуривает.*)

Дама (*стоит около стола, борясь сама с собой, несколько раз хватается за ящик рукой, отдергивает ее. Наконец, решившись, отодвигает ящик, роется в бумагах*). Где же эти письма? Может быть, он не виноват? Но нет! Я прекрасно изучила ее почерк и сразу узнаю по руке... Куда он их положил? А! Вот! (*Схватив письмо, отбегает к рампе.*) О, негодяй! Еще вчера он говорил, что я для него все, что мысль о другой женщине ему противна. Поплатишься ты за это... (*Начинает читать, но за дверью раздаются шаги, она комкает письмо в руке, насторожилась.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит молодой человек.

Молодой человек. Ты? Боже, какой приятный сюрприз. Вот не ожидал-то. Как это мило, что ты зашла... Здравствуй, милая! (*Обнимает ее, целует.*) Как я

промерз сейчас на улице! (*Потирает руки.*) Раздевайся! (*Снимает с нее пальто.*)

Дама. Здравствуй, здравствуй. Вот, зашла посмотреть, как ты живешь?.. (*Осматривается.*) У тебя очень мило.

Молодой человек. Да, знаешь, вообще... Гм! (*Окидывает взглядом письменный стол, вздрагивает и во время последующего разговора пробирается незаметно к столу. Как будто нечаянно берет какой-то журнал, рассеянно перелистывает его, потом кладет на стол, закрывая им женский портрет в рамке, стоящий на видном месте. К слуге.*) Ты чего тут торчишь? Можешь уходить, ты пока не нужен.

Слуга уходит.

Дама. Ты рад меня видеть?

Молодой человек. Очень, знаешь ли. Чрезвычайно. Ну, как ты, вообще, поживаешь?

Дама. Ничего, очень хорошо. Ты меня любишь, ты мне верен — чего же еще надо! Не правда ли?

Молодой человек. О, мое счастье!

Дама. Спасибо. В твоем голосе звучит неподдельная страсть.

Молодой человек. О, конечно, конечно! Мое прекрасное солнышко! Ну, как ты, вообще, поживаешь?

Дама. Ты меня уже об этом спрашивал!

Молодой человек. Ах... спра...шивал? Ну, что ж, я, вообще, знаешь...

Дама. Что такое?

Молодой человек. Голова что-то... трещит.

Дама. Трещит? Неужели? (*Прислушивается.*) Нет, знаешь, ничего не слышно.

Молодой человек. Какая ты... жизнерадостная. Что это у тебя в руках?

Дама. Письмо одно. Частное. Кстати, ты давно видел Зою?

Молодой человек. Зою?.. Николаевну? Что это тебе вздумалось о ней вспомнить? Не помню даже, когда. Вообще, знаешь ли, это меня нисколько не интересует.

Дама. А я знаю, ты ей нравишься.

Молодой человек. Абсолютно к этому равнодушен.

Дама. Какой ты милый! А письма ты ей писал?

Молодой человек. Письма? Да что с тобой, милая! С какой бы я радости стал писать этой толстухе письма.

Дама (*глядя ему в глаза, подчеркивая*). Ты можешь дать честное слово?

Молодой человек (*неуверенно*), Чест... ное сло... вво. Поцелуй меня, моя куколка. Знаешь, как ты любишь — целовать с закрытыми глазами.

Дама. Я не куколка. (*Раздраженно.*) Когда куколка открывает глазки, она говорит: «Папа, мама», — а когда у меня открылись глаза, я тебе скажу: «Мерзавец!!»

Молодой человек. О Боже, что это значит?

Дама. Ты сейчас поймешь, мое сокровище. Чье это письмо? Кому адресовано? От кого? Ты говоришь, что не писал ей, а она тебе отвечает вот что: «Все не могла собраться ответить на твои два милых письма. В них столько неподдельной страсти и пыла...»

Молодой человек. О, образумься!.. Это не от нее письмо!.. Она мне абсолютно безразлична.

Дама. Да? А чей это портрет ты давеча потихоньку журналом закрыл? Ты думаешь, я не видела? О, негодяй, негодяй! (*Мечется по комнате, в бешенстве опрокидывая стулья, хватает со стола портрет, бросает на пол, в бешенстве топчет его.*)

Молодой человек (*падая на колени*). О, пощади меня! На коленях тебя прошу! Я долго боролся с этим чувством, но... Честнее сказать правду... Да, я люблю ее!

Дама. О-о-о-о?!! Ты, значит, сознаешься? Так вот же тебе!!! (*Хватает с письменного стола кинжал, вонзает в грудь молодого человека, он падает.*) За мою разбитую жизнь...

Молодой человек. Ты пронзила мое сердце, но я... прощаю... тебе. (*Судороги, умирает.*)

Дама (*стоит над трупом, глядя на него дикими глазами. Кричит*). О боже, что я наделала!! Смерть, смерть! Я тоже не хочу жить, я выброшусь на мостовую!! (*Подбегает к окну, пытаясь открыть его, не может. Бегает по комнате.*) Эй, люди! Спасите его, помогите! Я его убила!!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и слуга.

Слуга (*вбегая*). Что такое за крики? Что случилось?! (*Увидев труп, глядит на него, падает на колени.*) О, барин,

дорогой барин! Пусть будут все женщины прокляты!! Это дикие звери, а не люди! (*Рыдает.*) Но ничего, мой добрый барин, она за это поплатится. (*Вскакивает.*) Полицию! Полицию! (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дама одна с трупом.

Дама (*падает на колени, плачет*). Что я наделала! Кто сжалится надо мною? (*В экстазе.*) О всесильный рок! Покажи мне свое могущество, верни мне прежнее, и, клянусь тебе, я заживу по-новому! О могущественный рок! Что стоит тебе повернуть немного назад колесо твое!! Верни меня к тому, что было десять минут тому назад!.. Рок, слышишь ты меня?

Голос Рока (*из-за кулис*). Пусть будет по-твоему, женщина... Поворачиваю колесо свое!!

Раскат грома, на одну секунду темнота, потом все по-прежнему. Дама встает с колен, мечется по комнате, вбегает слуга.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и слуга.

Слуга (*падает на колени*). Полицию, полицию! Это звери, а не люди. Пусть будут все женщины прокляты! (*Рыдает.*) О, барин, дорогой барин! (*Встает с колен, более спокойно.*) Что такое за крики? Что случилось? А? (*Спокойно уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дама одна с трупом.

Дама (*начинает бегать, бегает задом наперед*). Я его убила! Эй, люди! Спасите, помогите!! (*Подбегает к окну, хочет. открыть его —не может, отбегает.*) Я тоже не хочу жить, я выброшусь на мостовую. (*Стоит над трупом, глядя на него, как прежде, дикими глазами.*)

Молодой человек (*сначала судороги, потом поднимает голову*). Ты пронзила мое сердце, но я... прощаю тебе. (*Становится на колени, в груди у него торчит кинжал.*)

Дама. О-о-о! Ты, значит, сознаешься?! Так вот тебе!! (*Выхватывает из его груди кинжал, кладет на стол.*)

Молодой человек. О, пощади меня! (*Встает с колен.*) Я на коленях умоляю тебя. Я долго боролся с этим чувством, но... Да, я люблю ее!

Дама. О, негодяй, негодяй! (*Мечется по комнате, расставляя опрокинутые стулья в прежнем порядке, топчет портрет, портрет подскакивает с полу ей в руки, она ставит его на стол, закрывая журналом.*) А чей это портрет ты давеча журналом закрыл?!

Молодой человек. О, образумься! Это не от нее письмо! Она мне абсолютно безразлична!

Дама (*показывая письмо*). А это письмо чье? К кому оно адресовано? (*Читает.*) «Все не могла собраться ответить на два твоих милых письма!..» Я не куколка! Когда куколка открывает глазки, она говорит: «Папа, мама», а я говорю тебе — «Мерзавец!».

Молодой человек. Поцелуй меня, моя куколка. Знаешь, как ты любишь, с закрытыми глазами. Даю тебе честное слово.

Дама. Ты можешь дать мне честное слово?

Молодой человек. Да что ты, милая. С какой стати мы будем с этой толстухой переписываться? Абсолютно к ней равнодушен.

Дама. Какой ты милый.

Молодой человек. Что это у тебя в руках?

Дама. Трещит? Нет, знаешь, не слышно.

Молодой человек. Голова что-то трещит. Ну, как ты, вообще, поживаешь?

Дама. Ты меня уже об этом спрашивал!

Молодой человек. О, мое счастье! Мое прекрасное солнышко!

Дама. Ты спрашиваешь, как я поживаю? Ничего, очень хорошо. Ты меня любишь, чего же мне еще надо...

Молодойчеловек. Ну, как ты поживаешь?

Дама. Ты рад меня видеть?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и слуга, входит задом с сигарой во рту.

Молодой человек. Ты чего тут торчишь все время? Можешь уходить!

Слуга остается.

Дама (*осматривается*). У тебя очень мило. Ну, здравствуй, здравствуй.

Молодой человек. Раздевайся! (*Надевает ей пальто, потирая руки.*) Как я промерз сейчас на улице. (*Целует ее.*) Очень мило, что ты зашла. (*Отходит от нее, задом, к дверям.*) Ты?! Вот не ожидал-то тебя. Какой приятный сюрприз!! Я так рад! А-а! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дама и слуга.

Дама (*около рампы читает письмо*). О, негодяй! Ты мне поплатишься! (*Подходит к столу, кладет обратно письмо в ящик, роется.*) Где же это ее письмо? Я сразу узнаю по руке!.. Куда он его засунул? (*Задвигает ящик, борется сама с собой, потом отходит.*)

Слуга. Спасибо, добрая барыня! Люблю покурить. Вспомнили о бедном человеке. Я, скажем, буду курить и не увижу, как вы эту бумажку доставать будете...

Поднимает брошенную спичку, прикладывает к сигаре, потом прячет ее в спичечную коробку; вынимает сигару изо рта, кладет в коробку, отдает даме, та прячет ее в муфту.

Дама. А вот я тебе коробочку сигар принесла в подарок. Любишь курить?

Слуга. Где нам! Изредка доведется скрутить собачью ножку. Да как же это можно без барина? Оно, пожалуй, нехорошо.

Дама. Я достану только из ящика этого стола одну пустяковую бумажку. Это ведь ящик?

Слуга. Ящик —он ящик и будет. Это уж так полагается.

Дама. А это стол?

Слуга. Это стол.

Дама. А это... кабинет?

Слуга. Кабинет. Барина нет дома.

Дама. А барин твой дома? (*Уходит, пятясь.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Слуга, один.

Слуга (*держит в одной руке корзинку, другой вынимает из нее бумажки и равбрасывает по полу; звонок; ворчит*). Поспеешь, милая! И сколько этих блюнеток и брондинок... ходят, ходят, а чего, спрашивается, ходят — и неизвестно!

Звонок.

(*Разбрасывает бумагу.*) Вот всегда так: насорил барин, набросал на пол бумаги, а ты за ним прибирай. (*Разбросав бумаги, снова собирает их.*)

Звонок, слуга идет отворять, влетает дама.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Дама, слуга.
Все последующее происходит в очень быстром темпе.

Дама. Барина нет дома?
Слуга. Нет.
Дама. Ага! А мне все-таки интересно, ужасно, страшно интересно посмотреть, есть у него ее письма или нет... Я только так: загляну в ящик стола, посмотрю на письмо и сейчас же уйду! Больше ничего — честное слово! (*Бросается к письменному столу, открывает ящик, вынимает письмо, быстро читает.*) Ага! Негодяй!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Входит молодой человек.

Молодой человек. А, здравствуй! Вот приятный сюрприз! Что это у тебя в руках?
Дама. Ты переписываешься с Зоей?
Молодой человек. Нет... С чего ты это взяла?
Дама (*в бешенстве*). Нет?! Лжец, обманщик! Так вот же тебе!! (*Хватает кинжал, вонзает в грудь молодого*

человека, он падает. Дама стоит, ломая руки, глядя на него безумными глазами.)

Гром.

Голос Рока за сценой. Вот, теперь она снова будет кричать мне: «Рок, рок, поверни свое колесо назад!!» Стоит ли помогать этим глупцам? Только даром колесо испортишь.

Гром.

Занавес

МОНОЛОГИ

ПРОЛОГ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Господин во фраке (Оратор),
унылый, говорит, сухо и серьезно.
Господин из-за кулис.
Лица в публике.
Пианист.

Господин во фраке с унылым лицом и листками в руках выходит перед опущенным занавесом и, раскланиваясь, обращается к публике.

Оратор. Милостивые государыни и милостивые государи!.. Мне выпала лестная и почетная обязанность — от имени организаторов этого театра-кабаре поблагодарить вас за честь, которую вы оказали своим посещением, а также в нескольких словах выяснить задачи, смысл и цель этого веселого и забавного театра. Прежде всего, я должен сознаться, что мы не новаторы, не пионеры этого рода предприятия. Подобные театры функционируют на Западе уже давно, всюду имеют шумный успех у культурной публики и привлекают к участию в них самых талантливых, самых популярных и самых избранных представителей литературы, поэзии, живописи и театра. Каковы цели нашего театра-кабаре? У публики на устах многие имена, носителей которых она читает, смотрит на сцене, любуется их картинами и заучивает наизусть стихи. Но, в ежедневной

борьбе с жизнью, имена эти для публики являются абстрактным представлением, сквозь туман которого не проглядывает истинное, живое лицо артиста, часто такое суровое в его произведениях или на большой сцене и такое жизнерадостно-веселое, когда он предается беззаботному отдыху...

Этот театр-кабаре, по мысли его организаторов, и должен явиться тем легким воздушным мостом, который создает непосредственность общения публики с артистически-литературным миром. С этих подмостков зазвучит веселое, шутливое слово серьезного человека, раздастся саркастическая песня, и в шумной кинематографической сумятице промелькнет и пародия на новую нашумевшую пьесу, шарж на всплывшее внезапно литературное или сценическое веяние... В быстром, лихорадочном темпе беззаботного развлечения занятых людей вихрем перед нами пронесутся с музыкой и плясками бесшабашно веселые пьески, и маленькие, крохотные драмы, и трагедии, которые заставят лишь на минуту тяжело сжаться ваше сердце. Трагедии, которые, как тихое облачко на ясном небе, появятся и уступят место сейчас же веселому смеху. Под шутливой формой внимательный наблюдатель — если он захочет вскрыть верхний, наносной слой этой формы — такой внимательный наблюдатель, повторяю я, ощутит духовным оком самые последние течения сакраментального характера, течения, которые в настоящее время преобладают в искусстве, наводняя его и устраивая пороги и мели, через которые трудно плыть людям, любящим это искусство. В этом кратком предисловии, которое я имею честь сообщить вам перед открытием занавеса, мне трудно ясно, точно формулировать мои взгляды на искусство, равно как и затруднительно оспаривать и защищать тезисы Рескина и Толстого, каковые тезисы последний проводил с таким гениальным проникновением в нашумевшей в свое время статье «Что такое искусство?». В самом деле, если вдуматься, то какой трудный, загадочный вопрос стоит перед вами во весь рост: что же такое, наконец, черт возьми, — искусство? И я, скромно соглашаясь с тем, что не с моими слабыми силами

решать эти сложные и даже, да позволено мне будет так выразиться, кардинальные вопросы, — все-таки должен сознаться, что искусство есть тайна с наименьшей затратой ума и энергии достигать наибольших эффектов в писании разных рассказов, повестей, драм и стихов. Может быть, меня упрекнут в узости, в нежелании выяснить роль в искусстве: художников, скульпторов, артистов, но я берусь и насколько могу удачно разрешаю только то, что лежит в сфере моей компетенции. Так, служение искусству, хотя бы в шутливой улыбчивой форме, — вот тот маяк, к которому поплывет наша колесница Джаггернаута. Конечно, я надеюсь, уважаемая публика поймет, что слово «колесница Джаггернаута» само по себе жестокое, ужасное, по индийским понятиям, слово, употреблено мною лишь в том смысле, что мы будем давить под своими колесами все уродливое, отжившее, достойное посмеяния. Также слово «поплывет» употреблено мною не как понятие, означающее положение вещи, держащейся на водной поверхности, а я хотел бы охарактеризовать этим только плавность и отсутствие толчков в нашем предприятии, толчков, которые так часты при передвижении по земной поверхности, обыкновенно усеянной камнями и булыжником. Итак, наш маяк — служение чистому, искусству в шутливой форме при помощи нашего кабаре. Что же такое театр-кабаре?.. У публики на устах многие имена, носителей которых она читает, смотрит на сцене, любуется их картинами и заучивает их стихи... Но, в ежедневной борьбе с жизнью, имена эти для публики являются абстрактным представлением. И вот это кабаре должно явиться, по мысли его организаторов, тем легким воздушным мостом, который соз...

Господин из-за кулис выходит и тревожно что-то шепчет оратору.

Оратор (*громким шепотом*). Что вы мне говорите... Ничего я не перепутал.

Господин из-за кулис. Конечно перепутали... Вы об этом уже говорили... и о воздушном мосте, и об ежедневной борьбе с жизнью.

Оратор. Неужели? Удивительно... Ага... Это листки перепутались... Ну, говорил так говорил... Одну минутку, господа... (*Начинает рыться в листках, перебирая и вчитываясь в них.*)

Господин из-за кулис уходит.

Оратор. Ага... Вот нашел... Гм... гм... (*Громко.*) Выражения мыслей внезапно взгрустнувшего человека... Впрочем, кажется, и это уже я говорил... А... а... Вот это свеженький листочек... Затруднительно оспаривать и защищать тезисы Рескина и Толстого, которые последний проводил с таким гениальным проникновением в нашумевшей в свое время статье «Что такое искусство?».

Господин из-за кулис (*появляясь опять*). Вы и это уже говорили...

Оратор. Как? Я? Ей-Богу, этого не говорил... Насчет Джаггернаута и маяка говорил... А насчет Толстого и Рескина я могу дать слово, что.

Голос из публики. Говорили.

Оратор (*смущенно*). Неужели? Удивительно.

Господин из-за кулис уходит со сцены.

Оратор. Тогда я не буду долго утруждать вашего внимания... Перейдем к ретроспективному взгляду на историю театров-кабаре вообще... Первым долгом я считаю своей священной обязанностью бросить общий взгляд на образ подобного театра в древности... У Плутарха есть некоторые указания на то, что... (*Ищет лист.*)

Голос из публики. Не надо...

Оратор (*недоумевающе*). То есть... как не надо? Почему не надо?

Другой голос из публики. Не слушайте его, жарьте дальше...

Оратор (*сердито*). Я, конечно, и буду продолжать, но меня немного шокирует вульгарный возглас господина, поощрившего меня столь странным образом: «Жарьте». Не будучи в принципе противником кулинарного искусства, я думаю, что термин «жарить» не совсем уместен для характеристики моей настоящей деятельности как лектора, освещающего задачи нашего театра. Итак — возвратимся к Плутарху.

В зале слышен храп одного из публики.

Оратор (*всматриваясь в партер, укоризненно*). Господа, если этот храп не позорная демонстрация против меня, а просто результат усталости истомившегося за день человека, я глубоко скорблю за него, что ему не удастся услышать то, как великий, незабвенный Плутарх...

Голос из публики. А я так ему завидую...

Еще голос из публики. Удивительно у нас некультурная публика...

Оратор (*обрадовавшись.*) Не правда ли? Я очень благодарен за то сочувствие, которое вы мне...

Тот же голос. Да я про вас и говорю... Уди-ви-тель-но некультурная публика: целый час морить нас какой-то скучнейшей лекцией, будто бы мы сами не разберемся, что это такое — ваш театр?

Оратор (*растерянно*). Виноват... Но я думал...

Тот же голос. Если бы вы только думали... А то вы говорите, и ужасно тоскливо...

Другой голос. И ужасно пространно.

Третий голос. И ужасно глупо...

Оратор (*застенчиво*). Тогда я сейчас кончаю... Милостивые государи!!..

Проснувшийся зритель (*приподнимаясь*), Я здесь... в чем дело?

Оратор. Да я вас и не звал... Чего вы пристаете?

Зритель. Ну и черт с вами... Дуйте дальше... Только не кричите громко... Разбудите, когда начнется настоящая шутка...

Другой зритель. Тише!

Третий. Громче!!

Четвертый. Тише, черт возьми.

Пятый. Ничего не слышу!! Громче.

Оратор (*тщетно*). Милостивые государи! Милостивые государи...

Поднимается страшный шум... одна часть публики кричит: «Долой оратора... Надоело... Уберите этого субъекта...» Другая часть публики: «Дайте ему кончить... Пусть говорит...» Шум, постепенно утихает.

Итак, я спешу, господа, кончить... Выяснивши те недостаточные данные, которые оставлены нам Плутархом,

я перехожу ко временам Директории, названным так именно потому, что это было время расцвета театральных предприятий, директора которых, сорганизо...

Голос из публики. Вздор... Времена Директории не потому так названы.

Оратор. Я вам очень благодарен за это ценное указание... Полагаю, что времена Директории были изучены вами и исследованы по источникам, которые мне, равно как и другим ученым, были до сего времени неизвестны...... вавшись... в нечто вроде синдиката...

Голос из публики. Что такое за слово: «вавшись»?

Оратор. Извините... Это для сокращения времени... «вавшись» — это вторая половина слова «сорганизовавшись». Первую часть «сорганизо...» я произнес ранее того, как меня перебил мой уважаемый оппонент... Конечно, правильнее было бы сказать для удобопонятности все слово «сорганизовавшись»... но то драгоценное время, каждый миг которого нам дорог и которое мы должны экономить как самое высшее благо, отпущенное нам Провидением, пекущимся о благе своих подданных, то есть я хотел сказать о благе всего человечества...

Негодующие голоса публики: «Вон... Долой... Это наглость — испытывать так наше терпение. Уберите его... Вон...»

Отдельный голос. Господа, предлагаю выделить из среды публики депутацию, которая бы отправилась просить дирекцию кабаре, чтобы заткнуть этому нахальному болтуну рот обрывком старой декорации...

Господин из-за кулис (*выскакивая, обиженно*). Извините... У нас все декорации не старые, а новые... Извините-с. Вы не имеете права! (*Скрывается под шум и смех публики.*)

Оратор (*выждав, когда шум немного стихает, надрываясь*). Итак, осветивши в достаточной мере положение театров типа кабаре в блаженные времена Директории... я перехожу...

Господин из-за кулис выбегает, таща за рукав пианиста.

Пианист (*вырывает руку, твердя скептически*). Ничего не выйдет... Я знал, что из этого театра ничего не выйдет...

Оратор (*надрываясь*), Времена Директории... так талантливо описанные Плутархом в его нашумевшей драме «Что такое искусство?»...

Пианист (*садясь за рояль, угрюмо*). Ничего из этого не выйдет. Я говорил — и меня не слушали...

Господин из-за кулис (*перебегая растерянно от пианиста к оратору*). (*Пианисту.*) Начинайте играть скорей марш... (*Оратору.*) Довольно лекции... Перестаньте читать лекции...

Пианист. Ничего из этого не выйдет... Я предупреждал... Выдумывают какие-то театры... (*Начинает играть.*)

Оратор (*хрипло кричит на публику*). Господа... Я протестую... Мне не дали кончить... Это закулисные интриги. У меня был хороший конец лекции... приготовленный для ухода под занавес, а этот несчастный музыкантишка уселся за свой комод, чтобы сорвать мою лекцию. Господа... (*Надрываясь.*) Итак, осветивши... Я перехожу... Перенесемся в Элладу.

Выходят два служителя, берут оратора за плечи, за ноги и, как куклу, уносят за кулисы. Посредине музыкальной пьесы он опять выскакивает, потрясая листками, но чья-то рука втаскивает его обратно.

Музыка.

ФУНКЕЛЬМАН И СЫН

(*Монолог госпожи Функельман*)

— Я еще с прошлого года стала замечать, что мой мальчик ходит бледный, задумчивый. А когда еврейский мальчик начинает задумываться — это уже плохо. Что вы думаете, мне обыск нужен, что ли?

— Мотя, — говорю я ему, — Мотя, мальчик мой! Чего тебе каламитно?

Так он поднимет на меня свои глазки и скажет:

— Что значит — каламитно! Ничего мне не каламитно.

— Мотя! Чего ты крутишь? Ведь я же вижу...

— Ой, — говорит, — отстань ты от меня, мама! У меня скоро экзамен на аттестат зрелости, а потом у меня есть запросы.

Обрадовал! Когда у еврейского мальчика появляются запросы, так господин околоточный целую ночь не спит.

— Мотя! Зачем тебе запросы? Что ты, их на ноги наденешь, когда башмаков нет, или на хлеб намажешь, вместо масла? Запросы, запросы. Отцу твоему сорок шестой год — он даже этих запросов и не нюхал. И плохо, ты думаешь, вышло? Пойди, поищи другой такой галантерейный магазин, как у Якова Функельмана! Нужны ему твои запросы! Он даже картоночки маленькие по всему магазину развесил: «Цены без запроса».

— Мама, не мешай мне! Я читаю.

Он читает! Когда он читает, так уж мать родную слушать не может. Я через тебя, может, сорок две болячки в жизни

имела, а ты нос в книжку всунул и думаешь, что умный как раввин. Гениальный ребенок.

Вижу — мой Мотя все крутит и крутит.

— Что ты крутишь?

— Ничего я не кручу. Не мешай читать.

— Что это он там такое читает? Ой! Разве сердце матери это камень или что? Я же так и знала! «Записки Кропоткина»! Тебе очень нужно записки Кропоткина, да? Ты будешь больной, если ты их не прочтешь? Брось сейчас же!

— Мама, оставь, не трогай. Я же тебя не трогаю.

— Еще бы он родную мать тронул, шейгец паршивый!

И так мне. в сердце ударило, будто камнем.

Куда, вы думаете, я сейчас же побежала? Конечно, до отца.

— Яков! Что ты тут перекладываешь сорочки? Убежат они от тебя, или что? Он должен обязательно сорочки перекладывать...

— А что?

— Ты бы лучше на Мотю посмотрел.

— А что?

— Ему надо читать «Записки Кропоткина», да?

— А что?

— Яков! Ты мне не крути. Что ты мне крутишь! Скандал захотел, обыска у тебя не было, да?

— А что?

— Это не человек, а дурак какой-то. Еще он мне должен голову крутить! Тебе что нужно, чтобы твой сын в тюрьме сидел? Для него другого места нет? Надевайся, пойдем домой!

Вы думаете, что он делал, этот Мотя, когда мы пришли? Он читал себе «Записки Кропоткина».

— Мотька, — кричит Яков. — Брось книгу.

— А вы, — говорит, — ее подымете?

— Брось, или я тебе сию минуту по морде ударю.

И как вы думаете, что ответил Мотя?

— Попробуй! А я отравлюсь.

Это запросы называется!

— А, чтоб ты пропал! Тебе для матери книжку жалко. Тебя кто рожал — мать или Кропоткин?

— А что вы, — говорит Мотя, — думаете? Может, я благодаря ему второй раз на свет родился.

— Ой, мое горе!— Я заплакала, Яша заплакал, и Мотя тоже заплакал. Прямо маскарад.

Вышли мы с Яшей в спальню, смотрим друг на друга.

— Хороший мальчик, а? Ему еще в носу нужно ковырять, а он уже Кропоткина читает.

— Ну, что же?

— Яша! Ты знаешь что? Нашего мальчика нужно спасти. Это же невозможно.

Так Яша мне говорит:

— Что я его спасу? Как я его спасу? По морде ему дам? Так он отравится.

— Тебе сейчас — морда. Интеллигентный человек, а рассуждаешь, как разбойник. Для своего ребенка головой пошевелить трудно. Думай!

Яков сел, стал думать. Я села, стала думать. Ум хорошо, а два лучше.

Думаем, думаем, хоть святых выноси.

— Яша!

— А что?

— Знаешь что? Нашего ребенка нужно отвлечь.

— Ой, какая ты умная — отвлечь! Чем я его отвлеку? По морде ему дам?

— Ты же другого не можешь! Для тебя Моткина морда это идеал!.. Он ребенок живой — его чем-нибудь другим заинтересовать нужно... Нехай он влюбится, или что?

— Какая ты, подумаешь, гениальная женщина! А в кого?

— Ну, пусть он побывает в свете! Поведи его в кинематограф и еще куда! Что, ты не можешь повести его в ресторан?!

— Нашла учителя! Что, я бывал когда-нибудь в ресторане? Даже не знаю, как там отворить дверей.

— Что ты крутишь? Что ты мне крутишь? Тебе это чужой ребенок? Это кропоткинское дитя, а не твое? Такой большой дурак, и не может мальчика развлекать.

Пошел он к Моте, стал крутить:

— Ну, Мотечка, не сердись на нас. Пойди с отцом немного пройдись. Я ведь же тебя люблю — ты такой бледненький.

Ну, Мотька туда-сюда — стал крутить: то дайте ему главу дочитать, то у него ноги болят.

— Хороший ребенок! Книжку читать — ноги не болят, а с отцом пройтись — откуда ноги взялись. Надевай картузик, Мотенька, ну же!

Похныкал мой Мотечка, покапризничал — пошел с папой.

Они только за двери — я сейчас же к нему в ящик. Боже ты мой! И как это у нас до сих пор обыска не было — не понимаю! За что только, извините, полиция деньги получает?.. И Кропоткины у него, и Бебели, и Мебели, и Малинины, и Буренины — прямо пороховой склад. Эрфуртских программ — так целых три штуки! Как у ребенка голова не лопнула от всего этого?!

Ой, как оно у меня в печке горело, если бы вы знали! Быка можно было зажарить.

В одиннадцать часов вечера вернулись Яша с Мотей, а на другое утро такой визг по дому пошел, как будто его резали.

— Где мои книги? Кто имел право брать чужую собственность! Это насилие! Я протестуюсь!!

Функельманы любят молчать, но когда они уже начинают кричать — так скандал выходит во всю улицу.

— Что ты кричишь как дурак, — говорит Яков. — От этого книжка не появится обратно. Пойдем лучше контру сыграем.

— Не желаю я вашу контру, отдайте мне моего Энгельса и Каутского!

— Мотя, ты совсем сумасшедший! Я же тебе дам фору — будем играть на три рубля. Если выиграешь, покупай себе хоть новых десять книг!

— Потому только, — говорит Мотя, — и пойду с тобой, чтобы книги свои вернуть.

Ушли они. Пришли вечером в половине двенадцатого.

— Ну что, Мотя, — спрашиваю, — как твои дела?

— Хорошие дела, когда папаша играет, как маркер. Разве можно при такой форе кончать в последнем шаре? Конечно же он выиграет. Я не успею подойти к бильярду, как у него партия сделана.

Ну, утром встали они, Мотя и говорит:

— Папаша, хочешь контру?

— А почему нет?

Ушли. Слава Богу! Бог всегда слушает еврейские молитвы. Уже Мотя о книжках не вспоминает.

Раньше у него только и слышишь: классовые перегородки, добавочная стоимость, кооперативные начала...

А теперь такие хорошие русские слова: красный по борту в лузу, фора, очко, алагер.

Прямо сердце радовалось.

Ну, пришли они в двенадцать часов ночи — оба веселые, легли спать. Пиджаки в мелу, взяла я почистить — что-то торчит из кармана. Э, программа кинематографа! Хе-хе! После Эрфуртской программы это недурно. Бог-таки поворачивает ухо к еврейским молитвам!

Ну, так у них так и пошло: сегодня бильярд, и завтра бильярд, и послезавтра бильярд.

— Ну, — говорю я как-то, — слава Богу, Яша... Отвлек ты мальчика. Уже пусть он немного позанимается. И ты свой магазин забросил..

— Рано, — говорит Яша. — Еще он вчера хотел открытку с видом Маркса купить...

Ну, рано так рано.

Уже они кинематограф забросили, — уже программки цирка у них в кармане.

Еще проходит неделя — кажется, довольно мальчик отвлекся.

— Мотя, что же с экзаменом? Яша, что же с магазином?

— Еще не совсем хорошо, — говорит Яша, — подождем недельку. Ты думаешь, запросы так легко из человека выходят?

Недельку так недельку. Уже у них по карманам не цирковая программа, а от кафешантана, — ужасно бойкий этот Яша оказался.

— Ну, довольно, Яша, хватит! Гораздо бы лучше, чтоб Мотя за свои книги засел.

— Сегодня, — говорит Яша, — нельзя еще, мы одному человечку в одном месте быть обещали.

Сегодня одному человечку, завтра одному человечку... Вижу я, Яков мой крутить начинает.

А один раз оба этих дурака в десять часов утра явились.

— Где вы были, шарлатаны?

— У товарища ночевали. Уже было поздно, и дождик шел, так мы и остались.

Странный этот дождик, который на их улице шел, а на нашей улице не шел.

– Я, – говорит Яша, – спать лягу, у меня голова болит. И у Моти тоже голова болит; пусть и он ложится.

Так вы знаете что? Взяла я их костюмы, и там лежало в карманах такое, что ужас: у Моти черепаховая шпилька, а у Яши черный ажурный чулок.

Это тоже дождик?!

То Эрфуртская программа, потом кинематографическая, потом от шантана, а теперь такая программа, что плюнуть хочется.

– Яша! Это что значит?

– Что? Чулок! Что ты, чулков не видала?

– Где же ты его взял?

– У коммивояжера для образца.

– А зачем же он надёванный? А зачем ты пьяный? А зачем у Мотьки женская шпилька?

– Это тоже для образца.

– Что ты крутишь? Что ты мине крутишь? А отчего Мотька спать хочет? А отчего в твоей чековой книжке одни корешки? Ты с корешков жить будешь? Чтобы вас громом убило, паршивцев.

И теперь вот так оно и пошло: Мотька днем за бильярдом, а ночью его по шантанам черти таскают; Яшка днем за бильярдом, а ночью с Мотькой по шантанам бегает. Такая дружба – будто черт веревкой их связал. Отец хоть изредка в магазин за деньгами приедет, а Мотька совсем исчез. Приедет, переменит воротничок, и опять назад.

Наш еврейский бог услышал еврейскую молитву, но только слишком; он сделал больше, чем надо. Так Мотька отвлекся, что я день и ночь плачу.

Уже Мотька отца на бильярде обыгрывает и фору ему дает, а этот старый осел на него не надыхается.

И так они оба отвлекаются, что плакать хочется. Уже и экзаменов нет, и магазина нет. Все они из дому тащут, а в дом ничего. Разве что иногда принесут в кармане кусок раздавленного ананаса или половину шелкового корсета. И уж они крутят, уж они крутят...

Вы извините меня, что я отнимаю время разговорами, но я у вас хотела одну вещь спросить... Тут никого нет поблизости? Слушайте! Нет ли у вас свободной Эрфурт-

ской программы или Кропоткина? Вы знаете, утопающий за соломинку хватается, так я бы, может быть, попробовала бы... Вы знаете что? Положу Моте под подушку, может, он найдет и отвлечется немного... А тому старому ослу — сплошное мое горе — даже отвлекаться нечем! Он уже будет крутить и крутить до самой смерти.

РОКОВАЯ ГРЕБЕНКА

(*Монолог молодой дамы*)

Вы когда-нибудь пробовали разговаривать с мужчиной? Чистое мучение! Он вам слова не даст сказать... сейчас: тра-та-та, та-та-та, то да се, пятое-десятое. И при этом у него какая-то женская логика, против которой уж решительно ничего не поделаешь... Если бы все знали, сколько приходится выдерживать бедной женщине борьбы, отчаянного сопротивления, сколько приходится тратить мужества, — на женщину смотрели бы иначе... Она — героиня!

Вчера, после обеда, только выхожу я на Дворянскую улицу прогуляться, вдруг — здравствуйте!— Владимир Львович... Только его тут и не хватало! Я была прямо поражена его появлением... Правда, третьего дня я говорила при нем, что буду днем в шесть часов на Дворянской, но я сказала это вскользь, а совсем не для того, чтобы он что-нибудь... Можно, — говорит, — погулять с вами?

— Нельзя. Ни в коем случае! Это неудобно!

— Почему такое неудобно?

— Ну... неудобно. Здесь и так много народу. Вдвоем нам не повернуться.

— А мы, — вдруг говорит он, — перейдем на другую сторону улицы, — там почти нет народу. Вот и будет просторно.

— Ну, если на другую сторону, — тогда конечно...

Перешли. Гуляем, я ему о муже рассказываю, а он вдруг:

— Вы бы выпили бокал вина?

Я возмутилась:

– Вы с ума сошли? С какой радости? Не могу же я с вами по ресторанам ходить. И не думайте! Слышите?

И вдруг – я никогда не могла себе этого представить!– он говорит мне;

– Я никогда не позволю себе предложить вам ресторан. А зайдем лучше ко мне.

– Что-о-о? Чтоб я пошла в гости к холостому мужчине?..

– Но я, – говорит он мне, – не холостой... Я женатый! Только у меня жена в Ессентуках.

– Все-таки к одинокому мужчине я не пойду!

– Я не одинокий! У меня есть канарейка, граммофон и две рыбки в аквариуме.

Что ему было на это возразить? Я попыталась все-таки отказаться:

– Нет, нет, и не просите. Вы так далеко живете, я устала...

И вдруг он мне совершенно неожиданно говорит:

– А мы поедем на извозчике.

Я сделала еще одну отчаянную попытку:

– Нет, нет... Кажется, накрапывает дождик.

– Это ничего, – говорит. – Мы верх подымем.

Ну, словом, совершенно припер меня к стене.

– Нет, – кричу я, – и не думайте!..

Пауза.

Квартирка у него оказалась премилая: всего две комнаты, но обставленные с большим вкусом. Сейчас же этот чудак засуетился, достал из буфета вина, фруктов.

От вина я отказалась категорически.

– Ни в коем случае!

Знаем мы эти вина...

Он пристал ко мне, как с ножом к горлу: «Почему да почему?»

Чтобы отвязаться, я сказала:

– Я из таких не люблю пить. Я пью только из длинненьких бокалов без ножки.

– Так бы вы и сказали! У меня есть и такие.

Что мне оставалось делать?

Однако я заявила категорически:

– Ни одной капли! Ни за что!

Конечно, так и знала: после второго же бокала у меня немного закружилась голова, а щеки сделались розовые-

прерозовые. Он смотрит на меня во все глаза, а потом чокнулся и спрашивает, как будто так себе:

– У вас есть брат?

– Есть.

– Он вас когда-нибудь целовал?

– Конечно. Мы очень дружны.

И вдруг он, к моему ужасу, говорит:

– Если брат вас целует, то почему бы и мне не поцеловать?

Это меня взорвало:

– Ни за что!–кричу я. – Слышите ли? Ни за что! Этого никогда не будет!!

– Почему?– спрашивает этот наглец. – Какая же между нами разница?

– Громадная!.. У него усы и борода, а вы, милостивый государь, совершенно бритый. Ничего общего!

– Однако, – говорит он. – Не всегда же у вашего братца была борода и усы... Был же он когда-нибудь безусым юнцом.

Конечно, я чувствую, что он прав, но тем не менее говорю:

– Нет, нет – ни за что!

– Почему, моя дорогая? (Уж сейчас же и дорогая!) Ведь поцелуй – это простое прикосновение. Когда вы спите – вы касаетесь щекой вашей подушки – и ничего! Тогда вы не кричите – «нет, нет!». Что же, я, по-вашему, хуже какой-нибудь подушки?

Втайне, конечно, я не могла с ним не согласиться, но всетаки я не такая уж дурочка:

– Нет, ни за что! На улице ходит народ, наши силуэты будут ясно видны и... и...

– Я опущу шторы!

– Нет... нет... Кто-нибудь может нечаянно войти к вам...

– Пустое... Дверь у меня на ключе.

– Ради Бога! Ни за что! Лучше режьте меня на куски – я не соглашусь. Вы мне растреплете своими поцелуями волосы, а у вас, вероятно, нет даже гребенки, чтобы причесаться...

И вдруг – только несчастным женщинам Господь посылает такое испытание – он подскакивает к зеркалу и берет с подзеркальника целых две гребенки...

Я вскрикнула, как пораженная громом: он вырвал последнее оружие из моих рук...

Подруга Лили, когда я ей откровенно рассказала об этом случае и о своем отчаянном сопротивлении, о своей борьбе, спросила меня:

– Отчего же ты, вместо всего этого, прямо не сказала ему, что ты замужем, что ты должна принадлежать другому...

Я так и всплеснула руками:

– Бо-же ты мой! А ведь и в самом деле!!! Конечно, это было бы самое простое...

Не пришло в голову.

ЗАГАДОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

На сцену торопливо выходит д а м а *с телеграммой в руках.*

Д а м а. Сейчас принесли телеграмму. От кого бы это? (*Задумывается.*) Неужели от мужа? Ха-ха-ха! Наверное, от него. Дело в том, что, уходя из дому в театр, я заперла двери на ключ, совершенно забыв, что муж отдыхает после обеда в кабинете на диване. Красный такой диван у нас есть. Широкий. Ха-ха-ха! (*Долго смеется.*) Бедняга, наверное, проснулся, бегает по комнатам и не может выйти. Вот и дал мне телеграмму, чтоб я его поскорее выпустила... (*Возмущенно.*) Но, однако, какой негодяй! Когда я сегодня утром просила у него денег на платье, он сказал, что у него нет, а посылать дурацкие телеграммы — на это деньги находятся! Совершенно невозможная личность! Это первый и последний раз, что я выхожу за него замуж: Вот только подумать: человек дает телеграмму только затем, чтобы я его выпустила из дому... (*Задумывается.*) Как же он мог дать мне телеграмму, если я его заперла? Значит, не от него. От кого же?

Неужели... (*В ужасе смотрит на публику.*) Неужели от сестры?! Да что с ней такое могло случиться? Неделю тому назад я проводила ее в Харьков, и девушка была совершенно жива и здорова. Хотя... теперь... эти болезни разные... ужас! В три дня можно свалиться.

А для девушки одной, в незнакомом городе, это прямо гибель! (*Лирически.*) И лежит она одна-одинешенька в дешевом, неуютном номере, мечется в жару по скрипучей постели, и ни одна любящая родственная рука не подаст ей напиться, не поправит одеяла, ни одна рука не позовет доктора. И лежит она, одинокая... (*со слезами на глазах*) лежит, а дождь окутал все серым покрывалом и монотонно шуршит за окном... Ему нет дела до одинокой, брошенной девушки... Ослабевшей рукой написала она телеграмму, но все хуже ей... Впала она в беспамятство, никого не узнает, и не слышит она того, как хозяин гостиницы — сухой, жестокий старик — кричит на весь коридор: «Мне здесь болезней нечего заводить! Умирать можете дома, а не в гостинице! Ишь ты, какая принцесса выискалась!!» А из номера выходит, вытирая слезы, номерной и угрюмо ворчит: «Можете кричать сколько хотите — девушка умерла». (*Всхлипывает.*) Умерла... А дальше что?.. Какой-нибудь околоточный напишет протокол, и повезут ее в желтом некрашеном гробу на дрогах в общую могилу, и ни одна живая душа не пойдет за убогим, никому не известным гро... (*Утирает слезы, успокаиваясь.*) Да! Ведь я же забыла, что сестра позавчера вернулась из Харькова... Гм! (*Задумывается.*)

Кто же это такой может посылать мне телеграмму? Совершенно недоумеваю. Неужели Владимир?! Неу... жели?!!. (*Хватается за сердце.*) Если это он, то, значит, случилось что-нибудь необычайное. (*Со стоном.*) Боже! Я знаю!! Он разлюбил меня!.. У него не хватило мужества сказать мне это прямо и честно в глаза, и он думает отделаться телеграммой... Ха-ха! Разлюбил? И не надо. Я не из тех, которые бегают, как собачонки, за мужчиной, покинувшим их. (*Задумчиво и печально качает головой; медленно.*) Брошенная лю-бов-ни-ца. (*Кричит.*) О, как хотела бы я увидеть ту, ради которой он меня бросил!! Она теперь торжествует, смеется надо мной! (*Безумные глаза; хватается за голову.*) Дайте мне ее, приведите сюда! Они из меня, из женщины, сделали тигрицу, и я поступлю, как тигрица!!.. Вот этими руками я разорву ей грудь, выну сердце

и растопчу, растопчу, как подлую гадину, растопчу это сердце! (*Стучит ногами об пол.*)

О, Боже, Боже... Какая мука! (*Со стоном хватается за грудь.*) А ему (*злобно*), а ему я знаю что сделаю. В первой же аптеке куплю на рубль кислоты.

Нет, не на рубль! На десять рублей, на сто! На тысячу! Я для любимого человека ничего не пожалею!! Испуганный, в страхе, он будет в ногах у меня валяться, а я засмеюсь вот так (*зловеще смеется*) и скажу: «А ты меня пожалел? А ты подумал ли о том, что у меня от слез красные, распухшие глаза...» (*Приостанавливается; вынимает из ридикюля зеркальце, смотрится в него, поправляет прическу... постепенно лицо ее делается спокойнее, веселее; любуется собой; смеется.*) О Боже, какой вздор!

На кого же он может променять меня? Я прекрасно знаю, что он на меня не надышится!

Гм! Значит, не от него... (*Вертит в руках телеграмму.*) В таком случае, я совершенно недоумеваю: от кого это может быть телеграмма? Прямо-таки я теряюсь...

Нетерпеливый голос в публике. Ах ты Господи... Ну чего вы тянете?! Самое простое — распечатайте ее и посмотрите. Прочтете — будете знать, от кого!

Дама. А знаете? Это идея. Действительно, так я и сделаю. (*Распечатывает телеграмму; читает.*) «Дорогой Петька! По случаю дня твоего рождения поздравляем тебя и целуем прямо в твою богопротивную физиономию. После спектакля лети в «Золотой якорь», шашлыки и шампанское кахетинское будут ждать. Декоратор Милкин, благородный отец Казуаров. Ура!»

Из будки протягивается рука суфлера.

Суфлер. Извините, это мне-с!

Дама (*нервно*). Ах ты господи! Лезут тут со своими дурацкими телеграммами!! Черт знает что! (*Комкает телеграмму, бросает в будку, торопливо уходит.*)

Занавес

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяин.
Его отражение в зеркале.

Уютная, хорошо меблированная комната. В одной из стен большое, задрапированное портьерой, зеркало. Хозяин входит, пошатываясь. Он в шубе, шапке; на ногах одна галоша. Галстук развязан, воротничок с одной стороны оборван. Зажигает электричество. Идет по комнате, оборачивается, замечает в зеркале свое отражение; удивленно и нерешительно останавливается; робко кивает головой.

Хозяин. Здрасс... те! Какими судьбами? А я, представьте, так и догадался: смотрю —дверь открыта. (*Смеется.*) Хе-хе! Насилу я в нее ключом попал... Ужасно трудно при... пристреляться. Да... Поворачиваю ключ, открываю дверь... Ну, думаю, раз дверь открыта, значит кто-нибудь... на огонек. Раздевайтесь! (*Снимает шубу и шапку, бросает на диван. Оборачивается.*) Разделись? Вот и... прекрасно! Садитесь! Оч... чень рад, что вспомнили. Хе-хе. Сядьте. Ну! Чего же вы стоите? Сядьте, право. Наверное, устали, взбираясь по лестнице. Са-ди-тесь же! Не хочет. Вот чудак! Хе-хе. Вырасти хотите? Да? Ну, я вам покажу пример, хотя это, мила-ай мой, со стороны хозяина и невежливо. Верррно?! (*Опускается в кресло напротив зеркала; выжи-*

дательно молчит; вздыхает.) Веселое нынче Рождество. Не так ли? Морозы!. Да? Верррно?! (*Неопределенно помахивает рукой.*) Уж-жа-сные. Представьте, вышел я на улйцу, а галоши — трах!—моментально примерзли к тротуару. Хочу поднять одну ногу — не могу! Хочу другую — не могу. Хочу треть... гм!.. Да... Очень сильные морозы. (*Молчит.*) Это очень хорошо, что вы пришли. Нужно, знаете ли... духовное общение... Подъем! Веррно?! (*Внимательно в вглядывается.*) Что это, гол... лубчик, с вами? Воротничок-то подгулял, а? Хе-хе. Наверное, хватили сегодня лишнее ради праздничка, а? Хе-хе!

Добродушно смеется. Долгая пауза.

Сильные морозы, а? Пре-же-сто-кие! Во! (*Сжимает кулак и потрясает им в воздухе.*) Да... Очень, очень большие морозы. Вот вы заметьте: летом не бывает морозов... Почему? А я вам скажу: потому что... смешно было бы: в июне — снег! в июле — мороз! Как так?!! Засмеют люди! Ей-Богу. Дико. Верррно?

Пауза.

Да... (*В сторону.*) Черт его знает, кто такой. Пришел— и молчит. Не надо тогда и приходить. И еще — хорош тоже — одну галошу снял, а другую не снял. Ужа... сающая некультурность... Как не стыдно, право? Свиньи, а не люди. (*К зеркалу.*) Ну-с... Закурить, что ли?

Вынимает портсигар, протягивает своему отражению, другой рукой делает отрицательный жест.

Благодарю вас, у меня есть. (*Сухо.*) Простите, свои курю. Позвольте прикурить только.

Тянется к зеркалу. Касается его папиросой. Затягивается. С неудовольствием.

Кой черт! Ведь у вас не горит. Чего ж вы лезете, чудачина.

Вынимает спички, зажигает, закуривает, потом протягивает зажженную папиросу к зеркалу, прикладывает.

Закурили? Да... Очень большие морозы!

Пауза.

Свирепые! Я в одном доме нынче видел — градусник к стене примерз. Чесст... слово!

Пауза.

Может, коньяку выпьете? Чрезвычайный коньяк есть! Совсем забыл за этими разговорами... Хе-хе. (*В сторону.*) Ой, любит человек хлопнуть рюмку-другую! Ишь как глазки сразу заблестели, когда про коньяк всп.,. вспомнил (*Уходит; возвращается с бутылкой и одной рюмкой.*) Вот... коньячок и... (*нерешительно*) и две рюмочки. Ни-ни! И не отказывайтесь. Дело праздничное...

Наполняет единственную рюмку, отодвигает бутылку в сторону, проливает вино на пол.

(*Удовлетворенно.*) Ну, вот и хорошо. Ваше здоровье! Выпьете, ан, может, и развеселитесь.

Чокается с зеркалом; пьет; садится.

Ну, как у вас дома... все благополучно?

Пауза.

Слушайте! Вы! Вас я спрашиваю или не вас?! Вы все время молчите — нельзя же так! Я могу это счесть за нас... смешку! Верррно?! За презрение к хозяину дома! Или — хе-хе! Вы уже так набрались, что и говорить не можете? (*Горько смеется.*) Конечно! Мы люди маленькие... Разве нас удостоят раз... разговором эти большие господа... Они нас, видите ли, презирают! Нисходят до нас... А в наш дом, черт побери, они приходят! Наш коньяк пьют! Зачем тогда было приходить — шли бы к себе домой! (*В сторону.*) Ужасно подозрительный тип... Физиономия не интел... лиг... тная и гм... препротивная. Еще стащит что-нибудь... (*Свирепея.*) А знаете что? Наплевать мне и на вас, и на ваши разговоры! Идите-ка домой, и, надеюсь, никогда не встречусь с вами. (*Презрительно.*) Тоже... гость! Пришел, когда хозяина дома нет, — это разве можно? А может, я тебя не желаю принять? Илья Чепцов нынче болен и никого не желает принимать!

Слышишь?! А ты лезешь. Нехорршо. Потрудитесь уйти, я спать хочу — вот что-с!

Пауза.

Слушшш... Уходите отсюда! Довольно-с! Пора спать, милосс... государь! А то я поговорю с вами иначе! (*Замахивается и грозит кулаком.*) Шшто-с? Это ты мне грозишь? Вон!!

Размахивается и бьет по зеркалу. Хватаясь за ушибленную руку и утихая.

А-а... Так-с! Драться? Красиво. Пришел в гости и дерется. Изящно! Его коньяком угощаешь, разговар... как с порядочным человеком, а он — драться! Мело... дично! (*Стоит обиженный, в раздумье. Поднимает голову.*) Хорршо! Бог с тобой! Ты не уйдешь — уйду я! Ха-ха-ха! (*Трагически смеется.*) Видали, люди добрые? Хозяина выгоняют из его же собственного дома! Замечательно! Я уйду, милый, уйду. Пусть! Человечество меня гонит, у меня нет крова... Пойду и усну вечным сном, как собака бездомная под забором. Замерзну... (*Плачет.*) Бедный Илья Чепцов! Побредешь ты теперь, одинокий, оставленный, по сугробам, и луна заплачет, когда увидит тебя. Верррно?! Пусть замерзну! Кто будет виноват? Ты! Ты, узур... пат... р... Что ж... Мало ли нас, бездомных странников, умирает... под забором. От ликующих, праздно болтающих... Эх! Доехали Илью Чепцова!

Надевает шубу, шапку, утирает рукавом слезу и, пошатываясь, уходит. Несколько секунд на сцене пусто.

Занавес

ЧЁРТОВА ДЮЖИНА

12 ОДНОАКТНЫХ ПЬЕС И ИНСЦЕНИРОВАННЫХ РАССКАЗОВ

(1913)

чёртова дюжина

От автора

Может быть, все, кому придется держать в руках эту книгу, усмотрят противоречие между заглавием ее и количеством напечатанных в ней пьес.

Противоречие это вынужденное: хотя «чёртова дюжина» обязывала бы автора ввести в книгу тринадцать пьес, но, принимая во внимание общеизвестную мнительность актеров и веру их в «несчастные числа» — автор ограничился только двенадцатью пьесами.

Конечно, автору могут задать вопрос: почему же не изменено заглавие книги в связи с действительным количеством пьес?

Автор извиняется...

Всего, ведь, не сообразишь.

Автор

ПРОЛОГ

(*Монолог*)

Из-за кулис выходит актер во фраке. Говорит, обращаясь к публике.

Актер. Милостивые государыни, милостивые государи и вы, господа контрамарочные!.. Так как то, что мы начинаем в этом сезоне, является для вас делом совершенно новым, необычайным, я скажу более — неслыханным, — то дирекция поручила мне ознакомить

вас хоть немного с главными принципами нашего предприятия.

Как оно называется? Я вижу выражение лихорадочного любопытства на ваших разгоревшихся лицах и поэтому не буду вас томить: мы открываем т е а т р.

Да, театр!

Что же это такое театр?

Театром называется здание, резко разграниченное рампой на две части... Вот это, видите... (*хлопает ладонью по рампе*) это называется рампа... Ишь ты какая! Да, рампа.

Вот эта часть здания называется сценой, — вот эта, видите? А эта — зрительным залом. Многие из вас, вероятно, и не подозревали, что это, в чем они сидят, называется зрительным залом. Актеры, и в особенности антрепренеры — народ страшно суеверный. Если на сцене больше публики, чем в зрительном зале, то это, по существующей примете, считается «плохими делами». Если же, наоборот, то это хорошая примета: значит, дела идут отлично...

Так о чем мы говорили?.. Да, о сцене... Сцена в приличных театрах разделена на две части: на сцену, как таковую, где играют, — и кулисы, где происходят закулисные интриги. Чтобы публика не видела закулисных интриг — ставят ширмы, так называемые «декорации».

Наша дирекция, кроме того, впервые применила очень остроумное нововведение, так называемый «занавес». Вот этот, видите? Хорошая штука, не дешевая. И обратите внимание — какое удобство: играют актеры — занавес поднят; кончили — трах! Занавес опускается. Чрезвычайное удобство.

Для игры в нашем театре, по мысли режиссера, пригласили актеров. После долгих опытов мы убедились, что эта профессия является наиболее подходящей для игры на сцене. Замечено, что ни с зубными врачами, ни даже с помощниками присяжных поверенных никогда не достичь таких результатов, как с актерами.

О второй части театра я уже, кажется, говорил, что она называется зрительным залом.

Человек, явившийся туда, называется зрителем, хотя бы до этого он назывался шулером, поджигателем и фальшивомонетчиком. Не потому ли театральные

представления собирают иногда так много публики?..

Те стулья, на которых вы сидите, называются: «местами». Вот я вам сейчас покажу: будьте добры, вы вот... в первом ряду, немного приподняться... Вот так, мерси. Вот видите — это место! Мерси! Теперь можно сесть.

Вот то место, та дорожка, где никто не сидит называется «Проход», от слова «прохожу», «проходить»! Вы спросите: почему же и тут не поставлены стулья? Ведь дирекции выгоднее, когда больше мест. Вы правы, но не учли одного обстоятельства: а как же будут попадать на свое место зрители? У нас по этому поводу были бурные совещания и, в конце концов, большинство, с архитектором во главе, победило: проход оставлен.

По образцу лучших английских театров «Ипподрома», Дрюриленского и Ковенгарденского — нами устроена так называемая «касса» (от французского *«la caisse»*). Она представляет то удобство, что в ней можно брать билеты на так называемый «спектакль».

Главный аксессуар кассы — так называемый «Аншлаг»: «все билеты проданы».

Если вы будете относиться к нам хорошо, по-настоящему — мы будем показывать вам часто-часто этот аншлаг. Ладно?

Ну, теперь, кажется все... (*спотыкается о суфлерскую будку*). Ах, да! Вот об этом еще не сказал. Вы видите это? Думаете, она пустая? Как бы не так! Нет, в ней сидит человек. Всякий заинтересуется: почему это человека в будку спрятали... Дело очень просто: как известно, зритель иногда выражает свои чувства тем, что бросает нам на сцену цветы... Это еще ничего. Но иногда он бросает и плоды и овощи — огурцы, картофель. Может, актеры этого и заслуживают... Но почему должен страдать совершенно безвинный суфлер? Вот мы его и закрыли.

Кроме будки, мы заимствовали кое-что и от «Художественного театра». Именно — уборные. (*Из-за кулис протягивается рука, дергает оратора; он наклоняет голову.*) А? Что? Я об артистических! А? И об артистических нельзя? Не понимаю... Почему нельзя? Решительно ничего не понимаю... (*помявшись немного, уходит*).

ХЛЕБОСОЛ

ДЕЙСТВУЮШИЕ ЛИЦА

Кулаков.
Гость.
Горничная.

Столовая. За обеденным столом суетится Кулаков и горничная.

Кулаков. Ты колбасу-то как, дура, разложила? Нужно разложить так, что будто ее много... По краям надо!.. А то на средину все кучей свалила! А селедку можно и сократить... Что? не знаешь как? Из средины вынь два кусочка, да и сдвинь голову к хвосту ближе, она и будет казаться, будто целая... А грибки-то... Почему ты их на самый конец стола загнала? Грибки дешевле — их и нужно ближе поставить. И кильки тоже... Нако-ся. А икра где?

Горничная. Вот икра.

Кулаков. Ты что же... так нашему лавочнику и сказала, как я велел?

Горничная. Так и сказала.

Кулаков. Как же ты сказала?

Горничная. Да так и сказала.

Кулаков. Фу ты, какое дерево. «Так, так»! А как так?

Горничная. Да как вы велели.

Кулаков. А как я велел?

Горничная. Что, дескать, мы хоть и берем всю коробку икры, а только это для виду нам нужно, для нужного гостя...

Кулаков. Ну?

Горничная. И что мы, дескать, когда гость уйдет, сейчас же вернем банку, свесим в лавке и что не хватит, то нам пусть на книжку запишет...

Кулаков. Ну, правильно. А он что же сказал на это?

Горничная. А он говорит: Эх вы, говорит, сквалыжники!

Кулаков. Это он, наверно, на тебя сказал.

Горничная. А я-то тут причем? Вы же покупаете...

Кулаков. Ну, ну ладно! Тебе лишь бы языки чесать (*Звонок.*) Вон, звонок. Это, наверно, гость и есть (*горничная уходит.*) А икру я все-таки за цветок поставлю. Авось сразу не заметит. А в средине еды можно и спохватиться, будто нечаянно, указать...

Входит гость.

Гость. Живы, здоровы? Наше вам! (*Целуются.*)

Кулаков. Ну, вот и хорошо... Как раз вовремя. Пожалуйте, пожалуйте... подзакусим, подкрепимся малость... Не могу, такая уж у меня натура... люблю угостить гостя! Садитесь вот тут. Вот вам приборик. Грешный человек, и сам покушать люблю и угостить охотник. Вам простой или специальной прикажете? (*Наливает водку.*) Эх, если бы мне средства настоящие, кажется, целый день угощал бы и поил гостей... (*вздыхает.*) Но где же их возьмешь, средства-то... Опять же и жизнь теперь вздорожала. К чему не прицепишься — все кусается... Верите ли, икра зернистая — семь с полтиной фунт... Вы подумайте только...

Гость. Да... дорогонько... Ну, ваше здоровье! (*чокаются, пьют.*) А все-таки икра всем закускам закуска... Особливо, под холодную водчонку... (*протягивает руку к закускам*).

Кулаков (*отстраняя его руку*). Э, нет... По первой, батенька, не закусывают... Надо еще по одной... В этом удивительном случае хорошо очищенную, а? Хе-хе-хе...

Гость (*осматривая стол*). Нет-с, я уж коньячку попрошу... Вот эту рюмочку, побольше...

Кулаков (*вздохнув печально*). Как хотите... На то вы — гость... (*Наливает неполную рюмку.*)

Гость (*весело*). Полненькую, полненькую... Ха-ха-ха! Люблю полненьких. (*Хлопает Кулакова по плечу.*)

Кулаков (*с кислой гримасой*). Как хотите, как хотите. Ну, ваше здоровье! А я, знаете, простой выпью. Коньяк-то кусается! Прошу закусить: вот грибки, селедка, кильки. Кильки, должен я вам сказать, поражающие!

Гость (*восторженно*). Те-те-те... Что вижу я?.. Зернистая икра и, кажется, очень недурная. А вы, злодей, молчите!.. Ишь-ты, куда она забралась...

Кулаков (*недовольно*). Да-с, икра... Конечно, можно и икры... (*В сторону.*) Увидел-таки, проклятый! (*Громко.*) Пожалуйте, вот ложечку... (*подает ложечку*).

Гость. Чего-с? Чайную? Хе-хе! Подымайте выше! Зернистая икра хороша именно тогда, когда ее едят столовой ложкой. Ах, хорошо! Попрошу еще рюмочку коньяку! Да чего вы такой мрачный? Случилось что-нибудь?

Кулаков (*придвигая гостю тарелку с селедкой, страдальчески*). Жизнь не веселит! Всеобщий упадок дел... Дороговизна предметов первой необходимости, не говоря уже о предметах роскоши... Да, так к слову сказать, я ведь вам уже говорил, почем теперь икра?.. семь с полтиной, батенька, семь с полтиной! Можете вы это постичь?

Гость. Да? Что вы говорите! А ну-ка, дайте мне копеечек на тридцать. Хе-хе!..

Кулаков (*борясь сам с собою, безуспешно старается придать голосу веселый тон*). Усиленно рекомендую вам селедку. Во рту тает...

Гость. Тает? Скажите! Таять-то она, подлая, тает, а потом подведет — изжогой наделит! Икра же, заметьте, почтеннейший, не выдаст!.. Бла-а-а-го-роднейшая дама!

Кулаков (*едва сдерживая себя, с усилием улыбается*). А, что вы скажете насчет этих малюток? Немцы считают кильку лучшей закуской...

Гость. Так-то ж немцы! А мы, батенька, русские... Широкая натура! А ну еще... «Черпай источник, да не иссякнет он»!.. как сказал какой-то поэт.

Кулаков (*с угрюмой злобностью*). Никакой поэт этого не говорил.

Гость. Не говорил? Он был, значит, неразговорчивый. А коньячишко хорош! С икрой...

Кулаков (*с тихим стоном*). А почему вы не кушаете ветчины... Неужели, вы стесняетесь...

Гость. Что вы?! Я чувствую себя, как дома...

Кулаков (*вскочив, прохаживается по комнате; в сторону*). Положим, дома ты бы зернистую икру столовой ложкой не лопал!.. (*Громко.*) Ну... А теперь грибков под водочку. Вы бы грибы ели!! Почему не едите? А?!!

Гость. Во-первых, не под водочку, а под коньячок, а во-вторых, не грибков, а икорки... Икра – это Марфа и Онега к коньячку, как говаривал один псаломщик... Это он вместо Альфы и Омеги говаривал... Марфа и Онега!.. Каково? хе-хе-хе...

Кулаков (*скрежеща зубами, смеется; потихоньку отодвигает от него икру*).

Гость (*удивленно смотрит на стол*). Черт возьми, где же икра? Она, как живая... Я ее придвигаю сюда, а она отодвигается туда... Совершенно незаметно!

Кулаков (*с деланным удивлением*). Неужели? А вот мы ее опять придвинем (*придвигает грибки*).

Гость (*добродушно*). Да ведь это грибки...

Кулаков (*свирепо*). А вы чего же хотели?

Гость (*треплет Кулакова по колену*). Икры, милейший, икорочки... Там еще порядком осталось...

Кулаков (*с злобой глядя на него*). Господи!.. У-ух!..

Гость. Что такое?

Кулаков (*со скрежетом*). Кушайте, пожалуйста, кушайте...

Гость. Я и ем...

Кулаков (*теряя самообладание*). Кушайте, кушайте. Вы мало икры ели!.. Еще кушайте!.. Кушайте побольше!..

Гость. Благодарю вас. Я ее еще с коньячком... Славный у вас коньячишко!..

Кулаков (*тем же тоном и раздражаясь еще больше*). Славный коньячишко?.. Вы и коньячишко еще пейте... Может быть, вам шампанского открыть, ананасов? а? Кушайте!..

Гость. Дело! Это хорошо! Это идея! Это вы очень мило придумали. Но только после, после. Вы, дружище, не забегайте вперед! Будьте покойны... Оставим место

и для шампанского и для ананасов... Пока я — сию брюнеточку!.. Кажется, немного еще осталось?..

Кулаков (*кричит пронзительно, блуждая безумными глазами*). Кушайте, кушайте... Может столовая ложка мала? Не дать ли разливательную? Чего же вы стесняетесь? Кушайте! Шампанского? И шампанского дам! Может, вам нравится моя новая шуба? Берите шубу! Жилетка вам нравится? Сниму жилетку! Забирайте стулья, комод, зеркало... Деньги нужны? Хватайте бумажник. Ешьте меня самого... На, бери! Лопай! Не стесняйтесь, будьте как дома, ха-ха-ха... (*падает на кушетку, колотит по ней руками и ногами*).

Гость (*встает, подходит к нему*). Вот-то штука! Неужель, с ума сошел? (*С простоватым видом.*) Это он, наверное, ядовитых грибов накушался. Ел бы, как я, зернистую икру, ничего бы с ним и не было...

Занавес

ВИЗИТЕРЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кутляев, чиновник.
Наталья Павловна, его жена.
Птицын, Крамалюхин, Волдырев — их знакомые.
Извозчик.

Столовая. Стол убран по праздничному. Куличи, закуски, ряд бутылок.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кутляев ходит вокруг стола, потирая руки и любовно осматривая закуски. Наталья Павловна разодета, сидит у окна.

Кутляев. Кажется, в порядке все. Ничего не забыли... Водочка, кильки, икорка... А анисовка где? А-а, вот она... все на месте... А визитеров еще нет... Гм!.. Пора бы уж им...

Наталья Павловна. Придут, уж это ты не беспокойся.

Кутляев. Мало что придут. Пора бы уже, говорю! (*Звонок.*) Да вот кто-то!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и П т и ц ы н.

П т и ц ы н (*входит, напомаженный, чинный, в смокинге, с цилиндром в руках*). Честь имею поздравить вас со светлым праздником.

К у т л я е в (*радостно, растопыривая руки*). Мамуся, Васенька, зачем так торжественно? Давай лучше расцелуемся.

П т и ц ы н (*вежливо кланяясь, холодным тоном*). Я, простите, не христосуюсь.

К у т л я е в. Да почему? Господи! Ведь вот с визитом вы же, Васенька, пришли?

П т и ц ы н (*вставая; обиженно*). Я могу и уйти, если вам посещение не нравится.

К у т л я е в. Что вы, что вы! Как вам не стыдно? Мы очень рады. Я только к тому говорю, что визиты, как и христосование, тоже традиция.

П т и ц ы н. Да-с! Пошлейшая, никому не нужная традиция. И вот, именно поэтому, я и решил всюду ходить и во всеуслышание заявлять: господа, бросьте этот глупый утомительный обычай. Станьте выше! Стремитесь быть сверхчеловеками!!

К у т л я е в. Вы водку пьете?

П т и ц ы н (*сбитый с тона*). Что? Какую водку? Ах, водку! Рюмочку я, конечно, выпью, но не потому, что сегодня праздник, а просто — небольшое количество алкоголя мне не повредит.

К у т л я е в (*наливает водку, хлопая Птицына по плечу*). Да бросьте вашу философию! Ох, уж эта мне интеллигенция... За ваше здоровье!..

П т и ц ы н (*поморщившись*). Причем здесь здоровье? Просто нам с вами хочется выпить — мы и пьем.

Н а т а л ь я П а в л о в н а (*робко*). Рюмочку вина. Выпьете?

П т и ц ы н. Принципиально не выпью. Что ж это такое в самом деле? Уж если праздник, значит надо пить? Вот в сентябре будут ваши именины, тогда и выпью. А пить вино сейчас — согласитесь это ординарно (*обводит глазами стол*). Простите меня, Наталья Павловна, но можно мне быть с вами откровенным?

Н а т а л ь я П а в л о в н а (*робко*). Пожалуйста...

Птицын. Я уж такой человек, что всегда режу правду в глаза... Скажите, зачем, к чему эта зелень у поросенка во рту? Кому она нужна? На что? Ведь вкусу она вашему поросенку не придаст. А?

Наталья Павловна (*конфузливо, улыбаясь*). Ах, какой вы критик. На всякий пустяк обращаете внимание... Это так только, для красоты...

Птицын (*горько улыбаясь*). Для красоты?.. Красота — это Рафаэль, Мадонна, Валаскец какой-нибудь, Венера Милосская! Вы извините меня, но я так говорю, потому что знаю, что вы не обидитесь. А какая же красота — пучок зелени в пасти мертвого животного? Ни моего эстетического, ни моего морального чувства такая вещь удовлетворить не может.

Кутляев (*смеется*). Ха, ха-ха. Вот не думал, что у покойного Павла Егорыча такой ученый философский сынок будет. Ай-да Васенька! Бог с нею, с зеленью. Вы бы еще рюмочку. Под поросенка.

Птицын (*грустно*). Поросенка... Нет, спасибо. Пить водку и закусывать мертвым животным. Нет, уж увольте. Спасибо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Крамалюхин (*влетает; он навеселе*). С праздником! (*целуется с Кутляевым; целует Наталью Павловну; увидав Птицына.*) А, кого я вижу? Мой молодой товарищ!! Поцелуемся на радостях.

Птицын (*твердо и значительно*). Простите, не целуюсь.

Крамалюхин. Фу ты, ну ты. А то бы лобызнулись. Не хотите? Ну, как хотите.

Птицын (*ехидно, склонив голову налево*). Визиты делаете?

Крамалюхин (*склонив голову направо, юмористически пищит*). Визиты делаю. Мученик естества!..

Кутляев. Выпейте чего-нибудь.

Крамалюхин С восторгом в душе!! Боже ты мой, какой закусон! А, поросенок!.. Красавец, а не поросенок. Красота.

Птицын (*иронически*). Вам нравится? А мне, представьте, не нравится. Это не есть вечная красота... Это не Рафаэль, Мадонна... Знаменитая статуя Венеры Милосской,

находящаяся в одном из заграничных музеев — вот что должно нравиться! Хм!.. Поросенок!..

Крамалюхин (*смеясь*). Эк, куда заехали!.. (*Молящим голосом.*) Можно мне килечку?

Птицын (*иронически*). Кильку? Вечные самообманы в жизни. Гонятся люди за килькой и не могут себе задать вопроса: что такое, в сущности, килька? Так что-то... Жалкая рыбка! Слепые люди!

Наталья Павловна (*Крамалюхину*). Много визитов сделали?

Крамалюхин (*бурно и весело*). И не говорите. Был уже в двадцати местах. Носился, как вихрь. Так славно на улице. Колокола гудят: бам, бам, бам. Такая нарядная толпа, красивая...

Птицын (*укоризненно*). Вы полагаете, что красота именно в этом? Красота не в этом! Красота не в том, что у вас атласные отвороты на фраке... Красота — это Бетховен, симфония какая-нибудь... Кельнский собор, который в Страсбурге... Микель Анджело... Слепые люди!

Наталья Павловна (*Крамалюхину*). Чего же вы стоите? Садитесь.

Крамалюхин (*расшаркиваясь*). Мерси вам в боку! (*Садится с размаху на цилиндр Птицына.*)

Птицын (*болезненно и пронзительно*). Что вы делаете? Вы сели на мой цилиндр.

Крамалюхин (*удивлен*). Ну? В самом деле?

Птицын (*вертя в руках сплющенный цилиндр, говорит со слезами в голосе*). Ну, что теперь делать? Сел на цилиндр. Куда он теперь годится? Кто вас просил садиться на мой цилиндр?

Крамалюхин. Я нечаянно... Да это пустяки... Его можно выпрямить и по-прежнему носить...

Птицын (*злобно и плаксиво*). Да-а. Сами вы носите. Разве в нем можно показаться на улицу?

Крамалюхин (*усмехаясь*). Почему же? Красота не в этом. Красота это Рембрандт, Айвазовский, Шиллер какой-нибудь... Мадонна...

Птицын (*чуть не плача*). Полез прямо на шляпу.

Крамалюхин (*хохочет*). Слепое человечество. Ну, не хотите ее носить, я вам заплачу. Ладно?

Птицын. А вы что же думали! Ишь ты какой!.. Цилиндр стоит 15 рублей... Давайте! (*Берет у него деньги и идет к двери.*)

Кутляев. Васенька, куда же вы?

Птицын. Не желаю я с вами. Тоже! На цилиндры садятся! (*Уходит.*)

Наталья Павловна (*по уходе Птицына*). Ну, ушел, слава Богу... Тяжелый человек... Выпейте еще рюмочку, Сергей Антоныч.

Крамалюхин. Выпью, выпью, высокочтимая Наталья Павловна, и еще одну (*пьет*) и еще одну... Хе-хе!.. Замечательная водчонка! (*заметно пьянеет.*) А теперь можно и вина выпить... (*протягивает руку*).

Наталья Павловна. Вы ошиблись... Это не вино... Это прованское масло...

Крамалюхин. Ну-у?.. Неужели масло? Странно!! Чрезвычайно стр... странно! Позвольте мне в таком случае еще рюмочку... этой индейки... Хе-хе! Недурные омары... А?

Кутляев. Постойте, батюшка, что же вы делаете? Ведь вы вместо омара жуете бумагу от окорока?

Крамалюхин (*громко хохочет*). Не может быть? Я, действительно, смотрю, что это как будто семга, а не омары... Хорошая семга!.. Почем продавали? (*Неистово хохочет.*) Фу, черт! Хотел сказать покупали; а говорю... пр... продавали. А? забавно, мамаша?

Наталья Павловна (*смущенно*). Ничего, бывает.

Крамалюхин. А теперь прошу стаканчик вот этого дикокту... Э?

Наталья Павловна (*убирая в сторону бутылку*). Вы у Цесаркиных давно были?

Крамалюхин (*совершенно пьян*). Четырнадцать! Да еще 8 позавчера.

Кутляев. Что восемь?

Крамалюхин. Высокий такой блондин. Живи, говорит, у меня. Чего там!

Кутляев. Что?

Крамалюхин. Вот вам и что. Его из печки вытащили, а он пополам. Иди-от! Правильно? Вы позвольте еще стаканчик ветчины... Мамаша, а? Не хотите? Ну, и не надо, не н... нуждаюсь! Убирайтесь вон отсюда! Слышите? Вон из моего дома!! Слышите? Вон! А я спать лягу

(*ложится на ломберный стол.*) Хороший это у вас рояль. Почем фунт? Разбудите меня в половине шестнадцатого! (*Засыпает.*)

Наталья Павловна. Какое безобразие! Совсем труп... Унесем его в спальню. Пусть проспится... А то неловко, гости придут (*берут его и уносят*)...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Волдырев, он совершенно пьян.

Кутляев (*идет ему навстречу*). А, Лев Поликарпович!

Наталья Павловна. Рады вас видеть.

Волдырев (*делает неровный шаг*). С этим... С нодом годным... то есть... с годным новым... Эх... не выходит!.. Позвольте облобызать... (*делает шаг и спотыкается, смотрит на поднятую им же спичку и потом говорит Кутляеву*). Пос-слушайте, где у вас тут склад ненужных отбросов?

Кутляев. Ха-ха-ха. Для чего вам это?

Волдырев. Укажите такое место, где бы я мог положить этот предмет, мешающий правильному движению пешеходов.

Кутляев. Да ведь это спичка. Бросьте ее. Чего там; ведь она никому не мешает.

Волдырев. Нет, милый человек. Так нельзя... Тут люди ходят... Зацепится кто-нибудь, упадет, сломает ногу... Ему больно будет. Умрет, пожалуй, а? Постой, я ее закопаю (*подходит к цветочному горшку и закапывает спичку*). Вот так-то лучше. А это что? (*смотрит на пол.*) Килечка... Бедная килечка... Киля! Неужели, ты уже умерла? Нет!! Ты еще будешь жить. Я тебя возьму к себе, и там в тепле и холе ты проживешь остаток дней твоих. О, жестокие безнравственные люди!! За что вы хотели погубить ее, эту бедную малютку? За что? за что? (*Баюкает кильку, гладит ее, целует, согревает дыханием и наконец прячет ее у себя на груди.*)

Кутляев. Садитесь, пожалуйста.

Волдырев. И сяду... А вы думали, что не сяду... Ан вот я и сижу (*лицо расплывается в широкую бессмысленную*

улыбку). А какой я вчера анекдот слышал! Прямо надо сказать... Для некурящих!

Кутляев. Бросьте... После как-нибудь расскажете...

Волдырев. Нет, я сейчас... Я сейчас!! А что здесь какая неизвестная дама, так на это начхать.

Кутляев (*вразумительно*). Это моя жена.

Волдырев. Вот как? Ну, ничего, ничего... Бог с ней! Пусть себе живет. Верно? (*Задумывается; потом, подымая голову.*) Эх, да и скучно же мне, милые! Прямо вот — скучно и скучно!.. (*Неожиданно.*) Поедем куда-нибудь!..

Кутляев. Что вы? Куда нам ехать?

Волдырев. Ну, поедем, а? Черт с ним! У меня извозчик, а? (*Задумывается*). А в сущности, к чему спешить! Ведь все равно все умрем. И извозчик умрет... Ведь вот, господа, извозчик... (*Подходит к окну.*) Вот он стоит, видите? Он ведь такой же человек, как и другие... Почему же я могу войти к вам, а он не может? Потому что на нем грубый армяк, а на мне фрак? Вот вы, господа, либеральничаете, говорите о меньшем брате, а посадите ли вы его с собой за стол? Отвечайте, вы! Либ... beралы семидесятых годов!! А?

Кутляев. Гм!.. Отчего же! (*не желая его раздражать*). Конечно, извозчик такой же человек...

Волдырев. Ну, вот спасибо... (*неожиданно целует Кутляева, открывает форточку и кричит*). Извозчик! Иди сюда. Иди сюда, говорят тебе, не бойся (*закрывает форточку*). Идет. Вот мы и посидим в небольшой, но уютной компании... И мило будет, и весело.

Входит извозчик, немного смущенный.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и извозчик.

Волдырев (*беря его за руку*). Не бойся, милый. Садись! Я знаю, что у этих добрых людей слово не расходится с делом. Дайте моему другу, извозчику, стакан коньяку... Да не какой-нибудь там дряни, а лучшей марки. Слышите? Вы!

Извозчик (*садится, крайне смущенный*).

Волдырев. Кушай, извозчик, кушай милый... (*гладит его по голове*). А лошадка пусть постоит. Хорошая у тебя лошадка; какой породы? Лягавая?

Извозчик. Работницкая.

Волдырев. Бегать умеет?

Извозчик. Побежит.

Волдырев. Та-ак (*оглядывает Кутляева и его жену*) ... Отчего вы такие скучные? Давайте будем веселиться. Для начала пустим мистификацию, какую-нибудь...

Кутляев (*угрюмо*). Какую еще вам мистификацию?

Волдырев (*обводя глазами стол*). Можно устроить мистификации. Для визитеров. Вино из бутылок можно вылить... Ха-ха! А налить вместо него уксусу... сладкое посыпать солью, перцем, в индейку понатыкать маленьких гвоздиков, а хлеб выдолбить и насыпать туда земли с горшков... окурков... Вообразите их удивление, когда они начнут есть и пить. Ха, ха, ха... Я вам сейчас все это устрою!

Кутляев (*сурово*). Да не надо!

Волдырев. Почему же не надо? Нет, надо! Вы увидите, как это будет превесело (*опрокидывает цветочный горшок и поливает землю мадерой*).

Кутляев (*вырывает у него бутылку и кричит*). Не смейте этого делать!!

Волдырев. Почему же? Ведь это мистификация. Может быть, вам это не нравится, а? Пожалуйста, пожалуйста! Может быть, вы желаете получить за выпитое и съеденное? Вам жалко; да? Так получайте деньги! Вот вам 12 рублей!.. Сдачи не нужно.

Кутляев. Вон отсюда!!

Волдырев. А-а. Ты так? Гнать меня? Затоптать мою честную душу?.. Унизить такое сердце? Что ж (*засучивает рукава*). Поборемся... Что ж поборемся!!

Кутляев и Наталья Павловна быстро уходят, захлопывают за собою дверь.

Волдырев. Ха, ха, ха... Бежали, как трусы. И к черту! Ну их к черту. Не правда ли, брат извозчик? Ну, что покушал? Давай, брат, выпьем на брудершафт. А твоя

лошадка постоит... Хочешь... я пойду, посижу возле нее, чтобы конокрады не украли.

Извозчик (*опьяневший*). Чего там... сиди... тут!.. Охо-хо-хо!..

Волдырев. Да, брат извозчик, так-то... Надоело мне все это... Визиты эти... Знаешь что? Вот тебе моя записная книжка... Сделай вместо меня все визиты... а я тут посплю... ужасно, знаешь ли, спать хочется... Я подремлю, а ты спой мне что-нибудь тихое, задушевное, отчего бы душа сладко и больно сжималась (*кладет голову извозчику на колени*).

Извозчик (*поет какой-то заунывный мотив*). И-и-и-э-э-э-ух-ха. Га, а-а... И-и-эх-ха-а-а...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дверь из спальни неожиданно распахивается, вылетает разбуженный пением растрепанный Крамалюхин; увидев извозчика, на коленях которого мирно покоится голова Волдырева, останавливается изумленный.

Крамалюхин (*после некоторого раздумья*). Извозчик!! Свободен? (*Подходит и, усевшись на пол, тоже кладет голову на колени извозчика.*) Пошел! (*Засыпает.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входят Кутляев и Наталья Павловна; в ужасе смотрят на странную группу.

Занавес

ЧЕЛОВЕК ЗА ШИРМОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Миша, мальчик 10–12 лет.
Его мать.
Тетя Ася.
Кондрат Григорьевич, офицер.

Действие происходит в комнате тети Аси. В глубине сцены стол, диван и кресло. Налево шкаф, направо ширмы. За кулисами слышны раздраженный голос матери Миши и отчаянный рев Миши.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На сцену быстро, волоча за руку Мишу, входит мать, тащит его на середину сцены, недалеко от шкафа. Сердито кричит.

Мать. Нет, нет... не отпущу, не прощу. Реви, сколько хочешь, целый день простоишь здесь. Вчера чашка, сегодня духи. Мое терпение лопнуло.

Миша (*всхлипывая*). Я нечаянно...

Мать (*слегка отталкивая от себя Мишу*). Нечаянно, — сиди здесь.

Миша (*притворно спотыкается, падает, подкатывается к шкафу и, после небольшой паузы, стукается головой о шкаф*). Ага, меня убивают. Ну, пусть убивают...

М а т ь. Пожалуйста, не притворяйся, не лги... не больно! Кто просил тебя лазить на комод и разливать духи из золотого флакона? Мало тебе, что оставила вчера без сладкого за разбитую чашку. (*Уходит, сердито хлопая дверью.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М и ш а один, плачет. Пауза.

М и ш а. Нет, уж лучше умереть. Надоели эти вечные попреки... Нельзя лишнего яблока съесть, поиграть нельзя... Важность какая: чашку разбил или духи заграничные в золотом флаконе разлил. Так уж надо драться, толкаться? Господи Боже мой. Вот Бог их накажет. Вот возьмет Бог, да так сделает, что дом у них сгорит. (*Пауза.*) Вот, если дом загорится, мама выскочит на улицу, будет размахивать руками, кричать «духи, духи... спасайте мои заграничные духи в золотом флаконе», а я знаю, как спасти духи. Но я не сделаю этого. Наоборот, положу руки вот так (*скрещивает руки на груди*) и засмеюсь, как индеец... «Духи тебе?.. А когда я нечаянно разлил полфлакона, то сейчас толкаться?» (*Пауза.*) Или, может быть, так, что я нашел сто рублей... все начинают подлизываться, подмазываться ко мне... выпрашивать деньги... а я вот сделаю руки так (*скрещивает руки*) и засмеюсь, как индеец. Хорошо бы иметь какого-нибудь ручного зверя. Леопарда или пантеру... Когда кто-нибудь ударит или толкнет меня, пантера бросится и растерзает его, а я сложу руки вот так и буду смеяться, как индеец. (*Пауза. Он расхаживает по комнате.*) Или вот если бы у меня ночью выросли какие-нибудь иголки. Как у ежа. Когда меня не трогают, чтоб они были незаметны, а как кто-нибудь замахнется, иголки приподнимутся и — трах, напоролся! Узнала бы нынче маменька, как драться. И за что? За что? (*Принимается снова плакать.*) Нет, уж лучше умереть... Вот лягу здесь и умру. (*Пауза.*) Небось, теперь на меня никто не обращает внимания, а когда я к вечеру буду мертвым, тогда небось заплачут. Может быть, если бы они знали, что я задумал, так задержали бы меня, извинились бы... Ну, да лучше не надо. Пусть смерть... Прощайте, вспомните когда-

нибудь раба Божьего Михаила. Недолго я прожил на белом свете... Интересно, что скажут все, когда меня найдут в тетиной комнате за ширмой... подымется визг, оханье, плач. Прибежит мама... «пустите меня к нему, это я виновата», а я скажу: «да, уж теперь поздно».

Голос на улице. Алексей Иванович... Что ж вы, подлец вы этакий, обе пары уволокли. Алексей Ива-а-анович... отдайте, мерзавец паршивый, хоть одну пару.

Миша. Кричат... Если бы они знали, что тут человек помирает, так не кричали бы. (*Пауза.*) А отчего же я умру, от какой болезни?.. Просто так никто не умирает. (*Нажимает себе кулаком живот.*) Урчит, — вот оно... Чахотка. Ну и пусть! Хотя лучше спичками. Чахотка-то медленнее, так что всякое терпение лопнет. Где же спички? (*Берет со стола коробку шведских спичек. Вынимает, откусывает.*) Фу, ты какая горькая... (*Зажигает одну спичку. Откусывает еще головку.*) И пусть, все равно уж... Лягу, как в «Ниве» лежит на картинке убитый запорожец, и умру... (*Ложится за ширмой на спину и разбрасывает руки и ноги*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят тетя Ася и Кондратий Григорьевич.

Тетя Ася. Ладно! Только на одну минутку, а потом я вас сейчас выгоню.

Кондрат Григорьевич. Настасья Петровна, десять минут... мы так с вами редко видимся и то все на людях. (*Берет ее руки и глядит ей в глаза*). Я с ума схожу.

Миша (*за ширмой*). Сходит с ума... Это должно быть ужасно. Наверно, будет прыгать по комнате, рвать книги, валяться по полу и кусать всех за ноги. Я знаю, так всегда с ума сходят. А что если он найдет меня?

Тетя Ася. Вы говорите вздор, Кондрат Григорьевич. Не понимаю, почему вам сходить с ума?

Кондрат Григорьевич. Ах, Настасья Петровна... Вы жестокая, злая женщина.

Миша. Ого! Это она-то злая? Ты бы мою маму попробовал, она бы тебе показала.

Тетя Ася. Почему же я злая? Вот уж этого я не нахожу.

Кондрат Григорьевич. Не находите?! А мучить, терзать человека это вы находите? (*Крутит флакон с туалетного столика.*)

Миша. Как она его там терзает (*выглядывает из-за ширмы.*) Нет, не терзает... Вот уронишь еще баночку, она тебе задаст.

Тетя Ася (*крутя зеркальце на шейной цепочке*). Я вас терзаю? Чем же я вас терзаю, Кондрат Григорьевич?

Кондрат Григорьевич. Чем? И вы не догадываетесь?

Миша. Вот то здорово вертит... Надо бы потом попробовать. Можно взять коробочку от кнопок, привязать ее к веревочке и тоже так вертеть... Еще почище теткиного вертенья будет.

Кондрат Григорьевич. И вы не догадываетесь...

Тетя Ася. Нет.

Кондрат Григорьевич (*становясь на колени*). Так знайте же, что я люблю вас больше всего на свете.

Миша (*становясь на колени*). Вот оно, уж начал с ума сходить. На колени стал. С чего спрашивается? Чудак!

Кондрат Григорьевич. Я день и ночь о вас думаю, ваш образ все время стоит передо мной. Скажите же. А вы... А ты любишь меня?

Миша. Вот еще, на «ты» говорит, что она ему горничная что ли?

Кондрат Григорьевич. Ну, скажи мне. Я буду тебя на руках носить... Я не позволю на тебя пылинке сесть.

Миша. Что-о такое... Что он такое хочет делать? (*Смеется.*)

Кондрат Григорьевич. Ну, скажи, любишь? Одно слово... да?.. Любишь? Только меня?

Тетя Ася (*закрывая лицо руками*). Да.

Миша. Только его?! Вот тебе раз, а меня, а папу, маму? Хорошо же... Пусть-ка она теперь подойдет ко мне. Я ее отбрею.

Тетя Ася. А теперь уходите. (*Встает.*) Мы и так тут засиделись. Неловко.

Кондрат Григорьевич. Настя, сокровище мое, я за тебя жизнью готов пожертвовать.

Миша. Это ловко! Это он молодец!

Тетя Ася. Ах, мне так стыдно. Неужели, я когда-нибудь буду вашей женой?

Кондрат Григорьевич. О, это такое счастье... Подумай: мы женаты, у нас дети...

Миша. Гм... дети... странно, что у тети до сих пор детёв не было. У мамы есть дети. У полковницы на верхней площадке есть дети. А одна тетя без детёв. Наверно, без мужа их не бывает. Нельзя; некому кормить.

Тетя Ася. Иди, иди, милый.

Кондрат Григорьевич. Иду. О, радость моя, один только поцелуй.

Тетя Ася. Нет, ни за что...

Кондрат Григорьевич. Только один, и я уйду.

Тетя Ася. Нет, нет ради Бога...

Миша. Чего там ломаться, целовала бы лучше... Будто трудно. Сестренку Труську целый день ведь лижет.

Кондрат Григорьевич. Один поцелуй. Умоляю. Я за него жизнь отдам. (*Обнимает ее и целует.*)

Миша. Черт знает, что такое. Целуются, будто маленькие. Разве напугать их для смеху. Высунуть голову и прорычать, как дворник «вы чего тут делаете... Нету на вас угомону». (*Тетя Ася и Кондрат Григорьевич убегают.*)

Миша. А ловко это он: я за тебя, говорит, жизнью готов пожертвовать. И пожертвует. Приведут его на площадь, поставят на колени, и палач будет ходить с топором, весь в красном... «Настя», скажет офицер, «сейчас я буду жертвовать за тебя жизнью». А тетя заплачет и скажет: «Ну, жертвуй, что ж делать». Трах, и голова падает с плеч. А палач сделает руки вот так и засмеется. Как индеец. (*Пауза.*)

В соседней комнате пьют чай, слышно, как звякают ложками.

Миша. Ложками звякают, а меня не позовут. Хоть с голоду подыхай.

Мать (*голос из другой комнаты*). Миша! Мишуха, где ты? Иди пить чай.

Миша. Сейчас будет извиняться.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мать. Где ты был, Мишутка? Идем чай пить.

М и ш а (*про себя*). Не извиняется. Эх! Ну, и Бог с ней. Если она забыла, так и я забуду. Все ж таки она меня кормит, обувает. Полжизни за поцелуй!.. (*Выходя из-за ширм. Громко.*) Мама, поцелуй-ка меня.

М а т ь. Ах ты, поцелуйка! Ну, иди сюда. (*Целует.*) Ну, а теперь идем чай пить с молочком. Живо. (*Уходит.*)...

М и ш а (*один*). Что тут особенного — не понимаю? Полжизни за поцелуй. Прямо умора! (*Смеется.*)

З а н а в е с

ДУША ОБЩЕСТВА

(Смерч)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Казанлыков, чиновник.
Терентьев.
Анна Евграфовна, его жена.
Киримонов, акцизный чиновник.
Фитилева Анна Павловна.
Студент.
Барышня.
Пелагея.
Гриша, племянник Терентьевых.

Действие происходит у Терентьевых. Налево маленькая передняя, направо столовая. На столе самовар и закуска. Сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Звонок. Пелагея *бежит в переднюю, впускает* Казанлыкова. *Снимает с него пальто.*

Казанлыков. Здравствуй, Пелагея, как поживаешь?
Пелагея. Спасибо, барин, пожалуйста.
Казанлыков. А что, есть уж кто-нибудь?
Пелагея. Как же, как же-с. Фитилева Анна Павловна уже пришли-с... и Киримонов Антип Павлович уже здеся.

Казанлыков. Ага... (*всматривается в лицо Пелагеи*). Постой, постой... Э-э, да что это с тобой, матушка, такое.

Пелагея (*испуганно*). А что?

Казанлыков. Да ведь на тебе, матушка моя, лица нет. Ты больна...

Пелагея (*растерянно трет свои румяные щеки*). Н-нет... А разве что?

Казанлыков. Да ведь ты же бледна, как смерть. Краше в гроб кладут. Тифом была больна что ли?

Пелагея (*испуганно вздрагивает*). Неужто, хворая?!

Казанлыков. Матушка, да ежели так с тобой незнаючи встретиться — так тебя за привидение, за русалку примешь. Сама белая-белая, а глаза горят лихорадочным блеском. Похудела, осунулась.

Пелагея (*всплескивая руками, вскрикивает и с плачем убегает*).

Казанлыков (*довольно хохочет и потирает руки*). Хе-хе-хе-хе... Напугал... Люблю я пошутить вот этак... Хе-хе-хе...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Казанлыков входит в столовую; из других дверей выходит гимназист Гриша, племянник Терентьевых.

Казанлыков. А, Гриша. Здравствуй, здравствуй (*берет его за ухо*). Ну, что... Папаше признались?

Гриша. В чем?

Казанлыков. Насчет недопущения к экзаменам.

Гриша. Какое недопущение. Я допущен.

Казанлыков. Да-а... вы так думаете? Гм... Ну, что ж... Поздравляю... Блажен, кто верует... Хе-хе-хе... (*вздыхает*). Эх, жаль мне вас, Гришенька. Влопались вы в историю.

Гриша (*испуганно*). В ка... ка... к... кую...

Казанлыков. А в такую, что я сегодня видел вашего директора Уругваева: «Как идет у вас, — спрашиваю, — Терентьев Григорий?» «Отвратительно, — говорит, — на совете постановили не допускать его к экзаменам». Вот оно что, молодой человек.

Гриша (*мрачно*). Ах, так... Тогда я знаю, что мне делать: сегодня же уезжаю в Африку. Довольно!! (*Убегает.*)

Казанлыков. Вот и прекрасно. Хорошая идея.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Терентьев.

Терентьев. А-а! Здорово, Кирилл, сейчас и жена выйдет... У нее там сидят Фитилева Анна Павловна и Киримонов — знаешь, акцизный...

Казанлыков. Знаю, знаю...

Терентьев. Садись же, чего стоишь... (*Казанлыков садится*). Ну, как дела? Давненько я тебя не видел. Заперся ты там у себя, живешь бирюком, никуда не ходишь... Нехорошо, Кирилл. Этак совсем одичаешь...

Казанлыков. А я, представь себе, нисколько об этом не жалею... Ну, да что говорить об этом... Давно приехала твоя жена? Она, кажется, куда-то ездила.

Терентьев. Да, гостила у тетки месяца два. Вернулась на прошлой неделе, но не совсем здорова... (*довольно смеется и хлопает Казанлыкова по колену*). Жду, брат, наследника.

Казанлыков. Ага... вот как.

Терентьев. Да, вот и жена...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входят Анна Евграфовна, Фитилева, Киримонов, студент и барышня.

Казанлыков (*идет навстречу Анне Евграфовне*). Анна Евграфовна, неизмеримо рад вас видеть. Ручку-с.

Анна Евграфовна. Познакомьтесь, господа. Казанлыков Кирилл Петрович, Анна Павловна Фитилева, Киримонов Антип Павлович, а это жених и невеста. Садитесь, господа. Чайку выпьем.

Казанлыков. Как же ваше здоровьечко, Анна Евграфовна? Слышал я что-то неважное... Наследника ожидаете?

Анна Евграфовна (*вспыхнув*). Ну... что вы говорите такое...

Казанлыков. Нет, ничего... Свои ведь люди. Только должен вам сказать, опасное это дело — рождение детей...

Терентьев. Почему?

Казанлыков. Мало ли. Эти вещи часто кончаются смертельным исходом. Родильная горячка, или еще какая-нибудь болезнь — и капут.

Терентьев. Ну, будем надеяться, что мы отвертимся от этого благополучно. Будем иметь большого такого толстого мальчугана, хе-хе-хе...

Казанлыков. Мальчугана... Гм... Да?.. мальчуганы тоже, знаете, часто мертвенькими рождаются.

Терентьев. Ну, это очень редкие случаи.

Казанлыков. Редкие? Нет, не редкие. Некоторые женщины совершенно не могут иметь детей... Есть такие организмы! Да вот вы, сударыня... Боюсь, что появление на свет ребенка будет грозить вам самыми серьезными опасностями, могущими окончиться печально.

Фитилева. Ну, что вы завели, господа, такие разговоры... Ничего дурного не будет. (*Казанлыкову.*) Вы же и на крестинах еще гулять будете.

Казанлыков (*скорбно покачав головой*). Дай-то Бог. Только ведь бывают и такие случаи, что ребенок рождается благополучно, а умирает потом. Детский организм очень хрупкий, нежный... Ветерком подуло, пылиночку какую нанесло и конец. По статистике детской смертности...

Анна Евграфовна. Ну, что вы, господа, завели такое? Закусите лучше... Вот бутерброд с семгой, прелестная семга.

Казанлыков. На днях одна моя знакомая отравилась рыбным ядом. Купили вот тоже семги, поели...

Фитилева (*взяв бутерброд, вздрагивает и отбрасывает его*). Спасибо... Не хочется что-то семги. Дайте лучше с колбасой.

Казанлыков. Ну, знаете... И колбаса небезопасна. Заражение трихинами тоже не шуточка... На днях — я читал — привозят одну старуху в больницу, думали туберкулез, а когда разрезали ее, увидели клубок свиных трихин.

Фитилева. Нет, вообще... не надо с колбасой... Мне, вообще, не хочется есть... Я только чаю выпью.

Казанлыков. Да... так о чем мы говорили? Да, вспомнил: о детской смертности. Так вот статистика говорит...

Фитилева. Ну, что там ваша статистика. У меня трое детей и все живехоньки.

Казанлыков. Пока, сударыня, пока. До поры, до времени. Слыхали вы, между прочим, что в городе появился дифтерит? Ребеночек гуляет себе, резвится и вдруг

начинает легонько покашливать... В горле маленькая краснота, как будто ничего особенного...

Фитилева. Позвольте... а ведь мой Сержик вчера, действительно, вечером кашлянул раза два.

Казанлыков. Ну, вот... Весьма возможно, что у вашего милого мальчика дифтерит... Должен вас впрочем успокоить, что это может быть не дифтерит. Может быть, это скарлатина. Вы говорите, вчера покашливал? Гм... Если он не изолирован, то легко может заразить других детей...

Фитилева (*встает взволнованная, мечется по комнате, ища шляпу*).

Казанлыков. Особенно вы не волнуйтесь. Скарлатина не всегда кончается смертельным исходом. Иногда она просто отражается на ушном аппарате, кончается глухотой или отражается на легких.

Фитилева (*прощаясь со всеми, крайне взволнованная*). Вы меня извините... но... я... страшно беспокоюсь... Вдруг... это... с Сережей что-нибудь неладное... (*Бежит в переднюю, одевается и убегает*).

Анна Евграфовна (*Казанлыкову*). Ну, что вы наделали. Видите, как растревожили женщину... Эх, вы...

Казанлыков. Да ведь я ничего не сказал... Так, к слову пришлось... Люблю пошутить! (*Пьет чай, обращается к студенту.*) На каком вы факультете?

Студент. На юридическом.

Казанлыков. Ага, так-так... я сам когда-то был в университете... люблю молодежь... Только юридический факультет неважная штука, извините меня за откровенность.

Студент. Почему?

Казанлыков. Да вот я вам скажу: учитесь вы, учитесь целых четыре года. Кончили. (*Хорошо, если еще удастся кончить.*) ...И что же вы? Помощник присяжного поверенного — без практики или поступаете в управление железных дорог без жалованья, в ожидании далекой вакансии, на сорок рублей. Конечно, вы не сделаете такой оплошности, чтобы жениться, но...

Студент (*виновато*). Как раз я и женюсь. Вот позвольте вам представить — моя невеста.

Казанлыков (*грустно*). Же-ни-тесь? Вот как! Ну, что же, сударыня... Желаю вам счастья и привольной, богатой

жизни. Впрочем, мне случалось наблюдать, как живут женившиеся студенты: комната в шестом этаже, больной ребенок за ширмой (*обязательно больной, это заметьте*), рано подурневшая жена, изнервничавшийся от голодухи и неудач студент... Конечно, есть счастливые исключения в этих случаях: ребенок может помереть, а жена сбежит с каким-нибудь смазливым студентом, но это, увы, бывает редко... Большей частью, муж однажды усылает жену в ломбард, якобы для того, чтобы заложить последнее пальто, а сам прикрепит к крюку от зеркала ремень — да и тово...

Пауза. Студент нервно ходит по комнате. Барышня начинает плакать.

Студент. Ну, что ты, милая... Успокойся... Ну, чего там.

Барышня. Я не могу больше. (*Плачет*). Я... такая несчастная... Что с нами будет... что... (*Истерически плачет.*)

Студент... Ну, пойдем... я тебя отвезу домой, чего там. Пойдем. (*Уходят в переднюю. Одеваются. Пауза.*)

Казанлыков. Хе-хе! Люблю пошутить.

Киримонов. Гм, да... такие-то дела. Однако вы слишком мрачно и односторонне смотрите на жизнь. Вот — взять бы меня — женился я — и что же! Живем мы хорошо. Прекрасно! Она меня ни в чем не стесняет. Вот и сегодня... у нее болела голова, она не могла прийти сюда — и все-таки настояла, чтобы я пошел.

Казанлыков. Ох, не верю я в эти неожиданные припадки болезни... чем они неожиданнее и чем настойчивее жена просит мужа пойти куда-нибудь без нее, тем большую гадость она готовит мужу.

Киримонов (*обидчиво*). Моя жена не такая.

Казанлыков. Верю. Я говорю вообще. Я на своем веку знал мужей, которые говорили о женах захлебываясь, со слезами на глазах и говорили тем самым людям, которые всего несколько часов назад держали их жен в объятиях.

Киримонов (*встревоженно*). Бог знает, что вы такое говорите.

Казанлыков. Уверяю вас. Однажды я снимал комнату в одной адвокатской семье. Жена каждый день ласково уговаривала мужа пойти в клуб развлечься, так

как, — говорила она, — ей нездоровится, и она ляжет спать. А он, мол, заработался. И при этом целовала его и говорила, что он свет ее жизни. А когда глупый муж уходил в клуб или еще куда-нибудь, — из комода вылезал любовник и они начинали целоваться... Я все это из-за стены и слышал...

Киримонов (*крайне взволнованно*). Ну... знаете, я уж пойду.

Анна Евграфовна. Ну, куда вы... Так сразу...

Киримонов. Нет, нет... не удерживайте... Так, мне что-то не по себе стало... Прощайте. Голова что-то... и вообще... (*быстро уходит*).

Казанлыков. Куда он заторопился? Беспокоится... Хе-хе... Люблю пошутить...

Терентьев. Это ты его своими разговорами встревожил... и что тебе за охота, в самом деле.

Казанлыков. Да ведь я и ничего и не сказал.

Анна Евграфовна. Ну, будет об этом... Расскажите, что новенького... Как вы тут, без меня время проводили?

Казанлыков (*загадочно*). Да что там рассказывать... Хе-хе-хе... (*Хлопает Терентьева по колену и подмигивает ему.*) Рассказывать, а?.. Про ваши приключения, а?..

Терентьев. Брось свои шутки. Ты ведь знаешь, что Анна Евграфовна все принимает за чистую монету.

Казанлыков. Хе-хе-хе... Ничего-с... Было всего, Анна Евграфовна.

Анна Евграфовна (*криво улыбается*). Да? Вот как?

Казанлыков. Да-с, хе-хе-хе... (*Терентьеву*). Кстати, вчера я встретил ту польку...

Терентьев (*удивленно*). Какую?..

Казанлыков. Ну, эту, знаешь... Станиславу... Которой ты платье тогда токайским вином облил. Вспоминали тебя...

Терентьев. Брось, Кирилл, шутки... Видишь, Анна Евграфовна уже начинает нервничать.

Казанлыков. Ну, чего там. Я ведь знаю, что Анна Евграфовна женщина передовая и простит мужчинам их маленькие шалости. Тем более больших денег это не стоило... Сколько ты тогда заплатил?.. 140?..

Анна Евграфовна (*дрогнувшим голосом*). Вы это... серьезно...

Казанлыков (*подмигивая Терентьеву*). Конечно, серьезно. Хе-хе-хе...

Терентьев. Милая, неужели ты не видишь, что он шутит. Никуда я не ездил и все время сидел дома... И никакой польки я не знаю... это он все зря болтает...

Казанлыков. Хе-хе-хе... Да, я шучу. Я шучу.

Анна Евграфовна (*закрывает лицо руками, рыдает*). Нет, я знаю, это не шутка... Боже мой, Боже мой... О, негодяй... о, развратник!

Терентьев (*взволнованно*). Ну, вот видишь, что ты наделал своими идиотскими шутками... Ей теперь вредно волноваться. (*Жене.*) Перестань, довольно, Аничка. Ведь он же это нарочно...

Анна Евграфовна. Не смей ко мне прикасаться... негодяй. Я тебе не полька Станислава.

Терентьев (*почесывая за ухом*). Эх, началась история. (*Казанлыкову.*) И дернул тебя черт за язык. Тоже шуточки выдумал.

Анна Евграфовна (*подходит к дверям*). Я уезжаю к тете... Потрудитесь не разыскивать меня... Это ни к чему не приведет...

Терентьев. Аничка!

Анна Евграфовна (*истерически*). Уходите... уходите... я не могу вас видеть. (*Скрывается, хлопнув дверью.*)

Терентьев (*сердито*). Вот, черти тебя принесли. Теперь будет история.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пелагея, влетает.

Терентьев (*Пелагее*). Чего тебе?

Пелагея. Чего? А того, что изверги вы все, кровопийцы. Вам бы только вдовью кровь пить, чтобы вдове скорее в могилушку сойти... Этого вам надо?! Да?! Пожалуйте расчет.

Терентьев. С ума ты сошла. Кто твою кровь пьет?

Пелагея. Да уж поверьте. Посторонние люди замечают. Уходили вы меня, чтоб вам ни дна, ни покрышки!! Посторонние люди замечают: «Бедненькая вы, Пелагея, хворая». А вам что? Пожалуйте расчет. Не хочу у вас работать!! (*Уходит с шумом.*)

Терентьев (*в бешенстве, Казанлыкову*). Ты и здесь успел?!.

Казанлыков. Господи! И пошутить нельзя. Люблю пошутить.

Анна Евграфовна (*выходит из своей комнаты, в шляпе, с чемоданом, плачет*). Прощайте, Казанлыков!

Терентьев. Милая. Ну, что ты... куда ты... Неужели ты не понимаешь шуток...

Анна Евграфовна. Прочь. Не-го-дяй... (*Уходит через переднюю.*)

Терентьев (*бежит за ней, хватает с вешалки чье-то пальто, шляпу*). Это безумие какое-то. Да остановите же вы ее... Аннет!! (*Убегает за ней*).

Казанлыков (*смеется*). Здорово же я их...

Мимо него пробегает Пелагея с вещами, бежит в переднюю, скрывается. За Пелагеей Гриша. Он одет по-дорожному. В руке топорик, клетка с птицей и мешок; на спине привязан чемодан. В руках карта Америки. Идет, рассматривая карту.

Гриша. Прощайте, Кирилл Петрович. Мой адрес теперь: Америка, Григорию Терентьеву. Пишите. (*Уходит.*)

Казанлыков. Хе-хе!.. Разбежалась публика... (*Прохаживается по опустевшей комнате, подходит к окну, открывает его.*) Эй, кто там... Дворник...

Голос дворника. Чего-с?..

Казанлыков. Запри за мной дверь.

Голос дворника. Да нешто в фатере никого нет?

Казанлыков. Нет... Господа уехали экстренно за границу, а все вещи дарят тебе за верную службу. Забирай... (*Приближается к рампе, улыбается.*) Люблю пошутить! (*Весело посвистывая, уходит.*)

Занавес

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ниночка, красивая барышня, ремингтонистка.
Мишкин, богатый старик.
Язычников, адвокат.
Дубяго, *доктор.*
Громов, *журналист.*
Куницын, *молодой студент.*
Марфуша, *горничная.*

Действие происходит в меблированных комнатах. Комната Ниночки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ниночка сидит за столом перед пишущей машиной. Сзади нее стоит Мишкин. В руке у него цилиндр и перчатки.

Мишкин. Так вот вы и сделайте так. Нынче перепишите два листа с копиями и завтра два.
Ниночка. Тоже с копиями?
Мишкин. Тоже. (*Пауза.*) Гм... Гм... с копиями, значит.
Ниночка. Да, да. Хорошо.
Мишкин. Гм... С копиями. Те значит с копиями и эти с копиями. (*Облокотившись на спинку стула, наклоняется к Ниночкиной шее.*) Вот, значит как. С копиями, значит.
Ниночка. Ладно, ладно! Будьте покойны.
Мишкин. Гм... Да... Вы извините, что я вас так затрудняю.
Ниночка. Пожалуйста, отчего же. Это ведь мой заработок.

Мишкин. Так, так... Заработок... Это верно, что заработок.

Ниночка. Будь у меня деньги, я бы, конечно, не занималась этим.

Мишкин. Да, да... Это верно. Как говорится: деньги, деньги... У вас грудь не болит от машинки? Было бы очень печально, если бы такая красивая грудь да вдруг болела.

Ниночка. Грудь? Нет, не болит.

Мишкин. Гм... Да. Я очень рад. Очень, очень. Гм... Да. Вам не холодно?

Ниночка. Отчего же мне может быть холодно? (*Оборачивается к нему.*)

Мишкин. Кофточка у вас такая тоненькая, прозрачная... Ишь, вон у вас руки просвечиваются. Гм... да. Красивые руки. У вас есть мускулы на руках?

Ниночка. Что? Какие мускулы?

Мишкин (*берет ее за руку выше локтя*).

Ниночка. Оставьте мои руки в покое. Слышите? Не трогайте меня!

Мишкин. Милая... Одну... минутку... Я сейчас сейчас... Постойте... Зачем вырываться. Это самое... рукав, который просвечивает, так я... (*Хватает ее за руку.*)

Ниночка. Пустите руку! Мне больно!.. Как вы смеете? Негодяй! (*Вырывается.*) Вон! Уходите, чтобы духу вашего больше у меня не было! Вот вам! (*Подскакивает к столу, рвет бумаги, данные для переписки, бросает на пол.*)

Мишкин. Однако... Нечего сказать... Служебная аккуратность... Женский труд: разорвать важные бумаги — это по-вашему ничего? (*Подбирает бумаги.*) Вы скверно относитесь к вашим обязанностям.

Ниночка (*сквозь слезы*). Вон!!

Мишкин. Ах, да! Я и забыл: мне и спешить надо. Дела, дела, всюду дела. (*Не глядя на Ниночку, берет пальто и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ниночка (*одна, бросается на диван. Плачет. Потирает ладонью руку*). Ах, какой негодяй. Разве можно было от него ожидать? Ну, хорошо же! Я тебе этого не прощу. Ты у меня поплатишься за это... Я не знаю, впрочем, что нужно делать в таких случаях. (*Встает, смотрит недоумевающее на публику.*) Впрочем,

я знаю что: поговорю с адвокатом. (*Подходит к дверям, кричит.*) Марфуша!

Марфуша (*за сценой*). Чего-о-о!!

Ниночка. Адвокат Язычников еще не ушел?

Марфуша (*за сценой*). Нету-у-у!!

Ниночка. Да что — нету? Ушел, что ли?

Марфуша (*за сценой*). Говорю: нету-у! Не ушомши еще!

Ниночка. Попроси его ко мне по делу! (*Отходит, потирает руку выше локтя.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Язычников (*входя*). Изволили звать? Я как лист перед травой. Здравствуйте!

Ниночка. Садитесь. Ах, это такой ужас, такой ужас.

Язычников. А что такое?

Ниночка. Мерзость! Вы должны помочь мне как адвокат. Он был сейчас у меня.

Язычников. Кто он?

Ниночка. Ну... Мишкин.

Язычников. Что за Мишкин такой? Не знаю.

Ниночка. Ах, Господи! Ну, старик один. Директор. Он мне работу на машине дает. И вот: представьте себе: сейчас ни с того, ни с сего набросился на меня, как зверь, схватил за руку... и... на руке теперь даже громадный синяк.

Язычников. Какой негодяй! А еще старик. Чего же вы теперь хотите?

Ниночка (*утирая глаза платком*). Нельзя ли его сослать?

Язычников. Сослать? Куда?

Ниночка. Ну, в эту... в Сибирь... А если нет, так вообще... вот где преступники сидят, как это?.. в тюрьму. А лучше, если в Сибирь.

Язычников. В Сибирь, говорите? Ну, в Сибирь-то нельзя. А притянуть его вообще к ответственности можно.

Ниночка. Ну, притяните. Пожалуйста.

Язычников. У вас есть свидетели?

Ниночка. Есть. Я свидетельница.

Язычников. Нет, вы потерпевшая. А кроме вас?

Ниночка. Кроме меня? Есть.

Язычников. Кто же?

Ниночка. Да Мишкин-то.

Язычников. Да нет! Как вы не понимаете... Мишкин — это обвиняемый... Он не может быть свидетелем.

Ниночка. Может быть... вы?

Язычников. Я? Да какой же я свидетель, раз я ничего не видел.

Ниночка. Что ж... Вы, значит, мне не верите? Значит я лгу, по-вашему?

Язычников. Ах, вы меня не понимаете. Гм... Вот что: если не было свидетелей, то, может быть, есть у вас следы насилия?

Ниночка. Конечно есть. Он произвел надо мной гнусное насилие: схватил за руку... Наверное, там теперь синяк.

Язычников (*внимательно разглядывает Ниночку*). Знаете что? Покажите руку.

Ниночка. Вот, тут, под кофточкой.

Язычников. Вам придется... как его... снять вашу кофточку.

Ниночка. Но ведь вы же не доктор, а адвокат. Зачем же?

Язычников. Вы так думаете? Это ничего не значит. Функции доктора и адвоката так родственны друг другу, что часто смешиваются между собою. (*Пауза.*) Вы знаете, что такое алиби?

Ниночка. Нет, не знаю.

Язычников. Вот то-то и оно. Для того, чтобы установить ваше алиби, снимите кофточку.

Ниночка (*смущенно в нерешительности прохаживается по комнате, потом вздыхает, смущенно расстегивает кофточку, спускает с одного плеча. На руке повыше локтя красное пятно.*) Вот... видите? Какой мерзавец.

Язычников. Да, да, да, да! Простите, я должен освидетельствовать. Поднимите руки. Дышите глубже. А это что такое? Грудь? (*Обнимает ее за талию.*)

Ниночка (*вырываясь*). Не трогайте меня! Оставьте! Как вы смеете!! (*Натягивает кофточку на плечо, на глазах слезы.*)

Язычников. Чего же вы обиделись? Я должен еще удостовериться в отсутствии кассационных поводов. Сенатское решение по делу Рябошенко и Гундосина...

Ниночка (*топая ногой*). Вы нахал! Уходите отсюда! Слышите?

Язычников. Ах, да я ведь забыл совсем, что тут живу. До свидания. (*Протягивает ей руку. Ниночка прячет*

свою за спину. Рука Язычникова остается в воздухе. Он делает вид, что хотел потрогать пишущую машину.) Хорошая машина. Очень сложная вещь. Наверное, «Ундервуд». Прощайте. Вообще, Эдиссон очень ловко изобретает... (*Уходит, сконфуженный.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Н и н о ч к а (*одна*). Какой негодяй! И зачем я, спрашивается, позвала адвоката. Мне нужен скорее доктор: пусть он даст свидетельство о гнусном насилии. Боже, какая я несчастная. (*Идет к двери.*) Марфу-уша!

М а р ф у ш а (*за сценой*). Чиво-о-о!!

Н и н о ч к а. Что, доктор из третьего номера еще не ушел?

М а р ф у ш а (*за сценой*). Нету-у-у!

Н и н о ч к а. Да что такое нету? «Нету» — «Нету»! Ушел или не ушел?

М а р ф у ш а (*за сценой*). А я-то что говорю. Если бы ушомши, то и сказала бы — ушомши.

Н и н о ч к а. Вот-то глупая. Попроси его зайти ко мне по делу. (*Ходит по комнате, сжимая голову руками.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стук в дверь. Входит д о к т о р.

Д о к т о р. Неужели, практика? Признаться, уже и забыл, что такое практика. Где больная?

Н и н о ч к а. Я. Только не больная. Я хочу попросить у вас свидетельство. Надо мной произвели отвратительное насилие. Один старик схватил за руку и сделал такой синяк, что рукой пошевелить трудно.

Д о к т о р. Зачем же это он? Что ему надо было?

Н и н о ч к а. Не знаю. Они все ко мне пристают. А этот прямо лапой, как схватит. Я ему этого не хочу прощать.

Д о к т о р. И не прощайте. Так им негодяям и нужно. Так синяк, говорите. Ну-ка разденьтесь!

Н и н о ч к а. Да зачем же? Синяк вот тут, вот видите: в этом месте.

Д о к т о р. Да... Гм... Но я должен определить характер, направление, местоположение... Гм... интенсивность...

Н и н о ч к а. Вот наказание-то! (*спускает кофточку с одного плеча*). Вот, видите.

Доктор. Ай-я-й! Дело, знаете, очень серьезное. Однако... (*Гладит руку*). Знаете, что? Вам придется раздеться совсем.

Ниночка. Зачем совсем? Что вы! Он меня хватал за руку, я руку и показываю.

Доктор. Ну да... Гм... Однако я должен бросить, так сказать, ретроспективный взгляд... Синяк, видите ли, знаменует собой такое сгущение крови, что деформация эпидермы... (*Хочет прикоснуться к плечу. Ниночка его останавливает.*) Должен же я вас выслушать. (*Обнимает ее. Ниночка с силой отталкивает его.*) Позвольте, как же так: я хочу вас выслущать, а вы хотите меня выстукать. Этак вы меня искалечите.

Ниночка. Вон отсюда! Уходите! Я думала, вы порядочный человек, а вы... (*Падает на диван и плачет.*)

Доктор (*подходит к окну*). Погодка-то нынче какая странная.

Ниночка. Я не знала, что и вы негодяй!

Доктор. Иногда начнет дождик, а то ветер вдруг дует. А калоши таскать не хочется.

Ниночка. Я вам говорю: убирайтесь вон!

Доктор. Квартирка у вас темная. Для глаз это ой-ой, как вредно.

Ниночка. Вон!

Доктор (*насвистывает что-то, потом хватается за боковой карман*). Э-э, черт! Папиросы забыл! Вы уж извините. Должен домой пойти. Не могу без куренья, хе-хе! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ниночка (*одна, лежит на диване, закусив губы, на лице отчаяние. Стук в дверь*). Кто там еще?

Громов (*волосатый, мрачный мужчина, входя, плюет на указательный палец, будто стирая чернила*). Зашел вас навестить. Сидел все время, писал фельетон, а теперь кончил.

Ниночка. А! Громов, здравствуйте! (*Горько.*) Вот вам друзья человечества. Вот вы журналист, писатель... Вам надо вскрыть... Вывести наружу, разоблачить этих фарисеев.

Громов. А что такое?

Ниночка. Один негодяй сегодня безо всякого повода схватил меня за руку и сделал синяк, — я пожаловалась

адвокату, нашему же соседу, а он тоже стал обнимать; выгнала его... пожаловалась доктору, просила свидетельство, а он вдруг — раздевайтесь!

Громов. Гм... Да... Плохое свидетельство. (*Горько смеется.*) Хе-хе! (*С пафосом.*) Вот вам так называемые лучшие люди, призванные врачевать раны и облегчать страдания страждущего человечества. Вот вам носители правды, защитники угнетенных и оскорбленных, взявшие себе девизом — справедливость. Люди, с которых пелена культуры спадает при самом пустяковом столкновении с жизнью. Дикари, до сих пор живущие только с запросами плоти... Хе-хе! Узнаю я вас!

Ниночка (*робко*). Прикажете... снять кофточку?

Громов. А? Что? Кофточку? Зачем кофточку? А впрочем можно снять и кофточку. Любопытно, черт возьми, посмотреть на эти позорные следы. Гм... культуртрегеров.

Ниночка (*показывает обнаженную руку*). Вот тут.

Громов. Однако... руки же у вас. Разве можно выставлять подобные аппараты на соблазн человеческий. Уберите их. Ради Бога, уберите. Или нет! Какие это духи у вас? Гм... Послушайте. А что если бы я поцеловал эту руку вот тут, в сгибе? А? Гм... Я ведь с научной точки зрения. С точки зрения эксперимента. Я ведь беллетрист тоже. Вам никакого ущерба от этого не будет, а мне доставит новое любопытное ощущение, которое, которое... которое...

Ниночка (*молча, скрестив руки, смотрит на него уничтожающим взглядом*).

Громов. Не говорите! Свинья! Сам знаю, что свинья! Бегу, как можно скорее. Жители в паническом страхе бежали в горы. Уже убежали... (*Быстро уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ниночка (*одна, схватившись за голову, бегает по комнате. Стук в дверь. Входит студент* Куницын. *В руках у него несколько книг. Ниночка радостно*). Здравствуйте, Куницын.

Куницын. Здравствуйте, ясновельможная соседка. Вы уж простите, что я прибежал к вам... Можно у вас немного позаниматься? У меня — товарищи мешают.

Ниночка. Пожалуйста. Садитесь. Я вам не буду мешать.

Куницын. Добре... Хотите шоколаду? (*Вынимает из кармана тужурки плитку шоколада.*) Покупал папиросы и купил, одержимый жаждой роскоши. Угощайтесь.

Ниночка (*ест шоколад, шаловливо бросая в Куницына бумажками. Куницын разворачивает книги, ложится на диван и погружается в чтение. Ниночка садится около и долго смотрит на него, положив голову на руки*). А меня сегодня обидели, Куницын.

Куницын (*рассеянно*). Ну? Кто?

Ниночка. Адвокат, доктор, старик один... Такие негодяи.

Куницын (*перелистывая книгу*). Чем же они вас обидели? Кушайте шоколад!

Ниночка. Один схватил за руку до синяка, а другие потом осматривали и все приставали, приставали, приставали...

Куницын. Та-ак! Это нехорошо. Кушайте шоколад, кушайте шоколад...

Ниночка (*жалостно*). У меня рука болит, болит...

Куницын. Ха... Этакие негодяи... Кушайте шоколад.

Ниночка (*печально*). Наверно и вы тоже захотите осмотреть руку, как те...

Куницын (*с улыбкой*). Зачем же ее осматривать? Есть синяк, и так вам верю. (*Пауза.*)

Ниночка (*жалостно*). До сих пор рука горит... Как вы думаете, примочку какую-нибудь надо?

Куницын. Гм... Не знаю... (*Читает*). Да вы кушайте шоколад! Кушайте шоколад!

Ниночка. Может, показать вам руку? Я знаю, вы не такой, как другие, я вам верю.

Куницын. Нет, зачем же вас затруднять. Будь я медик, я бы помог, а то я естественник...

Ниночка (*вставая, угрюмо*). А вы все-таки посмотрите.

Куницын. Эх... (*Отодвигает книгу.*) Пожалуй, показывайте вашу руку. Не беспокойтесь, много не надо. Вы только снимите с плеча кофточку. Так... Это?.. Гм... Действительно, синяк. Экие мужчины... Он, впрочем, скоро пройдет... Да вы кушайте, кушайте шоколад. (*Снова усаживается за книги.*)

Ниночка (*сидит опустив голову с обнаженным плечом*).

Куницын (*поднимает голову от книги*). Вы бы надели в рукав. Тут чертовски холодно.

Ниночка. Он мне ногу еще ниже колена ущипнул.

Куницын (*рассеянно*). Этакий негодяй!

Н и н о ч к а (*робко*). Показать?

К у н и ц ы н. Да зачем же? Ведь вам придется снимать чулок, а здесь из дверей, пожалуй, дует... Простудитесь. Что хорошего. Ей-Богу же, я в этой медицине ни уха, ни рыла не смыслю, как говорит наш добрый русский народ. Кушайте шоколад.

Н и н о ч к а (*печально*). Я мешаю вам заниматься?

К у н и ц ы н. Ну, что же делать, такая уж моя доля.

Н и н о ч к а. Послушайте... (*Решительно.*) Бросьте книгу, я хочу вам что-то сказать. (*Бросает книги.*)

К у н и ц ы н. Мне?

Н и н о ч к а. Вам, глупый вы этакий. (*Пауза*). Скажите... я вам нравлюсь?

К у н и ц ы н. Вот удивительно-то? А ведь я до сих пор и не думал об этом.

Н и н о ч к а. Очень мило. (*Ходит по комнате, останавливается*). Послушайте. Я давно собиралась сказать вам одну вещь: знаете, глупый вы человек, что вы мне... ужасно нравитесь!.. Ей-Богу! Я вас очень люблю.

К у н и ц ы н. Ну-у? Вот тебе раз! Это серьезно?

Н и н о ч к а. Совершенно серьезно.

К у н и ц ы н. Что же теперь делать, а?

Н и н о ч к а. Уж и не знаю. Вы сами и расхлебывайте.

К у н и ц ы н. Положение! Да, может быть, это так только?

Н и н о ч к а. Нет, нет! Серьезно! Совершенно серьезно!

К у н и ц ы н (*шагая по комнате озабоченно*). Положеньице! Гм... да... Знаете, и вы мне, как я сейчас разобрался, тоже, хе-хе!.. очень нравитесь... Но все-таки... как же это так? А? Слушайте, Ниночка... может это все-таки шутка?

Н и н о ч к а (*нетерпеливо*). Ах, ты, Господи! Какие там шутки. Целый год вы мне нравитесь, вот и все!

К у н и ц ы н. Положеньице! Что же мне теперь делать?

Н и н о ч к а. Вот что! (*Подходит к нему, обнимает, он целует ее. Садятся оба на стол, смущенно поглядывают друг на друга.*)

Г о л о с с т у д е н т а (*за сценой*). Куницын, скоро ли кончишь заниматься?

К у н и ц ы н. Отстаньте вы от меня! Я только что начал!

Н и н о ч к а и К у н и ц ы н целуются.

З а н а в е с

С КОРНЕМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Айя.
Потылицын.

Уютный уголок гостиной. Айя и Потылицын входят, она садится на диван. Потылицын во фраке, Айя — в нелепо-изысканном платье с какими-то газовыми оборками и разрезами. Масса колец, браслетов, цепочек... Все это звенит и гремит при каждом движении.

Айя. Знакомьтесь со мной... Вас зовут, я знаю, Потылицын, а меня Айя. Думаю, что через час мы будем на «ты». Так проще.

Потылицын. Айя... Айя... А дальше как? По отчеству?

Айя. Никак; просто Айя. Мы с вами где-то встречались? Вы помните?..

Потылицын. Нет... кажется, не помню... Не встречались.

Айя. Встречались, в Египте.

Потылицын. В Египте? Да я там никогда не был.

Айя. О ... будто это так важно — не были! Мы с вами, все-таки, встречались, — не теперь, так раньше.

Потылицын. Да я и раньше там не был.

Айя. Раньше... Откуда вы знаете, что было раньше... Когда не было смокингов и автомобилей. Вы ведь не здешний.

Потылицын. Да, я сам с юга... Родители мои...

А й я. Вы нездешний!.. У вас нечеловеческое выражение глаз... Может быть, вы когда-нибудь были ящерицей...

П о т ы л и ц ы н (*сухо*). Может быть; мне об этом неизвестно.

А й я. Дайте-ка еще раз вашу руку; у вас на душе есть преступление.

П о т ы л и ц ы н. Что вы! Да я...

А й я. Тсс... Не надо быть таким шумным. Посидим, помолчим. Что бы вы сделали, если бы были королем всего мира?

П о т ы л и ц ы н (*в сторону*). Повесил бы тебя! (*Громко.*) Чтобы я сделал?.. Не знаю. Особенного тут ничего не сделаешь.

А й я. А если бы я была королевой, я приказала бы уничтожить все часы на земном шаре. Часы — это господа, мы — рабы, и мы стонем под их игом... Тик-так. Тик-так! Прислушайтесь!.. Это свист бича.

П о т ы л и ц ы н. Ну, уничтожили бы вы часы, а дни остались бы. День сменяется ночью — те же часы.

А й я. В моем королевстве была бы абсолютная ночь. Мы жили бы под землей и уничтожили бы время. Нет времени — и мы бессмертны. Из всего моего королевства я бы сделала бесконечный темный коридор.

П о т ы л и ц ы н (*в сторону*). Пожалуй, сделай тебя королевой, ты еще не такую штуку выкинешь... С тебя станется.

А й я. Ах, я так понимаю римских цезарей. Ванна из свежей человеческой крови утром — это запас нескольких жизней на целый день! Возрождение через смерть прекрасных молодых людей... Розовый огонь на свежем сером пепле...

П о т ы л и ц ы н. Где ваш муж служит?..

А й я. Директор металлургического общест... Ах, мой муж! Иногда я слышу около себя шелест — это он издали думает обо мне...

П о т ы л и ц ы н (*иронически*). Нездешний шелест?

А й я. Да... Нездешний. Это вы очень хорошо сказали... Шелест... Что такое шелест? Выродившийся гром, раб, сверженный с небес и закованный в шелковые оковы. Вы никогда не были убиты молнией?.

П о т ы л и ц ы н (*грубо*). Был!

А й я. Как это хорошо! Быть убитым молнией — это небесная смерть.

Потылицын (*впадая в ее тон*). Вы были когда-то женой вождя негритянского племени.

Айя. Почему?..

Потылицын. Потому что вы серая. Вы под пеплом... Даже сейчас. Я уверен: вы родились от вулкана. Вышли из кратера вместе с пеплом.

Айя. Ах, вы, пожалуй, правы больше, чем нужно. Не нужно быть правым (*задумчиво.*) Кратер...

Потылицын. А когда вы смеетесь, вы напоминаете самку суслика...

Айя. Суслик смеется перед опасностью.

Потылицын. Да!! И после смерти. У вас прекрасные глаза, Айя! Ваш левый глаз молчит.

Айя. Мой левый глаз знает больше.

Потылицын. Да! Знание, умерщвляя, украшает. Я вспомнил! Мы с вами виделись не в Египте, а у истоков Замбезе. Вы пили воду, стоя передними ногами в реке.

Айя. Я была оленем?

Потылицын. Да. Антилопа-гну. Жвачное, однокопытное. И, зацепившись хвостом за ветку хлебного дерева, смотрел я на вас, раскачиваясь. Верно?..

Айя. Да... Замбезе... Я помню тигра, который любовно смотрел на меня из джунглей...

Потылицын. Да... тигр... Очевидно, он убежал из туземного зверинца, потому что на Замбезе они не водятся.

Айя. Вы любите пуму? Пума и ягуар напоминают льющуюся воду. Их движения водопадны.

Потылицын. Ниагарны или иматрны?

Айя. Ах, это все равно. Я когда-нибудь встречу ягуара... Вы подумайте! Вдруг сверху свалится на меня гибкая злая масса. О, я не буду кричать. Пусть! Пусть мое тело будет исковеркано, облито кровью, пусть! Зато я узнаю мучения. Я скоро встречусь с ягуаром...

Потылицын. Вы действительно этого хотите?..

Айя. Да, я хочу мучения, побоев. Я поцелую руку ударившему меня мужчине.

Потылицын. Хорошо. Завтра я завезу вам расписание.

Айя. Чего?

Потылицын. Расписание пароходов, отходящих в Сан-Франциско. Оттуда по железной дороге до Сакраменто и...

Айя. Зачем?

Потылицын. Затем, что ягуары водятся в Мексике. До Иокогамы вы можете поехать по Сибирской железной дороге. Правда, вагоны не ахти какие и на станциях буфеты отвратительные...

Айя. Ах, что вы такое говорите!

Потылицын. Да, ведь как же! Иначе до ягуаров не доберетесь. В Мексике вы их можете найти по дороге от Чигуагуа...

Айя. Милый! Вы мне делаете мигрень. Вы слишком реально касаетесь вещей, которые тоньше паутины. Наши ощущения должны быть ирреальными.

Потылицын. Нездешними?

Айя. Вот именно. Вы очень метко это сказали...

Потылицын. Вот что, уважаемая Айя... Я хочу иметь с вами серьезный разговор.

Айя. Хорошо... Только зачем «вы»? Нужно — ты. Ты — это не приближает, а отдаляет... Я хочу отдаления.

Потылицын. Вот что, моя милая. Как тебя зовут?..

Айя. Айя! Это звучит, как падение снега.

Потылицын. Ага! Так, так... Вот что, послушай-ка, моя милая! Если ты будешь ломаться — я тебя поколочу, — ты сама об этом мечтала давеча! Слышишь? Не вздумай кричать — я свалю все на тебя. Меня все хорошо знают как скромного воспитанного человека, а тебя, вероятно, считают за полусумасшедшую сумасбродку, готовую на всякую глупость. Итак, не ломайся, и скажи мне, как тебя зовут... Как твое настоящее имя?..

Айя. Вы с ума сошли! Меня зовут Екатериной Арсеньевной.

Потылицын. Вот и прекрасно. Вот что я тебе скажу, Екатерина Арсеньевна... Мне тебя смертельно жалко... Как это так можно изломать, исковеркать свой благородный человеческий облик? Как можно себя обвешать какими-то браслетами, цепочками, связать себя так, что к тебе и приступиться страшно. Вспомни, Екатерина Арсеньевна, о своей матери. Как бы она плакала и убивалась, если бы увидела свою дочь в таком гнусном, позорном положении. Какой глупец научил тебя этим смешным, нелепым разговорам об Египте, ягуарах и темных коридорах. Милая моя, ты на меня, ради Бога, не обижайся — ты баба, в сущ-

ности, хорошая, умная, а только изломалась превыше головы. К чему это все?.. Кому это нужно? Дураки удивляются и побаиваются, а умные люди смеются за твоей спиной. Мне тебя смертельно жалко. То, что я тебе скажу, никто тебе не скажет, даже твой муж... Сними ты с себя все эти побрякушки, колокольчики, начни говорить по-человечески, и ты будешь женщиной, достойной уважения и даже настоящей любви. Дети-то у тебя есть?

Айя (*со вздохом*). Нету.

Потылицын. Вот то-то и беда. Может, это все от бездетности пошло. Ну, милая, не будь такая печальная, развеселись, махни на все рукой и заживи по-новому. Ей-Богу, тебе легче будет, чем тогда, когда нужно измышлять беседы о каких-то темных королевствах, ягуарах, пумах и кровавых ваннах. Вот ты уже улыбаешься. Молодец. Я ведь говорил, что ты женщина не глупая и даже юмор чувствуешь. Ты на меня не сердишься?

Айя. Вы чудовище! Грубое животное.

Потылицын. Ну, миленькая, ну скажи же, ну? Бросишь ты своих ягуаров и египтян. А?.. Обещаешь? Я буду вам самым преданным хорошим другом. Вы мне очень нравитесь вообще. Бросите?..

Айя. Наш разговор между нами?

Потылицын. Конечно! Я завтра зайду к вам, ладно?..

Айя. Хорошо... Только чтобы об этом разговоре даже не намекать! Условие.

Потылицын. Даю слово. Итак, до завтра. Расписания для ягуаров привозить уже не надо?

Айя. Ну-у-у! А кто обещал молчать?.. Чудовище! Кстати мне эта цепочка ужасно натерла руку. Я сниму эту сбрую, а вы спрячьте ее в карман.

Потылицын. Ах, вы, прелесть моя! Давайте!

Входит поклонник Айи.

Поклонник. А! Вот где она — огнекудрая Айя!.. Душа твоя свилась серым тоскующим клубком, подкатилась ко мне и зазвенела: иди, иди! Айя тебя ждет и тебя хочет. Здравствуй, среброногая!

(*неожиданно сердито*). Прошу вас не говорить мне «ты»! Что это такое?! И потом: что это за наглость – говорить со мной на каком-то готтентотском языке!? И, кроме того, зарубите себе на носу, что я вам не Айя, а Екатерина Арсеньевна!! Слышите вы, среброногий?!... (*Взяв Потылицына под руку быстро уходит; от изумления поклонник падает в кресло и смотрит вслед ушедшим выпученными глубоко изумленными глазами.*)

Занавес

ОТБИВНАЯ КОТЛЕТА

(*Психологический случай*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Безработный.
Коммерческий человек.
Слуга в трактире.

Действие происходит в мрачной отдельной комнатке дешевого трактира.

В момент поднятия занавеса на сцене Безработный. *С выражением мрачной решимости на лице, он оглядывается, вынимает из кармана бутылочку уксусной эссенции, берет со стола стакан, наливает; нюхает; на лице колебание. В это время в боковых дверях показывается* Коммерческий человек... *Он молча наблюдает за самоубийцей.*

Безработный (*решительно*). Э, черт с ним. Нечего там нюнить... Хуже не будет! (*Подносит стакан ко рту.*)

Коммерческий человек (*бросаясь к нему*). Стоп! Брось стакан! Слышишь? Тебе говорю, брось! (*Борьба, стакан, выбитый из рук самоубийцы, падает на пол.*)

Безработный. Пус... сти! Черт!! Нечего тут ввязываться!! Не твое дело!!

Коммерческий человек. Нет, брат, этого я тебе не позволю!!

Безработный. Да вам-то какое дело!.. Тоже, подумаешь, благодетель выискался. Все равно — уйдете — я другой стакан выпью. (*Стоит, мрачно скрестив руки и прислонившись к стене.*)

Коммерческий человек (*прохаживается по комнате в задумчивости; перебирает пальцами будто что-то высчитывая; останавливается*). Послушайте... вы!.. Вы серьезно решили отравиться? Непременно решили?

Безработный (*иронически*). Нет — шутя! Просто, знаете, так мучила жажда, под рукой воды нет, так я эссенцией хочу промочить горло... (*горько смеется*). Идиот!

Коммерческий человек. Да, да... Значит, серьезно. Послушайте, голубчик... Если вам все равно, то...

Безработный. Ну?

Коммерческий человек. Если вам все равно, отчего бы не отложить этого до послезавтра. А? Такое дело, что всегда успеете.

Безработный. Та-ак! Спасибо, милый. Значит выходит: три дня голодал, голодай и четвертый день, и пятый?

Коммерческий человек. Постойте, постойте... ради Бога, не разбрасывайтесь!.. Послушайте... вот что... Хотите, мы обломаем прекрасное дельце? У вас есть родственники? Жена? Есть?

Безработный. Да что толку-то, что жена есть? Еще хуже! Мало ей от меня радости...

Коммерческий человек. Прекрасно, прекрасно. Так вот: раз вы уже решили отравиться... отчего вам, по крайней мере, не принести жене и детям какую-нибудь пользу. Отдайте себя в мое распоряжение на два дня, а там травитесь хоть десять раз! Но жена ваша зато получит тысчонку рублей!!

Безработный (*мрачно*). Вы что же... Труп мой хотите купить, что ли?

Коммерческий человек. Что вы, что вы! На что мне эти четыре пуда испорченного мяса и костей?

Безработный. Значит... вы хотите снять меня для кинематографа? Когда я кислоту-то буду пить.

Коммерческий человек. Это, конечно, идея, но, к сожалению, этого не разрешат.

Безработный. А что же вы со мной сделаете?

Коммерческий человек. А вот смотрите... вот что я с вами сделаю: сначала кладу вам в руку золотой десятирублевик, а затем усаживаю вас за этот стол и кормлю сколько влезет. Недурно, а?

Безработный. Ну вас! Будете кормить, а сами начнете рассказывать разные жалкие слова что, мол, самоубийство грех, что нужно бороться... Имейте в виду, если хоть заикнетесь об этом — сейчас же убегу и где-нибудь за углом допью эту бутылочку! Слышите?

Коммерческий человек. Да ничего подобного! Зачем мне вас уговаривать. Я просто прошу повременить два дня с этой штукой. А если вы трое суток не ели — подумайте: я закажу вам хороший кусок ветчины... Знаете, этакая розовая сочная ветчина с горчицей... Потом яичница... А? Бутылочку пива... А главное — тут очень хороши отбивные котлеты! Вы подумайте: пара хорошо зажаренных в сухарях отбивных котлет, с картофелем и свежим огурчиком. Посудите сами: ее, эту котлету, разрежешь, а там этакое белое телячье мясо... А жареный картофель пахнет, а огурчик благоухает. Проглотили кусок — пивом запили...

Безработный (*хриплым голосом*). Вы говорите — отбивная котлета? С картофелем? (*энергично сплевывая.*) Ладно! Заказывайте!

Коммерческий человек. Вот видите! Прекрасно!.. Я сейчас (*убегает*).

Безработный. (*Подходит к рампе, мрачно смотрит на публику; берет со стола бутылочку с ядом, осматривает; ставит обратно.*)

Коммерческий человек (*суетливо вбегает*). Ну, вот и готово. Вот все и заказано! Сейчас и подадут. Садитесь, милости прошу! Вот тут вам будет поудобнее. Вам из окна не дует? Положим, все равно — два дня! Не стоит и остерегаться. (*Входит слуга с подносом.*) Вот сюда, сюда давайте, этому господину. Милости прошу! Вот ветчина — сок, аромат! Объедение! Вот пиво, сардины... А котлеты я заказал! Этакие вкусные жирные котлеты, уже их и жарят. Хе-хе! Кушайте, кушайте! (*Безработный набрасывается на кушанье. Слуга уходит.*)

Коммерческий человек. Берите еще ветчины, берите. Вы меня можете слушать?

Безработный (*с набитым ртом*). Мгг!..

Коммерческий человек. Чего-с?

Безработный (*машет в воздухе вилкой*). Мгг... Хррр... Бу-у.

Коммерческий человек. Да, да, прекрасно. Кушайте, кушайте. А я буду говорить... (*принимает удобную позу*). Я, видите ли, рассуждал так: всякое дело, если за него умело взяться — может принести заинтересованному лицу немалую пользу... А в данному случае нас, заинтересованных, даже трое: вы, жена ваша и я. Чем заинтересованы вы? Вы умрете со спокойной совестью, что жизнь ваша не пропала даром, что вы, умирая, принесли любимому существу пользу. Чем заинтересована ваша жена? Она получает тысячу чистоганчиком — мало тысячу — две тысячи! Совершенно не ударив палец о палец! Теперь — вы, конечно, спросите, какую пользу получаю я? Я должен взять на этом тысяч тридцать, тридцать пять!! Каково? Вы спросите, почему же так много? Да ведь — Господи же! Ведь я же антрепренер. Мой риск, мои деньги!! Это уж правило — что при хорошем деле антрепренер получает больше всей своей труппы. Конечно, труппа или в данном случае — вы — могли бы сказать: «а ну тебя к черту! Зачем мы будем отдавать тебе то, что можем сами взять». Тут-то я вам и крикну: «Дудки-с! Дудочки! А капитал? А оборотные средства? Где они у вас?» А без них вы ничего не сделаете.

Безработный (*с набитым ртом*). Ага-а-а! Понимаю! Значит, вы хотите меня застраховать.

Коммерческий человек (*радостно, торжествующе*): Конечно же! Конечно! Рассуждайте так: раз вы решили умереть — вы от этого ничего не теряете. Жена ваша выигрывает — и все довольны! Ну, скажите мне, скажите: можно что-нибудь мне возразить? Ну, возражайте же, возражайте!

Безработный. Гм... возразить-то, пожалуй, нечего. Дело ясное! Как говорится, не подкопаешься. А если я скажу, чтобы вы выдали моей жене половину заработка... то есть, тысяч пятнадцать? Что вы запоете?

Коммерческий человек. Если вы это скажете? А я запою — ищите себе другого! А я не согласен!! Нет расчета! Я слишком для этого коммерсант! (*Помолчав; обиженно.*) Да, право. Даже обидно... То еле от него яд отнял, а то он начинает торговаться, как тряпичник. Скажите, что изменилось в вашей жизни в этот час? Только, что раньше жена ваша умерла бы с голоду, а теперь она заработает пару тысчонок. (*Слуга приносит котлеты; уходит.*)

Коммерческий человек. Ну, видите — вот вам и котлеты... Мне ничего не жалко — кушайте и не ломайтесь. Вы подумайте, — жена ваша получает две тысячи!!

Безработный (*набрасываясь на котлеты*). А знаете... Если бы жена моя знала о нашем условии... она бы отказалась от денег...

Коммерческий человек (*удивленно*). Почему? Господи, Боже ты мой — почему?

Безработный. Потому что она меня любит! Если бы ей предложили на выбор меня, каков я есть — нищий, выгнанный с завода за забастовку, попавший под надзор полиции, — или кучу золота, будьте покойны — хе-хе — она выбрала бы меня!

Коммерческий человек (*простодушно*). Но раз вы уже отравитесь — ей уж выбора не будет.

Безработный (*неожиданно растрогавшись*). Бедная моя крошка! Если она узнала бы, что я отравился... это убило бы ее!..

Коммерческий человек (*язвительно*). Однако вы раньше же об этом не думали?

Безработный. Положим, действительно, не думал. Да уж если человек голоден, как собака... он ни о чем хорошем не думает... А раз человек сыт — он делается добрее и не прочь вспомнить своих близких.

Коммерческий человек (*вскакивая, с беспокойством*). О, черт! Не раздумали ли вы травиться? Хорошенькая была бы история!

Безработный (*впадая в грустное настроение*). Нет, пожалуй... не раздумал. В сущности, ведь с тех пор, как я хотел глотнуть эссенции, ничего не изменилось. Разве, что съел котлету, да в кармане лежит золотой...

Коммерческий человек. Конечно, конечно!.. Только и всего... А завтра опять будете голодны, а если начнете есть, то через неделю от золотого ничего не останется.

Безработный. Ну, нет, не скажите... На этот золотой можно сделать лучше... Поехать в другой город и поступить на завод.

Коммерческий человек (*вскакивая, бегает по комнате*). Глупости, глупости!! Кто вас там примет? Ну, кто, кто? Везде полные штаты с избытком!

Безработный (*приходя в хорошее настроение*). Это ничего, пустяки. Если хороший мастер — его всегда возьмут. А я по механическому делу — хе-хе! — дока!

Коммерческий человек. Все равно, если под надзором полиции — через месяц опять вылетите и опять голодать будете. Уж поверьте-с, уж поверьте-с, уж поверьте-с!

Безработный. Почему же? Буду жить скромненько... Для семьи... Полиция меня и не будет трогать. Накоплю деньжонок... Вы знаете, такой мастер, как я, может до ста рублей вырабатывать? Ей-Богу. Можно половину проживать, половину откладывать. Да жене если купить машинку, она шить будет — смотри, тоже две красненьких набежит. А там сынишка у меня поднимется — славный пятилеток — к тому времени и в гимназию его отдать будет не трудно. Пусть и он не хуже других. А там университет... Не справимся сами — уроками поможет.

Коммерческий человек. Как же... дожидайтесь! Знаем мы эти студенческие уроки... На сапоги не хватит! Ни черта не выйдет! Простудится, без сапог по урокам ходивши, и подохнет, как собака! Слышишь, ты? Подохнет!

Безработный (*мечтательно*). Отчего же... Он у меня парнишка крепкий. Выбьется. А там, смотри... доктором будет или податным инспектором...

Коммерческий человек. Нет-с! Не будет! Не будет он податным инспектором!! Это, батенька, не так легко!

Безработный. Почему?

Коммерческий человек. Почему? Отдавай мне мои десять рублей — вот почему! Ишь ты, какой! То — травиться, а то в инспекторовы отцы лезет. Подавай денежки!

Безработный (*хладнокровно*). Нате... Получайте, пожалуй... Обойдусь как-нибудь и без них... (*отдает деньги*).

Коммерческий человек. Обойдешься?! Интересно это мне знать — как обойдешься?

Безработный. Ну, как-нибудь... Можно в автомобильный гараж поденно поступить — моторы чинить... Я в этом маракую. Перебиться немного, скопить на дорогу, а там опять на оседлое место, на завод. Да... пожалуй, так и придется сделать...

Коммерческий человек. Швейная машинка!! Податной инспектор?! Черт с тобой! Травись! И страховать тебя не буду! Пусть жена твоя подыхает с голоду!

Безработный. Зачем же ей подыхать с голоду? Даст Бог, выкрутимся...

Коммерческий человек (*злобно*). Выкрутишься, как же... Ведь вот свяжись с дураком. (*Безработный, улыбаясь, прохаживается по комнате.*) Ты, небось, и тогда ломался, когда эссенцию пить хотел!! Все равно не выпил бы!

Безработный. Нет — тогда выпил бы. Ей-Богу... Вот тебе крест — выпил бы...

Коммерческий человек. Не надо мне и креста твоего! (*Обиженно.*) Жулик! Его как порядочного человека накормили, а он... Стоило спасать тебя. (*С неожиданной злобой, хватая бутылочку с эссенцией*). На!! Пей, пей! Отчего ж ты не пьешь? Ты же хотел пить раньше!

Безработный (*благодушно*). Да, ну тебя... (*отводит его руку*). Чего пристал? Теперь не надо мне, как-нибудь выкручусь.

Коммерческий человек. А я тебе говорю — не выкрутишься!..

Безработный. А там будет видно. Жене машинку швейную, если на выплату... Эх, курить-то захотелось... Дай-кось, мил-человек, папироску...

Коммерческий человек. Черта лысого я тебе дам. Не хочешь травиться — никакой папироски не получишь.

Безработный. Ну, Бог с тобой... мы окурочек найдем... (*Берет с пепельницы окурок, закуривает; усаживается посреди комнаты; лицо блаженное; курит.*)

К о м м е р ч е с к и й   ч е л о в е к (*смотрит на него с ненавистью*). Ты будешь травиться или нет? В последний раз спрашиваю — будешь?

Б е з р а б о т н ы й (*смеется*). Эк парня разобрало...

К о м м е р ч е с к и й   ч е л о в е к. Не будешь? Говори! Не будешь?.. Так будь ты проклят, жулик анафемский! (*Бросает в Безработного флакон с эссенцией, убегает.*)

Б е з р а б о т н ы й (*один; курит. Лицо блаженное*). Эх! Пойду в гараж... Попрошу работки... жене машинку... Сын инспектор... (*зевает*) Э-х-х! Хорошо! Не жизнь, а малина! А он — травиться! (*смеется*). Разве ж можно?

З а н а в е с

ДАМЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Елена Ивановна.
Наталья Сергеевна.
Девица в большой шляпе.
Первая дама.
Вторая дама.
Чаплыгин, молодой человек.
Зрители.

Действие происходит в театре. Направо и налево — две ложи; между ними два последних ряда стульев.

При поднятии занавеса в левую ложу входит Наталья Сергеевна и Чаплыгин; в правой ложе сидит Елена Ивановна.

Войдя в ложу, Чаплыгин лихорадочно схватывает бинокль и начинает осматривать партер. Находит глазами Елену Ивановну, раскланивается, стараясь, чтобы не увидела Наталья Сергеевна.

Наталья Сергеевна. Кому это вы так кланяетесь?

Чаплыгин. Я? Никому. Это так. Одна знакомая. Просто даже, знаете, почти что и не знакомая.

Наталья Сергеевна. Так вы говорите, что эта пьеса очень интересная?

Чаплыгин. А? Дрянь пьеса!

Наталья Сергеевна. Как дрянь! Да ведь вы давеча говорили, что пьеса замечательная!

Чаплыгин. Ну, да... Я не договорил! Нужно было сказать: замечательная дрянь! Знаете что... уйдем лучше отсюда...

Наталья Сергеевна. Ну, что вы! Приехали в театр и вдруг — уезжать. В чем дело? Глупости какие!

Чаплыгин (*после паузы*). Актеры плохие. Уйдем, а?

Наталья Сергеевна. О чем же вы думали, когда приглашали меня в театр?

Чаплыгин. Забыл как-то. (*Пауза.*) Скажите, вы подвержены заболеванию грудной жабой?

Наталья Сергеевна. А что?

Чаплыгин. Этот театр славится грудными жабами. Как кто приедет, так и заболеет. Сквозняки тоже... Ушли бы, все-таки, а? Вдруг жаба...

Наталья Сергеевна. Об этом нужно было предупредить раньше.

Чаплыгин. Автор... тоже...

Наталья Сергеевна. Что автор?

Чаплыгин. Дурак нестерпимый. На него так уже все пальцами и указывают: вон, говорят, дурак идет. (*Пауза.*) Пьяница! (*Елена Ивановна, осматривая в бинокль ложи, останавливает взгляд на ложе Чаплыгина; делает ему пригласительный жест.*)

Чаплыгин (*громко*). Сейчас, сейчас!!

Наталья Сергеевна. Что сейчас?

Чаплыгин. Я говорю... сейчас занавес поднимется...

Наталья Сергеевна. Так об этом не нужно кричать на весь театр. (*Елена Ивановна делает Чаплыгину знаки; он за спиной Натальи Сергеевны ей отвечает.*)

Чаплыгин (*откашливаясь*). Вы... гм! Разрешите мне на минутку отлучиться?

Наталья Сергеевна (*нервно*). Ну, куда там еще?!

Чаплыгин. А вот тут... Кхм!!. Один человечек... нужно... по делу...

Наталья Сергеевна. Какой там еще человечек?!

Чаплыгин. Дама одна... Так, знаете... деловое знакомство... Нужно два слова по делу сказать... Ей-Богу! Честное слово.

Наталья Сергеевна. Начина-а-ается! Какое такое еще дело?

Чаплыгин. Этого... Продажа мельницы. Устраиваю тут одному помещику мельницу... На этом... на Днепре. Хорошая

такая мельница, паровая (*смущается под ее взглядом*). Такие колеса... шумит так: шш! Трр! Очень смешно!

Наталья Сергеевна (*рассматривая его в лорнет*). «Очень смешно»... Да!.. Скажите, с каких это пор вы стали заниматься комиссионерством? А? (*Пауза.*)

Чаплыгин. Вам не дует?

Наталья Сергеевна. Нет. Я спрашиваю с каких пор вы комиссионерством занялись?

Чаплыгин (*фальшиво смеется*). Ги-ги! Да вы меня, деточка, ревнуете? (*Наталья Сергеевна презрительно пожимает плечами; отворачивается. Чаплыгин, нерешительно.*) Так можно... пойти?.. Я на минутку. Мельница, ей-Богу... ветряная. На этом... На ветре... То есть, на Днепре! Колеса шумят... Я только на два слова, а?

Наталья Сергеевна (*с сердцем*). Пожалуйста, пожалуйста! Можете хоть совсем не возвращаться! А еще говорит, что кроме меня для него никто не существует!

Чаплыгин (*у него отчаянное лицо*). Милая... Наташа... вы сердитесь?

Наталья Сергеевна. Ничего я не сержусь... За что? Каждый вправе поступать, как он хочет. Я серьезно говорю: если у вас есть такое срочное дело, которое нельзя отложить даже в театре — вы не стесняйтесь! Только едва ли вежливо оставлять женщину одну в незнакомом месте, где мужчины такие нахалы...

Чаплыгин. Господи! Но ведь вы же в ложе!

Наталья Сергеевна. А что ему стоит взять, да перелезть из соседней ложи через барьер...

Чаплыгин (*отчаянно*). Ну — хорошо! Я остаюсь!..

Наталья Сергеевна (*ядовито*). Нет, нет — почему же... Идите! Мне, право, так неловко, что я заставила, что я затруднила вас, потащившись за вами... Хотя вчера вы сами так меня уговаривали... Ну, идите, идите... ветряная мельница!

Чаплыгин. Ф-фу! (*выскакивает из ложи, появляется в партере, подходит, спотыкаясь, к Елене Ивановне, по дороге наступает на ноги кое-кому из зрителей*).

Зритель. Куда вы лезете, медведь?!

Чаплыгин. А? После, после! После спектакля расскажете...

Зритель. Что такое? Что после?

Чаплыгин. Э, не до вас тут...

Елена Ивановна. А, милый, здравствуйте! Вот видите: вы отговаривали меня нынче от театра, а я все-таки пришла. Как же вы говорили, что будете один, а пришли с какой-то дамой...

Чаплыгин (*растерянно*). Как поживаете?

Елена Ивановна. Спасибо. Кто эта дама?

Чаплыгин. Какая?

Елена Ивановна. Да вот эта... Что в первой ложе сидит.

Чаплыгин. Первый раз вижу! Как поживаете?

Елена Ивановна. Послушайте, но это же наглость! Вы ведь пришли с ней — я видела.

Чаплыгин. Ах, это? Да-а-а!! Это так, просто знакомая... Знакомая моей тети. Привязалась: возьми, да возьми! Плачет! Ну, сами понимаете — неловко... Поедем, говорю, только отстань!

Елена Ивановна. Смотрите... Я ревнивая! А вы знаете, какая прелесть: ведь я совершенно одна... Хотите посидеть со мной один акт?

Чаплыгин (*в ужасе*). Один?

Елена Ивановна. Да.

Чаплыгин. Акт?

Елена Ивановна. Ну, конечно.

Чаплыгин. Не могу-у!.. То есть, конечно, я могу... но там дама... навязалась, знаете... Плачет прямо: «возьми, да возьми!» Неловко как-то ее бросать... Как поживаете?

Елена Ивановна (*ехидно*). Гм!.. Я видела ее. Недурна, но видно — мажется неимоверно. Прямо кукла раскрашенная (*с ядовитой улыбкой.*) Впрочем... Простите, вам, может быть, неприятно? Что я так, а?

Чаплыгин. Ничего, пожалуйста, пожалуйста! (*Пауза.*) Гм... да! Ну, как поживаете?

Елена Ивановна. Благодаря вам — замечательно! Если бы знала, что вы не можете покинуть вашу даму даже на минутку — ни за что бы сюда не приехала! А у меня как раз жажда... пить очень хочется... Только — что ж! Не буду уж вас затруднять... Где уж нам!..

Чаплыгин (*вскакивает с кресла, грубо*). Пойдем!

Елена Ивановна. Нет, что уж... Потерплю!

Чаплыгин. Ну, пойдем, чего там! Нечего так! (*Хватает ее за руку, тащит в фойе. В то время, когда они*

скрываются — публика аплодирует, т.к. кончился акт; Наталья Сергеевна тоже аплодирует, крича: «браво, Раздольский!»).

Чаплыгин (*входит в ложу с видом побитой собаки*). Ну, вот... и я! (*Елена Ивановна тоже возвращается на свое место*).

Наталья Сергеевна. Ну, как мельница?

Чаплыгин (*удивленно*). Какая мельница?.. А, да! Ничего. Дело идет на лад... Вы подумайте — паровая мельница на самом берегу... Да... гм! Мелет все, что угодно...

Наталья Сергеевна. Это и видно! С такой драной кошкой, как она, не понимаю, какие могут быть дела.

Чаплыгин. Ах, какая вы злая! Если бы вы знали, что она говорила о вас — вы бы не были такой...

Наталья Сергеевна (*скривившись*). Интересно, что там она могла сказать... Воображаю!

Чаплыгин. Помилуйте! Нашла вас очаровательной. Будь я, говорит мужчиной — непременно бы в нее влюбилась... Эти, говорит, губки, эти щечки, этот цвет лица... Как кукла... Гм! Как куколка! Она уверена, что я — хи-хи — влюблен в вас... и... и... очень рада за меня!

Наталья Сергеевна (*кокетливо*). Ну, да... нашли красавицу... Я думаю, наполовину вы сами выдумали.

Чаплыгин. Ей-Богу, не выдумал! Чего мне выдумывать... «Я, говорит, сочла бы за счастье познакомиться с такой очаровательной женщиной! Почему-то находит, что вы похожи на королеву эту, как ее... Марию-Антуанетту!

Наталья Сергеевна. Да? (*смотрит в лорнет на Елену Ивановну благосклонно*). Она тоже довольно такая... милая. А она приличная женщина? Замужняя!

Чаплыгин. Помилуйте! Еще как! У них телефон собственный... На рояли... играет!

Наталья Сергеевна. Ну, что ж! Если она хочет познакомиться — я не прочь! Пригласите ее в нашу ложу.

Чаплыгин (*ошеломленный*). Пригласить?

Наталья Сергеевна. Ну, да!

Чаплыгин. Сю... сюда!?

Наталья Сергеевна. Ну, конечно!

Чаплыгин (*после некоторого раздумья, с жестом отчаяния*). Сейчас!! (*Убегает; показывается в партере; опять спотыкается о ноги зрителей.*)

Дама в партере. Тише, вы! Как так можно на ноги лезть!

Чаплыгин (*рассеянно*). Ладно, ладно, там увидим.

Дама. Что увидим? Нахал!

Чаплыгин. Слушайте, ну что вы меня завлекаете... Я не привык с незнакомыми разговаривать.

Дама. Дурак вы и больше ничего. Какая наглость!

Елена Ивановна. Что там у вас такое?

Чаплыгин. Да дама какая-то... ужинать приглашает. Как не стыдно, право! А я к вам с новостью.

Елена Ивановна. Что такое?

Чаплыгин. Поздравляю вас! Вы произвели на мою даму ошеломляющее впечатление! Она все допытывалась: кто эта красавица, с которой я выходил в фойе. Сказала, что одобряет мой вкус. Это женщина, говорит — редкое явление на фоне нашей серой общественной жизни... (*Бормочет какой-то вздор*).

Елена Ивановна. Неужели? Да она мне тоже нравится. У нее в глазах есть что-то симпатичное... Красивые глаза!

Чаплыгин. Конечно, конечно! Особенно левый! Она ко мне пристала как с ножом к горлу: «познакомь, да познакомь ее с вами!». Просто влюбилась в вас!

Елена Ивановна (*приятно удивлена*). Да? Я с удовольствием познакомлюсь с ней...

Чаплыгин. Вот и прекрасно! Пойдем!

Елена Ивановна. Куда?!

Чаплыгин. Да к ней в ложу!

Елена Ивановна. Как... к ней в ложу? Но я думала, что она спустится сюда.

Чаплыгин (*простодушно*). Да зачем?! Будем втроем сидеть в ложе. Весело будет! Очень весело...

Елена Ивановна. А я не пойду! После — пожалуй! Но сейчас — если ей хочется познакомиться — пусть она сюда и придет... Неудобно же мне тащиться в ложу к незнакомой женщине...

Чаплыгин (*потоптавшись, со вздохом*). Так, так, так, так, так... Ну, ладно, пойду. Приведу. (*Убегает. Появляется в ложе Натальи Сергеевны.*) Ну, пойдемте! Все готово.

Наталья Сергеевна (*сурово*). Куда пойдем? Я не хочу никуда идти.

Чаплыгин. Да к ней же.

Наталья Сергеевна. Никуда я не пойду. Если ей так хочется познакомиться, пусть сама сюда придет.

Чаплыгин. Да она стесняется!.. Она очень застенчивая! Говорят: ваша дама такая ослепительная, что мне даже страшно.

Наталья Сергеевна. Ну, а я к ней тоже не пойду.

Чаплыгин. Ага... Так, так... (*в отчаянии, но с наружной беззаботностью*). Ну, тогда, конечно, все будет устроено. Хи-хи! Пустяки! Мы это сейчас. (*Убегает; бежит, цепляясь за ноги зрителей к Елене Ивановне; запыхавшись, мокрый.*) Вы знаете что? Она боится показаться вам навязчивой и стесняется прийти сюда... (*ласково*). Пойдемте лучше туда, а? Ложа такая удобная, бархатом обита... стулья! Воздух хороший...

Елена Ивановна. Ни за что! Пусть она сюда идет, если ей хочется.

Чаплыгин. Сейчас, сейчас! Так, так, так... Все сейчас устроим... Пустяки! (*в сторону.*) Ф-фу!! (*Убегает; Елена Ивановна тоже выходит из ложи, стоит в партере, осматривая публику в бинокль; в публике опять аплодисменты после конца акта; Чаплыгин усталый, в изнеможении, входит в ложу*).

Наталья Сергеевна. Ну, что?

Чаплыгин. Придет! Сказала – обязательно приду! (*Опускается на стул*). Ф-фу! В горле у меня пересохло.

Наталья Сергеевна. Вы бы еще больше бегали.

Чаплыгин. Кхе! Кхе! Ужасно пересохло! Вот видите жаба! Выпить бы чего-нибудь...

Наталья Сергеевна. Я бы тоже чаю выпила.

Чаплыгин (*подскакивая, как на пружине*). Ну? Вот-то здорово! Пойдемте! Пойдем скорей! (*Берет ее под руку; тащит. Показываются в партере; публики нет, кроме Елены Ивановны. Чаплыгин тащит за руку Наталью Сергеевну мимо Елены Ивановны; останавливается, как будто видит ее в первый раз.*) А-а! Здравствуйте! Как поживаете? Очень приятно. Пожалуйста, господа, познакомтесь!

Наталья Сергеевна (*сухо*). Очень приятно! (*Стоят, посматривая косо одна на другую.*

Пауза.

Чаплыгин. Ну, вот вы, значит, господа, и познакомились!

Положение натянутое; томительная пауза.

Елена Ивановна. Ну, как вам показалась пьеса?

Наталья Сергеевна. Ничего. А вам?

Елена Ивановна. Да я, признаться, мало смотрела.

Наталья Сергеевна. Еще бы! Вам все мосье Чаплыгин мешал... своими длинными деловыми разговорами.

Елена Ивановна. Какими... деловыми?

Наталья Сергеевна. Да вот о покупке мельницы этой самой. Только я удивляюсь: то он говорит — ветряная, то паровая... И почему-то на берегу реки. Разве ветряная мельница обязательно должна на берегу реки стоять?

Чаплыгин. Кхе... Гм! Кх... кх! Проклятый кашель! Видите, — жаба! Да чего мы тут, господа, стоим... Идем в ложу! (*хочет взять Елену Ивановну под руку; Наталья Сергеевна смотрит на него сердитым взглядом; он отдергивает руку, берет Наталью Сергеевну под руку, но Елена Ивановна бросает на него возмущенный взгляд; тогда он, в отчаянии, убегает вперед, в ложу. Приходят дамы, рассаживаются, Елена Ивановна на месте Натальи Сергеевны. Поглядывают неприязненно друг на друга.*)

Наталья Сергеевна (*после паузы*). Скучная пьеса! Не стоит и смотреть. Поехать бы сейчас домой. Хотя, знаете, мне очень есть захотелось.

Елена Ивановна. А я сегодня совсем не обедала и умираю с голоду.

Чаплыгин (*оживляясь*). Если хотите, господа, можно куда-нибудь поехать, а? В ресторанчик!

Наталья Сергеевна. В ре-сто-ран-чик? втроем?

Чаплыгин. Ну, да... Только куда бы?

Наталья Сергеевна. Я думаю, к Контану.

Чаплыгин. К Контану! Идея!

Елена Ивановна. Если вы, дорогая Наталья Сергеевна, ничего не имеете — я предложила бы к «Медведю».

Чаплыгин. Великолепно! Конечно, «Медведь». (*Извивается между дамами*).

Наталья Сергеевна. О, мне все равно! Пожалуйста. Только у Контана — прекрасный оркестр... Поедем лучше к Контану!

Елена Ивановна. К Контану, так к Контану. Только я так привыкла к «Медведю». Отправимся лучше туда!

Чаплыгин. Именно! Только «Медведь».

Наталья Сергеевна. Ну, хорошо... Можно... Только Контан, по-моему, лучше. Если уж ехать — так только к Контану.

Чаплыгин (*в отчаянии*). Пустяки, господа. Пустяки; это мы все устроим; и по-вашему будет, и по-вашему! И «Медведь» и Контан! Теперь только одеться...

Елена Ивановна. Я раздевалась внизу... Вы меня проводите?

Наталья Сергеевна. А ... как же я? (*с дрожью в голосе*). Впрочем, конечно, если вам удобнее проводить Елену Ивановну...

Чаплыгин (*мечется от одной к другой*). Нет, что вы! Мне все равно!

Елена Ивановна. Ах, все равно? Так, так... Тогда, конечно, принесите раньше шубу Натальи Сергеевны... А я уж как-нибудь сама...

Чаплыгин. Что вы, что вы! Я не допущу этого... Я сейчас провожу вас вниз... (*Длинная пауза*).

Наталья Сергеевна (*сухо*). Кажется, уже поздно? А? В ресторан не стоит ехать? Не правда ли? Я поеду домой. Надеюсь, вы меня проводите, милый друг? Вы меня так часто покидали ради... (*взгляд на Елену Ивановну*) ради деловых разговоров о мельнице.

Елена Ивановна. Какая там еще мельница?!

Чаплыгин (*растерянно улыбаясь*). Сейчас, сейчас! Будьте покойны... Все... хи-хи!.. будет сделано (*боромочет какой-то вздор*). Все устроим! Дайте ваш номер от платья! (*Берет у Елены Ивановны номер, бежит вниз; в партере стоит в изнеможении, прислонясь к колонне.*)

Девица в большой шляпе (*подходя к нему*). Что ты, Сереженька, такой скучный... Здравствуй! Чего ты ко мне давно не показывался?

Чаплыгин (*в ужасе*). Третья!!!

Девица. Что?..

Чаплыгин. А, здравствуй. А я, брат, все время был дома... занят... Страшно занят. Ты тут что делаешь?

Девица. Да вот уезжаю... Хочешь, поедем ужинать, а?

Чаплыгин (*смотрит на нее; пауза*). Эх! Поедем!! (*Швыряет номерок от платья Елены Ивановны, берет ее под руку — отводит в сторону, что-то ей шепчет. Дамы в ложе стоят, мрачно поглядывая друг на друга.*)

Елена Ивановна. Ну, вот! Взял мой номерок от платья и исчез. Вы знаете что... подождите его здесь, а я пойду разыскивать его...

Наталья Сергеевна. Зачем же вы одни пойдете... Я тоже пойду. (*Молча оглядывают друг друга, потом отвернувшись одна от другой спускаются в партер, неожиданно наталкиваются на Чаплыгина, шепчущего что-то девице в большой шляпе.*)

Обе. Вот он!!

Чаплыгин (*в ужасе*). А-а! А я тово... (*неожиданно.*) Познакомьтесь господа. Это вот Натена Сергановна, это Еленья Ивеевна, а это... так... просто... Муся... (*Дамы с непередаваемыми словами выражением молча глядят одна на другую.*)

Из-за кулис показываются еще две дамы.

Первая. А! Сережа!

Вторая. Боже! Милый Сережа!

Чаплыгин (*падает на стулья партера, совершенно убитый*).

Занавес

НАТУРЩИЦА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Уваров, художник.
Катя, его жена, натурщица.
Двуутробников.
Ломакин.
Горничная.

Действие происходит в квартире художника Уварова. Небольшая, скудно меблированная комната.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В правую дверь входит Двуутробников, за ним горничная.

Двуутробников (*игриво поглядывая на горничную*). Это здесь, значит?

Горничная. Так точно, здесь.

Двуутробников (*берет ее за подбородок*). Ну, как ты тут... вообще, а?

Горничная. Что такое?

Двуутробников. Как тебя тут... хорошо кормят? Гм!.. Кажется, недурно (*пытается ее обнять*). Ишь ты, какая гладкая!..

Горничная. Оставьте! Я барыне пожалуюсь! (*вырывается*). Не смейте целоваться!

Двуутробников. Подумаешь! Недотрога какая... Да я и не целовал тебя... А просто хотел узнать, хорошо ли ты тут содержишься... Долг каждого порядочного чело-

века узнать — хорошо ли живется рабочему человеку. Ну, ступай, рабочий человек. Барыня-то твоя скоро выйдет?

Горничная. Сейчас, сейчас. Я ужо побегу на кухню. (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Двуутробников (*один*). (*Всматривается, вынимает из кармана газету; ищет среди объявлений.*) Ну, проверим, еще раз... Где тут оно? А! Вот!.. Гончарная улица... Так. Она! Дом номер восемь... Есть! Вот она. Дальше: «натурщица — прекрасно сложена, великолепное тело, предлагает художникам услуги по позированию». Хи-хи! Знаем, мы, какая ты натурщица... Такая же, как и я художник. Однако, где же она?

Входит Катя. Она в голубом пеньюаре; ласковая и вместе с тем серьезная.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Двуутробников. Вот! Есть и натурщица. Все на своем месте. (*Громко.*) Здравствуйте... мм... милая!

Катя. Вы насчёт позирования? Да? Художник? (*Подает ему руку.*) Очень приятно.

Двуутробников (*игриво*). Ху... художник? Ну, что вы! Хе-хе! Откуда вы могли догадаться, что я художник?..

Катя (*смеется*). Вот тебе раз! А зачем бы вы тогда пришли, если не художник? В академии?

Двуутробников. В ... в чем?

Катя. Я спрашиваю: в академии работаете?

Двуутробников. О! Нет! Напротив.

Катя. Как напротив? (*Садятся*). Напротив академии?

Двуутробников. Нет, я говорю это самое. Вообще, гм!.. Я, знаете, враг сухого академизма. Хе-хе-хе!..

Катя. Значит, в частной мастерской? У кого же?

Двуутробников. У этого... Как его... (*берет ее руку*). Красивая ручонка. Хе-хе! У этого... Такой высокий, знаете? Он еще в доме квартиру снимает...

Катя. Кто же это? Не могу догадаться?

Двуутробников (*придвигаясь к ней ближе*). А вот догадайтесь!.. Хе-хе!

Катя (*сморщив брови, задумывается*). У кого же? Это трудно догадаться... Мастерских много: Сивачев, Гольбергер. Или вы могли работать у Цыгановича... Положим, у Цыгановича скульптура... Ну, еще кто есть? Перепелкин, Демидовский, Стремоухов... У Стремоухова, да? Вижу по вашим глазам, что угадала.

Двуутробников. Именно, у Стремоухова. (*Решительно.*) Да! Конечно, у него!..

Катя. А-а! У Василь Эрастыча?!.. Ну, как он поживает?

Двуутробников. Да, ничего, спасибо. Пить, говорят, недавно начал.

Катя. Как «начал»? Да он уже лет 15, как пьет?

Двуутробников (*с искусственным удивлением*). Да что вы! Эх, Стремоухов, Стремоухов. Вот не подозревал... А по виду такой скромник.

Катя. Где там скромник! Гуляка и пьяница, хотя и золотое сердце... Вы ему от меня кланяйтесь. Я давно его не видала... С тех пор, как он с меня «Девушку со змеей» писал... Я давно ведь позирую...

Двуутробников (*с беспокойством*). Позвольте... Да вы серьезно позируете?

Катя. То есть... как серьезно?.. А то как же? А как же можно иначе позировать?

Двуутробников. Нет, я хотел это спросить, как его... Хотел спросить: не устаете?

Катя. О, нет! Привычка.

Двуутробников. И, неужели... Кх-кхе! Совсем раздеваетесь?

Катя. Позвольте... А то как же?

Двуутробников. Как же? Я вот и говорю: Как же... Не холодно?

Катя. О, я позирую только дома, а у меня всегда 16 градусов... Если хотите, мы сейчас же можем и поработать (*вид у нее самый деловой*). Вам лицо, бюст или тело?

Двуутробников. Тело!! Конечно, тело. Я думаю, тело; как же иначе... Гм!..

Катя. У вас ящик в передней?

Двуутробников. К ... какой... ящик?

Катя. Или вы с папкой пришли? Карандаш?

Двуутробников. Ах, какая жалость! Ведь я забыл папку-то... И карандаш забыл... Хи-хи! Ну, да это ничего, что с пустыми руками... А? Пустяки... Что такое,

в сущности говоря, папка (*придвигается к ней ближе.*) А? хи-хи... Ничего?

Катя (*добродушно*). Конечно, ничего. Мы это все сейчас устроим... Александр!! Са-аша!

Слева дверь отворяется, входит Уваров. Он широкоплеч, с косматой гривой на голове, в поношенной блузе, в одной руке палитра, в другой кисть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Уваров.

Двуутробников (*привставший было со стула, снова падает на него*). Ого!

Катя. Вот познакомьтесь — мой муж. Он тоже художник. Представь себе, Саша, — твой рассеянный коллега пришел меня писать и забыл дома не только краски и холст, но и карандаш... и даже альбом! Ох, уж эта богема (*укоризненно качает головой*). Предложи ему что-нибудь, Саша...

Двуутробников (*выйдя из оцепенения*). Да нет, нет, не надо. Зачем же... Не надо!!

Уваров. Вот еще глупости! Почему не надо?

Двуутробников. Да мне неловко... Чего там! Я уж лучше домой сбегаю... Я тут... В трех шагах. Я... как это называется... (*суетится, отыскивая шляпу*).

Уваров. Да зачем же? Доска есть, карандаши, кнопки, бумага. Впрочем вы, может быть, маслом хотите?

Двуутробников (*глядя на него отчаянным взором; тупо*). Маслом! Конечно, маслом...

Уваров. Так пожалуйста! У меня много холстов на подрамниках. По своей цене уступлю. Катя, принеси!

Катя (*уходит, приносит мольберт, полотно, краски... Проворно все устанавливает*). Вот так! Вам свету довольно?

Двуутробников (*с тоской*). Все равно! Довольно.

Катя. Или так поставить? Ближе к окну?

Двуутробников (*махнув рукой*). Ставьте к окну! Один черт. Мне все равно...

Уваров ложится на диван, хладнокровно покуривая трубку.

Катя. А вы что хотели писать?

Двуутробников. Да этот... Как его... Этюд.

Катя (*смеясь*). Я знаю — этюд. Но этюд чего? Просто голое тело? Купальщицу?

Двуутробников. Да, да, конечно, купальщицу. (*Неожиданно спохватывается, испуганно поглядывая на Уварова; прикладывает палец к губам; опасливо.*) Да... Эту... Купальщицу... Только вы прикройтесь чем-нибудь... Этой... Шкурой... У вас нет ли какой-нибудь шкуры? И венок на голове... Виноградный. И в руках такая... рюмка... Бокал такой!

Катя. Так какая же это купальщица? Это вакханка.

Двуутробников. Нет, купальщица... Ну, да... вакханка, конечно, но которая хочет купаться. Понимаете? Она, собственно не хочет, а так... Собирается только... с мыслями. «Вот, мол, возьму, погуляю немного, а потом выкупаюсь... На днях как-нибудь»...

Катя. Какой странный сюжет... Ну, ладно! (*Уходит в левую дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Кати.

Уваров. Вы в чьей мастерской работаете?

Двуутробников (*растерянно*). В этой... Длинноухова!

Уваров (*удивленно*). Длинноухова? Я такой и не знаю. Стремоухова, знаю, а Длинноухова нет.

Двуутробников. Ей-Богу, есть, честное слово. Высокий такой, рыжий. У него еще жена есть... Такие милые: Коля и Миша.

Пауза.

Уваров. Представьте, не знаю. Вот странно-то. Он выставляет?

Двуутробников. Что?! (*робко поглядывает на Уварова*). Как это?

Уваров. Я говорю: этот ваш учитель — выставляет?

Двуутробников. И... не знаю. Не очень, кажется. Он добрый... Мухи не обидит... Никогда не выставляет!

Уваров. А-а! Затирают, значит. Это бывает... А где его мастерская?

Двуутробников. На этой... Как ее, улицу эту?.. Брвлскррр...

Уваров. Как?

Двуутробников. Врслкр... (*бормочет что-то совершенно непонятное*).

Входит Катя. Она с голыми руками; на плечи наброшена полосатая шкура; на голове виноградные листья, в руках бутафорская чаша...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Катя.

Катя. Ну, вот и я. Скоро? Я стану здесь. Или вы хотите полулежа?..

Двуутробников (*с тоской*). Стойте уж! Ладно.

Катя. А с чашей что сделать? Может поднять ее?

Двуутробников (*тоскливо*). Да зачем!.. Поставьте ее на пол, все равно... Пусть себе стоит, Бог с ней.

Катя. Руки я заложу за голову, а одну ногу выставлю...

Двуутробников. Заложите... выставьте... Впрочем, нет; выставлять не надо. Стойте так... (*Катя становится в позу и замирает.*)

Катя. Готово!

Двуутробников. Ага, спасибо! (*ходит неуклюже вокруг мольберта, спотыкаясь о ящик с красками; потом садится на стул, придвигает его к дивану, на котором лежит художник.*) — Ну, а вы как, вообще... поживаете? Расскажите что-нибудь о себе... Выставляете?

Уваров. Пока нет.

Двуутробников. Это хорошо. Это очень хорошо! Дела теперь, вообще, с картинами тихие, а?

Катя (*капризно*). Послушайте, господин художник? Что же это вы... поставили меня в позу, а сами занялись разговорами?.. Нельзя ли поближе к мольберту.

Двуутробников. А?! Хорошо, хорошо. Виноват... Я сейчас. (*Беспомощно перебирает краски, берет одну, пытается выдавить ее на палитру*).

Уваров. Что вы делаете? Ведь вы не из того конца выдавливаете краску.

Двуутробников (*растерянно*). Да? Вы так думаете? Однако, такой авторитет, как покойный профессор Якоби советовал выдавливать краску именно отсюда... Тут она свежее...

Уваров. Да ведь краска будет сохнуть!

Двуутробников. Ничего. Водой после размочим...

Уваров. Водой?!! Масляную краску?!..

Двуутробников. Я говорю «водой» в широком смысле этого слова. Вообще — жидкостью... (*роется в ящике.*) Вот странная вещь, все краски у вас есть, а телесного цвета нет.

Уваров. Да зачем вам телесный цвет? Такого и не бывает.

Двуутробников. Вы так думаете!? В ... «Художественных письмах» Александра Бенуа прямо указывается, что тело лучше всего писать телесным цветом.

Уваров. Позвольте... Да вы писали когда-нибудь масляными красками?

Двуутробников. Сколько раз! Раз десять, если не больше.

Уваров. И вы не знаете смешения красок?

Двуутробников. Я-то знаю, но вы, я вижу, не читали многотомного труда члена дрезденской академии искусств, барона Фокса, «Искусство не смешивать краски».

Уваров. Нет, этого я не читал.

Двуутробников. То-то и оно. А что же тут нет кисточки на конце? Одна ручка осталась и шишечка...

Уваров. Это муштабель. Неужели, вы не знаете, что это такое?

Двуутробников. Я-то знаю, но вы, наверное, не читали «Записок живописца» профессора Пеля с сыновьями, который пишет о роли муштебеля в живописи — следующее... Впрочем, не будем отрываться от работы... (*берет палитру, кисть, начинает писать... Получается детский, уродливый рисунок*)...

Уваров. Подвигается?

Двуутробников. Да знаете, понемногу. Тише едешь, дальше будешь. Академик Бехтерев очень умно высказывается об этом в своих «Выпусках живописи». Хотя я, знаете, не поклонник сухого академизма... (*встает, отходит от холста, самодовольно любуется в кулак, склоняя голову*).

Уваров (*встает с дивана, заглядывает тоже в полотно*). Гм!..

Двуутробников. Что? Нравится?

Уваров. Это... очень... оригинально... Я бы сказал — даже не похоже!..

Двуутробников (*успокоительно*). Бывают разные толкования. Золя сказал: «Жизнь должна преломляться сквозь призму мировоззрения художника».

Уваров (*деликатно*). Так то оно — так... Но вы замечаете, что у нее грудь на плече?

Двуутробников (*с убеждением в голосе*). Так на своем же!

Уваров. Странный ракурс.

Двуутробников. Вы думаете? Этот? Я его сделаю пожелтее...

Уваров. Причем тут — «желтее». Ракурс от цвета не зависит.

Двуутробников (*снисходительно*). Не скажите. Куинджи утверждал противное.

Уваров. Гм! Может быть, может быть... Вы не находите, что на левой ноге один палец немного... лишний...

Двуутробников. Где?! Ну, что вы! Раз, два, три, четыре... пять, шесть... А! Этот? Это тень, шестая. Это я так тень сделал. Правда, красиво? (*Любуется в кулак.*) Впрочем, можно ее и стереть...

Уваров. Конечно, можно. Даже должно... Только вы напрасно пишете все тело индейской желтой.

Двуутробников (*в сторону, обращаясь к публике*). Видали художничка? Вот осёл-то!.. То говорит — телесной краски нет, а потом сам же к цвету придирается!.. (*Громко Уварову.*) Я вижу, что вам просто моя работа не нравится!..

Уваров (*деликатно*). Помилуйте! Я этого не говорю... Чувствуется искание новых форм. Рисунок, правда, сбит, линия хромает, но... Теперь вообще ведь всюду рисунок упал. Эх, да знаете вы... Сказать вам откровенно: сколько я ни наблюдаю — живопись теперь падает. Мою жену часто приходят писать художники. Вот так же, как вы. И что же! У меня осталось несколько их карандашных рисунков, по которым вы смело можете сказать, что живописи в России нет. Мне это больно говорить, но это так! Поглядите-ка сюда! (*Берет со стола большую папку, разворачивает ее, вытаскивает листы бумаги, показывает лист за листом.*) Извольте видеть. С самого первого дня, как жена поместила объявление о своем позировании, — к нам стали являться художники, но что это все за убожество, бездарность и беспомощность в рисунке! О колорите я уже не говорю! Полюбуйтесь!

И эти люди — адепты русского искусства, призванные насаждать его, развивать художественный вкус толпы! Один молодец — вы видите? — рисует левую руку на пол-аршина длиннее правой. И как рисует! Ни чувства формы, ни понятия о ракурсе! Так, ей-Богу, рисуют гимназисты первого класса! У этого голова сидит не на шее, а на плече, живот спустился на ноги, а ноги — найдите-ка вы, где здесь колено? Вы его днем с огнем не сыщете. И ведь пишут не то что зеленые юноши! Большею частью люди на возрасте или даже старики, убеленные сединами. Как они учились? Каков их художественный багаж? Вы не поверите, как все это тяжело мне. Мы с женой искренно любим искусство, но разве это — искусство?!

Двуутробников. Да, да... Гм! Конечно. Это прямо-таки удивительно. Ну, я пойду; мне надо... кхм! Ждут дома. Я уж после приду, докончу.

Катя. Можно мне посмотреть?

Двуутробников. Да зачем же смотреть? Лучше не надо. После когда-нибудь.

Катя. Нет, сейчас, сейчас... (*накидывает капотик, весело подбегает к мольберту, смотрит. Постепенно с лица сбегает веселая улыбка... Взгляд делается мрачным, губы кривятся в гримасу — и Катя разражается истерическим плачем... Уваров и Двуубортников суетятся около нее, Уваров дает ей воду*) ...

Уваров. Ну, успокойся, милая, не надо плакать, ну чего там...

Катя. Нет, нет, замолчи! Ты меня всегда утешаешь, а я всегда на всех рисунках вижу — какая я уродливая, отвратительная, безобразная... Ты... ты... говоришь «нет, Катя, ты красива, ты чудесно сложена, а только тебя не умеют рисовать»... Неправда! Ты это говоришь из жалости ко мне!.. Ну, предположим, один не умеет, другой, третий... Но почему же — все? Почему я у всех такая... гнусная? (*падает ничком на диван, плечи трясутся от рыданий. Уваров стоит над ней со стаканом воды. Двуутробников находит на подоконнике свою шляпу, потихоньку на цыпочках уходит*)...

Уваров. Ну, успокойся, милая... Не надо плакать...

Входит горничная.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Горничная. Там пришли, барыня, по объявлению. ... (*уходит; входит Ломакин*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ломакин (*сияющее лицо; но увидев Уварова, меняет лицо на испуганное*). Здравствуйте, мое почтение (*проходя мимо мольберта с произведением Двуутробникова, в ужасе от него отскакивает*).

Катя (*утирая платком остатки слез*). Вы по объявлению? Садитесь, пожалуйста.

Ломакин (*поглядывая на Уварова*). Я... Да... Так точно.

Катя. Это мой муж, познакомьтесь.

Ломакин (*кланяется*). Очень... рад! (*Пауза. Он говорит в сторону.*) Налетел! Тут, кажется, не пообедаешь. (*Обводит глазами стены и потолок.*) Квартирка не сырая?

Катя. Нет, не сырая.

Ломакин. И теплая? Ванна есть?.. Ход один или два? С дровами?

Катя (*на лице недоумение*). Да позвольте... Зачем вам это знать?

Ломакин. Вот тебе раз! Да ведь вы же продаете эту квартиру?

Катя. Мы? Продаем? Ничего подобного! Да вы по какому объявлению пришли?

Ломакин (*смущен, руки у него трясутся. Вынимает из кармана газету*). Вот... Московская улица... Четырнадцать, квартира 3. Продается диван, две скунсовых шубы... Вы извините, пожалуйста.

Катя. Что вы! Какая же это Московская?! Это Гончарная, дом восемь, квартира двадцать...

Ломакин. Да... Тогда извините... Гм!.. Недоразумение!.. Бывает, бывает (*уходит, споткнувшись от смущения о ящик с красками*).

Катя (*подходит к мольберту, снимает рисунок Двуутробникова, долго смотрит на него отчаянным взором*).

Уваров (*подходит к рампе, разводит руками*). Такой странный теперь народ пошел, что даже удивительно! Худож-ни-ки!.. Буквально ничего не понимаю!!

Занавес

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ СОСЕД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бузыкин, молодой человек.
Максим Семенович, лет 45,
говорит тягуче, скрипящим голосом.

Комната в гостинице. Две кровати. На одной под одеялом лежит Бузыкин, на другой сидит Максим Семенович. Он в жилетке. Раздевается крайне медленно. Отстегнув манжеты, он принимается за ботинок и медленно снимает его, кряхтя и сопя.

Максим Семенович. Вот спасибо, что позволили переночевать. Вы подумайте только, — во всей гостинице ни одного номера!

Бузыкин. Да, знаете... В это время, вообще, очень трудно найти номер. Ярмарка и съезд дворян. Все гостиницы переполнены.

Максим Семенович. Нет, я, положительно, не знаю, как мне благодарить вас. Если бы не ваша любезность, мне пришлось бы ночевать на улице...

Бузыкин. Ну, чего там... Стоит ли...

Максим Семенович (*перебивая*). Нет-с. Уж извините-с. Очень стоит! Не много найдется людей, которые предложат совершенно незнакомому человеку переночевать в их номере... А вы вот предложили-с... Большое спасибо! А за добавочную кровать я, разумеется, заплачу.

Бузыкин (*слегка недовольно*). Ну, что за пустяки... А вы лучше вот что: раздевайтесь и заваливайтесь спать. Ведь уже 2 часа...

Максим Семенович (*смотрит на часы*). Да, два... (*Пауза.*) В первый раз вижу такую любезность, какую проявили вы... Пустить незнакомого человека!.. Я уже не говорю, что компаньон-то я тяжелый...

Бузыкин. А что такое?

Максим Семенович. Человек я пожилой, неразговорчивый, мрачный, все больше в молчанку играю, а вы, вероятно, любите поболтать перед сном о том, о сем?

Бузыкин. Наоборот. Я с удовольствием помолчу. Я сам не из болтливых. Да к тому и спать смертельно хочется...

Максим Семенович. А если так, то лучше и желать нельзя! Нам с вами будет удобно. А то, знаете, есть люди, которые органически не переносят молчания. Меня, например, многие не любят за мое молчание. «Что это» — говорят — «молчит человек, как колода»?..

Бузыкин. Ну, со мной можете и помолчать.

Максим Семенович (*снимает, наконец, ботинок и, держа его в руках, устремляет на него задумчивый взгляд*). Да... Помню, еще в моей молодости были случаи. Поселился я с знакомым студентом Силантьевым в одной комнате. Ну, молчу я... День, два молчу... Сначала он посмеивался надо мной, над молчанием-то моим, потом стал нервничать и под конец ругаться стал. «Ты что», говорит, «обет молчания дал? Чего молчишь, как убитый». «Да, ничего», отвечаю. «Нет», — говорит, «ты что-нибудь скажи!» — «Да, что же?» Опять молчу. День, два. Как-то схватил он бутылку, да и говорит: «эх, говорит, с каким бы удовольствием трахнул тебя этой бутылкой, чтобы только от тебя человеческий голос услышать». А я ему говорю: «Драться нельзя». Помолчали денька три опять. Однажды вечером раздеваемся мы перед сном, вот как сейчас, а он как пустит в меня сапогом! «Будь ты», говорит, «проклят отныне и до века. Нет у меня жизни человеческой!.. Не знаю, говорит, в гробу я лежу, в одиночной тюрьме или где. Завтра же утром съезжаю!». И что же вы думаете? (*Молчание.*) — Вы спите?

Бузыкин. Еще не сплю, но очень хочу спать... Знаете, уж вы мне лучше завтра доскажете...

Максим Семенович. Нет, зачем завтра? Я сейчас. Уж недолго. Так что же вы думаете? Ведь сбежал мой приятель, ей-Богу, сбежал! «Не могу, говорит, жить с этой молчаливой колодой»...

Бузыкин (*полусонно*). Ну, это просто нервный субъект.

Максим Семенович. Нервный? Тогда, значит, все нервные. Ежели девушка 20-ти лет веселая, здоровая, она тоже нервная? У меня такая невеста была. Сначала говорила: «мне, — говорит, — нравится, что вы такой серьезный, положительный, не болтун». А потом, как только приду, уже спрашивать начала: «чего вы все молчите?» — «Да о чем же говорить?» — «Мне, — говорит, — страшно с вами. Вы все молчите...» — «Такой уж, — говорю, — я есть, таким меня и любите». Да где там! Приезжаю к ней как-то, а у нее юнкер сидит. Сиди-ит, разливается! «Я, — говорит, — видел и то и се, бывал и там и тут, и бываете ли вы в театре, и любите ли вы танцы, и что это значит, что подарили мне сейчас желтый цветок, и со значением или без значения?» И сколько этот юнкер мог слов сказать, это даже удивительно... А она все к нему так и тянется, так и тянется... Мне-то что... сижу — молчу. Юнкер на меня косо посматривает, стал с ней перешептываться, пересмеиваться... Ну, помолчал я, ушел. И что ж вы думаете? Дня через два заезжаю к ней, выходит ко мне этот юнкер. «Вам, — говорит, — чего тут надо?» — «Как чего? Марью Петровну хочу видеть». — «Пошел вон!», — говорит мне этот проклятый юнкеришка. «А то я, говорит, тебя, так тресну, если будешь еще шататься». Хотел я возразить ему, оборвать мальчишку, а за дверью смех. Засмеялась она и кричит из-за двери: «Вы мне, говорит, не нужны. Вы молчите, но, ведь, и мой комод молчит, и мое кресло молчит. Уже лучше я комод в женихи возьму...» Дура! Взял я да ушел.

Бузыкин. Да-а... История... Ну, спокойной ночи!

Максим Семенович. Приятных снов! Вообще, у мужчины хотя логика есть, по крайней мере. А женщина иногда так себя поведет... Дело прошлое — можно признаться — был у меня роман с одной замужней женщиной... И за что она меня, спрашивается, выбрала?

Смеху подобно! За то, видите ли, что я очень молчалив и никому о наших отношениях не проболтаюсь.

Бузыкин (*отчаянно*). Послушайте, вы знаете, уже половина четвертого.

Максим Семенович. Да? Как, однако, время-то летит! Так вот, только три дня эта дама меня и вытерпела. Взмолилась: «Господи! — говорит — пусть лучше будет вертопрах, хвастунишка, болтун, но не этот мрачный надгробный мавзолей. Вот, говорит, со многими приходилось целоваться и обниматься, но труп безгласный никогда еще любовником не был. Иди ты, говорит, и чтобы мои глаза тебя не видели отныне и до века». И что же вы думаете? Сама пошла и мужу, рассказала о наших отношениях... Вот тебе и разговорчивость! После скандал вышел... А то еще один раз...

Бузыкин (*приподнимаясь, раздраженно*). Послушайте, да ляжете ли вы, наконец?

Максим Семенович. Да, разумеется...

Бузыкин (*свирепо*). Спокойной ночи! Спокойной ночи! Я сплю! (*закрывается одеялом с головой*).

Максим Семенович. Так вот ... Один раз даже незнакомый человек на меня освирепел. Дело было на поезде, едем мы в купе; я, конечно, по своей привычке, сижу, молчу...

Бузыкин (*притворно громко храпит*).

Максим Семенович. Он сначала спрашивает меня: «Далеко изволите ехать?» — «Да». — «То есть, как да?..»

Бузыкин (*храпит еще громче*).

Максим Семенович. Гм... Что он заснул, что ли? Спит... Ох, молодость, молодость. Этот студент бывало тоже, что со мной жил... Как только ляжет — сейчас начнет храпеть. А иногда среди ночи проснется и начинает сам с собой разговаривать... Со мной-то не наговоришься, хе-хе!..

Бузыкин (*срываясь с подушки*). Послушайте, черт возьми... Какой же вы неразговорчивый! Да вы уморить можете своей болтливостью. Вы вот уже три часа без умолку рассказываете...

Максим Семенович (*расстегивая жилет*). Я к примеру рассказываю. Вот тоже случай у меня был с батюшкой на исповеди... Пришел я к нему, он спрашивает, как полагается: «Грешен?» — «Грешен». — «А чем?» —

«Мало ли!» — «А все-таки?» — «Всем грешен». Молчим. Он молчит, я молчу. Наконец...

Бузыкин (*с дрожью в голосе*). Слушайте, дайте мне поспать!.. Ради Бога! Уж если вас так распирают слова, — выйдите в переднюю, отговоритесь, а потом возвращайтесь и ложитесь спать... (*Вскакивает, гасит электричество. Полная тьма.*)

Максим Семенович. С чего вы взяли, что меня распирают слова? Наоборот! Меня, знаете, очень трудно заставить произнести слово. Меня даже, если хотите, губит моя неразговорчивость. У меня из-за нее даже на службе была неприятность... Приезжает как-то директор... Зовет меня к себе... Настроение у него, очевидно, было самое хорошее... «Ну, что, спрашивает, новенького?» — «Ничего». — «Как ничего?» — «Да так — ничего!» — «То есть, позвольте... Как это вы так мне»...

Постепенно светает. При слабом свете виден Бузыкин, закутанный в одеяло. Он мечется по комнате; за ним шагает Максим Семенович, продолжая разговор.

Бузыкин (*плача*). Послушайте, да замолчите вы когда-нибудь?.. Я не могу больше! Не могу! (*Рыдает.*)

Максим Семенович. Это у вас нервы. Ох, уж эти нервные люди!.. Да... Так «как это вы так мне отвечаете, — говорит, — ничего! Это невежливо!» — «Да так как же иначе вам ответить, если нового ничего. Из ничего и не будет ничего. О чем же еще пустой разговор мне начинать, если все старое!» — «Нет, говорит, все имеет свои границы... Можно, говорит, быть неразговорчивым, но...

Светает больше. Виден Бузыкин, лежащий на полу, без чувств. Над ним в позе хищной птицы на корточках сидит Максим Семенович:

Максим Семенович (*продолжает рассказывать*). «Я, говорит, буду требовать у вас развода, потому что выходила замуж за человека, а не за бесчувственного безгласного идола. Ну, чего, чего вы молчите?» — «Да о чем же мне, Липочка, говорить?»

Занавес
постепенно опускается

ИСКУССТВО ЛЮБИТЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Филимон Бузыкин.
Медляев.
Пассажирка.
Носильщики.
Пассажиры.

Вагон. Бузыкин и Медляев у окна, находящегося против зрителя. По коридору пробегают носильщики с вещами и проходят пассажиры. Звонок.

Бузыкин. Второй?
Медляев. Первый.
Бузыкин. Куда изволите ехать?
Медляев. Я не еду. Провожаю (*выглядывает в окно.*) Ах, ты, Господи... Нет ее!.. Вот увидите — опоздает... Всегда так.
Бузыкин (*неопределенно*). Да...
Медляев (*продолжая смотреть в окно*). Вот кажется. Нет, не она...
Бузыкин (*тоже смотрит в окно*). Вы об этой даме? В черном?
Медляев. Да. Ошибся. Мне показалось, сестра... Сестру я провожаю.
Бузыкин. Недурная бабеночка!
Медляев (*удивленно*). Кто?!. Сестра?

Бузыкин. Нет... Эта дама, что прошла (*взволнованно.*) Вот... вот! Возвращается! Посмотрите, посмотрите, какая хорошенькая.
Медляев. Да... Женщина — настоящая. Правильная.
Бузыкин (*восторженно*). Эх... люблю я ихнего брата. То есть вы и представить себе не можете, до чего люблю...
Медляев. Ну, это не трудно представить... Я и сам, знаете, по этой части...
Бузыкин (*хохочет*). Да ну?!!
Медляев (*в тон ему*). Да... уж знаете...

Оба смеются.

Бузыкин (*вздыхая*). Только не везет мне в этих делах.
Медляев. То есть, как это, не везет?
Бузыкин. Да вот, не знаю, как с ними обращаться... с бабеночками... не умею я... не выходит у меня.
Медляев. Ну, это штука не хитрая... Всякой женщине можно при желании вскружить голову...
Бузыкин (*недоверчиво*). Ну, уж и всякой...
Медляев (*убежденно*). Всякой! Уж вы мне поверьте!.. Я в этих делах — мастак! Всякую женщину можно поймать «на приемчик»... Нужно только знать приемы...
Бузыкин (*недоверчиво*). Какие приемы? А вы их знаете?..
Медляев. Я-то!.. Пора бы кажется.
Бузыкин (*радостно*). Слушайте! Милый! Расскажите, а?.. Ах, ты Господи... (*Суетливо.*) Позвольте представиться, Бузыкин моя фамилия... Филимон Бузыкин... Ах, ты Господи!
Медляев (*пожимая его руку*). Медляев. Помощник присяжного поверенного. Да что же мы стоим тут в коридоре? Носильщики толкают...
Бузыкин. В самом деле! Зайдем в купе. У вас билет сестры?
Медляев. Да. Восьмое место. Тут вот рядом. Что ж, можно пока подождать и здесь.

Входят в купе и садятся. По коридору снуют пассажиры и мимо окна мелькают фигуры проходящих по перрону.

Бузыкин (*ударяя Медляева по коленке*). Так вот вы мне и скажите. А? Голубчик, а?

Медляев. Что?

Бузыкин. Да вот... про приемы эти самые... Касательно уловления бабеночек...

Медляев. Ну, об этом долго рассказывать.

Бузыкин (*умоляюще*). А вы вкратце... вкратце...

Медляев. Разве что вкратце... (*смотрит на часы.*) Времени-то мало. Ну-с... Знаете ли вы, что всех приемов существует семь!.. Начнем с первого номера.

Бузыкин (*вынимает книжечку*). Вы уж позвольте мне записать... Так... Для памяти...

Медляев (*смеясь*). Ого! Вы, вижу, это на серьезную деловую ногу ставите. Пишите, если хотите... Так вот-с: номер первый! Это номер простой: «Сударыня! Жизнь так прекрасна! Надо торопиться! Второй раз молодости уже не будет. Надо ловить момент. Мы оба молоды и прекрасны — пойдемте ко мне на квартиру». Если она скажет, что это грех, можно возразить самым небрежным тоном: «какой там, к черту, грех?! Все пустяки и трын-трава!»

Бузыкин. И это все?

Медляев. Все. Это, повторяю, простой, дешевый базарный номер. А вот второй номер...

Бузыкин (*бросается навстречу входящему пассажиру, яростно*). Занято здесь, все занято... (*закрывает двери*). Шляются тут... Простите (*садится*). Да... так — второй номер?..

Медляев (*закуривая папиросу*). Второй номер будет почище. Здесь надо бить на ошеломляющую грубость. Вы говорите: «Эй, вы... чего вы там ломаетесь? Целуйте, слышите?! Ведь я знаю, что я вам нравлюсь»... Тут даже уместен переход на «ты»: «Эй, миленькая, не кочевряжься, а то ведь мне не долго и придушить тебя».

Бузыкин (*пораженный*). Как? Так грубо?

Медляев. Именно грубо. Так сказать, работа «под апаша». Женщины иногда любят свирепые страсти.

Бузыкин (*всплескивая руками, простодушно*). Господи! Кто бы мог подумать! Вот-то бабье проклятое!

Медляев. Да-с... А то вот есть еще и третий номер: равнодушие, смешанное с пренебрежением. Вы стараетесь говорить женщине только колкости — стараетесь подчеркнуть, что она самая ординарная натура, кото-

рых — сотни. Женщину это ужасно разжигает, и она сейчас же стремится доказать, что она не такая, что она оригинальная... Тут-то и попадается голубушка! Берите ее тогда голыми руками.

Бузыкин (*восторженно*). Голыми?! Хи-хи! Боже ж ты мой, ах ты, Господи! Вот штука-то!

Медляев. Погодите, это еще пустяки! Номер четвертый... Позвольте, а мы услышим второй звонок.

Бузыкин (*возбужденно*). Услышим, услышим! Говорите скорее, пожалуйста. (*Стук.*) Занято! К черту!

Медляев. Так вот-с, номер четвертый. Номер этот основан на заботливости и предупредительности. При этом обязательно нужно подчеркнуть ваше знакомство с обычаями света. Поклоны, расшаркивание, поцелуи руки. Рекомендуется также при первой встрече с женщиной принять вид человека, остолбеневшего от удивления и восторга перед красотой ее. Можно быть даже неловким от смущения в первый момент; уронив что-нибудь, что ли... это всегда прощается.

Бузыкин. Прощается, говорите? Позвольте записать.

Медляев. Пятый номер стар, как мир. Это действие на ревность. Вы или делаете вид, что разговариваете с какой-нибудь дамой по телефону, или, как будто случайно, роняете на пол какое-нибудь письмо от женщины, схватываете и рвете на мелкие кусочки. Из ста случаев — девяносто девять, что женщина, видя это, сбросит с себя маску и попадется... А вот шестой номер, — это, батенька, штука тонкая, деликатная...

Бузыкин (*взволнованно*). Тонкая? Да что вы! Говорите, ради Бога, говорите... Вот-то прелесть, что я вас встретил. Есть же люди, Господи!

Медляев. Шестой номер требует известной интеллигентности и чутья. Подходить нужно издалека. Вы спрашиваете: «Послушайте, вам не кажется странным, что нас судьба свела вместе?» — «Почему же странно? Мало ли кто с кем знакомится?» «О, нет! Вы знаете, что такое Ананке?» — «Не знаю». Тут вы наклоняетесь к ней и говорите глухим надтреснутым голосом: «Ананке — судьба. Я чувствую всеми фибрами, что эта встреча не окончится простым знакомством, что мы предназначены друг для друга. Может быть, вы

будете бороться, будете стараться убежать, но — ха-ха-ха! — это бесполезно. От Ананке еще никто не убегал! Понимаете, это уже решено там где-то! Сопротивляться? О, неужели вы не слышите таинственно гудящего сверху рокового колокола: поздно! Поздно! Поздно! К чему же тогда борьба? Ха-ха-ха! С Ананке не борются!» Ну, конечно, бедняжка, видя что раз уж там где-то решено и что борьба бесполезна, сама заражается духом мистического начала и подходит к вожделенному концу. Ловко?

Бузыкин (*потрясенный*). Скажите! Откуда же вы все это так хорошо знаете?

Медляев. Опыт, батенька, многократный опыт.

Бузыкин. Ну!? И как же... Опыты эти самые... всегда кончались благополучно?..

Медляев. Гм... бывают и неудачи. Приходилось испытывать. Моя жизнь — сплошной дневник происшествий: чем-то обливали, чем-то колотили, откуда-то сбрасывали, из чего-то стреляли... но как видите, ничего... Жив, здоров и даже весел...

Бузыкин. Вот вы тут сказали мне о шести номерах. А вы говорили их всего семь... Какой же седьмой?

Медляев. О, седьмой! Это самый гениальный, самый верный номер! Причем этот действует на всех. Когда все шесть номеров не действуют, — седьмой бьет наверняка... Это средство испытанное и верное.

Бузыкин. Говорите, говорите же скорее.

Медляев. С удовольствием... Седьмой номер заключается в том, что...

Второй звонок.

Медляев. Ах, черт! Второй! Через две минуты поезд уходит, а сестры нет! (*Бежит к дверям.*) Извините... до свидания...

Бузыкин (*хватает его за пиджак*). Постойте! Ради Бога... одну секунду... Скажите только...

Медляев (*отбиваясь*). Некогда... некогда!! В другой раз! (*Убегает.*)

Бузыкин (*подавленный*). Убежал... Что же это за седьмой номер... Проклятый звонок! И чего это спешат, не понимаю...

В дверях показывается п а с с а ж и р к а, *за ней* н о с и л ь щ и к.

П а с с а ж и р к а. Здесь не занято?

Б у з ы к и н (*сначала делает вид, что остолбенел от восторга, потом, очнувшись, преувеличенно, любезно*). Нет, нет, сударыня... пожалуйста.

Н о с и л ь щ и к *кладет на верхнюю полку вещи, получает деньги и уходит. Дама устраивается. Третий звонок.*

Б у з ы к и н. Поехали!

П а с с а ж и р к а (*молчит*).

Б у з ы к и н (*в сторону*). Гм... штучка не вредная... попробовать разве?.. (*Откашливается.*) Далеко изволите ехать?

П а с с а ж и р к а. В Петербург.

Б у з ы к и н. Вот совпадение-то. Представьте и я в Петербург... Как это говорится: «гора с горою не сходится, а человек с человеком всегда». (*В сторону.*) Хо-ро-шенькая!... Хе-хе!.. Ужасно люблю дорожные приключения. Попробовать разве?.. Номера-то эти, а? С какого бы только начать? (*Смотрит в книжечку.*) Начнем с четвертого. Гм... «Заботливость и предупредительность» (*на момент задумывается.*) Ага! (*Сбрасывает с полки сак пассажирки и, подхватив его на лету, передает ей.*)

П а с с а ж и р к а (*удивленно*). Что это такое? Зачем это?

Б у з ы к и н. Может, вам отсюда что-нибудь нужно вынуть? Книжку или какую-нибудь там пудру, помаду? Дело, знаете, дорожное...

П а с с а ж и р к а (*сухо*). Ничего мне не нужно. Положите сак обратно.

Б у з ы к и н. Слушаю-с. (*Пауза.*) Может окошечко открыть?

П а с с а ж и р к а. Оно открыто.

Б у з ы к и н. Тогда не закрыть ли?

П а с с а ж и р к а. Не надо.

Б у з ы к и н. Может, лимонаду хотите?

П а с с а ж и р к а. Спасибо, не хочу.

Б у з ы к и н. Я бы достал. Скушать, может, что-нибудь желаете — рябчик, ветчина, отбивные котлеты? На первой же станции сбегаю...

П а с с а ж и р к а. Не надо!

Б у з ы к и н. А то бы сходил.

Пассажирка. Говорят вам, не хочу!

Бузыкин (*после паузы смотрит в книжку и тихо читает*). «Знание светских обычаев»... (*в сторону.*) Попробуем. (*Громко.*) Гм... Ха-ха! Есть люди, которые закуривают папиросу, не спросив даже разрешения у дам. Вот уж никогда бы себе этого не позволил.

Пассажирка (*сухо*). Вы это ставите себе в заслугу?

Бузыкин. Нет, чего там! А я одного субъекта знал; полное отсутствие уменья вращаться в обществе; недавно заезжаю к нему и, не застав дома, оставляю карточку с загнутым углом. На другой день встречаю его, а он и говорит: «Ты что же это мне поломанные мятые карточки оставляешь? Не было целой?» Я чуть не помер со смеху!

Пассажирка (*молчит*).

Неловкая пауза.

Бузыкин (*в сторону*). Не действует!.. Пойдем дальше... (*Смотрит в книжку, и вдруг хватает руку пассажирки и целует ее.*)

Пассажирка (*пораженная*). Это еще что такое?

Бузыкин (*тупо*). Гм! Красивая ручка.

Пассажирка (*возмущенно*). Послушайте, вы знаете, как называется человек, который лезет целовать руку незнакомой даме?

Бузыкин. Душою общества.

Пассажирка. Нет! Нахалом он называется! Вот как!

Бузыкин. Да ну? (*смущенно откашливается в сторону*). Ясное дело, она не знает четвертого номера. Попробую другой (*смотрит в книжку.*) Шестой! (*Громко.*) Послушайте, вам не кажется странным, что судьба свела нас вместе?

Пассажирка (*пожимая плечами*). О, Господи! Мало ли с кем приходится ездить в пути.

Бузыкин (*глухо и трагически*). Нет, нет! Вы знаете, что такое Ананке?

Пассажирка. Станция?

Бузыкин. Нет-с, не станция! Никакая не станция. Это судьба, рок! По-гречески. Ни один человек не избежит Ананке! И вот знаете ли... (*Близко наклоняется к ней и говорит трагическим полушепотом.*) Знаете ли

вы, что у меня есть способность прозревать будущее: Ананке свела нас, и эта встреча будет для вас очень важной. Да-с! Решающей на всю жизнь... Сопротивляться? Бежать? Ха-ха-ха! Не поможет! Не-е-ет-с, голубушка, не отвертитесь!

Пассажирка. Послушайте...

Бузыкин. Нет, вы послушайте! Слышите, как наверху гудит таинственный колокол: «поздно, поздно!»

Пассажирка (*с досадой*). Что вы там болтаете? Предупреждаю, что если вы позволите себе, что-нибудь лишнее, я вас так отделаю, что долго не забудете.

Бузыкин (*в сторону*). Гм... Трудный случай (*смотрит в книжку*). Может быть, первый подействует? Действительно, он как-то проще. (*Громко.*) Сударыня! Жизнь прекрасна, пока мы молоды! Нужно торопиться, ловить моменты счастья и вообще... гм... Тут, кстати, есть свободное купе... Вы скажете: «это грех»... Но ведь жизнь не ждет!

Пассажирка (*раздраженно*). Послушайте! Вы просто глупый, развязный нахал и больше ничего.

Бузыкин (*сначала ошеломлен, но затем, видимо, решившись на что-то, говорит в сторону*). Ладно, хорошо! Номер второй! (*Откидывается на спинку дивана, заложив ногу на ногу и вызывающе говорит.*) Ну, довольно, миленькая моя! Терпеть не могу, когда ломаются! Ведь я тебя раскусил! Поцелуй-ка меня лучше, пока я не отколотил тебя, как следует. А если что, так ведь я и придушить тебя могу! Го-го! Не впервой!

Пассажирка (*хладнокровно измерив его фигуру с головы до ног*). Не думаю, чтобы вы были сумасшедший или пьяный. Просто, вы мелкий наглец, пользующийся тем, что женщина одна и никто из присутствующих не может заступиться за нее... Но все-таки я не боюсь вас. Вы просто мне жалки и омерзительны.

Бузыкин (*в сторону*). И этот номер не годится. Что за оказия?! (*взволнованно.*) Но какой же, какой? (*ищет в книжке, быстро перелистывая страницы.*) Гм... Попробую третий — «равнодушие». Ага. (*Громко.*) В сущности, я только хотел испытать вас. Вы, однако, оказались самой ординарной натурой, которые мне приходилось встречать сотнями... Боже, как трудно найти оригинальную женщину... Ай-я-яй, как трудно!

Пассажирка. Если вы ищете ее таким образом, то...

Бузыкин. О, я сразу увидел, что вы не такая... (*Презрительно.*) Правда, личико у вас довольно миловидное, свежий цвет лица, но ведь у тысяч женщин можно найти это... Неужели, вы серьезно думаете...

Пассажирка. Оставьте меня в покое! Ничего я не думаю! Если вы не перестанете болтать, я уйду в другое купе.

Бузыкин (*в отчаянии, тихо*). Ну, последний номер. Пятый! На ревность. Господи благослови! Если и этот не поможет... (*Громко.*) Сейчас на станции мне удалось видеть прехорошенькую барышню. Она на меня посмотрела довольно жгуче, а когда я, проходя, невольно толкнул ее плечом, она засмеялась.

Пассажирка (*молчит*).

Бузыкин (*в сторону*). Молчит... Кажется, действует. Подожди же! (*Вынимает из жилетного кармана часы, умышленно и грубо роняет на пол письмо.*) Ах!.. Письмо!.. Ради Бога, не дотрагивайтесь до него! Его нельзя читать... Гм... Уверяю вас, что я этой женщины не знаю. Мало ли кто и что захочет мне писать... Нет, ни за что, ни за что я не дам вам его прочесть (*рвет письмо*).

Пассажирка (*с досадой встает и берет свой сак*). О, Господи, какой кретин! Какое невероятное дерево...

Бузыкин. Позвольте, я вам помогу.

Пассажирка. Не надо! (*Идет к двери.*)

Бузыкин (*хватая ее за руки и платье*). Еще раз спрашиваю вас, знаете что такое Ананке? Уходите? Жизнь коротка и нужно ловить... Эй, поцелуй меня или я тебя полосну ножом по горлу, подлая девчонка... Я...

Пассажирка (*ударяет его по щеке и быстро выходит из вагона*).

Бузыкин (*растерянно*). Вот! (*Потирает щеку.*) Эх! Не следовало все номера сразу. Ах, ты, Господи! Вот седьмой бы номер! Тот наверное подействовал бы. Какое идиотство! Сбежал и не сказал, что это за номер. Господи! Что же это за номер седьмой? Дорого бы я дал... (*Темнота.*)

В темноте занавес опускается. Потом свет. Перед опущенным занавесом стоит Медляев, *непринужденно заложив руки в карманы. Обводит взглядом зрителей.*

Медляев. Ого, господа! Я вижу, что и вы в глубине души сильно заинтересованы: что же это за номер седьмой? Каждый мужчина думает: эх, узнать бы этот верный, всегда бьющий в цель номер. Эх, овладеть бы им, сделаться Аладдином, обладателем волшебной лампы, которая творила чудеса... Номер седьмой... Ну, что уж... Открыть вам его, господа? Вы подумайте: простой, верный удивительный способ! Правда, он очень нескромен, но я надеюсь, что вы окажетесь философами и не будете очень возмущаться и негодовать по поводу «седьмого номера». О, будьте покойны: сущность номера седьмого не сложна. Не нужно много слов для определения его. Вернее, даже совсем не нужно слов. Номер седьмой? Это только один мой жест, одно движение... Смотрите... (*Пауза.*) Не соблаговолите ли, дамы, на минутку отвернуться. Отвернулись? Мерси! Вот! (*Сует руку в жилетный карман, вынимает золотую монету, поднимает ее над головой; держит несколько секунд*).

Темнота. Медляев исчезает.

Занавес

БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ
ОДНОАКТНЫЕ ПЬЕСЫ
(1914)

чёртова дюжина

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Плюмажев.
Александра Павловна, его жена.
Двуутробников, друг дома, молодой человек.

Действие происходит в будуаре Александры Павловны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса Александра Павловна сидит на ручке кресла, прижавшись к Двуутробникову. Он без сюртука, развалился в кресле, говорит важно, солидно...

Александра Павловна (*после поцелуя*). Ну, а теперь расскажи, что новенького в газетах?

Двуутробников. В газетах? Много нового. Да ведь тебе, глупыш ты этакий, все неинтересно... Вот разве что — есть нынче одна статья, которая тебя касается.

Александра Павловна (*вскакивая*). Меня?

Двуутробников. Ну да, тебя. Ты ведь женщина?

Александра Павловна. Я думаю.

Двуутробников. Так вот. А в статье говорилось о том, чтобы вам, женщинам, дать равноправие.

Александра Павловна. Господи ты Боже мой... А я думала, что... (*Снова усаживается на ручку кресла, поправляет Двуутробникову волосы.*) Ну, Макс, а как же

ты на это смотришь, на равноправие?.. Каково твое мнение?

Двуутробников. Мое-то? Да такое мое мнение, что все это глупости... Призвание женщины — это семейный очаг, семья, муж, дети. Кстати, муж-то твой... Не скоро еще придет?

Александра Павловна. Нет, не скоро. Так, по-твоему, женское равноправие — вздор?

Двуутробников. Иначе и быть не может. Равноправие женщин и мужчин — глупости. Женщина должна всецело находиться под покровительством мужчины и в подчинении мужчине. А муж за это работает для семьи. Иначе не может быть даже в социологическом смысле!

Александра Павловна. В каком, в каком?

Двуутробников (*подняв палец*). В со-ци-о-ло-ги-чес-ком!

Александра Павловна (*восхищенная*). Какой ты у меня умница, образованный. (*Целует его.*) А теперь расскажи ты мне вот что... (*В передней звонок.*) Боже! Это он! Муж!

Оба вскакивают, начинают метаться по комнате. Двуутробников хватает сюртук. Надевает в один рукав. Бежит к дверям слева.

Куда ты, сумасшедший! Там ход в переднюю. Иди сюда, иди! Тут уборная, а через нее дверь в коридор и на черный ход... Он открыт! (*Выталкивает его в первую дверь, в изнеможении прислоняется к стене.*) Фу-у! (*Поправляет прическу.*)

Входит Плюмажев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Плюмажев (*он пожилой, добродушный, лысый. Кладет на туалетный столик котелок. Отдувается*). Ф-у! Когда же, наконец, от этого проклятого четвертого этажа освободимся? Хотя бы лифт сделали. Одна сидишь?

Александра Павловна (*раздраженно*). Нет, принимала у себя японское посольство!! Видишь, кажется.

(*Поправляет перед зеркалом, стоящим на туалетном столике, прическу.*)

Плюмажев в это время подходит к стене, перелистывает стенной календарь.

Я всегда одна, вечно одна. В то время, как тебя нелегкая носит. (*Вдруг замечает за зеркалом невидимый до сего времени мужской котелок. Судорожно хватает его, в ужасе смотрит на публику. Почувствовав, что муж оборачивается, бросает котелок на туалетный столик; про себя.*) Боже мой, неужели все погибло!

Плюмажев (*отходит от календаря, опускается в кресло*). Думал, скоро праздник, оказывается — ничего подобного. Нет скоро праздника...

Александра Павловна (*нервно шагает по сцене, что-то обдумывая... Решительно останавливается перед мужем*). Хм, хм!.. А у меня сейчас кто-то был!

Плюмажев. Ага! (*Добродушно.*) Кто же это? Кто был?

Александра Павловна. А вот угадай.

Плюмажев. Ну, кто же мог быть в одиннадцать часов ночи?.. Наверное, какая-нибудь сумасбродка из твоих подруг.

Александра Павловна. Сумасбродка? Не сумасбродка, а скорее сумасшедшая!

Плюмажев. Ну?

Александра Павловна. Косаковская была, Ольга. Баба совсем с ума сошла. Представь себе, занялась женским равноправием! Бредит об этом...

Плюмажев. Нечего бабам делать — вот они и чудят!..

Александра Павловна. Я ей говорю то же самое! (*Садится в кресло, принимая позу Двуутробникова.*) Да... Я и говорю: я, говорю, вполне согласна с мнением моего мужа, что призвание женщины — это семейный очаг, это — семья, муж, дети! А то, говорю, что вы называете «равноправием», — глупости!

Плюмажев. Так ей и сказала? Молодец!

Александра Павловна, Так и сказала! Я, говорю, держусь того мнения, что женщина должна всецело находиться под покровительством и в подчинении у мужчины; я, говорю, считаю своего мужа гораздо умнее меня и его слово для меня закон. Что может

быть лучше, говорю я, что может быть лучше и выше того, чтобы сделать мужа счастливым, чтобы он был доволен и спокоен. Он, говорю я, работает для семьи, трудится, и за это я должна быть для него всем: его женой, его любовницей, его рабой.

Плюмажев (*восторженно*). Ох ты, моя прелесть! Вот не знал, что жена моя такая умница! Иди я тебя поцелую!

Александра Павловна (*кокетливо подходя, подставляет щеку*). Еще!

Он целует ее еще.

Плюмажев. Какая ты сегодня милая. Прямо тебя не узнаешь.

Александра Павловна. Еще!!

Плюмажев. Вот тебе еще и еще... Ай да Сашенька! Умный котеночек!

Александра Павловна. О-о! Я, брат, такая! Стоит только затронуть мое убеждение, так я... А она, понимаешь, говорит: все это, говорит, вздор, глупости. Женщина должна, говорит, быть во всем равна мужчинам: в образе жизни, в костюмах, в салициологическом смысле...

Плюмажев. Постой... постой... как ты сказала, глупыш?

Александра Павловна. Я говорю: в костюме...

Плюмажев. Нет, нет, после этого ты сказала слово. Са-ли?..

Александра Павловна. В салицилогическом...

Плюмажев. Миленькая моя! Ради Бога, не ляпни этого когда-нибудь в обществе. Скажи: со-ци-о-ло-ги-че-ском.

Александра Павловна. Ну, это неважно. Не придирайся, крючок. Так вот, она и говорит: даже в костюме, говорит, мы должны быть равны мужчинам.

Плюмажев. Вот дура-то!..

Александра Павловна (*говорит очень горячо*). Форменная! Я говорю: да как же в костюме мы можем быть равны? То, что так идет моему мужу, что придает ему такой мужественный вид, за который я его так люблю... да... за который я так его люблю — все это, надетое на меня, будет сидеть, как на корове седло.

Плюмажев. Верно. Ты рассуждаешь, как Шопенгауэр.

Александра Павловна. Нет, ты не смейся... Ей-Богу, это меня так возмутило, что я была сама не своя.

Позволь, кричу я, позволь! Я бы даже из уважения к своему мужу этого не сделала, чтобы его не подняли на смех. Мне, говорю я, дорого его самолюбие, его положение по службе.

Плюмажев. Ах ты, моя прелесть! Иди, я тебя еще раз поцелую. (*Целует.*)

Александра Павловна. Ну, и потом, говорю я, мне не нужно этой замены даже с экономической точки зрения. Я шью себе только самое необходимое и не разоряю мужа дорогими нарядами. Что мне нужно? Да один ласковый взгляд моего мужа мне дороже целого страусового пера!!

Плюмажев. Радость моя!

Александра Павловна. А она, конечно, возражает. Я, говорит, конечно, не говорю пока о брюках — заметь это «пока», — но некоторые части туалета мы с удобством могли бы уже надеть мужские. Например, говорит, шляпу...

Плюмажев (*смеется*). Так и надевала бы, дура такая, мужскую шляпу на голову.

Александра Павловна (*всплеснув руками*). Надела! Ты себе можешь представить — ведь надела!

Плюмажев. Да что ты говоришь? Ведь ее на одиннадцатую версту отвезут.

Александра Павловна. Вот поди ж ты. И я то же говорю, а она мне отвечает: мы должны, говорит, бороться с этим, как его... Ну... как его?..

Плюмажев. Шаблоном?

Александра Павловна. Да, шаблоном. Мы, говорит, должны это когда-нибудь начать. И вот я, говорит, начинаю со шляпы. С мужской.

Плюмажев. Неужели в мужской шляпе и пришла?

Александра Павловна. Конечно! Я чуть не померла со смеху.

Плюмажев. Чудеса!

Александра Павловна. Да, да. Уж вот подлинно: и смешно, и стыдно.

Плюмажев. Что же она... как ее... булавками прикалывает к волосам, что ли?

Александра Павловна. А я не посмотрела хорошенько. Она ведь... ушла без шляпы...

Плюмажев. Как без шляпы?

Александра Павловна. А так... взяла у меня мою шелковую шаль. Видишь ли... Когда она шла к нам, на нашей улице мальчишки, увидев котелок на голове, стали бросать в нее камнями... Ты знаешь, эти мальчишки вообще... ужасные. Я думаю, когда у нас с тобой будут дети, они будут в тебя — сильные, красивые, мужественные.

Плюмажев. Ну?

Александра Павловна. Она и говорит: я уж, говорит, оставлю шляпу пока у тебя, а то на вашей, говорит, улице мне проходу не дают.

Плюмажев (*смеясь*). Вот кретинка-то. Сама заварила кашу, а потом жидка на расправу. А где же ее котелок-то?

Александра Павловна. Да вот же он, на столе лежит.

Плюмажев (*удивленно*). Что ты, милая!.. Да это мой котелок... я когда давеча вышел, так положил сюда...

Александра Павловна (*сразу вспылив и сердито топнув ногой*). А ты где же это видел, чтобы на туалетные столики шляпы класть? Что это за манера, в самом деле! Я для того тут туалетный столик поставила, чтобы ты сюда паршивые свои шляпы клал, да? Лезет, как медведь, да еще шляпы свои кладет куда попало! Мало ли чего ты на этой шляпе принес — пыль, блохи, микробы, бациллы — да прямо на мой розовый столик — хлоп! Пошел вон со своей дурацкой шляпой! Я т-тебе покажу равноправие! (*Бросает в него котелком.*)

Плюмажев (*поднимая котелок, растерянно*). Ну, не буду, котеночек мой, не буду. Что это с тобой нынче такое? То была добренькая, а то...

Александра Павловна. Убирайся отсюда, убирайся сейчас же, слышишь? Ты мне делаешь нервы.

Плюмажев. Ну, ну, полно... Прости меня, старого дурака. Не буду делать нервы. Э, э... Вот так штука. (*Рассматривает котелок.*) Ну и оказия... Гм!.. Знаешь, а ведь я ошибся... это не мой котелок.

Александра Павловна (*в ужасе*). Что ты такое говоришь? Этого не может быть.

Плюмажев. Уверяю тебя! Ей-Богу! У меня в котелке красная подкладка, а тут белая... Оказия! А я так

взглянул на него издали — думаю, мой. Глаза-то плохо видеть стали.

Александра Павловна (*ласково прижимаясь к нему*). А это потому, что ты, глупый, все работаешь, глазок не бережешь. Такие ясные, красивые глазки, а ты их не бережешь. Дай я их поцелую. Ух, ты, мое сокровище.

Плюмажев (*восторженно*). Какая она милая! Ну, так чей же это котелок?

Александра Павловна. Говорю же тебе, значит, это ее котелок... Этой сумасшедшей бабы. А? Ты подумай! Как нам равняться с вами, мужчинами. Разве можно? Вот ты, например... Умный, красивый... В лице что-то такое гордое... Орлиное что-то.

Плюмажев самодовольно выпрямляется.

Настоящий министр!

Из соседней комнаты слышен телефонный звонок.

Плюмажев. Ого! Звонит... Кто это мог бы так поздно? (*Бежит в соседнюю комнату. Слышен его голос*). Алло! Это квартира Плюмажева... Да... Это я! Плюм... А-а-а, Степан Афанасьевич! Мое почтение. Что случилось? Только сейчас мы с вами расстались, а вы звоните... Что? Те-те-те! Есть, есть. Конечно, значит, перепутал швейцар! То-то я смотрю — подкладка другая. Вот-то оказия! Я жене говорю — не моя шляпа! Как не твоя? Значит, говорит, это сумасшедшая баба... Что? Ладно, присылайте. Мы еще не ложимся спать. До свидания, милый, жду! (*Входит в будуар.*) Какой случай, котеночек! Шляпа-то эта, оказывается, не моя, а Степана Афанасьевича!

Александра Павловна (*упавшим голосом, со злобой*). Что тебе от меня надо? Убить тебе меня надо? Со света извести? Что ты меня со своими дурацкими шляпами путаешь? Ты на заседании был?!! Лжешь, негодяй! Наверное, с кокотками пьянствовал да и обменялся с этим дураком шляпами...

Плюмажев. Мамочка... дитя мое... я... я...

Александра Павловна. Что ты, что ты, что ты!!! Все только я, я, я — затвердил как попугай! Моя комната не для того построена, чтобы в нее разные подозритель-

ные шляпы таскали. У меня туалет ясеневого дерева, а ты в шляпе блох приносишь. Вон отсюда со своей шапкой. (*Нахлобучивает ему на голову котелок.*)

Он стоит, выпучив глаза, беспомощно расставив руки... Она выталкивает его в дверь.

Вон! Видеть тебя не могу!.. (*Одна: стоит, прислонившись к туалетному столику. Тяжело дышит. Долго молчит; потом говорит в изнеможении, глядя на публику.*) Какой трудный случай!!!

Занавес

НА ВОЛГЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Буфетчик.
Его жена.
Капитоша, их сын, худой, маленький, унылый вид, впалая грудь, лицо невыразительное.
Слонов, купец.
Развалов, актер.
Господин в бурке и папахе.
Гитарист.
Хор цыган.

Действие происходит в буфетной комнате волжского парохода. Прямо против зрителя буфетная стойка с закусками и напитками. Направо и налево несколько столиков.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса на сцене находятся: жена буфетчика *— за стойкой; сам* буфетчик, *одетый по-дорожному, с чемоданчиком, стоит, вытирая рукавом картуз; слева, на первом плане, за столиком сидит толстый лысый седобородый купец* Слонов; *перед ним —* Капитоша, *в такой позе: перегнувшись, держит зажатую между коленями бутылку пива, одной рукой вытягивает при помощи штопора тугую пробку,*

глаза выпучены, рот искривлен усилием. В такой позе при общем молчании стоит с полминуты... Наконец пробка хлопает. Капитоша по инерции откидывается назад, опрокидывает соседний столик со стаканом и солонкой, стоящими на нем. Грохот. Растерявшись, поднимает стол, черепки стаканов...

Буфетчик (*грозно*). Капитоша! Эт-то что такое? Опять за старое? Ты узнаешь у меня, тварь несчастная!.. Ну, уж и сынка же Бог послал... Пойди-ка сюда, подойди-ка!.. (*Хватает подошедшего Капитошу за волосы, раскачивает бессильно мотающуюся Капитошину голову, приговаривая.*) Это тебе за стакан! Это — таракан в провансале, это непослушание маменьке давеча!! Это за закапанную скатерть, это за грязные стаканы! Вот тебе, паршивец, вот!!.

Слонов (*одобрительно*). Правильно, молодой человек, правильно!.. Папашов своих нужно уважать... Растяпой ходить нельзя!.. Благодарить еще должен папеньку за ученье! Такому папеньке ноги мыть да воду пить!..

Жена буфетчика. Да, не таковские теперь дети пошли, чтобы благодарность чувствовать. Другой бы ребенок ноги бы папеньке мыл да воду пил!..

Слонов. Правильно говорите, милая... Нас тоже так учивали, а посмотрите-ка: и на слово, кому надо, ответим, и дело сделаем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и актер Развалов. Вошел немного раньше. Давно не брит; потертое платье. Садится за соседний столик. Говорит сиплым басом.

Развалов. Ого! Вифлеемское избиение младенцев! В оковах судьбы!

Жена буфетчика (*выходит из-за стойки, кутаясь в платок; мужу, заботливо*). Ну и будет! Передохни. Ишь, упарился.

Слонов (*подмигивая Развалову*). Мать ихняя. Строгая семья, правильная. Мало теперь таких семьев осталось. Надо бы отцу ноги мыть да воду пить.

Буфетчик (*высвободив пальцы из Капитошиной шевелюры, растопырил их и сдувает приставшие волосы*). Ну, вот, Капитоша, вот тебе такое мое слово: штобы от матери (*голос грозный, внушительный*) — никакой жалобы! Штобы пассажир был без ропоту и штобы без бою стекла. Парень ты уже большой, многократно мною ученный — знаешь, как и что!.. Ключи тебе даны, доверие отцовское оказано, засим прощайте вам! Должон ты понимать свою самостоятельность.

Жена буфетчика. Поблагодари папеньку, ну! Поклониться лень.

Буфетчик хватает Капитошу за волосы, тот падает на колени, кланяясь.

Никакой, как говорится, благодарности! Другой бы ноги мыл да воду пил!..

Капитоша. Благодарствуйте, тятя. (*Целует отцу руки.*)

Буфетчик. Ну, ну, ладно! Нечего там... Хорошо... Лишь бы все как следовает. (*Целует жену, истово, троекратно; кланяется актеру Развалову и купцу Слонову в пояс.*) Уезжаю я сейчас по делишкам, милостивые господа. Съеду на этой пристани, значит, и того. Так уже вы, милостивые господа, если что, не взыщите с парнишки, молод он, робок... Повороту в ём мало. Так уж вы не обессудьте — поучите его.

Слонов (*значительно*). Поучим.

Буфетчик (*кланяясь всем поочередно*). И с тем прощайте, и с тем прощайте! И с тем прощайте! (*Уходит, взяв чемоданчик.*)

Лысый купец, проходя, грозит пальцем Капитоше. Капитоша подходит с матерью к окну, машет отцу салфеткой; потом, бросив салфетку, показывает в окно за спиной матери кулак. Отходит на авансцену.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же без буфетчика и Слонова.

Капитоша (*стоит, скрестив руки и облокотившись на стол, пристально смотрит на стоящую перед ним мать; сурово*). Ну, мамаша, а теперя... Идите спать!..

Буфетчица. Вот-то! Что ж я пойду спать, дурашка? Солнышко-то еще и не спряталось.

Капитоша (*грозно*). И-ди-те спать!!. Слышите? Идите спать!

Буфетчица. Да что ты, брат, меня гонишь? Что же это за такое, в самом деле...

Капитоша. Вам говорят али нет? Кто тут хозяин?! Вы али я? Идите спать.

Буфетчица (*струхнув*). Ох, ты ж, Господи! Поди ты, какой крикливый!.. Ну-ну! Иду, иду!.. Иду уж. Ты ж тут смотри, чтобы все...

Капитоша. Пошла, пошла! Спать! Спать!

Буфетчица уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Капитоша и актер Развалов.
Капитоша выгибает грудь колесом, вынимает из кармана зеркальце, приглаживает волосы; идет с очень важным видом за стойку, снимает с полки сотку водки, выколачивает рукой пробку, запрокинув голову и широко раскрыв рот, переливает всю бутылку в себя и сплевывает. Развалов смотрит на него с восторгом и изумлением.

Капитоша (*ставит лихо бутылку на стойку, подмигивает*). Видал?

Развалов (*сидит за столиком*). Видал!

Капитоша. Здорово?

Развалов. Здорово.

Капитоша. Я, брат, такой.

Развалов. Умница. Сразу видно.

Капитоша (*выходя из-за стойки*). Господин актер! Ваше высокоблагородие! Дозвольте рикиминдоваться: Капитон Ильич, главный буфетчик здешнего парохода. Садитесь, пожалуйста! (*Вытирает ладонь о пиджак, сует актеру, ребром, неумело.*) Товарищ, долбанем со мной. А?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и господин в бурке и папахе.

Господин в бурке. Бутылку пива.

Капитоша. Ш-што-с? Пива нельзя.

Господин в бурке. Это еще почему?

Капитоша. Буфет закрыт!

Господин в бурке. Кто его закрыл?

Капитоша. Кто? Я! Я, Капитон Ильич, здешний главный заведующий буфетным отделом пароходной компании судоходства! Очень приятно познакомиться. Со мной, если желаете, — выпьем! А? (*Постепенно пьянея.*) А? Шампанского бордовского... Ми-л-ый! Если бы ты видел, сколько здесь бутылок — сам черт не пересчитает. И пузатенькие, и долгоносенькие, и кривые, вроде собаки, с медведем, всякие! Прямо — во!

Господин в бурке (*облизнувшись*). Э, я вижу, ты парень хват. Ну, ладно! Тащи сюда в таком случае свои пузатенькие.

Капитоша. Ур-ра! Вот это ловко! Садитесь, господа! (*Наливая вино в рюмки.*) За ваше здоровье, господин черкес, за ваше здоровье, господин актер, за ваше здоровье, главный буфетчик. (*Сплевывает.*)

Развалов. Эх, Капитоша, Капитоша! Хороший ты парень, а все-таки не то!

Капитоша. Кто? Я не то? Ну, брат, извини! Я — то!

Развалов. Нет, не то ты, Капитоша.

Капитоша. Нет, ты мне этого не можешь сказать! Господин черкес, то я али не то?

Господин в бурке. То, то...

Развалов. Не то, Капитоша, не то. Вот ежели бы ты был настоящий человек, да я бы тебе сказал (*вкрадчиво*): «Капитон Ильич, дай старому актеру, гордости русской сцены, двадцать пять рублей на устройство артистического турне по Кавказу» — дал бы ты мне или нет?

Капитоша. Эх, брат актер! Не знаешь ты мово характера!... Может быть, и дал бы!

Развалов. А ты дай.

Капитоша. И дам. (*Вынимает деньги, дает.*) Знай, брат, кто такой есть Капитон Ильич... Эх, братцы мои родные! Хочется мне чего-то такого — чего и сам не знаю. Веселости мне хочется!

Развалов. А ты, Капитоша, музыку найми. Тут музыкант из Рыбинска едет, гитарист. Здорово играет. Кутить так кутить.

Господин в бурке. Хотите, я пойду позову?

Капитоша. Эх, душа моя дорогая! Сделай милость, позови! Капитону Ильичу музыки хочется. Уважь главного буфетчика по пароходной части.

Господине бурке и папахе суетливо убегает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Развалов и Капитоша.

Капитоша. Ты скажи мне, господин актер, могу я повеселиться али не могу?

Развалов. Можешь. Только все-таки нет у тебя настоящего характеру. (*Смеется.*)

Капитоша. У меня нет карактеру? Есть!

Развалов. А вот докажи свой характер... (*Вкрадчиво.*) Дай мне на открытие театральной школы имени Мочалова пятьдесят рублей.

Капитоша. А ты думаешь — не дам? Вот возьму да и дам.

Развалов. Где тебе! Характером ты для этого не вышел.

Капитоша. Другому бы и не дал, чес-сное слово! А Мочалову дам! Потому в жилу ты человеку здорово можешь попасть. Держи, брат! И скажи ты этому Мочалову, что главный судоход по буфетной части — во как его обожает! (*Вынимает из кармана бумажки, бросает их Развалову.*)

Входит господин в бурке и папахе с гитаристом.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, господине бурке и папахе и гитарист.

Капитоша. А! Господин музыкант! Здорово! Дозвольте рикиминдоваться: Капитон Ильич, главный буфетный управляющий судоходства!.. Очень приятно познакомиться. (*Вместо руки берет гриф гитары, трясет.*) Дозвольте вас попросить сыграть мне. Верно я говорю? Только чтобы грустное что-нибудь... Эх! Братцы мои родные. Тоски мне хочется, горя мне хочется!.. Играй мне, музыкант, чтобы слеза слышалась, чтобы рыда-

ние струна производила. (*Садится на стул, опершись о спинку, лицом к публике.*)

Гитарист играет, сидя на столе, у склоненной головы Капитоши, печальный меланхолический вальс. По блаженному лицу Капитоши текут слезы. Всхлипывает. Доиграв вальс, музыкант незаметно переходит на развеселый кек-уок. Капитоша вскрикивает.

Эх-ма! Уважил ты меня, музыкант, — получай красненькую за это. Актер! Хочешь, арфянский хор будем слушать? Из Рыбинска тут они по пароходу едут. Зови их — Капитон Ильич цыган хочет!

Развалов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же без Развалова.

Капитоша. Э-эх! Жить я хочу красиво!.. (*Неожиданно.*) Продай мне, господин, свою черкеску. Хочу, чтобы на мне черкесский кустюм был! Скидавайся!

Господин в бурке. Ладно, у меня другая есть. Гони сотню — с шапкой отдам!

Капитоша. Наплевать нам на сотню, получай!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же. Входит Развалов, за ним цыганский хор.

Капитоша. А-а... хоровой народ! Арфянки мои, рыбинские землячки... Милости прошу к нашему шалашу. Садись, мамзель. Дозвольте рикиминдоваться: Капитон Ильич, главный заведующий пароходства буфетных отделений судоходства. Ой, жги, жги, говори! Сыпь, ребята!

Цыганка. А ты, барин, дай нам на бонбошки, а мы тебя прославим!

Капитоша. Это как же... Прославите?..

Цыганка. Будем петь про тебя... Завсегда так. Гостей в кабинетах славим...

Капитоша. Здорово! (*Ревниво.*) Только — чтобы меня одного!

Цыганка. Да, конечно. Ты же барин?

Капитоша. Во, во, барин... барин.

Цыганка. Как тебя звать?

Капитоша. Капитон Ильич, главный управляющий по похо... родной части...

Цыганка. Ладно! Девицы: Капитоша...

Хор поет известную «кабинетную» песню:

Капи-, Капитоша,
Капи-, Капитоша,
Капитоша, Капитоша,
Капи-, Капитоша.

Капитоша (*сидит верхом на стуле, в слезной истоме*). Вот оно, где жизнь-то настоящая благородная. (*Икает.*) Слышишь, актер, как меня славят? Видал? А ты говоришь, что я не то... Нет, я то! Еще, робята!

Хор поет снова, Капитоша, счастливый, плачет.

Еще! Другое!

Хор поет:

Капитон Ильич,
Вот так молодец,
В гости к нам приехал,
Приехал, наконец!!
С его покровительством
Мы не пропадем,
А сегодня весело время проведем.
Ура, ура, ура,
Ура, ура, ура,
Ура, ура, ура,
Европа спасена!

Цыганка танцует, перебирая плечами.

Капитоша (*вскакивает в экстазе*). Верно, ребята! Обожаю Европу. Золотые слова. Пей, ребята, за Европу, под моим покровительством!... Э-эх!... А ты, арфянка, лакай прямо с медведя. (*Подает бутылку с медведем.*)

Развалов. Постой ты... сорока... Ишь ты, расскакался... (*Сажает его к себе на колени, вкрадчиво.*) Вот что... Дай мне полтораста рублей.

Капитоша. Кому?.. Мочалкину?
Развалов. Нет, на устройство театрального дома имени Щепкина.
Капитоша. Щепкину?! Ему можно... кому, кому, а Щепкину можно. (*Беспомощно ищет руки для пожатия.*)
Развалов. Русское троекратное спасибо.

Целуются.

Капитоша. Эй, черкес, давай мой мундир!!! (*Одевает бурку, папаху, принимает гордую позу.*)

Пауза.

Господа!
Все. Что, что?
Капитоша. Скажите вы мне... Похож я на офицера?..
Все. Похож! Конечно! Замечательно похож. Точная копия.
Капитоша. Урра. Двиньте-ка, ребята, что-нибудь повеселей для господина офицера! Гоп-гап!! (*Садится и пьет.*)

Соло:

Как цветок душистый
Аромат разносит,
Так бокал налитый
Тост заздравный просит.

Хор подхватывает:

Выпьем мы за Капи-
тошу дорогого,
Прочь печаль и горе,
Мы нальем другого...
Тра-ля-ля-ля-ля-ля *и т.д.*

Соло:

Как прекрасно солнце,
Как оно сияет,
Так нас милый Тоша
Лаской озаряет...
(Припев).

Хор поет разудалую цыганскую песню... свист, гиканье... Капитоша лихо отплясывает.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Купец С л о н о в *показывается в дверях.*

С л о н о в. А-а... Честна́я компания...

Шум моментально оборвался... Могильная тишина. Пауза... Все, кроме Капитоши, жмутся у дверей... Капитоша, растерянный, стоит перед мрачным Слоновым.

Ага... Так, так... Ну-с... (*Засучивает рукава.*) Говорили — поучить? Поучим! Поди сюда. (*Сбивает с головы папаху, вцепившись Капитоше в волосы, треплет его.*) Это тебе хор, это мамзели, это шампанское, это за папеньку, это за маменьку... ффу!. Ну, довольно. Эй, ты, подлюга!.. Бутылку пива, да похолоднее.

Капитоша берет бутылку, становится перед Слоновым, штопором не попадает в пробку... Ввинчивает штопор, тянет, как в начале пьесы.

Ну что же вы молчите, молодчики? Славьте Капитошу! Ну! Славьте.

Х о р *грустно и тихо поет в миноре, уходя задом в дверь:*

Капи-, Капитоша,
Капи-, Капитоша,
Капитоша, Капитоша,
Капи-, Капитоша.

З а н а в е с *тихо опускается на высокой минорной ноте тенора.*

ЧЕТВЕРГИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пылинкин, Пылинкина — хозяева.

Палаша, горничная.

Андромахский, Ляписов, Мушкин, Слякин, Его жена, Хохряков — гости. Очутившись в гостинной, ходят деревянными несгибающимися ногами, говорят механически, без интонаций.

Дешевого вида гостиная в квартире Пылинкиных; обставлена с большими претензиями на аристократизм и изысканность. Из гостиной дверь налево в переднюю, которой не видно. Из передней дверь налево же, на лестницу; видна часть площадки, перила лестницы. Правая сторона площадки, огибая переднюю, подходит вплотную к стене гостиной; из гостиной на площадку выходит небольшое окно с открытой форточкой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На сцене при поднятии занавеса муж и жена Пылинкины. *Передвигают мебель, приводят на столах вещи в порядок...*

Пылинкина. Решительно не понимаю: кому нужны эти дурацкие четверги!

Пылинкин. Во всяком случае — не мне, матушка!

Пылинкина. Да ведь и не мне же! Сплошная тоска зеленая: соберется десяток кретинов и начнут разговор, словно клещами хомут натягивают: «Бываете ли вы в опере, слушали ли последнюю лекцию, видели ли босоножку?»... Выпьют весь чай, слопают все печенье, потом станут на задние лапы и расползутся по своим берлогам. (*С ненавистью.*) Так бы и трахнула по голове!

Пылинкин. Потому что ты, глупая женщина, выдумала эти четверги устраивать по четвергам...

Пылинкина. А что же нужно?

Пылинкин. Назначила бы четверги в воскресенье. Все ходят в этот день в театр — никто бы и не притёпался.

Пылинкина. Ты научишь... Кто же четверги по воскресеньям устраивает? В крайнем случае, во вторник бы можно.

Пылинкин. От этого не легче — вторник или четверг. Все равно придут и опять, как в прошлый раз, — всю бутылку коньяку высосут.

Пылинкина. А ты не покупай...

Пылинкин. Это неудобно... А мы знаешь что лучше сделаем? (*Задумывается.*)

Пылинкина. Ну?

Пылинкин. Возьмем пустую бутылку из-под коньяку, нальем чаем, горничная вынесет ее на подносе и как будто нечаянно споткнется. Бутылка упадет и разобьется. Все и будут видеть, что коньяк-то был, да только несчастье случилось.

Пылинкина. Это идея! Пойду сейчас сделаю. А ты положи альбом на видное место... Пусть наших родственников посмотрят...

Уходит, за ней Пылинкин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

На площадке лестницы показываются Андромахский и Ляписов. Звонят.

Андромахский (*желчный, раздражительный человек, лысоват, в очках*). Ффу! Живут чуть ли не в десятом этаже, да еще четверги устраивают!..

Ляписов (*он толст, добродушен*). А ты бы не ходил!

Андромахский. Как же так – не ходить? Они, я думаю, обидятся. Нет, уж лучше прийти, полчаса помучиться и убежать скорей. Как сейчас вижу, что мы будем делать... Только войдем, Пылинчиха сделает радостно-изумленное лицо: «Господи! Андрей Павлович! Павел Иванович! Как это мило с вашей стороны!» (*С раздражением.*) Что мило? Что мило, черт ее возьми, эту фальшивую бабу (*нетерпеливо звонит*), меняющую любовников, не скажу даже, как перчатки, потому что перчатки она меняет гораздо реже! Что мило? То ли мило, что мы являемся всего один раз в неделю, или то, что мы, войдя, не разгоняем сразу пинками всех ее гостей?! «Садитесь, пожалуйста! Чашечку чаю!» Да я, может быть, наплевать хотел в эту чашечку чаю!.. И потом начинается: «Были на лекции о кризисе русской литературы?» А эти проклятые лекции, нужно вам сказать, читаются чуть ли не каждый день! Нет, скажешь, не был. «Не были? Как же вы это так? Ай-я-яй!..» Ну, что, если после этого укоризненного покачивания головой взять, стать перед ней на колени, заплакать и сказать: «Простите меня, что я не был на лекции о кризисе литературы! Я всю жизнь посвящу на то, чтобы замолить этот грех. Детям своим завещаю бывать на лекциях об упадке литературы, кухарку вместо бани буду посылать на лекции об упадке, собачку свою пошлю, глухонемую тетку! Простите же меня, умная барыня, за то, что я не был на лекции об упадке литературы, и кланяйтесь от меня всем вашим любовникам!»

Ляписов (*смеется*). Не скажете!

Андромахский. Конечно, не скажу... в том-то и ужас, что не скажу... И еще в том ужас, что и она, и все ее гости моментально и бесследно забывают о лекциях, об упадке литературы и с лихорадочным любопытством набрасываются на какую-то босоножку. «Видели танцы новой босоножки? Мне нравится». А другой осел скажет: «А мне не нравится». А третий отве-

чает: «Не скажите! Это танцы будущего, и они мне нравятся. Когда я был в Париже в одном шантане...» «Ах, — скажет игриво Пылинчиха, — вам, мужчинам, только бы все кафешантаны!» Конечно, нужно было бы сказать ей, — кафешантаны. А тебе бы все любовники да любовники?.. «Семен Семеныч! Чашечку чаю с печеньицем, а? Пожалуйста. Читали статью об упадке русской литературы?» А чаишко-то у нее, признаться, скверный, да и печеньице тленом попахивает... Хорошо еще, если коньяк дадут. (*Звонит с ожесточением.*) У-у, проклятые! И вы замечаете? Замечаете? Уже о босоножке, о танцах будущего забыто — до будущего четверга, и уже говорят о новой пьесе, причем одному она нравится, другому не нравится, а третий говорит, что она так себе. Почему «так себе»? Да ведь он ее не видел!! (*Через гостиную бежит горничная в переднюю.*) Не видел, уверяю вас, плут этакий. (*Кричит во все горло.*) Мошенник этакий, мелкий хам!!!

Дверь неожиданно открывается перед носом Андромахского. Он, осекшись, говорит другим тоном.

А-а, Палаша! Здравствуй, милочка. Ваши принимают?

Палаша. Пожалуйте.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В гостиную выходят Пылинкины.

Пылинкин. Кого это принесло?

Пылинкина. Тссс! Услышат.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входят, раздевшись в передней, Андромахский и Ляписов.

Пылинкина. А-а! Боже ты мой! Павел Иваныч! Андрей Палыч! Садитесь! Очень мило с вашей стороны. Чашечку чаю?

Андромахский. Благодарю вас. Не откажусь.

Пылинкина. А мы с мужем думали, что встретим вас вчера...

Андромахский. Где?

Пылинкина. Как же? В Соляном городке. Брадастов читал лекцию о кризисе современной литературы... Были?

Молчат.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

На площадке лестницы показывается еще гость — Мушкин. Он одет во все черное, вид угрюмый. Ходит не сгибая колен, говорит методично, без интонаций. Звонит. Горничная бежит открывать дверь.

Пылинкина. Вот кто-то пришел.
Пылинкин (*с деревянным видом*). Да, пришел,
Андромахский. Да, пришел. Кто бы это мог быть?
Ляписов. Наверное, какой-нибудь гость.
Пылинкина. Сейчас узнаем.
Мушкин (*входя в гостиную*). А, здравствуйте.
Пылинкина. А-а! Кого я вижу. Это мило, что вы пришли. Садитесь. Чашечку чаю?
Мушкин. Не откажусь. (*Отходит в сторону и садится в углублении гостиной за портьерой, так что его и не видно.*)
Ляписов. Так вчера была лекция о кризисе в литературе? Жалко, я и не знал. Газету-то вчера не прочел.
Голос Мушкина (*из-за портьеры*). В газетах сейчас нет ничего интересного.
Пылинкина. Да уж, эти газеты.

Молчат.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

На площадке показывается чиновник Слякин с женой. Звонит.

Пылинкина. О! Звонок. Кто-то, значит, пришел.
Пылинкин. Да, пришел.

Все повторяют то же уныло, без интонаций.

Ляписов. Интересно, кто бы это?
Голос Мушкина. Это, наверное, гость пришел.

Горничная бежит открывать.

С л я к и н (*входя с женой*). А-а, здравствуйте.

П ы л и н к и н а (*целуется со Слякиной*). Боже, кого я вижу. Очень мило, что зашли. Садитесь, пожалуйста. Чашечку чаю?

С л я к и н. Спасибо.

Ж е н а С л я к и н а. Не откажусь.

П ы л и н к и н а. Были вчера на лекции?

С л я к и н. Нет, не был. Такая жалость.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

На площадке показывается старик Х о х р я к о в, вид потертый, молчалив. Звонит.

П ы л и н к и н а. Кто-то звонит...

Все повторяют.

С л я к и н а. Ах, кто бы это мог быть?

С л я к и н. Наверное, гость. Сейчас, впрочем, узнаем.

Х о х р я к о в, входя, молча кланяется.

П ы л и н к и н а (*быстро, мужу*). Как его имя-отчество? А? Не помнишь? Как же я с ним разговаривать буду, с этой кочергой! (*Меняя тон, Хохрякову.*) А-а, дорогой брр... былк... р... Очень мило с вашей стороны, что вспомнили! Садитесь, пожалуйста. Чашечку чаю?

Х о х р я к о в молча со всеми здоровается, садится к столу, берет альбом фотографий, начинает перелистывать.

Как на дворе? Холодно?

Х о х р я к о в. Нет.

Г о л о с М у ш к и н а. Холода завернут туда, дальше, а теперь еще рано быть холодам. Настоящие холода зимой.

Пауза.

С л я к и н а. А мы вчера смотрели босоножку. Не понимаю, за что только люди деньги берут?

Г о л о с М у ш к и н а. Все эти босоножки рассчитаны на легковерие дураков.

С л я к и н а. Да и верно! Прыгает, как коза.

П ы л и н к и н а. Ах, нет, дорогая Марья Антоновна, не скажите. Эти танцы — искусство будущего.

Слякина. По-моему, это неприлично.

Ляписов. А она хорошенькая?

Пылинкина. Ох, эти мужчины. Им бы все только хорошенькое! Ужасно вы испорченный народ.

Ляписов. А вот Вейнингер держится обратного мнения... У него ужасное мнение о женщинах...

Голос Мушкина (*все время он говорит торжественно, будто вещает*). Есть разные женщины и разные мужчины. Есть хорошие женщины и хорошие мужчины. И плохие есть — женщины и мужчины.

Пылинкина. Впрочем, теперь женщины начинают жить сознательной жизнью. Вы были на лекции о равноправии женщин?

Пауза.

Голос Мушкина. А я против женского равноправия. Женщина должна быть матерью. Должна заниматься кухней.

Хохряков (*встает с альбомом, подходит к хозяйке*). Кто это?

Пылинкина. Это тетя моей подруги.

Хохряков. А-а! (*Снова отходит, перелистывает альбом.*)

Пылинкина (*кричит в дверь*). Палаша! Что же чай?

Палаша вносит чай.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Палаша, раздает всем чашки с чаем.

Пылинкина. А коньяк? Подай, Палаша, коньяк. Тот, знаешь, самый лучший.

Палаша уходит.

Хохряков (*подходит снова к Пылинкиной с альбомом*). Кто это?

Пылинкина. Это полковник один, Леденцов. Мы с ним рядом на даче жили в прошлом году.

Хохряков. А-а! (*Отходит.*)

Слякина. Вы говорите, душечка, в прошлом году?

Пылинкина. Да, да, как же.

Голос Мушкина. На дачах люди как-то быстрее сходятся, а в городе медленнее сходятся...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Входит Палаша с бутылкой коньяку на подносе и рюмками. Спотыкается, будто нечаянно, роняет бутылку и несколько рюмок.

Пылинкина. Ах, дурища! Зачем ты и рюмки сюда же ставила? Не могла уронить одну бутылку? Простите, господа... Эта противная девчонка такая неловкая... Вот взяла — и разбила коньяк. Ну, да ничего — купим сейчас другой.

Пылинкин. Ты забываешь, моя милая, что сейчас больше десяти часов и магазины уже закрыты. Вы уж извините, господа, что так вышло... Все. Пожалуйста, пожалуйста!.. Не стесняйтесь.

Андромахский. Мы, в сущности, и не хотели коньяку. Мне вредно.

Пауза.

Голос Мушкина. Если спиртные напитки употреблять в большом количестве, то они вредны. А если в малом, то они не вредны.

Слякин. Ничем не надо злоупотреблять.

Андромахский. Безусловно. Да. Не надо.

Голос Мушкина. Пьянство отражается на почках.

Хохряков (*с альбомом. Пылинкиной.*) А это кто? Родственница?

Пылинкина. Нет, это девочка Алиса Вуд, самая толстая девочка в мире — восемь пудов тридцать фунтов.

Хохряков (*отходит от Пылинкиной*). Ага.

Андромахский (*встает*). Ну, многоуважаемая Марья Игнатьевна, я должен откланяться.

Пылинкина. Уже?! Куда ж вы?! Посидели бы еще.

Андромахский. Нет, нет. Никак не могу.

Пылинкина. Ах, какая жалость! Ну одну минутку. Вы расстраиваете веселье.

Андромахский. Да я бы и сам хотел посидеть — тут так весело, — да не могу!

Пылинкин. Ах, какая жалость!

Андромахский (*прощаясь со всеми*). Имею честь кланяться! Имею честь. Имею честь... (*Уходит в переднюю.*)

Горничная следует за ним. Все сидят в ряд, молча, выпрямившись, как накрахмаленные. Андромахский выходит на площадку лестницы, застегивает пальто.

Слякина. Куда это он так выскочил? Как будто его кто булавкой уколол...

Ляписов. Куда? К жене.

Пылинкина. Да это верно, что к жене. Только с какой стороны она ему жена, спрашивается?

Слякина. Что вы! Неужели он такой?

Пылинкин. Он? Я его считал бы святым, если бы он изменял только жене с любовницей, но он изменяет любовнице с горничной, горничной с белошвейкой, шьющей, у жены, и так далее. Неужели вы первый раз слышите?

Андромахский, по мере того как о нем говорят, поднимает голову, прислушиваясь. Потом подходит к окну, выходящему из гостиной.

Голос Мушкина. Разврат вреден. Он расстраивает здоровье.

Хохряков. Напрасно вы говорите о непостоянстве Андромахского. У него есть одна неизменная привязанность.

Пылинкина. К кому?

Хохряков. Не к кому, а к чему... К водке! Он каждый день, как только проснется, выпивает полбутылки водки и закусывает куском сахара.

Все. Однако! Ха-ха-ха!

Ляписов (*вставая*). Ну, я, знаете, уж пойду. Всего хорошего.

Пылинкина. Уже?! Посидели бы еще.

Ляписов. Право, не могу.

Пылинкина. Ну одну минутку.

Ляписов. С наслаждением бы, но...

Пылинкина. Ах, какой вы, право, нехороший... До свиданья. Не забывайте. Мы с мужем всегда так рады.

Ляписов (*прощаясь со всеми*). Всего хорошего. До свиданья! (*Уходит.*)

Слякина. Какой симпатичный этот Ляписов.

Пылинкина. Очень, очень милый. Только вид у него сегодня расстроенный.

Хохряков. Да. Будто украл что-то.

Пылинкина. Ну уж и украл.

В это время Ляписов *выходит на площадку, сталкивается с* Андромахским, *который, грозя ему пальцем, шепчет: «Тссс! Послушай!..»*

У него просто большие неприятности.

Слякина. Семейные?

Пылинкина. Нет, вероятно, по службе. Все игра проклятая! Про него стали ходить тревожные слухи. Посудите сами: получает в месяц двести рублей, а проигрывает по тысяче. А у него в руках чужие деньги. Ну, вы сами понимаете...

Хохряков (*с альбомом*). А это кто?

Все рассматривают альбом.

Ляписов. Проклятая баба! Что она такое говорит... Вот дрянь-то.

Андромахский. Ну, что... хорошее оконце, а?

Хохряков. Ну, я пойду.

Пылинкина. Уже?!! Господи, да посидели бы еще. Мы так рады...

Хохряков. Нет, нет. (*Прощаясь со всеми, уходит.*)

Все рассматривают альбом. Хохряков, *выйдя на лестницу, в изумлении наталкивается на* Ляписова *и* Андромахского.

Ляписов. Сейчас, старче, о вас будет. Слушайте.

Слякина. Кто этот мрачный господин, который сейчас ушел? Я его у вас никогда не встречала.

Пылинкина. Это вообще удивительное дело. Удивляюсь я таким людям! Представили мне его в театре, а я и не знаю: кто и что он такое. Познакомил нас Дерябин. Я вскользь говорю Дерябину: «Отчего вы у нас не были в прошлый четверг?» А этот лысый и говорит мне: «А, у вас четверги? Спасибо, буду!» Никто его и не звал, сам навязался. Удивительно, как некоторые люди толстокожи и назойливы. Пришлось с приятной улыбкой сказать: «Пожалуйста, буду рада».

Наклоняются над альбомом.

Хохряков. Ах ты, дрянь этакая. Вот лошадь-то! Если бы знал, — никогда бы к тебе не пришел. Вы ведь знаете, молодой человек, — эта худая выдра в интимных

отношениях с тем самым Дерябиным, который нас познакомил. Ей-Богу! Он мне сам и признался. Чистая уморушка!

Рассаживаются на верхней ступеньке. Ляписов *тащит снизу стул; усаживается.*

Андромахский (*сурово*). А вы зачем соврали, там в гостиной, что я утром выпиваю бутылку водки и закусываю кусочком сахару, а?

Хохряков. А вы мне очень понравились, молодой человек. Когда пошел о вас разговор, я и думаю, дай вверну словечко.

В это время Мушкин *выходит из-за портьеры, прощается со всеми.* Пылинкина *умоляет его остаться. Немая сцена. Он уходит.*

Андромахский. Пожалуйста, больше никогда не ввертывайте обо мне словечек. Свинство этакое.

Ляписов. Хорош тоже, старичок! И обо мне сказал, что я что-то украл.

Хохряков. Разве сказал? Не помню.

Мушкин (*выходя на площадку, в удивлении*). Боже мой! Целое общество!

Все делают ему знаки, указывая на окно.

Пылинкина. Вот тебе! Пригласили эту мумию, полагали, веселье будет, — так что ж вы думаете: только и гудел из-за портьеры: алкоголь вреден, зимой холодно, женское дело — кухня. Мухи от него подохли!

Рассматривают альбом.
На площадке все четверо удобно рассаживаются, начинается оживленный разговор.

Ляписов. Так она говорила, что я трачу казенные деньги?.. Вот дрянь-то! На себя бы посмотрела!.. Устраивает благотворительные вечера и ворует все деньги. Одну дочку буквально продала старику золотопромышленнику.

Мушкин. Что вы говорите?!

Ляписов. Ей-Богу.

Хохряков. Я думаю, она живет с этим чиновником, который там сидит. Такой у него вид!...

Андромахский. Наверное! Не иначе.

Хохряков. А заметили? Ковер в двух местах заштопан.

Андромахский. Да уж! Мелкота. Туда же... четверги.

Смеются.

Ляписов. Что-то подозрительна мне эта история с коньяком. Разбили бутылку — и никакого запаха коньяку не слышно...

Супруги Слякины прощаются. Хозяева провожают их в переднюю.

Пылинкина. Куда же вы? Уже! Посидели бы еще.

Слякина. Ах, нет, нет, уж мы пойдем.

Скрываются в передней.

Дверь на площадку открывается, показывается Пылинкина со свечой. Все сидящие на площадке, увлеченные разговором, не замечают ее.

Мушкин. А вы заметили, у них чай мышами пахнет.

Андромахский. И эта дура, Пылинчиха — туда же еще... О литературе говорит! Я думаю, она Метерлинка с редерером путает. Наверное, по отдельным кабинетам тянет редерер, как гусар.

Хохряков. Да станут ее возлюбленные редерером поить. Поставят бутылку клюквенного квасу, бутерброд с колбасой — ей и это в диковинку.

Мушкин. А вы заметили — у них ложечки с чужим вензелем. (*Смеется.*) Наверно, украла где-нибудь.

Пылинкина. Кхе-кхе! (*Любезно.*) А вы... еще здесь, господа?.. Заговорились?

Слякины выходят.

До свиданья, до свиданья. Все. Всего хорошего. Спасибо. (*Уходят.*)

Пылинкина (*наклоняясь вниз*). Так не забудьте же... В будущий четверг, слышите? Жду обязательно.

Снизу голоса. Обязательно. Будем.

Пылинкина. Обязательно. Приходите... Чтоб вас черт побрал!!.

Занавес

ОДЕССИТЫ

Жанровая картинка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кантарович }
Гендельман } одесситы.
Яша Мельник }

Одесса. Бульвар. Газетный киоск. Скамейки. Вдали — вид на море.

Кантарович сидит с газетой. Подходит Гендельман.

Кантарович. А! Гендельман!
Гендельман. А! Кантарович!

Подают друг другу руку.

Кантарович. Что нового, Гендельман?
Гендельман (*безнадежно махнув рукой*). Э!.. Знаете, Кантарович, один министр долго думал, какую неприятность причинить евреям. И придумал: он разрешил им заниматься с хлебными операциями...
Кантарович. А теперь еще и такая политика, что не дай Бог!..

Садятся.

Знаете, мне что-то опять не нравится франко-германский конфликт...
Гендельман. Слушайте, Кантарович, вы прямо поразительный человек: где две державы воюют, так вы непременно должны лезть в середку...

Кантарович. А я вам говорю, что Франция меня еще вспомнит!

Гендельман. Что вы ей такое, что она вас будет вспоминать!

Кантарович. А то, что я уже тысячу разов спрашивал и спрашиваю: Франции нужно Марокко? Франции нужно бросать на него деньги? Это самое Марокко так же нужно Франции, как мне лошадиный хвост... Но она меня еще вспомнит...

Гендельман (*смотрит на часы*). С вами начнешь разговаривать о политике, так эта история на три часа. Я уже знаю... До свидания, Кантарович. Мне некогда. Уже пять часов.

Кантарович. Что это у вас за часы, Гендельман?

Гендельман. Вы разве не видите — золотые часы!

Кантарович. Я вижу, что золотые... (*Разглядывает часы.*) Хорошие часы... Сколько вы хотите за них?

Гендельман. А кто вам сказал, что я их продаю?

Кантарович. А почему бы вам их не продать?..

Гендельман. Конечно, продать можно... Только я хочу за этих часов двести рублей.

Кантарович. Двести рублей! Поло-о-ожим, вы возьмете сто пятьдесят.

Гендельман. Поло-о-ожим, я не возьму сто пятьдесят.

Кантарович. Так вы возьмете сто шестьдесят.

Гендельман. Прямо смешно. Вы, Кантарович, кажется, интеллигентный человек, а торгуетесь, как паршивый извозчик. Разве вы не видите, что они с боём.

Кантарович. Ну, за бой —я знаю? — можно дать еще десять рублей.

Гендельман. Двести рублей и ни копейки меньше!

Кантарович. А сто девяносто пять рублей на улице валяются?

Гендельман. Сто девяносто девять рублей девяносто девять копеек не будет!

Кантарович. Вы, Гендельман, упрямый, ей-Богу, как осел. Ну, хорошо!.. Получайте эти двести рублей.

Гендельман. Где же они?

Кантарович. Деньги? Вот смотрите. Я их вынимаю. Двести настоящих рублей.

Гендельман. Так что же вы их держите в руках?! Дайте я их пересчитаю.

Кантарович. Хорошо. Но вы же дайте мне часы.

Гендельман. Что значит — часы? Что, вы их разве не видите в моих руках?

Кантарович. Да. Но я хочу лучше их видеть в моих руках.

Гендельман. Как же я могу отдать вам часы, когда еще не имею денег?

Кантарович. А спрашивается, за что же я буду платить деньги, когда не имею часов?

Гендельман (*удивленно*). Кантарович, вы мне не доверяете...

Кантарович. А что такое доверие? Если бы вы знали, сколько раз меня уже обманывали: и евреи, и русские, и французы разные. Я теперь уже разверился в человеческих поступков.

Гендельман. Кантарович! Вы мне не доверяете!!!

Кантарович (*тихо*). Гендельман, не кричите. Слышите, что я вам говорю? Не кричите. (*Кричит.*) Вы же мне тоже не доверяете!

Гендельман. Я доверяю, но только — двестирублевые часы, а?.. Вы подумайте.

Кантарович. Что мне думать. Мало я думал? Ну, давайте так: вы покладайте на скамью часы, а я деньги. Потом вы хватайте деньги, а я часы — и разбежимся.

Гендельман. Кантарович, вы думаете, я маленький... Вы думаете, меня и немцы не обманывали? И немцы, и... татары всякие. Малороссы. Ой, Кантарович, Кантарович... Я теперь уже ничему не верю.

Кантарович. Что же вы думаете: что я схвачу и часы, и деньги и убегу?

Гендельман. Я не думаю. Но вы знаете, если я потеряю часы и не получу денег, — это будет самый печальный факт.

Кантарович. Ну, хорошо... смотрите: вот идет экспортер Абрамович. Он же честный человек. Дайте ему ваши часы, а я деньги. Пусть он нам раздаст потом наоборот.

Гендельман. Гм... Это ваша рекомендация... А я хочу, чтобы была моя рекомендация; пойдем до Спиро Кефалаки, и он нам сделает то же самое.

Кантарович. Смотрите-ка. Вы не доверяете Абрамовичу, так знайте: я торжественно не доверяю Спиро Кефалаки.

Гендельман. Ну, если вы такой — разойдемся.

Кантарович. Разойдемся.

Идут в разные стороны, потом возвращаются.

Только мне очень жаль, что я не получаю этих часов.

Гендельман. А вы думаете, мне было не нужно этих двухсот рублей? О, еще как нужно!

Кантарович. Как же будет, Гендельман?

Гендельман. А я знаю, Кантарович?

Кантарович. Почему же вы все-таки мне ие доверяете, Гендельман. Что я — жулик?..

Гендельман. Я не говорю, что вы жулик, но дайте деньги, так я дам часов..

Кантарович. Но почему? Почему?!!

Гендельман. Не кричите на меня, Кантарович! Кричите лучше на свою жену, которая шляется черт знает с кем,..

Кантарович. Гендельман, не трогайте моей жены!

Гендельман. Я не трогаю вашей жены! Пусть ее черт трогает...

Кантарович. Я не хочу марать руки, но считайте себя вдаренным по морде...

Гендельман. Это вы дадите мне по морде? Руки маленькие.

Кантарович. Что?!

Гендельман. Я говорю, руки маленькие...

Кантарович. А! Так?! Ну, хорошо: так за эти слова вы мне дадите удовлетворение... Ждите моих сукиндантов...

Гендельман. Я им тоже могу накласть по шее.

Кантарович. Положим, Косте Каламанди вы не накладете...

Гендельман. Косте? А разве он уже приехал?

Кантарович. Ого! Еще позавчера!

Гендельман. Ну, что, он успел что-нибудь в Николаеве?

Кантарович (*пожимая плечами*). Ничего! Разве этот грек может что-нибудь сделать?

Гендельман. Я же тоже говорил, что этот идиёт только деньги даром потратит... И овес не купил, и деньги пропали.

Кантарович. Кстати, деньги... Так что же будет, Гендельман, вы берете двести рублей?

Гендельман. Ой, Кантарович, не крутите мне пуговицу... Ой, Кантарович!.. Я же вам уже сказал: дайте деньги и берите часы...

Кантарович. Стойте!.. Вот идет Яша Мельник... Пусть он нам обменяет. (*К подошедшему Яше Мельнику.*) Слушайте, Яша, здравствуйте: вот покупаю у Гендельмана

часы. Но он не дает мне часов, пока я не дам ему денег, а я не даю ему денег, так как не вижу в своих руках часов.

Мельник. Доверьте вашему околоточному.

Кантарович. Спасибо вам, сами доверяйте околоточному...

Мельник. Это, положим, верно. Можно было бы доверить Толкачеву, но он, как только увидит евреев, — моментально и вышлет. Знаете что? Доверьте мне.

Кантарович (*изумленно*). Тебе? Яша Мельник?!.. Тебе?.. (*Улыбается.*)

Смеется и Гендельман.

Мы тебе, Яша, доверим, только дай нам вексель на четыреста рублей.

Яша Мельник. Что же я, по-вашему, — жулик?

Гендельман. Вы, Яша, не жулик. Но почему я должен верить вам больше, чем Кантаровичу. Тут же двести рублей деньгами и двести — часами. Подумайте-ка, а?

Мельник. Ну, если вы и мне не доверяете, то поезжайте себе к нотариусу.

Кантарович. Выдумал... К нотариусу. А нотариус — это машина?! Он же тоже человек. Это ведь одесский нотариус. Это же не солома, это же двести рублей!.,

Мельник, махнув рукой, уходит. Пауза.

Гендельман. Что же будет, Кантарович?

Кантарович. А я знаю, Гендельман?

Гендельман. Значит, ничего не будет?

Кантарович. Значит, ничего!..

Гендельман. Так что же вы мне три часа морочили голову?

Кантарович. Я ему морочил голову?! Это вы мне морочили голову с вашими часами!

Гендельман. Тоже покупатель!.. (*С сердцем плюет и уходит.*)

Кантарович (*долго смотрит ему вслед*). Ну, его счастье, что он ушел!.. Я бы ему дал по морде! (*К публике.*) Ну, как вам все-таки это понравится? У нас имеются двести рублей и имеются часы, которые стоют двести рублей. Есть желание купить часы и есть желание продать часы... так чтобы за наличные деньги нельзя было этого сделать — это может быть только в Одессе!!!

Занавес

СУЕТА СУЕТ

(*Водевиль*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маргаритов, элегантный молодой человек.
Пампухов, его приятель, небрежно одет, вид мрачный, решительный.
Олимпиада Ивановна, Валерия, Калерия Семеновна — дачницы.

Действие происходит в дачной местности. Зеленая лужайка у края оврага. Кругом деревья. Одно повалено бурей. Сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маргаритов и Калерия Семеновна.

Маргаритов (*выходит справа*). Вот сюда! Здесь очень хорошо... не правда ли?.. Садитесь, пожалуйста!.. Ах, как легко тут дышится. (*Она садится на поваленное бурей дерево, он у ее ног.*) Вот здесь.,. здесь... мы будем слушать Ее!

Калерия Семеновна. Как слушать ее... Кого «Ее»?

Маргаритов (*говорит тихо, мечтательно*). Мать-Природу! О, как сладко ее слушать! Ее шелест, ее язык во всем! В журчанье ручейка на дне оврага, в прибое морском, в шелесте листьев и в вашем дыхании...

Калерия Семеновна. Где же тут вы нашли морской прибой?

Маргаритов. Чего? Ах, прибой!.. Его нет, но это все равно. А ваш голос... Это скрипка природы, это лучшее выражение ее стремления к прекрасному.

Калерия Семеновна. Вот спасибо... Это очень мило с вашей стороны, что вы мне это говорите...

Маргаритов. Тссс!.. Давайте слушать голоса великой Матери-Природы... Положите мне руку на голову... Вот так... Положите мою голову к себе на колени и спойте колыбельную песенку. Я ребенок, но я устал.

Калерия Семеновна. Сделайте одолжение! (*Смеется.*)

Маргаритов (*поднимая голову, подозрительно*). Чего вы смеетесь?

Калерия Семеновна. Ничего, так. У меня хорошее настроение. Продолжайте, Маргаритов.

Маргаритов (*как будто засыпая*). Вы любите белое тело или смуглое?

Калерия Семеновна. Что-о? Послушайте, Маргаритов...

Маргаритов. У меня тело холодное, как мрамор, и белое. Когда-нибудь я, вероятно, был статуей и стоял на римском форуме. Но пришла однажды девушка и поцеловала мои мраморные губы. Я пошевелился, спрыгнул с пьедестала...

Калерия Семеновна (*иронически*). Не расшиблись?

Маргаритов. О, нет. Я гибок! И с тех пор я человек, но холод мрамора остался. И та, которая меня разбудит, согреет... О-о... Послушайте! Вы не видите звезд?

Калерия Семеновна. Что вы! Теперь же ведь день...

Маргаритов (*в экстазе*). А я их вижу!! (*Смотрит на небо, простирая руку.*) Моя звезда и твоя сверкают рядом. Вот она... Вот!.. О, как хорошо чувствовать себя частицей космоса... Маленькой пылинкой!.. Что значим мы, две пылинки среди биллионов живых и мертвых, мы, две кратких эманации, жизнь которых — одна тысячная секунды в мировой гармонии... И твой поцелуй...

Калерия Семеновна (*сбрасывает голову Маргаритова, почти ложится грудью на дерево, заливается хохотом*). Ха-ха-ха! Ох, не могу! Ох-хо-хо!.. Эдак у меня разрыв сердца будет!.. Ха-ха-ха! (*Вскакивает, убегает налево, смех ее замирает в отдалении...*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Маргаритов (*один, сидит, сбитый с толку. Другим тоном*). Эк ее разобрало. И с чего бы, кажется? Тут что-то не так... Вот дура-то! Ничего не понимает. Догоню, спрошу... (*Вскакивает, убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С правой стороны из-за деревьев показывается девица Валерия.

Валерия (*мечтательно*). Он сказал — здесь. О, мое милое сокровище... Как я его люблю! Какой он умный, нежный... Я, говорит, был статуей и стоял на форуме... у меня, говорит, тело белое и холодное, как мрамор. Он такой особенный. (*Стоит, устремив взор в небо, потом взглядывает на часы.*) О, Боже! Еще полчаса ждать! Я не могла усидеть! (*Садится на поваленное дерево.*) Милый, милый... Мар-га-ри-тов... Мар-га-ри-тов!.. (*Повторяет с различными интонациями.*) Мар-га-ри-тов! Мар-га-ри-тов! А он... любит ли меня? Наверное, любит! Не может быть, чтобы не любил! А ну-ка, погадаю! (*Ищет вокруг себя цветок, не находит, хватается по привычке за ридикюль, открывает, вынимает длинную ленту серпантина.*) Безумец! Он мне назначил свидание с помощью серпантина!.. (*Читает на ленте.*) «Моя хорошая! Приходите сегодня на лужайку у Егоровского оврага, где дерево повалено бурей. Послушаем голоса великой Матери-Природы. Три часа. Люблю. Маргаритов». Пишет, что любит... Правда это или нет? Погадаем! (*Начинает обрывать по кусочкам ленту серпантина, сначала большие куски, потом все меньше.*) Любит —не любит, любит —не любит, любит —не любит, любит — не любит, любит!! Вышло — любит! Моя милая Маргаритка! (*Восторженно.*) Маргаритов, Мар-га-ри-тов!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Из-за деревьев показывается Пампухов.

Пампухов. Маргаритов здесь, Маргаритов там! Почти на всех дачах, где обитает женский пол, говорят о Мар-

гаритове! Здравствуйте, милая барышня! Вы что же... вызывали дух Маргаритова?

Валерия (*сухо*). Здравствуйте, Пампухов. А я пришла сюда, думала, что буду совершенно одна...

Пампухов. Да, знаем мы... А сами, как некая лесная фея, выкликали фамилию этого папильона!..

Валерия. Не смейте о нем так говорить! Он не папильон!

Пампухов. А что же он, по-вашему? Идеалист семидесятых годов? Слава Богу! Десять лет его знаю.

Валерия (*оживляясь*). Пампухов, милый! В самом деле вы его знаете?! Правда, он замечательный? Правда, он необыкновенный? Он как-то говорил мне, что был раньше статуей и стоял на форуме в Риме...

Пампухов. Ах, и вам это говорил? Однако у него фантазия коротка... Всем женщинам одно и то же.

Валерия. Как... Он это всем женщинам говорит?

Пампухов. А вы что же думали... Для каждой отдельно сочинять, что ли! Да вот.теперь... Он вам, конечно, назначил свидание, не отпирайтесь! Догадываюсь. И скажу вам заранее, что он вам будет говорить. (*Становится в позу, передразнивает.*) «Ах, как легко тут дышится!.. Будем слушать тут Ее! Великую Мать-Природу! Ее шелест, ее язык во всем — в морском прибое, в шелесте травок, козявок, в черте, в дьяволе! Но лучший звук природы — это ваш голос! Это скрипка природы! Это виолончель сущего! Рояль неземного! Флейта небесного!» Потом подсядет к вам: «Ах, положите мою голову к себе на колени и спойте колыбельную песенку — я устал! Я усталый ребенок!..» «Ребенок»... Такими ребенками сваи для нового моста заколачивают. Потом, конечно, о своем мраморном теле, о форуме, ну, это вы уже знаете, а потом: «Вы видите звезды? Эти две звезды ваша и моя. Мы пылинки космоса, трата-та, трата-та, жизнь наша одна тысячная секунды... О, поцелуй меня, дорогая пылинка!!» А пылинка, конечно, сдуру и целует этого статуя!

Валерия. Пампухов! Вы врете! Этого не может быть!

Пампухов. Не может быть? А вот увидите... (*Вдали слышно пение Маргаритова.*) А! Вот он и сам бредет сюда — убедитесь!!! (*Посылает ей воздушный поцелуй, убегает.*)

Она поправляет прическу, прихорашивается. Показывается из-за кустов Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Маргаритов. А! Мое счастье... Вы пришли? О, как я рад. Это такое счастье! Именно здесь... Здесь так легко дышится... Мы будем сидеть тихо-тихо, рука об руку и будем слушать Ее — великую, обильную Мать-Природу!.. Ее шелест, ее язык — во всем... В журчанье ручейка на дне оврага, в прибое морском! В шелесте листьев и в вашем дыхании... В голосе... О, ваш голос!.. Это самое чудесное творение природы, это ее скрипка...

Валерия (*слушает мрачно-насмешливо. Садится неожиданно на упавшее дерево, ядовито*). *Может* быть, вы хотите положить мне голову на колени? Пожалуйста, пожалуйста!.. Ну... давайте сюда вашу голову на колени!.. Ну, живо!

Маргаритов смотрит на нее удивленно-подозрительно, однако подходит, становится на колени.

Так... Готово? Ну, теперь, конечно, спеть вам колыбельную песенку? Да? Вы хоть и ребенок, но вы устали?

Маргаритов. Послушайте! Гм... Откуда вы знаете?

Валерия. Что я знаю?

Маргаритов. Нет, ничего, ничего...

Валерия. Нет, что я знаю?

Маргаритов. Вот это... Что я хочу... Колыбельную песенку.

Валерия. Я просто догадалась!.. Я очень догадливая!.. (*Иронически.*) Послушайте... А вы звездочек не видите? Вон наши две звездочки сверкают. Во-он, видите? Дальше как? Космос, биллион пылинок?..

Маргаритов вскакивает.

Постойте, куда же вы! Вы еще не сказали, что мы две пылинки среди биллиона нам подобных... Это очень хороший трюк: женщина, узнав, что вы с ней такие две пустяковые пылинки среди миллиардов, подумает: «Боже мой, как мы ничтожны в общей громадности, вечности природы. Эх, изменю-ка я мужу. Такой это пустяк — измена пылинки среди миллиарда других».

Ах, Маргаритов, Маргаритов... Ведь вы интеллигентный человек... Ну как же вам не стыдно?

Маргаритов. Послушайте... (*Вид у него убитый.*) Послушайте... Кхм!.. Скажите мне правду... Это Пампухов разболтал?

Валерия. Ну конечно же! Он уже два дня бродит всюду и кричит всем дачницам: «Женщины! Приехал Маргаритов, остерегайтесь его! Он будет слушать с вами голос природы, скажет про скрипку, про то, что он когда-то был на форуме статуей, что он ребенок, что он устал, что ему требуется колыбельная песенка, потом звезда среди космоса...»

Маргаритов. Довольно! Вы злы и жестоки!..

Валерия. Неужели? Да что вы! Ну, прощайте, Маргаритов... Слушайте сами скрипки природы, шелесты, постарайтесь положить кому-нибудь другому голову на колени... Эх, Маргаритов! А ведь вы мне очень, очень нра... ви... лись!.. (*Плачет. Махнув рукой, уходит.*)

Маргаритов. Послушайте... Одну минутку... Я вас провожу... Послушайте! (*Уходит за ней.*)

Сцена пуста. Слышны голоса. Показывается Пампухов с Олимпиадой Ивановной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пампухов, Олимпиада Ивановна. Они продолжают начатый разговор, он говорит резко, грубо, но и искренно.

Пампухов. Никого нет? Ага! Ушли уже. Так вот я и говорю: в этом отношении я рассуждаю, как дикарь! Захотелось мне вас поцеловать — я вас целую... Вот так просто — хватаю и целую! Захотелось мне вас обнять — обнимаю и целую. Понимаете? Это мое право. Но, конечно, захотелось вам ударить меня хлыстом или выстрелить из пистолета — бейте! Стреляйте! Это уже ваше право!

Олимпиада Ивановна. Ну, хорошо, Пампухов... А если я ни бить, ни стрелять в вас не буду, а просто искренно скажу вам, что вы мне противны.

Пампухов (*хватаясь за голову, с мрачной яростью*). Не говорите мне этого слова... Слышите? О, черррт! Противен?!

Слева показывается Маргаритов, так что зрители его видят. Прячется за дерево.

Я себе лучше голову расшибу за это слово!!!! (*Ударяет головой о ствол дерева.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Маргаритов за деревом.

Маргаритов. Ишь ты, проклятый. Без приемов работает! Честно!! Как бог на душу положит!

Пампухов колотится головой о ствол дерева.

Олимпиада Ивановна. Сумасшедший! Вы себе голову разобьете!

Пампухов (*мрачно*). И разобью!

Олимпиада Ивановна. Смотрите! У вас красное пятно на виске.

Пампухов. И пусть. И черт с ним. Говорите, любите меня? А то опять треснусь.

Олимпиада Ивановна. Да ведь голову, безумец вы, разобьете!

Пампухов. И пусть! Говорите, любите?

Олимпиада Ивановна. Не знаю... Ах, Пампухов... Я кажется, вообще не умею любить...

Пампухов (*бешено*). Пусть я подохну! К черту!.. К черту все! (*Бегает по сцене, как безумный, хватает воротничок, злобно рвет его. Галстук отлетает в сторону.*)

Олимпиада Ивановна (*в ужасе*). Дикарь! Что вы делаете! Ведь вам придется возвращаться домой.

Пампухов. К черту! К черту! Пусть! Любишь меня? Скажи? (*В голосе искренний подъем и чувство.*)

Олимпиада Ивановна. Н... не знаю... Послушайте, Зачем вы меня на «ты» называете!

Пампухов. Неважно! Придешь сегодня ночью к мостику? (*Хватает ее за руку.*) Придешь? Говори!

Олимпиада Ивановна. Не трогайте, моей руке больно... Не знаю, может быть... приду...

Пампухов. Нет, ты скажи наверное!

Олимпиада Ивановна. Наверное сказать никогда нельзя. А вдруг умру...

Пампухов. О, ррр!.. О, Божжже! Конечно, она меня не любит! Она мной играет!!. Пропадай все!!!

Хватает с земли брошенную им раньше трость, переламывает о колено, бросает на землю; схватившись за голову, в искреннем горе убегает в лес.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, без Пампухова.

Олимпиада Ивановна. Пампухов! Вернитесь, Пампу-ухов! Где вы, сумасшедший? Сережа-а! Ну, вернись... ну, я тебя люблю... Я же пошутила. Ах, какой дикарь!.. Пампухов!!

Маргаритов выходит, становится перед ней в позу, вежливо снимает шляпу.

Ай! Кто тут?

Маргаритов. Это я. Позвольте представиться — Маргаритов! Бродя по лесу и прислушиваясь к голосам великой Матери-Природы, я вдруг услышал женский крик. И голос звучал, как чудная скрипка, как лучший из голосов великой Матери-Природы!.. Так как в этом чудесном голосе слышалось отчаяние, я, полагая, что понадобится моя помощь, поспешил сюда.

Олимпиада Ивановна (*кокетливо поправляет прическу, говорит смущенно*). А вы слышали, что я кричала?

Маргаритов. Странно, но мне показалось, что вы кричали знакомое мне имя: Пампухов!

Олимпиада Ивановна. Ах!.. Знако... мое? А вы его, значит, знаете?

Маргаритов. Я? Его? Сержа Пампухова? Как свои пять пальцев! Страшный ловелас! Ни одной женщины не пропустит, чтобы не приволокнуться... (*В сторону.*) Ну, держись, подлец! Да, он такой, сударыня...

Олимпиада Ивановна (*в ужасе*). Что вы го-во-ри-те!!.

Маргаритов. Ей-Богу! Уж вы мне поверьте! Наверное, уже успел признаться вам в любви.

Олимпиада Ивановна. Почему вы так думаете?

Маргаритов. Да, таков уж у него характер... У него и система своя выработана. Он всем женщинам говорит одно и то же... Такой чудак! Да вот, например: говорил он вам, что он дикарь, и делает что хочет, и что женщина может поступать тоже как хочет: или ответить на поцелуй, или ударить ножом?

Олимпиада Ивановна. Нет... не ножом, а хлыстом или револьвером.

Маргаритов. Ну, все равно. (*Пауза. Деловым тоном.*) Голову разбивал?

Олимпиада Ивановна. Что-о?

Маргаритов (*спокойно*). Голову. У него такая система: после «дикаря» биться головой обо что-нибудь.

Олимпиада Ивановна (*в ужасе*). Послушайте!.. Неужели он притворялся? А я-то, глупая..,

Маргаритов. Да, он это ловко проделывает...

Олимпиада Ивановна. Но ведь он не шутя бился головой. У него было тут красное пятно...

Маргаритов. Сударыня! Это делается очень просто: он ловко хлопает ладонью о дерево, а потом уже головой бьется о руку. Получается сильный звук, а не больно.

Олимпиада Ивановна. Ну, послушайте... А красное пятно на лбу? Ведь я же видела...

Маргаритов. А? Красное пятно?.. Ага! А вы обращали когда-нибудь внимание на отворот его пиджака? Нет? Обратите. У него на всякий случай за отворотом нашит кусок коленкора с намазанной на нем красной гримировальной краской. Ударившись головой о руку, этот продувной парень хватается за отворот и, намочив палец краской, переносит ее на лицо. Вот так... Поняли?

Олимпиада Ивановна (*на лице страдание*), Бож-же мой! Какая гадость, какая пошлость.

Маргаритов. Да уж, знаете... Хорошего мало! Форменное безобразие.

Пауза.

Воротнички рвал?

Олимпиада Ивановна (*со вздохом*). Рвал.

Маргаритов. С галстуком?

Олимпиада Ивановна. Да... да...

Маргаритов. Ну, конечно. Да вон и галстук, я вижу, валяется. Все как по писаному. Рвание воротничков — его любимый номер. У него две дюжины старых воротничков с собой из города привезены специально для подобных случаев. Как только воротничок у него забахромится — сейчас же откладывает: «Э, — говорит, — это мне для свидания еще пригодится».

Пауза.

А галстуки у него специально так сделаны, что не рвутся, а просто сзади расстегиваются.

Олимпиада Ивановна. О, Боже, Боже! Какие мы, женщины, дуры...

Маргаритов. Ну почему же уже и дуры... Просто вы так благородны, что не замечаете этой гнусности. Палку ломал?

Олимпиада Ивановна. Ломал.

Маргаритов (*задумчиво*). Новый прием. Перед отъездом он у разносчика купил десяток палок за три рубля. «На что тебе, — спрашиваю, — эта дрянь?» Смеется. «В лом, — говорит, — это у меня идет для некоторых случаев».

Олимпиада Ивановна. Но объясните мне, милый Маргаритов, зачем же он так поступает?

Маргаритов. Зачем? (*Горячо.*) Потому что он на любовь смотрит, как фабрикант на свое производство. Если бы у него был один роман, а то ведь он завязывает сразу десять. А для такого обширного производства требуется уже штамп. Раньше какой-нибудь Бенвенуто Челлини трудился над одним бокалом или ларчиком целый год, и это было подлинное художественное произведение; а теперь на берлинских фабриках делают эти вещи по тысяче в день. Ясно, что все они делаются одним и тем же способом, штампуются на один фасон. Так и ваш Пампухов. Зная вообще его прием, его фабричную марку, я всегда могу по ней предсказать весь процесс его оптовой работы.

Олимпиада Ивановна. Какая гадость! Какая трясина! О, если он мне только встретится... Ну, а вы, Маргаритов... Вы ведь не такой? А? Вы хороший?

Маргаритов. Еще бы. Я хороший.

Олимпиада Ивановна. Да, да! Это чувствуется... Вы чуткий... Вы чуткий... Вы какой-то оригинальный...

Маргаритов. Еще бы! Я то, что называется дитя природы... Ах, как я люблю (*присаживается к ней*) прислушиваться к голосам, к шепоту Матери-Природы... А у вас голос — это чудеснейшая музыка природы... Это скрипка. Я какой-то странный... У меня тело холодное и белое, как мрамор... Когда-нибудь, давно, давно, я, вероятно, был статуей и стоял в Риме на форуме.

Олимпиада Ивановна (*придвинулась*) О, как вы это хорошо говорите... Как интересно...

Маргаритов (*в экстазе*), О-о! (*Берет ее за руку.*) Вы видите звезды? А? Вот! Две звезды...

Олимпиада Ивановна. Д... да (*Нерешительно:*) Кажется, вижу... Вот там!

Маргаритов. О-о-о! Там, там, там! Я их вижу! Моя звезда и твоя — сияют рядом, они хотят слиться! (*Обвивает ее талию рукой.*) О, как хорошо чувствовать себя частицей космоса! Мы пылинки среди биллиона, билли... (*целует ее*) среди биллиарда... среди биллиарда этого самого...

Из-за деревьев показывается Пампухов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Пампухов.

Пампухов (*стоит сзади, целующихся, вид у него растерзанный, хватается руками за волосы, со стоном*). Э-эх! Штампует! Штампует, проклятый!.,

Занавес

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

(*Два рисунка*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Женщина.
Мужчина.
Метрдотель.
Лакей фешенебельного ресторана.
Лакей } третьеразрядного ресторана.
Лакей }

Действие происходит в двух ресторанах — сначала в фешенебельном, потом в третьеразрядном.

Левая половина занавеса отодвигается, виден уголок шикарного ресторана. Белоснежная скатерть, сверкающая посуда, цветы, около стола редкая пальма. Солидный бритый лакей приводит в порядок приборы и бокалы. Когда дверь отворяется, слышны звуки румынского оркестра. Входят мужчина *и* женщина.

Мужчина. Где вы хотите сесть, принцесса? Повелевайте.

Женщина (*все время говорит с милой гримаской*). О, мне все равно.

Мужчина. В таком случае, не сядем ли мы там? (*Указывает на ближайший стол.*)

Женщина. Фи! Ни за что. Тут как-то нехорошо.

Мужчина. Склоняю голову и повинуюсь. Значит — сядем там?

Женщина. Ой, нет, нет! Тогда лучше сядем здесь. (*Садится за тот столик, от которого раньше отказалась.*)

Появляется элегантный метрдотель с карточкой.

Метрдотель (*француз, говорит плохо по-русски*). Доб'ги здо'говье! Что газ'гешить п'гедложить кушить, э?

Мужчина (*глядя на даму влюбленными глазами*). Что разрешите вам предложить, принцесса?

Женщина. Ох, я не знаю. Все равно, что-нибудь.

Мужчина. Но, мое милое солнышко... Может быть, вы любите что-нибудь особенно.

Женщина. Да я все люблю. Что выберете, то и хорошо. Стоит ли об этом разговаривать.

Мужчина. Э, нет, принцесса! Это очень серьезный вопрос, и мы его сейчас разберем. Вы какую рыбу любите?

Женщина. Никакую.

Мужчина. Так-с! Рыба отпала. (*С нежной улыбкой, гладя ее руку.*) Мы очень категоричны, не правда ли? Рыба, значит, отвалилась. Мясо любите?

Женщина. Очень.

Мужчина. Какое же?

Женщина. Да всякое.

Мужчина. Вот это великолепно, принцесса. В таком случае, что вы хотите: «филе миньон» или бараньи котлеты, соус бигарад?

Женщина. Я хочу эту... вот... брюссельскую капусту!

Мужчина. Сокровище мое, да ведь это же зелень.

Женщина (*кокетничая вульгарностью*). Ну и начихать на нее, что зелень. Разве оттого, что она зелень, ее лопать нельзя?

Мужчина (в *восторге*). Как она очаровательно это говорит: «Начихать, лопать!» Даже такие слова, произносимые этими розовыми губками, очаровательны!.. А все-таки брюссельская капуста сама собой, а мясо само собой. Какое же мясо мы вам закажем?

Женщина. Господи, как этот человек может пристать! Зачем из такой ерунды делать вопрос жизни?! Закажите что хотите!

Мужчина (*целуя ее руку*). Ну, в таком случае, я знаю, что вы будете кушать: ризотто по-милански с шампиньонами и раковыми шейками.

Женщина. Да ведь там рис?
Мужчина. Рис. Форменный рис!
Женщина. Терпеть не могу риса. Закажите что-нибудь такое, знаете? (*Делает неопределенный жест.*)
Метрдотель (*все время склонившись*). Э, пагдон! Я иметь предложить, как это говогить? Дупель? О! Такой питичка — дупель..
Женщина. Это такие... носатые? Ну их к бесу!
Мужчина (*восторженно*). Нет, что это за очаровательная шалунья! Говорит: «К бесу их».
Метрдотель. А ви... может... этого... этого... желайт: котлетки Мари-Луиз из ка'гтофель, суфле и немножки бобов, э?
Женщина Фи! Они мышами пахнут.
Метрдотель (*выпрямляет усталую спину, недоумевающе разводит руками*). О, какой тгудный случай!
Мужчина (*смеясь*). О-о! И Мари-Луиз провалилось! Ха-ха! Видите, метрдотель, и вы не счастливее. (*Нежно.*) Ну, вот возьмите, принцесса, закройте глазки и подумайте: чего бы вы сейчас очень, очень хотели?
Женщина (*закрывает глаза, думает*). Нашла! Знаете чего? Семги!
Мужчина. Это само собой! Это закуска. А что горячее?
Женщина. Господа, как вам это не надоело! Ну, самое простое: я буду есть то же, что и вы. Слышите?
Мужчина. Вот и чудесно. Я буду есть цыпленка сюпрем. Я его люблю. Цыпленок сюпрем, с рисом.
Женщина (встает, *иронически кланяется*). Благодарю вас! Я ему уже час твержу, что риса не признаю, а он... со своим рисом. (*Нетерпеливо.*) Ну, да ладно! (*Берет карточку, показывает пальцем, не глядя.*) Сделайте мне вот это! И отлипните!..
Метрдотель. Ка'гошоо! Мадам любит рубцы по-польски?
Женщина. Да, да, да! Это можно, надеюсь, есть — рубцы по-польски?
Метрдотель. Mais oui!* Зове'гшенно можно!
Женщина. Только сделайте их с этим... с яйцами.
Метрдотель (*удивленно*). С яйцами?! Гм... Как мадам пожелайт! Шишас будет исполнено. (*Убегает.*)

* Ну конечно! (*фр.*).

Женщина. Фи, как он мне надоел. Пристал как пьявка.

Мужчина. Человек! (*Подбегает лакей, стоит изогнувшись.*) А что мы будем пить?

Женщина. О, вот уж на этот счет мне совершенно безразлично.

Мужчина. Сейчас видно, что принцесса пьянства не поощряет. Человек! Дайте бутылку брют-америкен.

Женщина (*до этого пудрила нос. Удивленно поднимает голову*). Вы пьете брют? Это еще почему?

Мужчина (*растерянно*). *А?* Хорошая марка. Я ее люблю.

Женщина. Ну вот! Я всегда твердила, что вы самый гнусный эгоист! Ему, видите ли, нравится брют — эта сухотка, — так и я его должна пить.

Мужчина (*восторженно*). «Сухотка»! Она говорит «сухотка»! Что за милая взбалмошная головка! Она вся соткана из чудесных маленьких капризов и восхитительных неожиданностей. Принцесса! Вы пили когда-нибудь брют? Это прекрасное вино!

Женщина. Не пила и пить не хочу!

Мужчина. А что вы хотите?

Женщина. Да что вы выберете, то и буду пить.

Мужчина (*утирая платком лоб*). Ну-с, ну-с, в таком случае; подойдем с другой стороны: что вы раньше пили?

Женщина. Что... Мало ли что! Монополь-сек всегда пила. Замечательное винцо!..

Мужчина. Ага! Вот и попалась! Человек! Бутылку монополь-сек!

Лакей уходит, женщина глядит на мужчину, делая ему кокетливую гримаску. Он, улыбаясь, грозит ей пальцем. Берет руку, припадает к ней, длительно целует. Лакей вносит на подносе кушанья.

Лакей. Виноват-с! Кушанье готово.

Мужчина откидывается от стола, на который он склонился, целуя руку женщины. Лакей ставит перед женщиной рубцы, перед мужчиной цыпленка.

Женщина (*нюхает свое блюдо. На лице отвращение*), Фи, какая гадость! Что это такое?

Мужчина. Принцесса! Но ведь это же рубцы! Вы заказывали. Правда, их почти никто не ест, но я думал, что

у вас такой изощренный вкус. Тем более... с яйцами. Это очень редко...

Женщина. Фи, какое неаппетитное... А у вас что? Курица?

Мужчина. Да, это цыпленок с рисом.

Женщина. А ну-ка дайте. (*Пробует.*) Очень мило. Знаете что? Давайте-ка сюда ваше, а себе забирайте мое. Ну вот так. Кушайте.

Мужчина (*пробует рубцы, делает страшную гримасу*). Гм... Да-а!

Женщина. Ну, как... ничего? Не будете плакать? Впрочем, нате вам в награду.

Протягивает ему руку. Он припадает к ней с полным любви стоном.

Мужчина. Принцесса!

Левая половина занавеса задергивается. Отдергивается правая половина. Угол плохонького ресторанчика. Скатерть не первой свежести. Сбоку унылый, завядший цветок. Два грязных потрепанных лакея возятся около стола.

Первый. Ты бы, Сережка, переменил горчишницу.

Второй. А что?

Первый. Да там анадысь гость окурок сунул.

Второй (*заглядывает в горчичницу*). Ничего, потонул... Сойдет. Не видать.

Первый. Да стаканы, гляди, тоже... пальцами захватаны.

Второй (*протирая стаканы*). И черт его знает, откуда только эта грязь берется? Кажется, утром ведь моешь руки, так нет! К вечеру опять грязные. И фрак тоже... Ходишь, как какая-нибудь осетрина в соусе...

Первый. Такое уж наше дело служебное. Всякого соуса на костюме по капле — гляди, к вечеру и пятно. Провансаль не в пример лучше. Сразу щеткой счищается... Только желтое пятно остается.

Второй. А скажи мне, Николаич, почему это на загривке волдыри вскакивают?..

Входят мужчина и женщина... Она все в том же бальном платье, он в сером пиджаке и дешевом галстуке. Лицо небритое. Садится. Лакей обмахивает салфеткой стол.

Мужчина. Ну, что ты, Клавдия, хочешь пить?

Женщина (*говорит таким тоном, как прежде*). Мне все равно. Закажи что хочешь.

Мужчина. Хорошо. Человек! Бутылку мозельвейна!..

Женщина (*кокетливо*). Ой, что ты! Как можно пить такую гадость?!

Мужчина (*говорит сдержанно*). Но ведь ты же, Клавдия, сказала, что тебе все равно. А теперь говоришь, что гадость.

Женщина. Ну да, говорила, что все равно. Но ведь тогда я не знала, что ты закажешь именно это.

Мужчина. В таком случае не надо было говорить: все равно!

Женщина. Пожалуйста, не повышай тона.

Мужчина. Я не повышаю, но согласись сама, что это абсурд. То все равно, а то гадость! Ведь я же тебя спрашивал — да? Спрашивал: что ты хочешь? Какое вино? Ведь спрашивал? Зачем же ты сказала: все равно!

Женщина. Я хочу это... красное... Помнишь, что мы тогда пили?

Мужчина. Ага! Бордо? Ну хорошо. Человек! Бутылку бордо. Где карточка? Да... вот этого.

Лакей. Вот это?

Мужчина. Да не это! Ты показываешь номер сорок два за пять рублей, а я тебе показываю четырнадцатый за два двадцать... Понимаешь? Четырнадцатый. А что ты, Клавдия, будешь кушать?

Женщина. Я не знаю. Ах, господи! Человек! Ну, закажите нам что-нибудь.

Лакей. Что хотите? Судак по-польски, битки со сметаной, свинячью котлету?

Женщина. Я не знаю... Мне все равно... Ну, выбери ты, Коля.

Мужчина (*смотрит на нее долгим угрюмым взглядом, под которым она начинает ежиться*). Ладно. Хорошо-с. Выберу! Закажи ей, человек, котлеты де-воляй.

Женщина. Ах, только не котлеты де-воляй.

Мужчина. Виноват. (*Старается сдержать раскаты голоса, но это плохо ему удается.*) Виноват... Ты сказала, что тебе все равно... Поручила мне выбрать... Я выбрал. И вдруг ты говоришь: «Только не де-воляй!» А что

же? Откуда же мне знать, что ты хочешь? Как я могу залезть к тебе в желудок и справиться там, что ему, твоему желудку, желательно?

Пауза.

Женщина. Что-нибудь рыбное. И пожалуйста, не говори со мной таким тоном.

Мужчина. Тон у меня прекрасный. Что-нибудь рыбное? Что же?

Женщина. Да что-нибудь. Полегче что-нибудь. Рыбное.

Мужчина (*тяжелым зловещим тоном*). Хорошо. Человек! Закажи ей судака огратан.

Женщина. Ой, нет... Только не судака огратан. Что-нибудь другое.

Мужчина (*еле сдерживая себя*). Послушай! Ты дважды сказала, что тебе все равно. Слышишь? Дважды! А когда я тебе предложил два, по-моему, очень вкусных блюда — ты, изволите ли видеть, отказываешься!!. О, будь ты голодна... о, если бы тебя хоть денек проморить голодом, с каким восторгом ты слопал... съела бы эти два блюда. Послушай! Я тебе говорю серьезно: оставь, брось ты это амплуа кокетливо-избалованного дитяти. Оно может человека довести до белого каления.

Женщина. Если ты со мной еще будешь говорить таким тоном, сегодня мы с тобой видимся в последний раз.

Мужчина. Дорогая моя! Да ведь этот мой тон — результат твоего тона. Ей дают карточку — на, выбирай! Что может быть проще: выбери, что тебе хочется. Нет, сейчас же начинается: «Ах, мне все равно! Выбери сам. Мне безразлично!» Тебе безразлично? Хорошо. Что же ты скушаешь? Может, ты скушаешь котенка, жаренного в машинном масле? Нет? Но ведь ты же говорила, что тебе все равно. Или крысиные филейчики на крутонах, соус ремуляд?! Ведь тебе же все равно? Да? Но, однако, я тебе ни крыс, ни кошек не предлагаю. Вот тебе вкусные человеческие блюда... Не хочешь? Выбирай сама!!!

Женщина. Ты сейчас рассуждаешь, как водовоз!.. Пять месяцев тому назад ты говорил другое.

Мужчина. Э, матушка!.. (*Машет безнадежно рукой.*)

Ж е н щ и н а. Что «э, матушка»? Ну, договаривай: что «э, матушка»?

М у ж ч и н а. Послушай, человек ждет. Это некрасиво — пользоваться его подневольным положением и держать его около себя по полчаса.

Ж е н щ и н а. Пожалуйста, без замечаний! Вы кричите, как носильщик. Послушайте, человек... Закажите мне что-нибудь. Мне все равно...

М у ж ч и н а (*ударяя кулаком по столу*). Нет!! Я эти штуки знаю. Он тебе притащит какую-нибудь первую попавшуюся дрянь, а ты понюхаешь ее да отдашь мне, а себе заберешь мое. Ха! Избалованное дитя! Принцесса! И я, как кавалер, как мужчина, буду давиться дрянью, а ты, слабое, беспомощное, избалованное дитя, будешь пожирать мое, выбранное мною для меня же блюдо?! Довольно!.. Я про-шу вас точ-но у-ка-зать по кар-точ-ке: что вы хо-ти-те?

Ж е н щ и н а (*встает, забирает свою муфту, ридикюль*). Прощайте!.. Я не думала, что придется ужинать с человеком, который кричит, как угольщик. Спасибо за ужин... Накормил, нечего сказать. И с чего, опрашивается, сбесился... Как бешеная корова, на всех бросается...

М у ж ч и н а. Выраженьице! Хорошее воспитание получила ты у матери!

Ж е н щ и н а. Ах, так? Такие отношения?! Прощай же! Можешь меня не провожать. Дойду домой сама... (*Уходит, хлопает дверью.*)

М у ж ч и н а (*стоит лицом к публике, долго старается закурить папиросу, но руки его дрожат и закурить он не может. Со страшной злобой бросает папиросу на пол, топчет ногой*). Принцесса!!! (*Сжимает кулаки...*)

З а н а в е с

СЕРДЦЕ МАТЕРИ
(Павлик)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Симахин, муж.
Симахина, жена.
Павлик.
Его нянька.
Кухарка.
Горничная.
Дворник.

Действие происходит на даче. Небольшая комнатка, меблирована как детская. Маленькая кроватка, детский гарнитур — стулья, диванчик, столик; к диванчику привязаны два детских воздушных шара. При поднятии занавеса муж и жена Симахины возятся, переставляя мебель и прибирая комнату. Вешают детские картинки, расстилают ковер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Симахина (*держа в руках детское одеяльце*). Как ты, думаешь, ему под этим одеялом тепло будет?

Симахин. Я думаю, тепло. (*Внимательно разглядывает.*) Конечно! Тепло же. Лето, слава богу!

Симахина (*садясь на стул*). Ффу, устала! С утра мотаюсь... А все-таки хорошая нам идея пришла — взять

в свободную комнату какого-нибудь ребенка из города... И ему будет хорошо и нам. Ах, дети, дети... О, если бы у меня был свой... (*Задумчиво.*) О, дети,.. Цветы придорожные, украшающие счастливцам тяжелый путь горькой жизни... Почему вы так капризны и избегаете одних, принося радость другим... Но мы его будем любить, как своего, не правда ли?

Симахин. Ты права, милая... Ты права! Пусть это будет не наше дитя, но оно скрасит нам несколько месяцев одиночества...

Симахина. Одного я боюсь: может быть, мы неясно написали в объявлении, что нам нужно?

Симахин. Почему же неясно? Очень ясно! (*Вынимает из кармана газету.*) Где оно? Вот! «Молодая бездетная чета, живущая на даче в превосходной здоровой местности, имеет лишнюю комнату, которую и предлагает мальчику или девочке, не имеющим возможности жить на даче с родителями. Условие — тридцать рублей на всем готовом. Любовное отношение, внимательный уход, вкусная обильная пища». Адрес и так далее!

Симахина. А я бы больше хотела девочку. Мальчишки такие балованные...

Симахин. Да ведь мать же пишет, что тихий мальчик... Где у меня ее письмо? А, вот. (*Вынимает из кармана, читает.*) «Милостивые государи! Я спешу откликнуться на ваше милое объявление. Не возьмете ли вы мою малютку Павлика, который в этом году лишен возможности подышать и порезвиться на свежем воздухе, так как дела задержат меня в городе на все лето. А свежий воздух так необходим бедному крошке. Он мальчик кроткий, не капризный и забот вам не доставит. Надеюсь, что и у вас его обижать не станут. С уважением к вам Н. Завидонская». Видишь: кроткий, не капризный...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и кухарка.

Кухарка (*входя*). Телеграмму принесли, вот-с — распишитесь!

Симахина (*в то время как муж расписывается, распечатывает телеграмму*). Боже! Что же это такое?!!

Симахин. А что?

Кухарка уходит.

Симахина (*читает*). «Павлик будет сегодня. Сожалею, сама быть не могу, его привезет няня. Если ночью будет спать неспокойно, ничего — это от зубов. Ваша Завидонская».

Симахин (*свистит*). Фью-ю!.. Э, черт возьми!.. Что это значит, от зубов?! Если у этого парня прорезываются зубы, хороши мы будем. Он проорет целую ночь. Экая жалость, что мы не указали желаемого нам возраста. Я думал — мальчишка восьми-десяти лет, но если это годовалый младенец... благодарю покорно-с!

Симахина. Вот видишь! А ты купил ему кровать чуть не в два аршина длины. Как же его положить туда? Он свалится...

Симахин (*раздраженно*). Э! Наплевать! Мне уже кажется, что мы сделали глупость!.. Впрочем, ничего, не подохнет. Можно его веревками к кровати привязать, чтобы не падал. Но только если этот чертенок будет орать...

Симахина. У тебя нет сердца! Не беспокойся... Тебе возиться с ним не придется... Если малютка станет плакать (*мечтательно*), я ласково успокою его. Прижму к груди и тихо-тихо укачаю. Агафья! Агафья!

Входит кухарка.

Агафья! Купи в лавке манной кашки и свари на молоке... Слышишь?

Агафья уходит.

Я не знаю, что детям дают, когда зубы режутся: фиалковый корень, что ли?

Симахин (*свирепо*). Синильной кислоты дай ему.

Симахина. Володя! Стыдись...

Симахин. Что там «Володя»! «Володя»!! До тридцати лет я Володя, а все таким же дураком и остался... Изволь теперь возиться с годовалым младенцем... Черт его знает (*раздраженно прохаживается по комнате*), чем его кормить и как обращаться. Откуда мы знаем? Вдруг он через три дня ноги протянет...

Симахина. Володя!

Симахин. Что там «Володя»! Или заползет за дверь, а кто-нибудь ее откроет и раздавит младенца! Так по стенке и размажется, как клоп!..

Симахина. Бог знает что ты говоришь!.. (*Смотрит в окно.*) А вот какая-то женщина и мужчина идут через двор... Не насчет ли ребенка? Да... верно... В руках у женщины какой-то сверток. Идут сюда!

Входят нянька и Павлик — парень лет двадцати, одетый, в матроску и шапочку; он большого роста, с густым голосом и неуклюжими телодвижениями.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Нянька (*низко кланяясь*). Здравствуйте, милостивые господа! От Надежды Арсентьевны Завидонской мы. (*Бросает на кровать узел.*)

Симахина (*бросается к кроватке*). Осторожнее! Вы его так ушибете!.. Садитесь, пожалуйста!

Нянька и Павлик садятся.

Павлик (*густым голосом*). Можно закурить? (*Закуривает.*)

Общее молчание, нянька вздыхает.

Симахина. Няня, вы бы раскутали ребеночка. (*Указывает на кровать.*)

Нянька. Что вы, барыня... Там никакого ребеночка и нет... Это евонные вещи.

Симахина. А... где же он сам?

Нянька. Господи! Да вот же... (*Указывает на Павлика.*)

Симахины — он и она — вскакивают, с ужасом смотрят на Павлика. Долгая пауза.

Симахин. Это... вы... Павлик?

Павлик. Гы-гы! А то кто ж я? Собака, что ли? (*Оглядываясь.*) Так это ваша дача и есть? Ничего себе, хуже бывает. Не люблю я, правду сказать, этих дачов, а? То ли дело в городе— на каждом углу можно хлопнуть рюмаху. (*Хлопнув Симахина по колену.*) Верно, дядя?

Симахин (*морщась*). Гм... да. Конечно. Только если вы хотите, мы вас отвезем в город. Что ж вас неволить-то.

П а в л и к. Да... отвезете, как же! Матушка моя распрекрасная меня заест за это. Нет уж, поживу у вас, черт с ним! Да вы не бойтесь, я денежки-то за месяц привез... Вот тут тридцать рублей, только двух рублей не хватает, ге-ге!.. В буфете на станции тяпнул да папиросочек купил. (*Вынимает папиросу, закуривает.*) Дети есть?

С и м а х и н. Какие?

П а в л и к. Что значит какие? Собачьи, что ли? Обыкновенные дети, ваши... Есть?

С и м а х и н (*сухо*). Нет.

П а в л и к. Вот тебе раз! А зачем же эта вся мантифолия? (*Указывает на окружающее.*)

С и м а х и н а. Это мы для вас готовили...

П а в л и к. Что? Ох-хо-хо! Ги-ги-ги! (*Заливается смехом, совсем перегнувшись вперед.*) Ох-хо-хо! Ну и оригинальчики! Так это мне? Значит, я этими шариками играться должен? (*Подходит к шарам, прикладывает к ним папиросу — они лопаются.*)

Н я н ь к а. Павлик, не шали.

П а в л и к. Пошла вон, старая кочерга, не приставай! Нет, так смешно, так смешно, что просто ужас... А это что на кровати такое? (*Берет одеяльце.*) Носовой платок, что ли? (*Делает вид, что сморкается в него.*)

С и м а х и н (*хватая няньку за руку, отводит ее к авансцене, шепчет*). Нянька! Что это за безобразие? Какой это мальчик? Если я с таким мальчиком в лесу встречусь, я ему безо всякого разговора сам отдам и деньги и часы. Разве такие мальчики бывают?

Н я н ь к а (*умильно, показывая на Павлика, который поставил на нос стул и балансирует им*). Да ведь он еще такое дитё... Совсем ребенок.

С и м а х и н. Сколько ему... этому жирафу.

Н я н ь к а. Двадцатый годочек.

С и м а х и н. Какого же дьявола мать его писала, что он от зубов спит неспокойно? Я думал, у него зубы режутся...

Н я н ь к а. Где там! Уже прорезались. А только у него часто зубки болят. Вы уж его не обижайте.

С и м а х и н. Такого попробуй обидеть... Он из тебя котлету сделает. Няня, милая... забрали бы вы его, а?

Н я н ь к а. Нет уж, правов я таких не имею, чтоб сейчас забрать. Там, после месяца видно будет...

П а в л и к. Няня!.. (*Подходит к няньке, что-то шепчет ей на ухо.*)

Н я н ь к а. А? Сейчас, сейчас... Пойдем. (*Берет его за руку, уводит.*) Чего ж ты раньше-то молчал?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же без П а в л и к а и н я н ь к и.

С и м а х и н. Ну-с? (*Скрестив руки, смотрит на жену.*)

С и м а х и н а. Что «ну»?! От этого с ума сойти можно.

С и м а х и н. Твоя же была идея «ребеночка на дачу выписать». Ну, как мы от него отвяжемся?

С и м а х и н а. Ведь он нас убить тут может!.. Давай соберем кое-какие вещи да и уедем потихоньку в город.

С и м а х и н (*нервно прохаживаясь*). «Ребеночок»... Взяли!.. Материнское чувство! На груди своей хотела укачивать... Попробуй, попробуй!.. Укачай... Что там такое?

За кулисами визг, какая-то борьба, крик горничной: «Оставьте, барин! Не смейте меня руками хватать, бесстыдник. Я девушка честная!» Голос Павлика: «Ги-ги! А это у тебя грудь такая? Замечательная грудь!..» Опять визг.

Господи! Что это такое?! (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит н я н ь к а.

С и м а х и н а. В чем там дело?

Н я н ь к а (*ласково*). Павлик расшалился. Горничная там, что ли. Он чужих-то боится, особенно мужчин. К женщинам-то идет скорее, потому рос среди женщин. Вот и не дичится. Ну, я пойду, матушка-барыня. Вы уж за ним присмотрите... Кутать-то особенно не надо, ну, и без всего тоже не выпускайте... (*Уходит, кланяясь.*) Будьте здоровеньки!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С и м а х и н, входит.

С и м а х и н (*утирая пот со лба*). Действительно, младенец. Я его только что от груди отнял... Вот дьявол-то!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и П а в л и к.

П а в л и к. А у вас тут, я вижу, недурно... Ги-ги! Только есть мне хочется — до чертиков!

С и м а х и н (*строго*). Послушайте... Павлик... Если вы осмелитесь еще раз тронуть горничную, я напишу вашей матушке и отправлю вас отсюда.

П а в л и к (*усаживаясь на маленький стул, обиженно*). Подумаешь... уж и пошутить нельзя... Что она, сахарная, что ли?

С и м а х и н. Слышите? Чтоб этого больше не было!!

П а в л и к (*внимательно на него смотрит*). Вот... оно... что!.. Ага-а... Хо-хо! Не знал-с, не знал-с!..

С и м а х и н. Что вы не знали?

П а в л и к. Так-с, так-с... Понимаем-с... Ревнуете, а еще женатый...

С и м а х и н а (в *ужасе*). Серж! Что он такое говорит?

С и м а х и н. Слушайте... Это переходит границы!.. Вон отсюда!..

П а в л и к (*поднимаясь во весь свой громадный рост*). Что-о?..

С и м а х и н а. Боже! Он его убьет. (*В ужасе закрыв лицо руками, убегает.*)

П а в л и к. Что-о?

С и м а х и н. Я... хочу сказать... что не надо приставать к горничным, нехорошо.

П а в л и к (*добродушно*). Нет, дядя... Ей-Богу, если сознаться — ты свинья! Ну разве это по-товарищески? Я к тебе как к человеку приехал, а ты из-за горничной скандал подымаешь. Ведь это ж тоска, чепуха... Настю не трогай, того не трогай, этого не трогай... Кого ж тогда и трогать? Другой бы давно уже за твоей женой приударил. (*Толкает игриво Симахина плечом.*) А? Хе-хе!.. А я ж этого не делаю? Другой давно бы уже.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Входит к у х а р к а с кастрюлькой манной каши.

П а в л и к. Что тут этой кикиморе нужно?

К у х а р к а. Мальчику кашку сейчас давать, что ли?

Павлик. Это... мне? А ну, покажи-ка? Вот бабьё проклятое!.. Манной кашей меня кормить хочет... (*Берет кастрюльку, прикладывает ее к губам, выпивает все.*) Ффу! Ужасно есть хочется. Обед-то скоро?

Кухарка (*в ужасе*). Господи!.. (*Уходит.*)

Павлик. Слушайте, дядя. Коньяк-то у вас к обеду полагается, а? (*Вынимает постепенно из кармана какие-то веревки, папиросы, пустую бутылочку, яблоко; свирепо ест его.*) Слушайте... А река у вас тут есть?

Симахин. А вы рыбу удить любите?

Павлик. Рыбу? На сковородке люблю удить. Ха-ха-ха! (*Разражается страшным хохотом.*) Слушайте, дядя... А купальни есть?

Симахин. Купаться хотите?

Павлик. Мне на кой черт... Так просто... Посмотреть хотел. Бабеночки когда купаются, а?

Голос Симахиной: «Идите обедать».

Павлик (*обрадованно*). А-а, мамаша голос подает. (*С чувством.*) Хорошая она у тебя баба, дяденька!.. Верно? (*Обняв Симахина за талию.*) Коньячку-то дашь Павлику, э?

Тащит Симахина к дверям; уходят.

Сцена несколько секунд пуста. Из столовой слышны голоса: «Это что, суп? Отчего так мало? Дядя! А коньячку еще можно? Мамаша, а отчего вы не пьете? За ваше здоровье... Урра!» Шум. Кухарка пробегает с блюдом в столовую, из столовой с суповой чашкой пробегает горничная, кухарка возвращается в кухню, горничная — из кухни, так пробегают несколько раз. Потом сталкиваются.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Горничная. Суп у тебя еще есть?

Кухарка. Да все ж вылила. Неужто мало?

Горничная. Где там! Все съело... это... дите-то. И хлеба дай! Хлеба нет.

Убегают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Симахина (*вбегает, ломая руки*). Боже... Как он суп ел! Какой ужас!.. (*Плачет.*) Что мы теперь будем делать?..

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Симахин (*входит возбужденный*). Ты посмотри, как он рыбу ест... Волосы дыбом стоят. С костями, с кишками... Ну, успокойся, не плачь. (*Гладит жену по голове.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Павлик (*влетая с салфеткой на груди и с бутылкой в руках*). Куда эта дура горничная рыбу со стола стащила? Хватает, не спросясь. Где рыба? Настя! Ррыбу! Рррр!.. (*Убегает.*)

За ним уходит Симахин.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Кухарка (*входит с другой стороны*). Барыня, это что ж такое? Мы с голоду помирать должны? Супу ни капельки, хлеба ни капельки, рыбы ни крошечки. Все поел. Нешто такие ребенки бывают? Да ему полпуда мяса надо. Это что ж будет, а?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Симахин (*влетая*). Гуся! Лукерья, гуся! Тащи ему гуся. Чтоб он лопнул, проклятый! (*Садится, вцепившись себе в волосы.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Горничная. Барыня, пожалуйте ключи от буфета. Этот, который там, еще коньяку просит.

Симахина. О, господи, господи!.. (*Хочет уйти.*)

Симахин. Постой... Мне пришла мысль... (*Задумывается.*) Дай ему две бутылки... Дай!

Симахина. Подумай, что ты делаешь! Ведь он уже полбутылки выпил! Он тут весь дом разнесет...

Симахин. Дай ему! Я знаю, что надо сделать. Мы с ним сразу покончим. (*Все убегают.*)

Сцена несколько секунд пуста. Голос Павлика за сценой: «А-а, мамаша!.. Коньячок? Вот это спасибо!.. Это здорово..., Урра! Мамаша, ваше здоровье! Верно? Славная она у тебя баба, Сережа...»

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Входят Симахин, Павлик с бутылкой коньяку и со стаканом.

Павлик (*навеселе*). Это замечательно, Сережа, это по-товарищески... (*Садится за маленький столик.*) Слушай, Сережа... А ты почему не пьешь? Жена не позволяет? Плюнь на нее, брат, пей... Го-го-го!.. (*Пьет.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Входит Симахина с телеграммой в руке.

Симахина. Павлик! От мамы телеграмма. Мама спрашивает — не скучаете вы по ней?

Павлик (*глядя на Симахину свинцовым взглядом*). Какая... мама?

Симахина. Да ваша же!

Павлик. А ну ее к черту.

Симахина. Господи, за что вы ее ругаете?

Павлик (*с убеждением*). Дура! Ну куда она меня прислала? Медовая водица какая-то, чепуха. Девчоночек нет хороших... Настю не трогай, того не трогай, этого не трогай... Кого же тогда и трогать?.. (*Всхлипывает.*) Слушайте, с... сударыня! Плюнем на них, выпьем. Надоела она мне!..

Симахина. Как же вам не стыдно так говорить... Она ведь вас любит так...

Павлик. Ну, чего там она... любит! Так ей и надо! Не видал я ее любви! Вот если бы ты меня полюбила... мышоночек... (*Протягивает к ней руки, хочет встать.*) Иди сюда, милая, иди на ручки... Ну, так: туп, туп!.. Тупаньки! Тупай к папе ножками...

Симахина. Господи, какой ужас! (*Уходит.*)

Павлик (*наливая все время коньяк*). Слушай, Сережа... кто это... был сейчас, а?

Симахин. Жена моя, чудак. Да ты пей!

Павлик. Же-е-ена?.. То-то я смотрю, как будто она по-женски одета. Здешняя?

Симахин. Кто, Павлик, кто, мой милый, кто, мое сокровище?

Павлик. А? Ничего, ничего. Послушай... (*Паува.*) Кто здесь был сейчас?

Симахин. Жена же, господи!

Павлик. Чья?

Симахин. Да моя же!!! Черт!..

Павлик. Ты разве... женат? Ах, шалун такой... Когда ж ты успел, что я не видел? (*Пьет; сидит задумавшись.*) Слушайте... А где моя мама?

Симахин. Да черт с ней, пей, Павлик, пей, моя радость.

Павлик (*упрямо*). А кто это приходил? Мама?

Симахин. Мама, мама... Пей!

Павлик (*пьет; ослабевшим голосом*). Ффу, жарко! Слушайте, прохожий... Нет ли тут поблизости морей каких-нибудь? Каспийского, что ли... Черное, может?.. Ужасно покупаться хочется.

Симахин. Нет, Павлик, нет. Да ты лучше пей.

Павлик (*встает, расстегивая жилетку*). Слушайте... Тут глубоко? (*Снимает пиджак и жилет.*) Слушайте... сейчас ныр... нуть, верно? (*Делает движение к рампе. Симахин хватает его.*)

Симахин. Плюнь, не стоит... Павлик! А ты вот сразу стакан коньяку не выпьешь...

Павлик. Я? Я не выпью?! Мил...лай! не знаешь ты Павлика. (*Наливает, пьет*). Вид...дал?

Симахин. А еще... один... выпьешь? Нет, не выпьешь... куда тебе!

Павлик. Не выпью? Выпью!

Симахин. Где тебе выпить!..

Павлик. Я? Н... не выпью? (*Пьет, причмокивая, с помощью Симахина сваливается на стул, засыпает.*)

Симахин. Пей еще... Пей, милый, пей, сокровище, радость глаз моих... Пей, проклятый! Спишь? Спи, проклятый малютка, чтоб ты лопнул!.. Спи! Будешь ты меня знать. Эй, кто там! Корзину сюда большую для белья. (*Вынимает карандаш, бумагу, пишет.*) «Прошу добрых людей усыновить бедного малютку... Бог не оставит вас... Крещен, зовут Павликом».

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Дворник и кухарка вносят корзину.

Симахин. Так... Кладите его. Вот так. Простыней покройте! Записку сюда ему!.. Теперь ты, Дорофей, закроешь корзину, отвезешь на станцию и сдашь на товарный поезд, до Севастополя. Пусть едет. Ах, да! Соску ему положить надо. (*Кладет в корзину бутылку коньяку, закрывает ее. Обращаясь к публике.*) Эх, судьба! Хоть детей своих и нет, а подкидывать ребенка вот... приходится. Тащите!!.

Занавес

КОГОТОК УВЯЗ –
ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ

(*Сконцентрированная драма*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Смиренномудров, помещик средних лет
с добродушным и веселым лицом,
одет прилично, скромный, непьющий.
Хозяин, человек болезненной наружности, хрупкий.
Хозяйка дома, жена его.
Горничная.
Кухарка.

Гость Гостья Гость Гостья Гость Гостья и т.д.	сообразно с количеством артистов в труппе.

Перед началом пьесы выходит режиссер во фраке и обращается к публике.

Режиссер. Многоуважаемые господа зрители... Имею честь предупредить дам и вообще слабонервных людей, что драма «Коготок увяз – всей птичке пропасть» носит такой тяжелый, потрясающий характер, что едва ли лица с расшатанными больными нервами смогут ее

смотреть без тех нежелательных эксцессов, которые вызывают все вообще драмы типа Гран-Гиньоль... Сконцентрированный характер безысходного ужаса, которым проникнута вся пьеса «Коготок увяз — всей птичке пропасть», обязывает нас сделать предупреждение: пусть нервные люди покинут зал на все время представления этой тяжелой, потрясающей драмы...

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Смиренномудров (*показывается в дверях гостиной*). В комнате никого нет. Ну-с... Давненько я тут не был. Из именья-то приезжать мне трудно, лошадок не хочется беспокоить, да и кучер, бедняжка, устает преизрядно от этих поездок. С другой стороны, думаешь: не вовремя приехал, хозяев обеспокоил... Да и прислуга их тоже, вероятно, затрудняется такими визитами: пальто снять нужно, то да се... А радости-то она, прислуга, видит какие в своей горемычной жизни? Никаких... (*Шагает по гостиной, подходит к окну.*) Ба... Что это? Бумага от мух... Боже, какая жестокость... Эти люди прямо-таки хуже всяких зверей. (*Наклоняется к липкой бумаге.*) Что ты, бедненькая? Что ты жужжишь? Лапки завязила, моя крошка, и не можешь отклеиться. (*Утирает слезы.*) Бедное, несчастное существо... Дай я помогу тебе... (*Говорит ласково, как с ребенком.*) Ну, ну, не будем нетерпеливы, а то повредим лапку и нам будет больно. Вот так... А теперь, моя милая мушка, я перенесу тебя на стол и положу на бумагу, пока ты обсохнешь и отойдешь от пережитого потрясения. А тогда можешь себе и полетать... понаслаждаться жизнью. Вот. Пойдем сюда, мушиная твоя душа. (*Несет бережно муху на ладони, оглядывается.*) Что же это не видно дорогого хозяина? Мне так хочется прижать его к своей груди... (*Кладет муху на стол.*) Вот ты здесь полежи, а я пойду посмотрю, не влопался ли еще твой товарищ. Эх, сколько обиды и горести на свете... Видел сейчас птичку, мальчишка крыло ей перешиб. До чего было мне жаль бедняжку... Смотрит этак глазом жалобно и тихо-тихо пищит: «Пи-и... пи-и».

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит хозяин дома, худой, болезненный; Смиренномудров радостно расставляет руки и кричит.

Смиренномудров. А, Иван Прокофьич... Неизмеримо рад видеть тебя... Позволь крепко прижать тебя к своему сердцу... (*Обнимает хозяина дома и крепко прижимает его к груди.*)

Хозяин, застонав, опускает набок голову и виснет на его руках.

Здравствуй, Ваня. Да что ты будто на ногах не стоишь? Хе-хе... Выпил лишнее, что ли?.. (*Всматривается в его лицо и бледнеет.*) Что это... Не дышит... И изо рта кровь... Боже, что с ним! Неужели... Да нет... Не может быть... Неужели я его задушил в своих объятиях. Боже, какой ужас... (*Кладет хозяина на пол и слушает его сердце.*) Сомнений нет... Он не дышит, и около него лужа крови... О, проклятие, я раздавил своего друга. (*Стоит в оцепенении над трупом, безумный взгляд, ломает руки, дрожит, озирается.*) Боже мой, Боже мой... (*Тихо рыдает.*) Две христианские душеньки загублено... Еще невинного мученика Господь, может быть, примет в лоно свое... А я, грешный... Что мне. делать с собой? Пойти разве упасть перед народом на колени и повиниться. «Простите, люди добрые. Не хотел я души невинной губить, наоборот, ласку хотел показать, прижал его, любя, к своей груди...» Да не поверит ведь никто. Схватят меня, закуют в кандалы и судить будут... Скажут: ты убийца, ты зверь, ты Иуда-предатель... Тебе понадобилась невинная кровь друга твоего. Что делать... Что делать? (*Дико озирается.*) Где выход? Где спасение? Что это? (*С расширенными от ужаса глазами прикладывает палец к губам.*) Что я слышу? Шаги? Сюда идут? Неужели погибать? Нет, нет... Может, все обойдется. Я спрячу концы в воду... «Убегу, как-нибудь скроюсь... Тсс... Шаги ближе...

Смиренномудров берет труп, тащит его к окну, усаживает на подоконник и закрывает портьерой. Полминуты стоит в раздумье, глядя на кровавую лужу на полу. Хватает подушку с дивана и покрывает ею

пол. Озирается. Делает над собой усилие и принимает непринужденный вид... Входит хозяйка.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Хозяйка. А, здравствуйте, Смиренномудров... Забыли нас, забыли... Мы все так любим вас, а вы так редко нас посещаете. Очень рада видеть вас... Как поживаете?

Смиренномудров (*в сторону*). Какая пытка... (*Вслух.*) Благодарю вас... хе-хе... Вы как?

Хозяйка (*садится на диван*). А где же Иван Прокофьич?

Смиренномудров (*смотрит исподлобья*). Иван Прокофьич... Какой Иван Прокофьич?

Хозяйка (*смеясь*). Как какой же? Мой муж. Ха-ха... Что это вы так смотрите? Ведь это же ваш лучший друг...

Смиренномудров (*дрожит*). Да, да... Иван Прокофьич...

Хозяйка. Куда же это он делся?

Смиренномудров. Иван Прокофьич... Не знаю... (*В сторону.*) Какая, пытка.

Хозяйка. Да как же? Ведь он минуту тому назад был здесь. Иван Прокофьич, а Иван Прокофьич... Ах, плутишка, наверно, подшутить над нами хочет, спрятался куда-нибудь. Ха-ха...

Смиренномудров (*бледный*). Ха-ха... (*В сторону.*) Какая пытка...

Хозяйка. Почему это диванная подушка на полу?.. Вероятно, Иван Прокофьич нечаянно свалил...

Смиренномудров. Пусть себе лежит.

Хозяйка. Нет, это не порядок... Диванная подушка должна лежать на диване.

Смиренномудров. Пусть лежит как есть... Так красивей...

Хозяйка. Да нет, ведь это не принято, чтоб диванная подушка валялась на полу. Надо бы поднять ее...

Смиренномудров. Я вас очень прощу, пусть лежит себе на полу. Так гораздо... (*отходит и* с *деланным удовольствием смотрит в кулак, любуясь подушкой*) декоративнее...

Хозяйка (*нерешительно*). Нет, я должна ее поднять...

Смиренномудров (*с беспокойством в лице*). Настойчиво и усиленно прошу вас: не поднимайте ни в каком случае...

Хозяйка. Да почему же?

Смиренномудров. Пусть себе лежит... Это самая последняя мода — диванная подушка на полу. Очень красиво... (*В сторону.*) Какая пытка!..

Хозяйка. Мне, право, странна ваша настойчивость... Я чувствую, что я должна поднять эту подушку...

Смиренномудров. Не поднимайте.

Хозяйка. У меня какое-то тяжелое предчувствие. Сердце мое сжимается. О, нет, я чувствую, что должна поднять эту подушку... О, мое сердце... (*Бросается к подушке и поднимает ее.*) Что это? Что здесь? Кровь...

Смиренномудров (*с деланным спокойствием.*) Нет. Это— красные чернила. Я принес вам банку в подарок и нечаянно разлил на ковер... (*В сторону.*) Какая пытка...

Хозяйка (*с недоумением*). Чер-ни-ла? Да разве банки с красными чернилами носят в подарок?

Смиренномудров. Носят.

Хозяйка. Тогда почему же у меня сердце так сжимается?!

Смиренномудров. Перемена погоды... (*В сторону.*) Какая пытка...

Хозяйка (*всматриваясь*). Что это там такое, как будто сидит у окна, за портьерой... Как будто мужская фигура — и не шевелится... А мужа нет... Муж-жа нет... Смиренномудров, где мой муж? Почему так болит мое сердце? Смиренномудров, я посмотрю, что это за неподвижная фигура сидит у окна...

Смиренномудров (*стараясь сохранить хладнокровие*). Не смотрите... Сидит и пусть сидит... (*В сторону.*) Какая пытка...

Хозяйка. Я должна посмотреть...

Смиренномудров (*яростно*). Не смотррррррите...

Хозяйка (*хватаясь за сердце*). Это — муж там... (*Подходит к портьере и с криком отдергивает ее.*) О, убийца... Ты убил его... На помощь, ко мне, сюда... Полицию... Поли...

Смиренномудров (*дрожит как в лихорадке; неожиданно бросается к хозяйке и хватает ее за горло*). Молчи, ты меня погубишь...

Хозяйка. Крррр... Хррррр...

Смиренномудров (*опуская ее на пол*). Тсс... что это? (*Всматривается.*) Неужели? Задушил... Боже, что я сделал... Куда я падаю... (*Берет труп хозяйки и прячет за портьеру.*) Теперь бежать...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Горничная (*входя*). Барыня, там модистка... (*Оглядываясь.*) А где же барыня?

Смиренномудров. Барыня? Какая барыня?

Горничная. Да моя же, Господи...

Смиренномудров. Она вышла немного погулять по улице... душно, знаете...

Горничная. Да как же она могла выйти, если я все время у парадных дверей была.

Смиренномудров (*растерянно*). Она... в это самое... в окно вылезла... теперь везде... в Англии даже... Эксцентричные дамы... (*В сторону.*) Какая пытка...

Горничная. Ой, барин... Что я вижу... Кровь на ковре...

Смиренномудров. Да, дда... Это кухарка кур тут к обеду резала... (*В сторону.*) Какая пытка... (*Вслух.*) То есть нет... Это я гулял, споткнулся о ковер и разбил себе нос...

Горничная. Смотрите... Около лужи гребень барыни... (*Смотрит, бледная, на Смиренномудрова.*) Ой... Пойду уж я... (*Поворачивается, чтобы уйти.*)

Смиренномудров (*хрипло*). Нет, ты не уйдешь... Ты слишком много видела. (*Хватает тяжелый стул.*) Слишком было бы глупо погибнуть из-за тебя... (*Опускает стул на голову горничной.*) Так-то лучше... (*Безумно.*) Ха-ха... Мертвые не говорят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кухарка (*появляясь в дверях*). Барыня, там корицы нужно купить...

Смиренномудров. Какой корицы?.. Что за корица... Среди бела дня — вдруг корица!.. (*В сторону.*) Какая пытка...

Кухарка. Что это? Никак Ульяна на ковре лежит?

Смиренномудров. Да... Это она спит... Намаешься, знаете, за день... Туда сбегай, сюда сбегай... Надо же, как это говорится, и отдохнуть...

Кухарка. Да тут кровь... Ой же ж, Господи... Пантелеймон-целитель... сорок мучеников... Фрол и Лавр... (*Поворачивается, хочет бежать.*)

Смиренномудров. Ха-ха... Нет, ты не уйдешь, старуха... (*Втаскивает ее в гостиную и убивает стулом.*) Теперь бежать...

Голос в передней. А мы к вам, душенька... Почему это у вас парадная дверь открыта и в передней никого нет?...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гость и гостья (*входя*). Здравствуйте...

Смиренномудров. А... Здравствуйте... Как поживаете? (*В сторону.*) Какая пытка...

Гость и гостья (в *ужасе*). Что это? Почему они лежат?

Смиренномудров (*растерянно*). Да это так просто... Пьяные какие-то... Пришли и легли... Такое безобразие... Вы не обращайте внимания... Садитесь, пожалуйста. (*В сторону.*) Какая пытка...

Гость и гостья. Но... на... них кровь... Они убиты... Пойдем скорее, Поль...

Смиренномудров (*безумно*). Куд-да?!. О, вы слишком много видели... Ха-ха... (*Хватает стул и опускает его поочередно на головы гостя и гостьи.*) Умрите, проклятые... Теперь бежать.

Голос в передней. А мы, знаете, прогуливались... Дай, думаем, зайдем к вам... Жарко нынче как, голубушка...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гость и гостья (*показываются последовательно из дверей.*) Господи Иисусе... Что это...

Смиренномудров. Это?.. А вот что... (*Хватает стул.*) Это заставит вас не быть любопытными... Ха-ха-ха... (*Бьет стулом.*)

Они падают... Тишина. Смиренномудров, опустив голову, стоит со стулом и к чему-то прислушивается. Длинная пауза. Переминается с ноги на ногу, оглядывается и, бросив стул, подходит к рампе.

Ха-ха-ха... Чьи это кровавые руки тянутся ко мне? Модистка пришла, а корицы нет... Нет корицы... Где же корица?.. Где правда человеческая? О чем это вдали

плачет скрипка?.. Кого она хоронит?.. Мальчик перешиб птичке крыло, а она так: «Пи-и... пи-и...» (*Плачет.*) Красненькая птичка такая... (*Шепотом.*) Что это? Что это? Она растет... Это не птичка... Это женщина... (*Леденящим хохотом.*) Ха-ха-ха-ха-ха... Я хочу преклонить свою голову на диванную подушку... Красненькая подушечка... (*Задумчиво.*) Красненькая такая... да, гм... гм... (*Отходит* в глубь *сцены и заглядывает в дверь. Снова берет стул.*)

Из-за двери показывается голова режиссера.

Ну?

Режиссер (*тихим голосом*). Что «ну»?

Смиренномудров (*нетерпеливо*). Почему никто больше не идет?

Режиссер. Да некому больше и идти... Всех поубивали...

Смиренномудров (*шепотом*). Не может быть... Там еще кто-нибудь остался... (*По привычке.*) Какая пытка!..

Режиссер. Уверяю вас, никого... Не выпускать же мне вам театрального плотника...

Смиренномудров (*мрачно*). Где же остальные актеры?

Режиссер. Да все они вон и лежат на сцене... вся труппа.

Смиренномудров (*молчит, потом презрительно*). Ну и труппочка... Полтора человека... (*Бросает стул, садится, вынимает папиросу и хладнокровно ее закуривает.*)

Занавес

ТОВАРИЩ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Макс Двуутробников, Подходцев — друзья.
Зоя, невеста Макса.
Следователь.
Городовой.
Дворник.

Сцена представляет собой кабинет. В мягком кожаном кресле сидит, покуривая сигару, Подходцев — молодой, веселый господин. Его приятель Макс Двуутробников, тоже молодой, но мрачный господин, во фраке и белых перчатках, озабоченно шагает по кабинету, скрестив руки и бормоча что-то под нос... Изредка подходит к зеркалу, кланяется, становится на одно колено, прикладывает руку к сердцу, будто что-то репетируя... Подходцев следит за ним ироническим взором; оба молчат с минуту.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Подходцев. Так, так... Вот оно что-с.
Двуутробников. Да, брат, да...
Подходцев. Этак, значит.
Двуутробников. Вот так, брат, именно так.

П о д х о д ц е в. Теперь я, конечно, понимаю. Понимаю, почему ты явился сюда, напялив на себя фрак.

Д в у у т р о б н и к о в. «Напялил», «напялил»! Просто взял и надел.

П о д х о д ц е в. Нечего сказать — просто. Ведь ты приехал сюда таким чучелой — зачем? Делать предложение?

Д в у у т р о б н и к о в. Делать предложение.

П о д х о д ц е в. Ну и дурак.

Д в у у т р о б н и к о в (*машинально*). Ну и дурак. (*Приостанавливаясь.*) То есть почему, собственно, дурак?

П о д х о д ц е в. Да ведь ты же приехал зачем? Делать хозяйской дочке предложение?

Д в у у т р о б н и к о в. Предложение.

П о д х о д ц е в. Ну вот, значит, и дурак.

Д в у у т р о б н и к о в (*сердито*). Ты умный! Ты гениальный! Хотел бы я знать, что ты делал бы на моем месте?

П о д х о д ц е в. Постой... Да ты, значит, уже раскаиваешься.

Д в у у т р о б н и к о в. Нет, я не раскаиваюсь, я даже очень рад, я чрезвычайно рад... Но дело, видишь ли, так уже далеко зашло, что назад никак не вернешься.

П о д х о д ц е в. Бедный ты, бедный. Я уж знаю — эти штуки ужасно просто делаются... Хочешь, расскажу тебе, как было дело? Однажды, когда никого из твоих близких не было в комнате, ты ни с того ни с сего взял да и поцеловал ее в физиономию... У них иногда, действительно, бывают такие физиономии... забавные. Кой черт тут удержится! Ну-с, значит, чмокнул ты в самую середину физиономии, а она, конечно, как акробат сразу — трах! — и повисла у тебя на шее. «Ах, ах, что вы делаете?!» — «Ах, ах, я вас люблю!» — «Да не может быть, очень приятно!» — «Ах, ах, я без вас жить не могу». — «Ну, что ты! Спасибо, мерси, благодарю вас! Садитесь, пожалуйста...» Было так? Говори.

Д в у у т р о б н и к о в. Гм!.. Ты немножко оригинально излагаешь, но кое-что похоже. Ничего не поделаешь, брат. Глупость сделана.

П о д х о д ц е в. Слушай, Максик... А назад нельзя?

Д в у у т р о б н и к о в. Что ты! Я порядочный человек.

П о д х о д ц е в. Ну, что ты говоришь! Жалко, жалко... Но все-таки я думаю, что все это дело еще можно расстроить.

Двуутробников. Ну как, как, как, как?!!
Подходцев. Так, так, так, так... Мало ли есть способов.
Двуутробников. Например?!
Подходцев. Ну, не мог ли бы ты... гм... поколотить ее отца, что ли? Тогда, я думаю, дело сразу бы и расстроилось, а?
Двуутробников. То есть как поколотить? За что?
Подходцев. Мало ли... Причину всегда можно найти... Явиться не в своем виде прямо к старику. Ты что, мол, старый дурак, делаешь? Газеты читаешь! Вот тебе газета! Да и по голове его!
Двуутробников. Идиот!
Подходцев. Он?
Двуутробников. Ты.
Подходцев. Так-с.
Двуутробников. Ах, если бы она меня разлюбила.., Не было бы на свете человека счастливее меня!..
Подходцев. Максик! (*Встает с кресла.*) Макс! Друг! Хочешь, я это сделаю? Хочешь, она тебя разлюбит?
Двуутробников (*скептически*). Может быть, ты ее собираешься поколотить?
Подходцев. Фи, что ты... Я ведь порядочный человек.
Двуутробников. И ты тоже? Боже, сколько порядочных людей развелось! Что же ты сделаешь, ну, говори?
Подходцев. Гениально и мило! Я просто пять минут только поговорю с твоей невестой и в разговоре, ну... немного преувеличу твои недостатки.
Двуутробников (*задумывается, радостно*). Руку! Замечательная идея. Поддержи, милый, товарища! Только знаешь, ты не стесняйся!!. Можешь унижать меня сколько влезет. Можешь, например, сказать, что я транжирю деньги, что я не могу увидеть, нищего без того, чтобы ему все не отдать... Что я всегда лезу куда не надо... Пожар — я бросаюсь в огонь спасать вещи, человек тонет — я как дурак бросаюсь.
Подходцев. Хорошие недостатки! Нет, уж ты меня не учи... Сам знаю...

За дверью слышны женские шаги, пение.

А вот и невеста грядет в полуночи. Уходи!

Двуутробников. Ну, я на минутку пойду в комнату старухи, а ты тут действуй. (*Целует его и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Зоя, красивая молодая девушка.

Зоя. А-а, Подходцев... Наконец-то вы к нам собрались... Здравствуйте! А где же Макс?

Подходцев (*удивленно*). Макс? Какой Макс?

Зоя. Ну, будто бы у нас десять Максов бывает! Двуутробников Макс.

Подходцев. А-а... этот. Я все не мог привыкнуть, что его называют Максом Двуутробниковым.

Зоя. Как... не можете... привыкнуть?

Подходцев (*торжественно*). Зоя Николаевна! Я к вам настолько хорошо отношусь, что считаю долгом порядочного человека откровенно рассказать вам кое-что...

Зоя. А кто же он?

Подходцев. Он?

Пауза.

Он? Вы читали в прошлом году об убийстве в Москве старого ростовщика? (*Значительно.*) Убийца его, студент Зверев, до сих пор не найден... Теперь вы понимаете?

Пауза.

Зоя (*растерянно*). Нет... Я ничего не... понимаю.

Подходцев (*подчеркивая*). Теперь! Вы! Понимаете!

Зоя. Подходцев! Что вы говорите! Вы меня с ума сведете! Вы лжете!

Подходцев (*горько смеется*). Лгу? Да... Я лгу! Так всегда говорят людям, которые предупреждают несчастье...

Зоя. Я с... с ума... схожу!

Подходцев. Еще бы! Я сам хожу как потерянный с тех пор, как узнал этот стрррашный факт.

Зоя (*опустив голову, скорбно*). Боже мой, Боже мой... Такой симпатичный, скромный, непьющий...

Подходцев. Это он-то непьющий? Потомственный, почетный алкоголик. Говорит, говорит с вами, вдруг — трах! Рукой по столу: «Вот ты, говорит, попался».

Зоя. Кто попался?

Подходцев. Чертей ловит. Зелененькие такие, мохнатенькие. Ужас! Вчера он у вас не был?

Зоя. Не был.

Подходцев. Понятно. В участке ночевал. Бьют их там сильно. Вечно синий от синяков ходит. А по ночам все убитым ростовщиком бредит. Да вот вы, если выйдете замуж, — наверное, услышите ночью.

Зоя. С ума можно сойти... Господи! Ведь он был такой добрый... Когда умерла его тетка, он пришел к нам и навзрыд плакал...

Подходцев. Неужели плакал? Талантливый комедиант... Гм! Плакал... Если бы отрыть эту тетку да произвести экспертизу внутренностей... Да... Теперь я догадываюсь, зачем он у меня банку стрихнина взял.

Зоя. Господи! Вы думаете...

Подходцев (*пожимая плечами*). Уверен.

Зоя. Боже, Боже... Но каково его сестре?

Подходцев. Какой сестре?

Зоя. Его... сестре.

Подходцев. Ребенок вы! Полноте... Какая она ему сестра... Вы меня спросите! У них в Могилеве была фабрика фальшивых монет, а познакомились они в Киеве, где оба обобрали сонного сахарозаводчика. Вот вам и сестра!..

Зоя. Господи... У меня в глазах мутится... Вы знаете? Ведь он собирался на мне жениться... Вы знаете... Намекнул, что сегодня сделает предложение.

Подходцев. Знаю! Он говорил вам о своем намерении покататься после свадьбы по Черному морю?

Зоя. Да... Мы так мечтали!..

Подходцев (*сурово*). Ага! «Мечтали»! А говорил он вам, что собирается заехать с вами в Константинополь?

Зоя. Нет, не говорил.

Подходцев. Так. Скрыл, значит. А собирался, собирался...

Зоя. Зачем?

Подходцев. У него, видите ли, были два плана. Один — пустить вас в продажу на константинопольский рынок невольниц. Другой план — застраховать вас, а потом, при переезде на лодке в Яффу, опрокинуть лодку и потом... Понимаете? Получить страховую премию.

Зоя. Подходцев!.. Один вопрос: значит, он меня не любил?

Подходцев. Видите ли... У него, собственно, есть любовница, француженка Берта Канотье, отбывшая в прошлом году наказание в Сен-Лазаре за кражи и разврат.

Зоя (*вскочив, со сверкающими глазами*). Ах... так?! Ну, этого я ему никогда не прощу...

Подходцев. И не прощайте! С какой стати... Я вас вполне понимаю.

Пауза.

Кстати, у вас столовое серебро в целости? Не пересчитывали?

Зоя. Ка-к? Неужели он дошел и до этого?!

Подходцев (*снисходительно*). Жить же надо! Впрочем, я ничего не скажу... Не люблю сплетничать... Ненавижу бабские сплетни!.. Но вчера я видел у него в боковом кармане две серебряные ложки с инициалами вашей доброй мамы.

Пауза.

Салфетки тоже...

Зоя. Я знаю, что мне делать! (*Схватившись за голову, убегает.*)

Подходцев (*вслед ей*). Портсигар тоже, папы вашего! Часы! Столовые! Шубу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Подходцев (*один, обращаясь к публике*). Поддержал товарища. (*Прохаживается по кабинету. К публике.*) Ловко, а? Как бомба вылетела! Хе-хе!

Входит Двуутробников.

Двуутробников. Ну... что?

Подходцев. Готово.
Двуутробников. Может быть, ничего не вышло?
Подходцев. Вышло, брат, вышло.
Двуутробников. Так что... Предложение можно и не делать?
Подходцев. Предложение? Попробуй-ка. Сунься.
Двуутробников. Ты сказал, что я деньги швыряю на нищих, как дурак?
Подходцев. Я другое сказал, получше.
Двуутробников. А она что?
Подходцев. Что же она... Плачет.
Двуутробников. Плачет? Хе-хе! Так ей и надо. Ты бы ее напугал еще как-нибудь. Сказал бы, что я по ночам храплю, что ли.
Подходцев. Я сказал, что ты по ночам бредишь ростовщиком!..
Двуутробников. Ростовщиком? Это ловко придумано. Действительно, кому охота водиться с ростовщиками. Ха-ха!
Подходцев. Еще бы. Ну, я пойду, брат.
Двуутробников. Уже? Ну, прощай, брат. Большое тебе спасибо. Никогда не забуду!
Подходцев. И не забывай, брат. Разве можно забывать? Забывать друзей нехорошо. Ну, ты здесь расхлебывай, а я побегу. (*Целует Макса, гладит по голове; уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Двуутробников один; он ходит довольный по кабинету, мурлыча под нос какой-то мотив. Мотив делается громче, Двуутробников приплясывает... Дверь отворяется. На пороге показываются судебный следователь, городовой и дворник. Из-за спины их выглядывает Зоя. На половине одного замысловатого па Двуутробников застывает как статуя.

Следователь. Он?
Зоя. Да... Он.

С л е д о в а т е л ь. Студент Зверюгин!! Вы обвиняетесь в убийстве в Москве ростовщика; в устройстве фабрики фальшивых монет, в торговле живым товаром на константинопольских рынках и в отравлении вашей тетки!!! Признаете вы себя виновным? Предупреждаю вас, что правосудию все известно и запирательство ни к чему не поведет. Взять его!

Д в о р н и к и г о р о д о в о й берут Д в у у т р о б н и к о в а под руки; он опускается вниз, свисает на их руках, как безжизненный труп. Картина.

З а н а в е с

БЕЗ СУФЛЕРА

ПЬЕСЫ И МОНОЛОГИ

(1916)

чёртова дюжина

ПЬЕСЫ

ДЕТОЧКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ольга Михайловна Соболева,
молодая красивая дама.
Подходцев, молодой господин.
Чебоксаров, его друг,
пассажир того же вагона.
Носильщик.

Место действия — двухместное купе вагона первого класса.
При поднятии занавеса на диване в удобной позе лежит Подходцев. Читает книгу. Вечер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Подходцев (*опуская книгу*). Что же это она не идет? Задержало ее что-нибудь, что ли? Как быстро вечер-то наступил... А люблю я ездить по железной дороге: лучшее мое удовольствие...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Чебоксаров.

Чебоксаров. Фу, ты, черт! Не в свое купе попал... Ба! Да это ты, Борис?! Сколь приятная неожиданность. Тоже едешь?

Подходцев (*лениво, не вставая, подает руку*). Пока поезд стоит — не еду. Поезд тронется, и я тронусь.

Чебоксаров. Ты, кажется, один в купе? Счастливец!

Подходцев. Нет, не один. Со мной дама.

Чебоксаров (*игриво смеясь*). Ну? Хорошенькая?

Подходцев. Да, женщина она красивая.

Чебоксаров. И, наверное, уже успел познакомиться? Хи-хи... (*толкает его локтем в бок*).

Подходцев. Уже. Успел. Я с ней четыре года знаком. Это — Ольга Михайловна Соболева.

Чебоксаров. Ольга Михайловна? И ты с ней едешь вдвоем в купе?!

Подходцев. Послушай ты, как тебя там... Молодой человек! Не вздумай предполагать каких-нибудь гадостей. Я Ольгу Михайловну давно знаю, уважаю ее, но абсолютно никаких чувств к ней не питаю. Да, думаю, что и она ко мне тоже.

Чебоксаров. Чудеса в решете! Зачем же в таком случае вы едете вместе?!

Подходцев. Очень просто: как-то в разговоре я сказал, что собираюсь на будущей неделе в Одессу, Ольга Михайловна тоже сказала, что собирается на будущей неделе в Одессу. Она собирается в Одессу, я собираюсь в Одессу... Ну, вот... чтобы не было скучно, и решили ехать вместе...

Чебоксаров (*после паузы; убежденно*). Знаешь, кто ты? Ты — идиот!!

Подходцев. Первый раз слышу.

Чебоксаров. Кретин ты.

Подходцев (*смеясь*). Ну, уж это ты преувеличиваешь.

Чебоксаров (*горячо*). Да пойми же ты, дубовая голова, что ты сам, своими руками, испортил все путешествие... Ехать с женщиной, да еще с хорошенькой, да еще с капризной, да еще не с женой, не с возлюбленной, а с простой посторонней женщиной — да ведь это с ума можно сойти!! (*С пафосом.*) Отныне ты не будешь знать ни дня, ни часа! Ты будешь ее лакеем, горничной, носильщиком, кормильцем и поильцем. Ты будешь отвечать за все забытые ею вещи, за опоздание на поезд, за отсутствие свободных мест, за то, что дует из окна, или за то, что жарко. Рано утром ты

должен разыскивать для нее мыло и зубной порошок, который она забыла, и бегать на станцию за чаем. Ночью ты должен будешь сторожить, чтобы никто не вошел в купе, а также поправлять ей плед, которым она покрыта и который у нее сползает ежеминутно. В 4 часа утра у нее разболятся зубы, и ты побежишь за лекарством... О вещах ты должен заботиться — о ее и о своих, номер в гостинице должен искать для нее и для себя, составлять меню обедов для нее и для себя... Нет, ты форменный глупец.

Подходцев (*спокойно*). Что же делать!

Чебоксаров. Проклянешь день и час своего рождения!

Подходцев. Я никогда не был особенно счастлив.

Чебоксаров. Завтра уже ты будешь рад повеситься!!

Подходцев. Посмотрим.

Чебоксаров. Она тебя замотает, задергает!

Подходцев. Посмотрим.

Чебоксаров. Заладил, дуралей! «Посмотрим, посмотрим!» Мне-то все равно, а ведь ты же после плакаться будешь...

Подходцев. Посмотрим.

Чебоксаров (*в негодовании*). Тьфу!

Подходцев. Плевательница там — в углу налево, в коридоре.

Чебоксаров. Что-о? А, ну тебя! И разговаривать-то с тобой противно! (*убегает*).

Подходцев (*снова укладывается с книгой*). Интересная книга... Надо дочитать главу...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Влетает Ольга Михайловна.

Ольга Михайловна. Как?! Вы здесь? По всему поезду вас ищу!! Чего же вы молчите?

Подходцев (*медленно вставая*). А, здравствуйте... Как поживаете?

Ольга Михайловна. Почему вы здесь сидите? Что вы тут делаете?

Подходцев. Я не сидел. Я лежал.

Ольга Михайловна. Почему же вы именно сюда забрались?

Подходцев. А я этого... спрашиваю тут какого-то... околоточ... нет, кондуктор, что ли... Много, говорю, мест

свободных? Говорит — много. Нынче, говорит, мало едут. Я и зашел.

Ольга Михайловна. Позвольте... Да билеты-то вы взяли?

Подходцев. (*удивленно*). Какие билеты?

Ольга Михайловна. Какие? Театральные! Только вчера родились вы, что ли? Билеты-то нам нужны или нет? Или мы поедем по метрическому свидетельству?

Подходцев. (*садясь на диван, задумчиво*). Положим — верно. Билеты-то взять бы и не мешало...

Ольга Михайловна. Так возьмите!!

Подходцев. Да где же их там возьмешь... тут такая суматоха, право. (*Выглядывая в окно.*) И кассы не найдешь, ей-Богу...

Ольга Михайловна. Вот еще дитя беспомощное!! Скажите носильщику — он и купит!

Подходцев. А если он убежит с деньгами?

Ольга Михайловна (*раскладывая принесенные с собой коробки и небольшой сак*). Как так убежит? А номер его для чего же?

Подходцев (*махнув рукой*). Э, что там номер. Память у меня самая идиотская... Ей-Богу! Обязательно забуду номер.

Ольга Михайловна. Если плохая память — запишите!

Подходцев (*беспомощно*). Записать? У меня нет карандаша...

Ольга Михайловна. Боже ты мой! Долго вы еще будете тут ныть? Поезд отойдет, и мы рискуем остаться без билетов!

Подходцев. Да, знаете ли... Нет ничего легче этого. Отойдет поезд, а там неприятности, придирки, протокол... (*Прислушиваясь.*) Тссс! Да вот кажется и первый звонок.

Ольга Михайловна. (*вскакивая*). Боже ты мой! Что же это будет?! Где теперь искать носильщика — пойду уж сама возьму! Вот уж спутника мне Бог послал!

Подходцев. Послушайте...

Ольга Михайловна. (*приостанавливаясь*). Ну, что?..

Подходцев. Только хорошо бы так взять места, чтобы не пересаживаться. Эти места номер 13 и 14.

Ольга Михайловна. Без вас знаю! Эх, вы, мужчина! Как не стыдно! (*убегает*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Подходцев один.

Подходцев (*глядит в окно, посвистывая; потом берет книгу, удобно укладывается на диван*). Люблю я ездить по железной дороге. Тепло, удобно... Лишь бы только она на эти самые места билеты достала... (*Пауза.*) Вот еще чего я не люблю — это пересадок. Когда я один — совершенно теряюсь. Впрочем, вдвоем — куда легче. (*Пауза. Читает.*) Интересная книга. Очень увлекательно написана. (*За окном на перроне обычный шум, суета, крики. Слышен второй звонок*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вбегает Ольга Михайловна.

Ольга Михайловна. (*запыхавшись*). Насилу успела взять билеты. (*Суетится.*) Все вещи здесь? Кажется, все. А где же ваши вещи?

Подходцев. Мои? (*Задумывается*). Вот оказия! Я их положил в буфете первого класса около последнего окна и ушел.

Ольга Михайловна. Так чего ж вы сидите! Уже первый звонок был!! Идите скорей, а то без вещей уедете.

Подходцев (*садясь на диван*). Все равно, теперь, я думаю, уже и поздно, а?

Ольга Михайловна. С ума вы сошли! Ведь вещи пропадут.

Подходцев. Да уж это верно. Если их не взять, так они там и пропадут.

Ольга Михайловна. Так — берите!!

Подходцев. А... не поздно ли? Я думаю, уже поздно, не успеть.

Ольга Михайловна. (*возмущенно*). Что это за человек!!! (*Бросается из дверей в коридор. Слышен ее крик.*) Носильщик! Носильщик! Вы свободны, носильщик? Пойдите принесите из буфета вещи. Чемодан (*кричит в дверь Подходцеву.*) Эй вы! у вас чемодан?

Подходцев (*спокойно*). Чемодан.

Ольга Михайловна. Больше ничего?

Подходцев. Ничего.

Ольга Михайловна. (*в коридоре*). Так вот, носильщик, принесите чемодан. Он у последнего окна, в буфете лежит. (*Возвращается.*) Ну-с? (*Упершись руками в бока, победоносно смотрит на него.*) Что я вам должна сказать на все это?

Подходцев (*невинно*). А что? Разве что-нибудь случилось?

Ольга Михайловна. Что случилось? Ну, знаете ли... затрудняюсь, как это и назвать! Как вы думаете, если бы не я — уехали бы мы сегодня?

Подходцев. Что вы! Ни за что бы не уехали. А знаете — вы, все-таки, молодец. Я прямо удивляюсь, как это вы так хорошо разбираетесь во всех этих железнодорожных штучках.

Ольга Михайловна. В каких штучках?

Подходцев. Вот в этих билетах... носильщиках, звонильщиках, поездах. Тут сам черт ногу сломит!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Появляется Носильщик.

Носильщик. Насилу нашел чемодан, вот. Кто-то его под стол засунул.

Подходцев (*торжествующе*). А правда трудно было его найти? Это я засунул (*дает носильщику на чай — тот уходит*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Подходцев, Ольга Михайловна.
Слышен третий звонок.

Подходцев. Вот мы и поехали.

Ольга Михайловна (*смягчаясь*). Скажите мне спасибо.

Подходцев. Спасибо. Никогда не забуду вашей доброты. Гм... да!.. (*Берет книгу, читает; Ольга Михайловна тоже вынимает книгу. Читают. Подходцев неожиданно опускает книгу*). Есть хочется.

Ольга Михайловна. Что?

Подходцев. Есть, говорю, хочется.

Ольга Михайловна. О чем же вы думали на вокзале?

Подходцев. Забыл.

Ольга Михайловна. Эх, вы! Впрочем, вероятно, скоро будет буфетная станция... Посмотрите путеводитель.

Подходцев. Да у меня его нет...

Ольга Михайловна. У меня есть!! Берите. (*Вынимает из саквояжа книгу*).

Подходцев. Ого, какой толстый... Воображаю, сколько тут буфетных станций! (*Перелистывает.*) В три часа утра будет станция. Не дождаться...

Ольга Михайловна. Какая станция?

Подходцев. Териоки...

Ольга Михайловна. Что-о? Из Петрограда, в Одессу — Териоки? Да вы какую дорогу смотрите?

Подходцев. Вот... желтые такие листочки...

Ольга Михайловна. Ах, ты Господи! Вам няньку нужно... В путеводителе не можете разобраться!

Подходцев. А покажите мне человека, который в нем разбирается!

Ольга Михайловна. Подумаешь, трудность. Дайте-ка мне... Вот! Через сорок минут вы можете закусить... Поезд стоит восемь минут.

Подходцев (*безнадежно*). Не успею... Я всегда запутываюсь в этих минутах.

Ольга Михайловна. Ну, ладно... Выйдем вместе. (*Долго глядит на него.* После *паузы, гладит склоненную голову Подходцева.*) Как же вы, вообще, живете, большое дитя, если ничего не понимаете, всюду опаздываете и теряетесь в самых пустых случаях?

Подходцев (*печально*). Да, я плохо живу. Папа у меня умер, мама далеко... А тут, всюду, какие-то номера, звонки, свистки, все кричат, бегут... Хорошо, что я с вами поехал...

Ольга Михайловна. (*покровительственно треплет его по плечу*). Ну, ничего, ничего, мой большой ребеночек. Как-нибудь доедем. Вы где предпочитаете спать: на верхней койке или на нижней? Надеюсь, уступите мне нижнюю?

Подходцев. Уступлю, конечно. Только я уж извиняюсь, что ночью разбужу вас...

Ольга Михайловна. Чем?

Подходцев. Упаду. Я ночью всегда ворочаюсь с боку на бок и, разметавшись, обязательно падаю.

Ольга Михайловна. Гм... Ну, уж ладно... Спите внизу. Как-нибудь устроимся... Ах вы, беспомощное существо!

Подходцев. А мне уже есть расхотелось. Мне уже спать хочется.

Ольга Михайловна (*поправляя ему волосы, материнским тоном*). Вам уже кушать не хочется? Вам уже спать хочется? Ах вы, моя деточка... Ну, будем укладываться... Уже и пора. Я погашу свет, мы разденемся и ляжем. Ну, спокойной ночи. (*Целует его в голову. Шутливо.*) Ночью деточка плакать не будет?

Подходцев. Грех вам смеяться над несчастным малюткой. (*Хочет снять пиджак.*)

Ольга Михайловна. Постойте, постойте! Дайте свет погасить. (*Гасит свет. Полная темнота. Раздеваются.*)

Подходцев. А что если мне ночью вдруг пить захочется?

Ольга Михайловна. Уж и не знаю, право. Может сказать, чтобы вам проводник «Нарзан» поставил?

Подходцев. Ну его. Терпеть не могу. Нет уж, как-нибудь перемучаюсь. Ой!!

Ольга Михайловна. Что такое?

Подходцев (*капризно*). Кто это мне на голову вещи бросает какие-то.

Ольга Михайловна. (*смеется*). Простите, это я свою подушку сверху уронила.

Подходцев. Больно. Голову пробили.

Ольга Михайловна. Подушкой-то? Стыдитесь.

Подходцев. Да... вы думаете, не больно?

Ольга Михайловна. Спите!

Подходцев. А вы меня утром когда разбудите?

Ольга Михайловна. А вы когда привыкли просыпаться?

Подходцев. Преимущественно в десять.

Ольга Михайловна. Преимущественно в десять? (*Кротко.*) Ладно разбужу. Вы что утром пьете?

Подходцев. Кофе. Только, чтобы в сливках не было пенок. Терпеть не могу; как тряпки.

Ольга Михайловна. Ах вы, деточка моя капризная... Того он не любит, этого не любит.

Подходцев (*спокойно*). Да, уж я такой.

Ольга Михайловна. Ну, постараюсь вам дать кофе без пенок. Вам не дует?

Подходцев. Нет, а только я спать хочу.

Ольга Михайловна. (*с материнской нежностью*). Ну, спите, мой ребеночек; Бог с вами (*пауза*).

Подходцев. Ну, вот! Давеча заговорили о кофе — мне пить и захотелось.

Ольга Михайловна. Ах ты, Господи... Очень хочется?

Подходцев. Очень.

Ольга Михайловна. Что ж теперь делать? У проводника, кроме «Нарзана», ничего не достанешь...

Подходцев (*капризно*). Не люблю «Нарзана!»

Ольга Михайловна. Что же вам дать... У меня, впрочем, в саквояже есть вино. Не хотите ли вина?

Подходцев. Хочу вина!

Ольга Михайловна. Ну уж нечего делать — надо вам дать. Подождите, сейчас сойду вниз.

Подходцев. Ой! Опять что-то упало на руку.

Ольга Михайловна. Это мой ботинок. Послушайте... Только у меня стакана нет. Из горлышка можете пить?

Подходцев. Не могу.

Ольга Михайловна. Гм... Что же делать... У меня столовая ложка есть. Из ложки будете пить?

Подходцев. Только грудь мне не залейте.

Ольга Михайловна. Да я свет зажгу.

Подходцев. Не надо свет!.. Глаза режет. Что это еще за новости — свет!

Ольга Михайловна. Но ведь также темно... Я вас могу вином облить.

Подходцев. А вы постарайтесь не облить.

Ольга Михайловна. Ну, постойте... я сяду здесь. Так будет удобнее... Где ваша голова?..

Подходцев. Ой! Капнуло что-то...

Ольга Михайловна. Это вино... простите...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Входит Чебоксаров.

Чебоксаров. Боже какая тут темнота... Борис ты уже спишь?

Подходцев. Нет, я не сплю; я пью.

Чебоксаров (*зажигает спичку; потом поворачивает электрическую кнопку. На нижнем диване сидит Ольга Михайловна с бутылкой вина в одной руке и с ложкой*

в другой. Голова Подходцева покоится у нее на коленях).
Господи Иисусе! Что это такое?!..

Ольга Михайловна. А, Чебоксаров, здравствуйте... И вы тоже едете?..

Чебоксаров (*изумленно*). Что он... Заболел что ли?

Ольга Михайловна. Он — деточка маленькая. Ему пить захотелось, а сам он даже пить себе не может достать. Кстати, Чебоксаров, скажите проводнику, чтобы он приготовил моей деточке кофе к десяти утра, только чтобы в сливках не было пеночек.

Чебоксаров. Чег-о-о?

Ольга Михайловна. Пеночек. Мое беби их не переносит.

Подходцев (*капризно*). Ой, свет в глаза!..

Ольга Михайловна. Ах ты, Господи, действительно Чебоксаров! Оберните лампочку газетной бумагой... И прикройте пожалуйста дверь; на него, кажется, дует...

Подходцев (*кротко*). Спасибо, миленькая мамочка. Вот видишь, Чебоксаров, а ты говорил, что с женщинами ехать нехорошо... Нет, хорошо (*тянется ртом к ложке...*)

Чебоксаров (*энергично*). Тьфу!!! (*убегает, возмущенный*).

Подходцев (*вслед*). Плевательница в углу налево, в коридоре.

Занавес

ОДЕССИТЫ В ПЕТРОГРАДЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гендельман. Маленький, юркий, суетливый господин с быстрыми размашистыми жестами.

Канторович. Положительная натура; скептик: менее поворотлив, чем Гендельман, но все же деловит и предприимчив.

Яша Мельник. Незначительная личность. Делец второго сорта, специалист по мелким поручениям.

Цацкин. Толстый, солидный человек; коммерсант, уже установившийся, и потому движения его медленны и манеры вальяжны. Теряет он равновесие только в самом конце пьесы.

Чугунов. Черноземная натура; приезжий из провинции. Тучен, одевается во все просторное, говорит основательно, не спеша.

Молодой человек. Мелкая, сбившаяся с кругу, в погоне за рублем личность. Необидчив и назойлив. Во все время хода пьесы носится от одного столика к другому, что-то шепчет, заглядывает в книжку, но все это крайне мелко, смешно и жалко.

Экономка. Накрашенная девица из разряда завсегдательниц кафе.

Лакей. С безумным от суеты взглядом — каждый данный момент куда-нибудь устремляется.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кафе. На первом плане справа за столиком Гендельман и Канторович.

Канторович. Поверьте мне, Гендельман, вы плохо выглядываете. У вас такой вид, что я не дал бы за него семь копеек. Даже марками.

Гендельман. Вы удивительный идеалист, Канторович. Только увидите кого-нибудь, сейчас же покупать собираетесь.

Канторович. Гм... «покупать». А, спрашивается, что вы теперь купите? А где вы теперь купите? И на что вы теперь купите? Э, Гендельман, мы долго будем помнить этого Вильгельма!

Гендельман. Да, знаете... Я на него имею большое отвращение... Разве это человек? Это же форменный псих! Приди он ко мне и спроси: «Гендельман, воевать с Англией?» — Я бы сказал: — «Гогенцоллерн, нет!» — «а с Францией, Гендельман?» — «Гогенцоллерн, нет!» — «Гендельман! А с Японией?» — «Гогенцоллерн, нет!»

Канторович. Гендельман — не мешайтесь!

Гендельман. А! Что мне теперь мешаться! Теперь уже поздно. Вы знаете, что бы я сказал бы Вильгельму...

Канторович. (*иронически*). Вы, Гендельман, всегда любили вмешиваться в международную политику!

Гендельман. Теперь мне уже поздно мешаться! Все объявляют войну. Италия объявила Австрии, Болгария объявила Сербии, Англия объявила Болгарии... Все объявили. Все объявления и объявления. А я, агент по сбору объявлений, сижу без объявлений.

Канторович. Это парадокс! (*Пауза.*)

Гендельман. Прямо вешайся! Какой тут парадокс...

Канторович. Однако, мы с вами сидим здесь уже три часа и ничего не потребовали. Даже стакана воды.

Гендельман. У нас, в Одессе, это называется «каменный гость»: придет человек в кафе, сидит, сидит, ничего не пьет и ничего не кушает...

Канторович. Говоря между нами, Гендельман, я бы сейчас с удовольствием выпил стаканчик кофе «по-одесски».

Гендельман. Вы, Канторович, хотели сказать «по-варшавски»?

Канторович. Нет, именно «по-одесски»!

Гендельман. Что это за способ приготовления?
Канторович. Это? Когда другой платит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Чугунов.

Чугунов. (*приезжий провинциал, входит и садится за стол слева, говорит с одышкой*). Эй, человек! Официант! Лакей! Услужающий! Не дозовешься никого! Все куда-то бегут, спешат... Ну, и город!!! Человек! Официант! Лакей! Услужающий!
Лакей. Чего изволите?
Чугунов. Да куда ты все устремляешься? Минутки не постоит покойно... Я так не могу! Вот что, братец ты мой... Дай ты мне стаканчик чаю... Да постой ты! Чего тебя корчит, будто червяка!? Дай ты мне стаканчик чаю, только сахару не клади ни кусочка.
Лакей (*все время устремляясь*). Слушаю-с! Сей минут!..
Чугунов. Да будешь ты стоять или я тебе фалды стулом прищемлю?! Так вот — дай ты мне стаканчик чаю — понял? Но сахару ни кусочка. Понял? Стой, анафема! Мне, брат, совсем сахару нельзя есть! У меня, брат, диабет. Понял? Знаешь, что такое диабет?
Лакей. Где нам знать... Сию минутку, я!..
Чугунов. Постой... Диабет, братец ты мой, это по-научному, по-докторски. А по-нашему — сахарная болезнь. Понял? Это когда в выделениях сахар и анализ показывает, что (*лакей убегает*) ... ушел-таки каналья. Прямо — живая рыба на сковородке. Все они тут сдуревши — никто тебя толком и не послушает! Городок, черт его передери.
Канторович. (*тихо, Гендельману, указывая на Чугунова*). Свежий человек! Вы знаете? По-моему, он что-нибудь продает. А ну-ка, Гендельман...
Гендельман. Может быть, вы начнете, Канторович?
Канторович. Почему я? Почему же не вы? Ну, я, так я!.. (*Подходит к Чугунову*). Извините, мусью... Мне кажется, что у вас есть рубашки?
Чугунов. (*удивленно*). Рубашки? У меня? Есть...
Канторович. Видите, какой у меня глаз! Вы только вошли, я сейчас же догадался. У этого человека есть рубашки! Почем продадите?

Чугунов. Зачем же продавать? Мне самому нужны.

Канторович. Самому? Хм... В первый раз вижу! (*Пауза.*) Может быть, вы интересуетесь свинцовыми белилами?

Чугунов. Нет... Зачем они мне? На кой дьявол?

Канторович. Так, может, вы имеете дубильную кислоту?

Чугунов. Дубильную? Кислоту? Не знаю точно. В анализе, кажись, ничего нет о ней.

Гендельман (*подсаживаясь*). В анализе? Вы уже имеете анализ? Это уже положительно интересно! Какой же у вас анализ?

Чугунов. Диабет у меня.

Гендельман (*пересаживается поближе к Чугунову и, сдвинув котелок на затылок, восторженно говорит*). Смотрите на него. У него диабет, а он молчит! А много у вас диабета?

Чугунов. Что значит — много? Сколько следует!

Гендельман. Извините... Одну минуточку... Мы это все сейчас сделаем (*отходит — тихо, Канторовичу*). Вы имеете долю. Не отпускайте его и не подпускайте к нему никого решительно! (*Громко, Чугунову.*) Я сейчас!.. (*срывается с места и бежит налево. Сталкивается с Цацкиным*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Цацкин.

Цацкин (*солидно*). Гендельман, куда вы так спешите?

Гендельман. (*озабоченно*). Не задерживайте меня, Цацкин! Вы же видите, я продаю.

Цацкин. Что вы продаете?

Гендельман (*значительно*). Диабет я продаю.

Цацкин. Диабет? (*Пауза.*) А много его у вас?

Гендельман. Положим, он не у меня, а у одного человечка.

Цацкин. У кого?

Гендельман. Вы замечательный наивник, Цацкин! Так я вам сейчас возьму и скажу, чтобы вы его из-под носу у меня вытянули.

Цацкин. Ну, так я вам тоже должен сказать, Гендельман, что вы не продадите вашего диабета без меня. Теперь весь диабет идет через мои руки.

Гендельман. Серьезно? Так давайте делать дело в компании!

Цацкин. О, это уже другой разговор! Мы с вами обляпаем хорошенькое дело! (*С беспокойством.*) Слушайте, а вагоны?

Гендельман. За вагоны вы не беспокойтесь! У меня здесь есть специалист по вагонам... (*о чем-то тихо совещаясь, уходят*).

Канторович (*продолжая начатый разговор*). Теперь я вам расскажу, как мой психопат Гогенцоллерн воюет... Перестали его, скажем, бить на Западном фронте — он берет свои войска и перевозит на Восточный, где его уже бьют. Перестали немножко его бить на Восточном фронте — как он забирает отсюда войско и везет на Западный! И опять его бьют на Восточном и опять перевозка. Что это за перевозка, я вас спрашиваю?! Солдаты они или какие-нибудь лодзинские коммивояжеры?!. Знаете что?.. Мне эта самая перевозка войск напоминает короткое одеяло... Натянет его Гогенцоллерн на голову — ноги голые, натянет на ноги — голова голая! Чем же это кончится? Вы меня спросите! Тут есть два выхода: или одеяло сделать подлиннее или человека покороче! Так что мы имеем в данном случае? Одеяло уже длиннее не сделаешь — они все забрали — и ландштурм взяли, и ландвер взяли, и ландшафт взяли — все взяли, и больше одеяла уже не вытянешь!.. Остается человек. Ясно — что этого человека, значит, нужно сделать покороче! Ну, так его сделают покороче — можете быть спокойны!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Цацкин (*важно входит; садится за стол*). Человек! Дайте мне одного хорошего метрдотеля.

Лакей (*подбегая к нему*). Что прикажете? Метрдотеля у нас нет.

Цацкин (*снисходительно*). Нет? Ну так вы должны исполнить его обязанности. Скажите: чем вы меня накормите?

Лакей. Бифштекс можно, шашлык, котлеты...

Цацкин (*с видом важного барина*). Скажите, мой дорогой, вот что: свежая икра у вас хорошая?

Лакей. Помилуйте. Лучше уж нет.

Цацкин (*шутливо*). А вы меня не отравите, а?

Лакей. Помилуйте — зачем же!

Цацкин. А? Так вы за икру ручаетесь? Что? Она совершенно свежая? А? Что? Если не свежая, так я умру, и вам будет жалко, а? Хе-хе!.. Слушайте! Пойдите на кухню и спросите у вашего повара, или у того, вообще, кого нужно — свежая ли у вас икра, и если икра хорошая, то вы придите и скажите мне. Так я тогда...

Лакей. Да зачем же ходить? Икра и так свежая... Я знаю.

Цацкин. Вы знаете, а? Что? Значит, вы за икру ручаетесь? Она совершенно свежая? А? Что? Ну, хорошо... Так дайте мне тогда... один бутерброд на белом. Слушайте! Слушайте! Куда вы так спешите? Скажите раньше, сколько стоит этот бутерброд?

Лакей. 20 копеек!! (*убегает*).

Цацкин. 20?! Однако! Этот шарлатан принесет 20 зернышек икры и возьмет 20 копеек! По копейке за зернышко. Положим, из каждого зернышка может выйти целая осетрина. Так, что — я буду этого дожидаться, что ли?

Лакей приносит бутерброд. Цацкин ест его, смотрит в окно. Увидев кого-то, вскакивает и с криком: «Ой, это Шентович. Он же мне нужен», — убегает).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гендельман и Яша Мельник входят.

Гендельман. Так вы, Яша, только скажите мне, можете ли вы достать вагоны?

Яша. Под чего?

Гендельман. Под диабет.

Яша. Что это за диабет?

Гендельман. Здравствуйте! Только сегодня на свет родились! Диабет — есть диабет! Какая вам разница?

Яша. Может, дрянь какая-нибудь?

Гендельман. Дрянь? А если я вам покажу анализ, так это что вы скажете?

Яша. Анализ — это другое дело! А почем?

Гендельман. Что почем? Вы раньше скажите мне вашу цену, а потом уже поговорим о моей цене.

Яша. Слушайте, я вам скажу: вы мне должны обязательно рубль на пуд уступить!

Гендельман. Рубль? Я вам 30 копеек не уступлю! Вы же знаете, что сейчас диабет с руками отрывается.

Яша. Серьезно?

Гендельман. Он еще спрашивает! Вот, смотрите: Момоссон, у вас есть диабет? Нет? Ага! Видите! Молодой человек! Эй! Как вас? Вот вы, в коричневом. У вас есть диабет? Нету? Вот видите! Вы расспросите все кафе, и почти ни у кого нет диабета.

Яша. Ну, ладно, чего вы так раскричались! В таком случае, Гендельман, пойдем писать куртажную расписку. (*Уходят*).

Канторович. (*Чугунову*). Так почему же вы сразу не сказали, что вам нужна экономка? Вы, я думаю, можете получить ее тут, не сходя с места!

Чугунов. Я рассчитывал взять по объявлению.

Канторович. Так эти же самые объявительницы сидят тут целый день! Может, вам еще кого-нибудь нужно? Вы тут все можете получить. Это самое замечательное кафе: Мюр и Мерилиз прямо!

Чугунов. Вот я и говорю: экономка мне нужна и еще массажистка.

Канторович. Так вы бы так и говорили, что хотите взять таких, которые по публикации.

Чугунов. А разве есть разница — по публикации или без публикации?

Канторович. Конечно! Две разницы! Сейчас увидите. Эй, как вас там, барышня! Чего вы сидите там? Идите-ка сюда! Вот вам экономка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Девица — нарумяненная и с подведенными глазами, ярко и вычурно одетая, встает из-за стола в глубине и подходит к Чугунову.

Девица (*протягивая Чугунову руку*). Драсте. Очень приятно познакомиться.

Чугунов. (*крайне удивленный*). Вы... Экономка?

Девица (*улыбается*). Да... в этом роде.

Чугунов. Мне... видите ли... Нужно в отъезд.

Девица. О, куда угодно!..

Чугунов. Мне нужно видите ли... чтобы вы поехали в Харьков.

Девица. В «Харьков», так в «Харьков». А на какой он улице помещается?

Чугунов. Улица? Причем тут улица? Будьте добры сообщите ваши условия...

Девица (*играя глазами*). Жалования в месяц 500 рублей. Ну, конечно, еще пара платьев в месяц и две-три безделушки.

Чугунов (*недоумевая*). Вы... действительно... Экономка?

Девица. Конечно. Ведь я печатаю публикации.

Чугунов (*подавленный*). Экономка... Ну, немного тут можно наэкономить... Хорошо... я подумаю... я посоветуюсь с женой...

Девица (*сделав гримасу*). С женой?.. (*отходит, фыркнув*).

Чугунов (*Канторовичу*). Ну и цены у вас, в Петрограде! И на массажисток такие же?

Канторович (*добродушно смеется*). Еще дороже! Знаете: подвоз сократился; вагонов нет.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Цацкин влетает, растерянный, подбегает к Канторовичу.

Цацкин. Слушайте, Канторович, вы не видели Гендельмана?

Канторович. А на что он вам?

Цацкин. Раз я спрашиваю, значит — нужен.

Канторович. (*отводя Цацкина в сторону. Многозначительно*). Насчет «Д»?

Цацкин. «Д»!

Канторович (*пытливо*). «Диа...»?

Цацкин. «Бета»!

Канторович. Так Гендельман сейчас придет. А что, разве?..

Цацкин. Какая-то ерунда выходит, Канторович! Я только что телефонировал в военно-промышленный комитет. Спрашиваю, интересуются ли они диабетом и хотят ли скоро иметь его, а они отвечают «вы идиот»!

Канторович. Вероятно, вы не туда попали. Эти телефонные барышни прямо какой-то бич народов!.. Чтоб их так с их женихами соединяло, как они абонаторов соединяют. Протелефонируйте еще раз...

Цацкин. Попробую (*недоумевающе*). Что т-такое? (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Молодой человек, *крайне унылого и измызганного вида, ходивший раньше в глубине от столика к столику.*

Молодой человек (*подходит к Чугунову и таинственно говорит ему*). Имею 80 автомобилей...

Чугунов. Восемьдесят? Вы имеете? Зачем вам столько?

Канторович (*с досадой*). А штанов вы имеете, молодой человек? Посмотрите на ваши брюки лучше!.. Это хорошо, когда на мебели бахрома, а не на штанах... 80 автомобилей! Вы лучше скажите, когда вы мне отдадите два с полтиной? И вообще, отойдите отседова. Этот господин уже взят нами...

Молодой человек. (*тем же тоном, не смущаясь*). Шрапнельная сталь? Термометры? Прессованное сено. Фрезерные станки. Слушайте — имею 2 тысячи кругов подков! Интересуетесь?

Канторович. Слушайте, вам русским языком говорят: «мерси, нон»!

Молодой человек (*с энергией отчаяния*). Ну, так у меня есть носки!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Яша Мельник.

Яша (*входит и, услышав последние слова молодого человека, оживленно говорит*). Носки? Почем?

Молодой человек. 11 руб. дюжина. Франко Выборг!

Яша. Сколько?

Молодой человек. 40 тысяч пар.

Яша. Подходит. Образцы есть?

Молодой человек. Есть.

Яша. Покажите.

Молодой человек садится, засучивает брюки, поднимает ногу. Все посетители кафе подходят, осматривают, ощупывают ногу, передают один другому и обращаются с ней вообще как с вещью.

Это носки? Дрянь это, а не носки. За них и 8 рублей нельзя дать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входят Гендельман, за ним мрачно шагает Цацкин.

Цацкин (*многозначительно*). Послушайте, послушайте, Гендельман!.. Все-таки вы скажите мне, сколько у него, у этого вашего человечка, диабету?

Гендельман. Что вы пристаете? Я же говорю вам, много! Почем я знаю наверное? Может, тридцать тысяч пудов...

Цацкин (*зловеще*). И почем?

Гендельман. Э... ма... мия... 17 руб. пуд. Вы же сами понимаете, что раз на рынке диабету почти нет...

Цацкин. Хорошо, хорошо... (*сдерживая негодование*). Скажите, это цена франко Петроград?

Гендельман. А то что же?

Цацкин. Так я вам скажу, что вы, Гендельман... не идиот! Нет, вы больше чем идиот... Вы, вы... Вы — мизерабль! Я прямо даже не знаю, что вы! Вы — максимум. Вы знаете, что такое диабет, который есть у вашего человечка «сколько угодно»? Это — сахарная болезнь. Я это сейчас узнал! Сахарная болезнь, а не товар для продажи — вы понимаете...

Гендельман. Что вы говорите?! Послушайте... Если так, то почему же вы сказали мне, что весь диабет идет через вас?

Цацкин (*в негодовании*). А! Если я еще час поговорю с таким дураком, как вы, то через меня пройдет не только диабет, а и холера, и чума, и скарлатин, и сибирская язва и все вообще, что я сейчас желаю на вашу баранью голову! (*С сердцем нахлобучивает Гендельману шляпу на самые уши. Все в изумлении*).

Занавес

ТИХОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

(*Инсценированный рассказ*)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Банкин.
Липочка, его жена.
Балтахин.
Няня.

Квартира Банкиных. Комната с обстановкой средней руки. Входит Банкин с Балтахиным.

Банкин. Я так рад тебя видеть, так рад... Ты и представить себе не можешь, до чего я рад... Мне тебя не хватало...

Балтахин. Что с тобой?.. Откуда у тебя вдруг проснулась ко мне эта пылкая любовь? И зачем я тебе так был нужен?

Банкин. Ах, дорогой мой, я так счастлив, так счастлив!.. Я готов на всех перекрестках кричать о своем счастьи... И ты мне был очень нужен. Ты один поймешь меня и порадуешься вместе со мной... (*бросается в его объятия*).

Балтахин. Да что случилось? И не набрасывайся ты на меня, как тигр... Смотри, измял воротник, сдвинул галстук на сторону...

Банкин. Ах, да что там галстук?.. Я счастлив, дорогой мой, друг мой единственный... Я обожаю свою жену, я счастливый отец!.. Отец! Понимаешь ли, какое это

великое слово?! О-тец!! Ах, тебе его не понять! Ты, ведь, убежденный холостяк...

Балтахин. Брось, не стоит... И не прыгай по комнате, как теленок. Садись и спокойно рассказывай. Так и быть — постараюсь тебя понять.

Банкин. У тебя вечно этот насмешливый тон... И как тебе не стыдно, право!? Ну, порадуйся хоть раз, глядя на чужое счастье...

Балтахин. Ну, хорошо, ну, слушаю... Ну — радуюсь!

Банкин (*садится подле*). Так вот... Знай, что у меня восхитительнейшая идеальнейшая жена, которую я обожаю, и сынок Петька... два месяца ему... удивительный, замечательнейший, восхитительнейший мальчишка... Когда увидишь его, ты непременно влюбишься...

Балтахин. Ну, хорошо... Жена, мальчишка... ты их любишь... превосходно. И люби на здоровье. Но зачем же так волноваться? Ведь от этого разрыв сердца может сделаться.

Банкин. Ах, оставь...

Балтахин. Ну, ладно, Бог с тобой... Дай-ка мне папироску... Да, вот что: нет ли у тебя газеты? Ужасно меня интересует, что с Вильгельмом.

Банкин (*рассеянно*). Он сейчас уже, наверно, спит.

Балтахин. Почему ты так думаешь?

Банкин. Конечно, он всегда спит в это время.

Балтахин. Да откуда тебе это известно?

Банкин. Мне? Господи!

Балтахин. Да, ему теперь нелегко придется...

Банкин. Почему? С ним нянчатся все окружающие. Его так все любят.

Балтахин. Не думаю; кто его может любить? После того, что он натворил...

Банкин (*в ужасе*). Натворил? Господи Боже! Что же он натворил? Когда?

Балтахин. Да что ты: не знаешь, что ли? Мирных жителей убивал, города разрушал...

Банкин. Кто?

Балтахин. Да Вильгельм же, Господи!

Банкин. Какой Вильгельм?

Балтахин. Какой, какой? Гогенцоллерн! О ком мы говорили!

Банкин. Разве мы говорили о Вильгельме?

Балтахин (*иронически*). Нет, мы говорили о ребятишках...

Банкин. Ну, конечно, о ребятишках. Я о своем Петьке и говорю... (*смотрит на часы*). Он теперь, вероятно, молочко пьет. Проснулся, вероятно, и говорит: «Мамоцка, дай мояцка!..»

Балтахин. Ну, это ты хватил... Сыну-то твоему ведь всего два месяца. Как же он может говорить?

Банкин (*просветленный*). Видишь ли, он, правда, буквально этого не говорит, но он кричит, м-м-ма! И мы уже знаем, что это значит: дорогая мамочка, я хочу еще молочка!!! А вчера... нет, ты не поверишь... (*смеется счастливым смехом*).

Балтахин. Чему?

Банкин. Тому, что я тебе расскажу. Да нет, ты не поверишь!

Балтахин. Да уж говори... Поверю! Подавись моей добротой.

Банкин. Представь себе: прихожу я... позволь, когда это было... Ага! Вчера... прихожу я вчера домой, а он у няни на руках. Услышал шум шагов и ха-ха! Оборачивается и ха-ха! ха-ха! — оборачивается и говорит: — «лю»!

Балтахин. Ну?

Банкин. Говорит «лю»! Каков каналья?

Балтахин. Да, ну?

Банкин. Ха-ха-ха! «лю»! — говорит!

Балтахин. Да что ж это значит — «лю»?

Банкин. Неужели, ты не понял? Это значит: папочка, возьми меня на руки.

Балтахин. Ну, знаешь, мне кажется, что это ты не понял. «Лю» — значит: «идиот, притворяй покрепче двери»!

Банкин. Ни-ни, он бы это сказал по-другому! А ты знаешь, как он пьет молоко?

Балтахин (*досадливо*). Знаю.

Банкин (*обидчиво*). Откуда же ты можешь знать? Если ты не видел Петьки...

Балтахин. Я, вообще, знаю, как дети пьют молоко. Я видел это раз сто–двести!

Банкин (*обидчиво*). Мой Петька не так пьет молоко...

Балтахин. Да брось уж... довольно! Неужели у тебя нет другого разговора? (*После паузы.*) Вот ночи теперь уже стали короче...

Банкин. Да, да... светает в четыре часа. Просыпаюсь я вчера, смотрю — светло. А он ручонку из кровати

высунул и пальцем этак вот... (*Пауза.*) А вот на этом месте нянька его кормит... Видишь? стул.

Балтахин. Вот этот? (*трогая стул*). Хороший стул... Венский...

Входит Липочка.

Банкин (*кидается к ней и долго целует ее*). Липочка, моя дорогая Липочка, моя ненаглядная Липочка!! Вот Балтахин пришел... Побрани его за то, что долго не приходил, побрани... А что Петька?

Липочка (*Балтахину*). Здравствуйте, Балтахин! (*Мужу.*) Нянька сейчас накормила его и уложила...

Банкин. Баиньки, баюсеньки?!. Пусть спит, хе-хе-хе! Садись, ангел мой... Тебе вредно стоять, дорогая моя... И я сяду подле тебя, радость моя... Балтахин, извини, голубчик, что я так откровенно, при тебе... Тут, брат, понять надо... (*целует руку жены.*) Чья это ручонка? (*целует.*) Чья это маленькая ручонка? (*целует*).

Липочка (*шепотом*). Колечка, неудобно... Тут гость...

Банкин. Ничего, душечка, ничего... Балтахин свой человек. При Балтахине нечего стесняться... (*целует*). А чьи это губки... А чей это глазенок?

Балтахин. Послушай, Банкин...

Банкин. Сейчас, сейчас... (*целует жену*). Так чей же это глазенок? Чье это ушко?

Балтахин. Послушай, Банкин, могу тебя заверить честным словом, что губы, как и все другое на лице твоей жены, принадлежит именно ей...

Банкин. Что?

Балтахин. Ничего... Советую тебе сделать опись конечностей и частей тела твоей жены, если какие-нибудь сомнения терзают тебя... Изредка ты можешь проверить наличность всех этих вещей...

Банкин. Друг мой... Я тебя не понимаю... Он, Липочка, кажется, сегодня нервничает... Не правда ли? А где твои глазки?

Балтахин. Послушай, Банкин... Неужели серьезно ты не видишь, где у твоей жены глаза? Вон же они — ясно видны... по бокам носа. И уши тут же — рукой подать.

Банкин. Что? Нет, ты сегодня положительно, невыносим... (*Жене*). Правда, голубочек мой?.. Он невыносим...

А Петька спит? Спит, каналья... Пусть поспит, пусть поспит... Наберется сил, вырастет большой... Как ты думаешь, Балтахин, что мы из него тогда сделаем?

Балтахин. Котлеты под морковным соусом.

Банкин. И совсем не остроумно... Нет, ты просто не любишь детей... И напрасно... Их, брат нужно любить; обожать нужно! Липочка! Ты покажи Балтахину свивальнички; и нагруднички тоже покажи...

Липочка (*уходит в другую комнату и возвращается с этими вещами*).

Балтахин. Да нет, я после когда-нибудь погляжу.

Банкин. Чего там после. Я уверен, тебя это заинтересует. Вот, смотри.

Балтахин (*трогая пальцем*). Хороший нагрудничек.

Липочка. Нет, это свивальник.

Банкин. Свивальничек, свивальничек... А как тебе понравится сия вещь?

Балтахин. Панталончики?

Банкин. Чепчик... А колыбельку ты не видел? Хе-хе-хе. Лежит он в ней. Такой карапуз, пупс... И сосет... Надо завтра купить ему карамели...

Балтахин. Купи полпуда.

Банкин. Полпуда, пожалуй, много... (*обнимает Балтахина*). Балтахин, милый, дорогой мой... Посмотри на Петьку. Ну, чего тебе стоит... ну взгляни на него, полюбуйся... а? Уверяю тебя, что ты влюбишься в него...

Балтахин. Да уж показывай... Чего там... нечего делать.

Банкин (*кидаясь к дверям*). Нянька, нянька! Привезите Петьку сюда, если он не спит.

Нянька (*показываясь в дверях*). Не спит... В колясочке привезти?

Банкин. В колясочке, в колясочке!.. Пусть Балтахин и колясочку увидит...

Нянька. Что ж... Можно и в колясóчке (*уходит и возвращается с колясочкой*).

Балтахин. Колясочка? Тащи сюда и колясочку, кутить так кутить.

Банкин (*истерически*). Дверь, дверь! Дверь закройте... (*Общая суета.*) Петька может простудиться... (*Балтахину*). Ну, посмотри сам, какая прелесть!

Балтахин. Да... ничего... хорошенький...

Банкин. Да, нет, ты не туда смотришь! Тут у него ноги... Вот он — лежит за подушкой... Петенька, Петька... Псс... А на кого он похож?

Балтахин. Глаза твои, а губы матери...

Банкин. Да что ты — губы мои...

Балтахин. Совершенно верно. Верхняя губа матери, а нижняя твоя.

Банкин. А лобик?

Балтахин (*машинально*). Лобик? Нянькин.

Банкин. С ума ты сошел?! Взгляни внимательнее.

Балтахин. Лобик твой.

Липочка. Как его? Мой лобик!

Балтахин. Совершенно верно: ваш лобик!

Банкин. Да что ты, милая, лобик дедушки Павла Игорыча.

Балтахин. Совершенно верно. Темянная часть дедушкина, надбровные дуги твои, а височные кости — матери... (*с досадой*). А теперь, господа: отпустите душу на покаяние!

Банкин. Нет, постой... Ты еще посмотри, как он улыбается... Петька, Петька! Псс... Ха-ха-ха! Смотри, смотри! Петька, смотри вот дядя!.. Он тебя возьмет блям-блям... Балтахин, ты его возьмешь блям-блям?

Балтахин. Блям-блям? А что это такое значит: «блям-блям»?

Банкин. Да неужели ты не знаешь «блям-блям» — это значит покатать его в колясочке...

Балтахин. Это невозможно... Я уж, знаете, пойду. Мне что-то нехорошо.

Банкин. Нет, я тебя не отпущу... Я тебе должен показать, как Петька смеется.

Липочка. В самом деле, Балтахин, куда вы спешите... Ведь вы еще не видели, как Петька смеется...

Балтахин. Да ну его к Богу! Ей-Богу вы лучше отпустите меня! А то я на стену полезу.

Банкин. Пустяки... Это у тебя с непривычки... Известно, холостой... (*поспешно*.) Нет, смотри, смотри... Он на потолок показывает...

Балтахин (*злобно*). Ну и пусть показывает... Его дело. А теперь — довольно! Баста! Если ты еще одно слово скажешь о Петьке — я драться буду...

Липочка (*наклонившись к люльке*). Ну, что, Петенька, потолочек? Что Петенька хочет на потолочке? Спросите его, Балтахин, что он хочет на потолочке?

Балтахин (*свирепо*). Эй, ты, сопляк! Чего тебе там надо, на потолке?

Банкин. Что ты? Что ты? Ты его так испугаешь! Разве так с детьми можно? Петенька, Петюсенька, не надо хныкать, не надо... Петенька! Ну, покажи, дяде, как птички летают?... Ну, покажи же, Петенька, покажи...

Балтахин. О, чтоб вас!... сил моих нет... Я ухожу!..

Банкин. Нет, я тебя не пущу! Ты еще должен увидеть, как он это показывает... Ну, покажи Петенька... Дядя хочет посмотреть, как птички летают...

Балтахин. Пустите меня лучше... Ей-Богу, со мной истерика будет!

Липочка. Нет, Балтахин, мы вас не пустим... Ну, посмотрите... Ну, что вам стоит?!.

Няня. Посмотри, батюшка, ну чего тебе стоит?

Банкин. Чего хочет Петенька, чего он хочет?

Липочка. Он хочет лампу... Дайте ему лампу...

Няня. Нет, он хочет вазочку...

Банкин. Нет, дайте ему подсвечник... Он хочет подсвечник... Дайте ему подсвечник...

Балтахин. Подсвечником ему дайте — по голове! Чтобы не мучился!.. Боже, что я говорю, что я говорю... Ради Бога, отпустите меня. Я чувствую, что схожу с ума... Я Бог знает что могу натворить... измучили вы меня... Отпустите...

Банкин. Да что с тобой? Чего ты так нервничаешь? Вот посмотри на Петьку и успокойся...

Балтахин (*с отчаянным криком*). Не говорите мне больше о Петьке... Не могу я больше слышать о Петьке! Чтоб он сдох, ваш Петька!

Банкин (*в ужасе*). Что он говорит?! Что он говорит?!

Липочка (*у коляски*). Тише, господа, тише... Петя, что-то говорит? Что Петенька? Что, Петюсенька?.. Балтахин, идите скорей сюда... Идите скорей... Вы услышите, как он говорит «лю»... Петенька, Петенька, скажи дяде «лю».

Балтахин (*дико*). «Лю» он говорит? «Лю»?! А «дураки» он не говорит? А «идиоты» он не говорит? А «чтоб

вы пропали» он не говорит? Не говорит?!. Не могу я больше... Измучили вы меня. Вот вам ваши свивальнички (*разбрасывает их по комнате.*) Вот вам ваши дурацкие чепчики!.. Вот вам ваши игрушки!.. Вот вам ваш Петька!.. (*Толкает ногой колясочку, колясочка падает, ребенок выпадает из нее, Балтахин хватает колясочку, приподнимает ее, размахивает; с безумным видом.*) Не подходи — убью!! (*Все в ужасе*).

Занавес

ПО-ХОРОШЕМУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марья Львовна Раскрасавина.
Охлопьев.
Сергей } темные личности.
Петька-Кучерявый } темные личности.

Сцена представляет налево — переднюю, на стене висит телефон; направо уголок кабинета с письменным столом, на котором стоит телефон. Посредине сцены между этими двумя комнатами декорация улицы с крышами, телефонным столбом и проволоками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса передняя налево пуста, направо у письменного стола возятся Сергей и Петька-Кучерявый. Они берут отмычки одну за другой, пробуют открыть ящики стола, бросают, берут новые.

Сергей. Черт ты этакой! Говорил я тебе, захвати и первые номера, а ты что сделал? От девятого взял! Сюда не иначе, как пятый или третий нужен... А это — что такое? Ведь это для амбарных замков. Ну, где тут в кабинете амбарные замки, орясина?!

Петька. Да долотом взять его враз — и конец.

Сергей. Долотом... Хам ты, братец, и больше ничего. Никакого приличия не знаешь! Конечно, деньги мне найти надо — это я понимаю... Но разве настоящий, уважающий себя мастер станет зря мебель портить? Замок дело десятое.

Петька. А я так думаю, что долотом — и-и-эх! И готово.

Сергей. Самого бы тебя долотом... Беда, когда работаешь со всякой дрянью (*возятся снова у стола*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Слева в переднюю из другой комнаты входят Марья Львовна и Охлопьев.

Марья Львовна. Послушайте... Ну, чего вы за мной пошли? Ведь гости и муж могут заметить. Я иду к телефону — а вы чего за мной увязались?

Охлопьев. И я к телефону.

Марья Львовна. Да я ведь буду говорить с подругой.

Охлопьев. И я... с подругой.

Марья Львовна. Я хочу позвонить Симочке Аховой.

Охлопьев. И я... Симочке Аховой.

Марья Львовна. Но ведь вы же с ней незнакомы (*садится на диванчик*).

Охлопьев (*машинально*). И я незнаком.

Марья Львовна. Я и говорю! Как же вы будете ей звонить, раз незнакомы...

Охлопьев. Ну? Так и черт с ней (*облокачивается на вешалку, упорно глядит на Марью Львовну*).

Марья Львовна. Чего вы так на меня смотрите? Ступайте в гостиную.

Охлопьев. Не пойду (*решительно*). Марья Львовна! Позвольте мне сказать то, что уже давно... волнует и томит мою душу!.. Позвольте мне... (*хочет стать на колени, потом оглядывается, снимает с вешалки пальто, расстилает его перед Марьей Львовной; становится на колени*). Марья Львовна! Я давно хотел сказать вам, что ваша душа и моя душа...

Марья Львовна. Что вы делаете? Ведь это пальто моего мужа...

Охлопьев. Черт с ним. Причем тут пальто?! Можно ли говорить о пальто, когда вот уже второй год моя душа,

а, может быть, и ваша душа... (*звонок по телефону*). Ах, черт! (*вскакивает с колен бежит к телефону. Зверски, рычащим голосом.*) Провались ты, анафема!! Чтоб тебе так в ушах звонило!..

Марья Львовна. Позвольте, дайте мне...

Охлопьев. Да мы уже кончили разговор... Какая-то дама. Почему-то запищала и уронила трубку (*снова становится на колени*). Марья Львовна... Вот второй год, как я каждую минуту, каждую секунду думаю о вас, как сумасшедший!.. Ведь я из-за вас уже совсем идиотом сделался, Марья Львовна. Так все и говорят: вон, говорят, идиот, ей-Богу!! Марья Львовна! Все мое сердце, все мое состояние, да что состояние! Вся моя жизнь — все я кладу к вашим ногам, вот сюда (*наклоняется, указывая на пол; вдруг взгляд его впивается в пальто, на котором он стоит.*) Позвольте, это мое... (*Встает, встряхивает пальто, вешает его на вешалку, снимает другое, расстилает, становится снова на колени.*) Мария! Погляди на меня любящим взглядом (*она склоняется к нему*) ... Вот так... О, какое блаженство тонуть в этих глазах (*замирают*).

Сергей. Нет! Ни один черт к этому проклятому замку не подходит!.. Ты ключи-то под подушкой искал?

Петька. Искал. Нету их.

Сергей. «Нету»!... Вот с дураком свяжись... Да постой... Хозяин-то сейчас где?

Петька. Да где ж ему быть... Как всегда, у Раскрасавиных торчит. Не перый день слежено. (*Телефон на письменном столе начинает звонить*).

Сергей. Тссс!.. (*снимает трубку осторожно*). Что угодно? Охлопьева? Нету его дома. А? Да Бог его знает. Я так думаю, что у Раскрасавиных. Кто говорит с вами? Евонный сродственник. А? Да. Из Казани приехали. Счастливо оставаться (*Вешает трубку.*) Петька? А на комоде смотрел ключи? Посмотри, может, они там... (*Петька уходит, Сергей садится на письменный стол, закуривает.*) ...

В передней пронзительно звонит телефон. Замерший у ног Марьи Львовны Охлопьев, вскакивает в бешенстве с поднятыми кулаками бросается к телефону.

Охлопьев. А, что б тебя...

Марья Львовна. Постойте вы, безумец... Это, наверно, меня (*снимает трубку.*) Алло! Кто говорит? Что за странность... Кто-то вас спрашивает!

Охлопьев. Меня? Это ошибка. Меня никто не может спрашивать. Я никому не говорил, что здесь! (*Берет трубку.*) Алло! Это кто? Что угодно? Откуда говорят? Это ты, Чебаков? Во-первых, приехать к тебе не могу, а во-вторых, кто тебе мог сказать, что я сейчас у Раскрасавиных? Что? Какой родственник? Полно врать... Дома у меня никого нет, даже прислуга отпущена в больницу... Как?! Тебе ответили по телефону? От меня? Да квартира заперта на ключ. Что? мужской голос? Что за черт! Сейчас позвоню. А? Обязательно! (*Вешает трубку, нажимает кнопку*).

Марья Львовна (*снова садится на диван*). Так что вы мне сказали... Насчет моих глаз... Что хорошо в них тонуть...

Охлопьев. А? Сейчас, сейчас договорю... Дайте только домой позвонить... Там какая-то чертовщина делается...

Марья Львовна. Но ведь сюда могут войти! О, Жорж! Неужели, вам ваш дом дороже меня?

Охлопьев (*с нетерпением*). Вот толкуйте с ней! Говорю же вам, что у меня в квартире отвечает мужской голос по телефону, а дома никого нет!.. (*Нажимает кнопку.*) Алло! Центральная?! Заснули...

Марья Львовна. А еще жизнь свою предлагали...

Охлопьев. Ну, да! Я и не отказываюсь. Нате! Вот она! Берите ее! Отчего же вы не берете? Но поймите, если у меня в квартире мужской голос... (*Нажимает кнопку.*) Алло! Барышня! Да дайте же вы мне 55–52!! А? Ну, спасибо (*телефон в кабинете звонит*).

Сергей (*бросает папиросу, нетерпеливо*). Ну? Кто, там еще? (*Вбегает Петька.*) Петька, поговори!

Охлопьев. Это номер 55–52?

Петька. Да, да, да! Что нужно?

Охлопьев. Гм!.. Кто вы такой?

Петька (*после паузы, неуверенно*). Хозяина нет дома...

Охлопьев. Еще бы! (*Сердито.*) Конечно, нет дома, когда я и есть хозяин!!. Кто вы такой и что вы там делаете?

Петька. Нас тут... двое. Постойте, я позову товарища... Сережа... Пойди-ка, поговори...

Сергей. Эх ты, размазня (*берет трубку*). Алло! Ну, что там еще? Все время звонят, то один, то другой... Работать не дают! (*Сурово*). Что нужно?

Охлопьев (*кричит во все горло*). Что вы делаете в моей квартире?

Сергей (*тише*). Ах, это вы... Хозяин? Кстати... послушайте, хозяин... Где у вас ключи от письменного стола?!! Искали, искали голову сломить можно...

Охлопьев. Какие ключи?! Зачем?!

Сергей (*рассудительно*). Да ведь не ломать же нам всех одиннадцати ящиков! Конечно, если не найдем ключей, придется взломать замки, так это много возни... Да и вы бы должны пожалеть стол. Столик-то, поди, не дешевый... Рублей, небось, двести? Коверкать его — что толку...

Охлопьев (*сердито*). Мерзавцы!! Ах вы негодяи несчастные! Это вы, значит, забрались обокрасть меня? Хорошо же! Не успеете убежать, как я подниму на ноги весь дом.

Сеогей. Ну... вот! Еще что выдумаете... Улита едет — когда-то будет!.. Мы десять раз уйти успеем. (*Пауза*). Так как же, барин, а? Ключи-то от стола дома или — где?

Охлопьев. Жулики вы проклятые, собачье отродье!! Сгниете в тюрьме, как черви. Чтобы у вас руки поотсыхали, разбойники вы анафемские!

Марья Львовна. Ради Бога? Что случилось? Вы поймали жуликов?

Охлопьев. Да как же — так вот и поймал! Пойди, удержи их... Да нет, я сейчас... (*бросается к дверям, Марья Львовна удерживает его*).

Марья Львовна. Не ходите к ним, они вас убьют... Послушайте... Что вы мне говорили о моих глазах? Вы говорили, что ваш взгляд в них тонет...

Охлопьев. Что?! Да отстаньте вы ради Бога с вашими глазами! Действительно, нашли время!.. Вот поймаю жуликов, тогда будет свободное время — доскажу!

Марья Львовна. Жорж! Как вы грубы... Я этого от вас не ожидала... И вы хотите меня покинуть. Ведь все равно, пока вы доедете до своей квартиры — воры убегут...

Охлопьев (*озабоченно*). Серьезно? (*Бросается к телефону.*) Алло! Как вас там... вор! Вы у телефона?

Сергей. Ну, да. Так ключи-то — дома... или как?

Охлопьев. Вот ты у меня узнаешь ключи, мерзавец... (*испуганно.*) Стой! Не отходи от телефона! Жулик. Давно по тебе веревка плачет!

Сергей (*невозмутимо*). Дурак ты дурак, барин. Мы к тебе по-человечески, а ты ругаешься. Просто, жалко зря добро портить — мы и спросили... Что ж, тебе трудно сказать, где ключи? Должен бы понимать, ей-Богу...

Охлопьев. Не желаю я с такими жуликами в разговоры пускаться!

Сергей. Эх, барин! Что ж ты думаешь, за такие твои слова так тебе ничего и не будет? Да вот сейчас возьму, выну перочинный ножик и всю мягкую мебель в один момент вырежу. И стол изрежу и шкап. К черту будет годиться твой кабинет... Ковры чернилами зальем... Ну, хочешь?

Охлопьев (*тон его понизился*). Странный вы человек, ей-Богу... Должны бы кажется, войти в мое положение!.. Забираетесь ко мне в дом, разоряете меня, да еще хотите, чтобы я с вами, как с маркизами разговаривал!..

Марья Львовна (*сидевшая до того с обиженным видом на диване*). Ну, что? Все уже они украли? Поймаете вы их?

Охлопьев (*закрывая отверстие трубки рукой*). Да помолчите вы, ради Бога! Тут серьезный разговор, а вы с пустяками. Алло! Я слушаю.

Сергей. Вот ты говоришь, что мы тебя разоряем... Милый человек!.. Кто тебя разоряет? Подумаешь, большая важность, если чего-нибудь не досчитаешься... Нам ведь тоже жить нужно.

Охлопьев (*прижимая руку к сердцу*). Я это прекрасно понимаю. Очень даже прекрасно... Очень хорошо я все это понимаю. Но одного не могу понять: для чего вам бесцельно портить мои вещи? Какая вам от этого прибыль?

Сергей. А ты не ругайся.

Охлопьев. Я и не ругаюсь. Я вижу, — вы умные, рассудительные люди. Согласен также с тем, что вы должны получить... (*В это время соскучившаяся Марья Львовна тянет его за рукав. Он оборачивается и закрывает трубку ладонью.*) Да дайте же мне поговорить, ей-Богу! Ну, что вам нужно? Садитесь, когда кончу — пого-

ворим с вами!.. (*Она снова усаживается на диванчик, Охлопьев продолжает.*) Да! Согласен и с тем, что вы должны получить за хлопоты... Ведь, небось, несколько дней следили за мной? А?

Сергей. А еще бы! Ты думаешь, что все так сразу делается?

Охлопьев. Понимаю! Милые! Прекрасно понимаю... Только одного не могу постичь: для чего вам ключи от письменного стола?

Сергей. Да деньги-то... Разве не в столе?

Охлопьев. Ни-ни! Ничего подобного! Напрасный труд! Заверяю вас честным словом.

Сергей. А где же?

Охлопьев. Да, признаться, деньги у меня припрятаны довольно прочно, только денег немного (*берет стул, усаживается*), вы собственно, на что рассчитываете, скажите мне, пожалуйста?

Сергей. То есть, как?

Охлопьев. Ну... что хотите... взять?

Сергей. Да что ж... Много ведь не унесешь!.. Сами знаете, дворник всегда с узлом зацепить может. Взяли мы, значит, кое-что из столового серебра...

Охлопьев (*обращаясь к Марье Львовне*). Чаю!

Марья Львовна. Чаю?

Охлопьев. Чаю мне принесите. Да там насчет телефона лучше пока помолчите. Понимаете?

Марья Львовна. Жорж... Так какие у меня глаза? (*испуганно.*) Ну, иду, иду! (*Уходит.*)

Охлопьев. Ну-с...

Сергей. Потом, значит, взяли мы пальто, шапку, часы-будильник, пресс-папье серебряное...

Охлопьев. Оно не серебряное.

Сергей. Ну, тогда шкатулочку возьмем. Она, поди, не дешевая. А?

Охлопьев. Послушайте... братцы! Я вхожу в ваше положение и становлюсь на вашу точку зрения... Ну повезло вам, вы следили, забрались... Я ж понимаю! Ваше счастье! Предположим, заберете вы эти вещи и даже пронесете их мимо дворника. Допускаю! Что же дальше? Понесете вы их, конечно, к скупщику краденого. (*Марья Львовна приносит чай; Охлопьев к ней.*) Благодарю вас! А печенье? (*Она уходит.*) (*Он в трубку.*) И получите вы от скупщика краденого гроши. Ведь я же знаю

этих вампиров. (*Горячо, с убеждением.*) На вашу долю приходится риск, опасность, побои, даже тюрьма, а они сидят, сложа руки, и забирают себе львиную долю...

Сергей (*сочувственно*). Это верно.

Охлопьев. А еще бы не верно!! (*в экстазе*). Конечно, верно! Это проклятый капиталистический принцип — жить на счет труда! Поймите: разве вы грабите? Вас грабят! Вы разве наносите вред? Нет, эти вампиры в тысячу раз вреднее!! Товарищ! Дорогой друг! Я вам сейчас говорю от чистого сердца: мне эти вещи дороги по разным причинам, а без будильника я даже завтра просплю. А что вы выручите за них? Гроши! Вздор. Ведь вам и полсотни не дадут за них...

Сергей (*сокрушенно*). Где там! Дай Бог четвертную выцарапать.

Охлопьев (*с горячностью*). Дорогие друзья! Я вижу, что мы уже понимаем друг друга. У меня дома лежат деньги — это верно — сто пятнадцать рублей. Без меня вы их, все равно, не найдете. А я вам скажу, где они... Забирайте себе сто рублей (пятнадцать мне завтра на расходы нужно) — и уходите. Ни заявлений в полицию, ни розысков не будет. Это просто наше частное товарищеское дело, которое никого не касается — хотите?

Сергей (*нерешительно, почесывая затылок*). Странно это как-то... Ведь мы уже все серебро увязали.

Охлопьев. Ну, что ж делать... Оставьте его так, как есть. Я потом разберу...

Сергей (*колеблясь*). Эх, барин! А ежели мы... и деньги ваши заберем и вещи унесем, а?

Охлопьев (*горячо*). Милые вы мои! Да что вы, звери, что ли? Тигры? Крокодилы? Я уверен, что вы оба в глубине души очень порядочные люди — ведь так? А?

Сергей (*смущенно*). Да ведь, знаете... Жизнь наша такая собачья.

Охлопьев. А разве ж я не понимаю?! Господи! Истинно сказали: собачья. Но я вам верю, понимаете — верю! Вот если вы мне дадите честное слово, что вещей не тронете — я вам прямо скажу: деньги там-то. Только вы же мне оставьте 15 рублей. Мне завтра нужно. Оставите, а?

Сергей (*сконфуженно смеется*). Да, ладно. Оставим.

Охлопьев. И вещей не возьмете?

Сергей. Да уж, ладно. Пусть себе лежат. Это верно, что с ними наплачешься.

Охлопьев. Ну, вот и спасибо. На письменном столе стоит коробка для конвертов, голубая. Сверху там конверты и бумага, а внизу деньги... Четыре 25-рублевки и три по пяти. Согласитесь, что вам бы и в голову не пришло заглянуть в эту коробку... Ну, вот. Не забудьте погасить электричество, когда уйдете. Вы через черный ход прошли?

Сергей. Так точно. Петька! Пе-е-етька! (*Показывается Петька*). Слышь, вон там коробочка. Вот эта. Голубая. Сто рублей там возьми, а 15 оставь. Понимаешь?

Петька. А все нешто нельзя?

Сергей. Нельзя. Вещи тоже оставить!

Охлопьев. Ну, вот. Так вы, уходя, заприте, все-таки, дверь на ключ, чтобы кто-нибудь не забрался. Ежели дворник наткнется на лестнице — скажете: «корректуру принесли». Ко мне часто носят. Ну, теперь, кажется, все. Прощайте, всего вам хорошего.

Сергей. А ключ куда положить от дверей? (*Входит Марья Львовна. Садится на диванчик*).

Охлопьев. В левый угол, под вторую ступеньку. Будильник не испортили?

Сергей. Нет, в исправности.

Охлопьев. Ну, и слава Богу. Спокойной ночи вам.

Сергей. Прощайте, барин, спасибо.

Охлопьев. Ну, чего там. Не стоит. Всего хорошего.

(*Оба вешают трубку. Петька вынимает из карманов вещи, кладет их на стол. Подает пиджак Сергею. В это время Охлопьев отходит от телефона, облегченно вздыхает. Взор его падает на Марью Львовну.*)

Марья Львовна. Ну, что... поймали их? А я на вас сердита, Жорж...

Охлопьев. Ах, да! (*Снимает с вешалки второе пальто, расстилает его перед Марьей Львовной, становится на колени.*) Марья Львовна! Когда я смотрю в ваши глаза, то я... как будто... Марья Львовна!..

Занавес

МОЛОДОСТЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Подходцев.
Клинков
Громов
} приятели, беззаботные молодые люди Одеты кое-как.

Харченко, студент, из категории белоподкладочных.

Прилично обставленная комната Харченко. На столе самовар. На первом плане слева диван. При поднятии занавеса за сценой звонок и, спустя минуту, голос Подходцева:

Подходцев. Харченко дома? Нет? Ну, ничего, мы подождем его... Эх ты, красавица моя... Венера Медицейская! (*Слышен женский визг и дружный смех трех мужских голосов.*

Входят шумно Подходцев, Клинков и Громов.

Подходцев. Мы подождем эту каналью здесь. Он от нас не уйдет, шалишь!

Клинков. Не уйдет!.. Нет.

Громов. Да уж, уйти трудно.

Подходцев (*с комической торжественностью, поднимая руку*). Мы доведем дело до конца.

Клинков и Громов (*поднимая руки, как заговорщики, говорят басом*). Клянемся. У Карла есть враги! Та-ра-рам!

Подходцев (*обычным тоном*). Нет, вы посмотрите, как этот подлый Харченко устроился. Квартирка — загляденье... Посмотри, посмотри, Громов, он спит на кровати, работает за письменным столом; особый стол для еды... Это неслыханная роскошь... Эта свинья живет по-королевски, черт возьми!

Громов. Я положительно ослеплен этой роскошью. (*Закрывает глаза рукой.*)

Клинков. Посмотрите, посмотрите, господа; чай, сахар, колбаса... Каналья не отказывает себе ни в чем.

Подходцев (*развалившись на диване и подняв ноги на спинку*). Он роскошествует, а мы не можем удовлетворить даже самых скромных наших потребностей... Например, много ли мне нужно: пара бутылок шампанского, котлета из дичи, да скромная прогулка на автомобиле — и я совершенно буду удовлетворен.

Громов (*трагически шагая по комнате*). Что делать? Где выход? Впереди зияющая бездна нищеты, сзади разгул, пьянство и кутежи, расстроившие мое здоровье.

Клинков. Чего же ты, собственно говоря, хочешь?

Громов. Я хотел бы и дальше расстраивать свое здоровье кутежами...

Подходцев. Где-то теперь этот болван Харченко?

Клинков (*развалившись за столом и уплетая колбасу*). В самом деле, где-то теперь это животное Харченко?

Громов. Покажите же мне, господа, эту скупую свинью. Вы столько говорили мне о нем.

Подходцев. Ты сейчас увидишь его... Редкий экземпляр крокодила.

Клинков. Богатый толстокожий хам.

Подходцев. Подлец с тяжелой наследственностью.

Клинков. Грязное животное.

Подходцев. И подумать только, что эта свинья бесплатно пользуется нашим обществом.

Клинков. Давай брать с него по пяти рублей за встречу.

Подходцев. Или лучше полтора рубля в час. По таксе, как у посыльных.

Клинков. Это баснословно дешево. Подумать — такое общество!!

Громов. Послушайте, господа, вы так ругаете этого Харченку... Неужели ж он в самом деле такая свинья?

Подходцев. Чудовищная. Говорю же тебе, что Харченко такая штучка, какой ты еще, наверное, никогда не видал... Подумай, папенькин сынок, недалекий парень. Отец отсылает ему 300 рублей в месяц, и он проживает все это один, тайком, прячась от друзей, попивая в одиночестве дорогие ликеры, покуривая сигары и закатывая себе блестящие пиры. Он, конечно, любит нас потому, что мы люди веселые, умные, щедрые, когда есть деньги. Он частенько вползает в нашу компанию, но как только у компании деньги исчерпаны — он выползает из компании...

Громов (*наивно*). Так он значит нехороший человек?

Подходцев (*в тон Громову*). Да, Громов, нехороший.

Громов. Так, так... Нехороших людей нужно наказывать. И мы его накажем.

Подходцев. Накажем.

Клинков. Накажем!!

Громов. Только как же? Как уговорились? Полностью?

Подходцев. Разумеется, полностью.

Клинков. А не лучше ли выдать Громова за англичанина, ни капли не понимающего по-русски?

Подходцев. Нет, нет. Оставим прежний план, так лучше... Только вот что, Громов... ты уж доведи свою роль до конца, не рассмейся.

Громов. Будь покоен. И не в таких переделках бывали.

Подходцев. Помните же, господа... все как условились... (*смотрит в окно.*) Тсс... Тише... По местам. Харченко идет. Держись, братцы, и помни уговор (*садится на диван и читает газету*).

Клинков (*насвистывая, смотрит в окно*).

Громов (*садится на стул в углу и тихо мычит*).

Харченко (*входит*). А-а... Гости... Здравствуйте. Давно дожидаетесь?

Подходцев (*ласково*). Здравствуй, Витечка... Как твое здоровьице?

Харченко. Слава Богу... Спасибо. Чаю хотите?

Подходцев. Ты нас извини, Витя, но мы к тебе с одним человеком. Вот, познакомьтесь.

Харченко (*протягивает Громову руку*).

Громов (*сжимает ее и начинает мычать*). А... бба... Мму...

Харченко (*испуганно*). Что это он?

Подходцев. Глухонемой. Ты его не бойся, Витя. Он из Новочеркасска приехал.

Харченко. Да зачем вы его привели ко мне?

Подходцев. А куда его девать? Второй день, как пристал к нам — вот и возимся.

Харченко (*сострадательно*). Вот несчастный... (*осматривает Громова.*) Неужели, ничего не понимает?

Подходцев. Ни крошечки.

Харченко. Гм... И глаза у него мутные-мутные. Совершенно бессмысленные. (*Рассматривает его.*) Идиотские. И ему тоже дать чаю?

Подходцев. И ему дай. Только ты с ним, Витя, не особенно церемонься. Налей ему чаю в какую-нибудь коробочку и поставь в уголку. Он ведь как животное — ничего не соображает.

Харченко (*морщась*). А он... не кусается?

Подходцев. Ну, Витенька,.. ты форменный глупец. Где же это видано, чтобы глухонемые кусались. Ты только не дразни его.

Харченко. Черт знает... Очень нужно было приводить его. Эй! Ты... А-бба-а. Иди сюда. Куш тут... Вот тут у меня черепок есть... (*наливает чай*). На, пей... Лопай, мму проклятый. На вот сахару кусок. Только смотри не подавись... На... (*бросает на пол*).

Громов (*с радостным мычанием ловит сахар и звучно грызет. Съев кусок, он жалобно мычит*). А-аввв-Мму...

Харченко (*Подходцеву*). Что ему еще?

Подходцев. Ты ему мало сахару дал... Не скупись, Витя. Разве ты не знаешь, что глухонемые страшно любят сахар?..

Харченко (*недовольный*). Очень нужно было приводить его. На, мму! Лопай... (*дает еще кусок*).

Громов (*подскакивает к столу, запускает руку в сахарницу и, вытащив несколько кусков, набивает ими рот и карманы*).

Подходцев. Видишь, я говорил...

Харченко (*возмущенно*). Да что это вы, братцы. Привели черт знает кого. Скажи ему, Подходцев, чтобы он сидел смирно и пил свой чай.

Подходцев (*толкая ногой Громова*). А-ба-а. Ты! Сиди там. Куш! Пей это... чай... понимаешь? Дубье новочеркасское.

Громов (*покорно идет в угол, садится на пол и пьет чай, громко причмокивая, и с хрустением грызет сахар*).

Харченко (*смотря на него*). Форменная обезьяна. (*Садится.*) Ну, что поделываете, ребятки?

Подходцев. Ничего, Витечка. Занимаемся, книжечки читаем, по бульварчикам гуляем, котлетки в ресторанчиках кушаем... Скажи, Витечка, ты никогда не травил мышей?

Харченко. Не приходилось. А что?

Подходцев. Да понимаешь, завелись у нас в квартире мыши. Купил я сейчас отравы, а как им ее давать, не знаю.

Харченко. А какая отрава?

Подходцев. Да вот посмотри (*вынимает маленький сверток с белым порошком, кладет его на стол*). Вот, видишь порошок.

Харченко. Как же это называется?

Подходцев. Это, Витенька, вещь вредная, мышьяковистое соединение. Отрава.

Громов (*незаметно приблизившись к столу, с радостным бессмысленным криком хватает порошок*).

Харченко (*испуганно*). Что он делает?

Подходцев (*в ужасе отбегает от стола*). Сахар!! Он думает, что это сахар! Остановите его!

Харченко (*бросается к Громову, но Клинков обхватывает его шею и не пускает*).

Клинков (*с отчаянными воплями*). Витенька, милый! Останови его... Боже мой! Боже мой!! Он отравится.

Харченко (*бешено*). Пусти!!

Громов (*с радостным визгом кривляясь, проглатывает порошок*).

Подходцев (*хрипло*). Поздно.

Клинков (*слезливо*). Боже мой! Что же это будет?

Харченко. Ах, ты Господи...

Громов (*вдруг меняется в лице с глухим хрипом падает на пол и начинает биться в судорогах. Агония,— разумеется слегка комическая, — продолжается около минуты, затем Громов затихает*).

Подходцев (*опускается на колени подле Громова, берет его за руку, слушает сердце, глухо говорит.*) Готов... Впрочем, попробуем еще... (*снимает со стены зеркало, прикладывает обратной стороной ко рту*). Поздно.

Клинков (*со стоном падает на диван*).

Харченко (*слезливо*). Что мы сделали! Зачем вы его привели? Это вы его отравили!! Яд был ваш.

Подходцев. Молчи, дурак. Никто его не травил! Сам он отравился. Клинков, положим его на диван. Дай-ка, Витя, простыню. Надо закрыть его. Гм... Действительно, в пренеприятную историю влопались.

Харченко (*в ужасе, стараясь не глядеть на покойника*). Что же теперь будет?

Подходцев (*успокоительно*). Особенного ничего, конечно... Ну, полежит у тебя до утра, а утром пойди и заяви в участок. Ты не бойся, Витя. Все равно улик против тебя нет. Продержат несколько месяцев в тюрьме да и выпустят.

Харченко. За... что... в тюрьму? Как?!

Подходцев. Как за что? Подумай сам: у тебя в квартире находят отравленного человека. Кто? Что? Почему? Неизвестно. Что ты скажешь? Что мы его привели? Мы заявим, что и не видели тебя, и никого к тебе не приводили. Не правда ли, Клинков?

Клинков (*хладнокровно*). Понятно. Что нам за расчет. Своя рубашка к телу ближе. (*Кладут Громова на диван.*)

Подходцев (*жестко засмеявшись*). А ты, Витя, уж выпутывайся, как знаешь. Можешь, впрочем, разрезать его на куски и закопать в овраге (*Пауза.*) Пойдем, Клинков.

Харченко (*растерявшись*). Братцы! Господа! Товарищи! Куда же вы? Как же я?

Подходцев (*сурово*). Какие мы тебе товарищи? Смотреть на тебя противно. Пусти! Идем, Клинков.

Харченко (*преграждая им выход*). Нет, я не пущу вас. Я боюсь! Вы его привели, вы его и забирайте.

Подходцев. Вот дурак. Чего тебе бояться? Ты привилегированный и получишь отдельную камеру; обед будешь покупать на свои деньги. Да, пожалуй, отец и возьмет тебя на поруки.

Харченко (*вопит, рыдая*). Я покойника боюсь.

Подходцев (*ядовито*). По-кой-ни-ка?.. Не надо было травить его и не боялся бы.

Харченко. Товарищи... Миленькие... Заберите его! Что хотите отдам.

Подходцев. Вот чудак-человек... Куда же мы его возьмем. Можно было бы на извозчика взвалить его, да вывезти куда-нибудь за город и бросить. Но ведь извозчик-то даром не повезет.

Клинков. Конечно. А у нас денег нет.

Харченко (*обрадовавшись*). Ну, сколько вам нужно? Я дам три рубля, довольно?

Подходцев (*горько улыбаясь*). Слышишь, Клинков? Три рубля. Ты бы еще по таксе предложил заплатить.

Харченко. Постойте, постойте, одну минуту... Ну сколько же?

Подходцев. Сто рублей.

Харченко (*опускается на стул без чувств*).

Подходцев. Клинков, поддержи его. Где тут у него нашатырный спирт?

Харченко (*бормочет*). Двадцать... дам.

Подходцев. А... приходит в себя. Вот тебе последнее слово: шестьдесят и пять бутылок вина.

Харченко. А вино... зачем?

Подходцев. Зачем? (*не знает, что сказать.*) Гм!.. Вино, брат, необходимо. Надо же залить воспоминание о страшном случае и заглушить укоры совести.

Харченко. Берите тридцать.

Подходцев. Да что ты торгуешься?! Ведь мы не похоронная контора. Сорок рублей и три бутылки вина. Не желаешь? Идем, Клинков.

Харченко. Постойте... Что ж, если не уступаете... Только помни: все между нами... Чтобы ни одна душа не знала. А то гнить нам всем в тюрьме.

Подходцев. Да уж будь покоен. Ну, гони монету.

Харченко. Сейчас принесу. Деньги у меня в той комнате (*уходит*).

Подходцев, Клинков и Громов, начинают тихонько хихикать.

Подходцев. А дело-то выгорело.

Громов. Ох, братцы, какая у меня жажда после сахару. Вот бы винца хлебнуть.

Клинков. Тише... он может услышать.

Подходцев. Тсссс... Идет.

Громов (*ложится под простыню, но головой в другую сторону*).

Харченко (*входя*). Вот, получай.

Подходцев (*пробует деньги на зуб*). Вот я сначала подсчитаю... Кажется, что полтинник фальшивый. Сорок... Верно. А вино где? Отлично. Бери покойника, Клинков.

Харченко. Постойте, господа. Как же это? Кажется, он лежал головой сюда.

Подходцев. Ну, брат, тебе еще и не то покажется. Уже! Галлюцинации, поздравляю!.. Тащи покойника, Клинков. Постой, я за ноги возьму. Ну, прощай, Харченко. И скажи спасибо, что выручили.

Харченко (*нервно содрогаясь*). Ладно уж, ладно. Только уходите.

Подходцев. Охо-хо-хо. И тяжел же покойник (*с Клинковым уносят покойника*).

На сцене темнеет. Полная тьма. Спустя минуту на сцене снова светло.
Звонок. Голос Подходцева.

Подходцев (*за сценой*). Опять его нет дома! Где же он шатается?! Когда ни придешь — нет его дома. Идем, господа.

Входят Подходцев, Клинков и Громов, на последнем грубый парик с длинными волосами и черные усы на проволоке.

Подходцев. Опять приходится ждать этого пошляка!

Клинков. Что ж подождем эту порочную свинью. Вот уж, действительно, свинья.

Подходцев. Животное.

Клинков. Именно животное.

Подходцев. Скуп и глуп.

Клинков. Глуп и скуп.

Подходцев. Нет, ты подумай, Громов. Постой, да ты сними парик и усы... Успеем прилепить, когда он придет. Клинков, смотри в окно, не идет ли?..

Громов (*снимает парик и усы*).

Подходцев. Нет, вы подумайте: если бы он дал за глухонемого не сорок, а 70 или 80 руб. — мы бы жили-поживали еще недельку.

Клинков. Да уж... от этого человека дождаться чего-нибудь! Как же, подумать только: вынесли покойника,

рисковали будущностью, прятали концы в воду — и все это за какие-то сорок рублей. Сорок рублей за сокрытие трупа!!

Громов. Как труп, должен вам сказать, что вы продешевили. Он обошел вас — ясно как день. Я еще тогда же хотел сказать вам, когда лежал на диване, но только не хотелось портить предприятия.

Подходцев. Да, продешевили. Ты не знаешь, Громов, сколько вообще берут за сокрытие мертвых тел?

Громов. Разно. Смотря по телу. Конечно, глухонемые дешевле, но ведь не сорок же рублей!! Я, по-моему, должен стоить до ста.

Подходцев. Гм... жалко. Может быть, подбросить тебя к нему снова.

Громов. Нет. Я могу быть глухонемым, могу сделаться на короткое время трупом, но разложившимся трупом сделаться невозможно. Это удается только раз в жизни.

Подходцев. Что же делать?

Клинков. Попробуем сделать, как хотели. По-моему, штучка задумана правильно. Харченко непременно попадется на этот приемчик, если Громов выдержит до конца. Громов, уходи скорее!! Харченко идет.

Громов (*стремительно убегает, надевая на ходу парик и усы*).

Подходцев. Ну, Клинков, делай печальное лицо... и посмотри в окно, — они не встретились?

Клинков (*смотрит*). Нет. Громов успел завернуть за угол..

Спустя минуту входит Харченко. Он мрачен.

Подходцев (*идет ему навстречу*). Здравствуй, Витечка. Ну, как ты себя чувствуешь?

Харченко. Неважно. Здравствуй, Клинков... Куда же вы пропали, господа? Я ждал, беспокоился... А он где?

Подходцев (*неопределенно машет рукой*). Ты лучше скажи, как твое здоровьице?

Харченко. Убирайтесь к черту. Я из-за вас ночей не сплю.

Подходцев (*таинственно*). Является? Ну, ничего. Это до сорока дней будет. А потом исчезнет.

Харченко. Куда вы его дели?

Подходцев. Ах, Витечка! Ты нам слишком мало дал денежек. Мы его возили, возили, извозчику дали 50 рублей,

чтобы молчал, а мертвенького у тебя в овраге закопали. Десять рублей своих приплатили. Может, вернешь?

Харченко (*испуганно*). Как? В овраге? Здесь? Около меня?

Подходцев. Ну, да.

Звонок.

Харченко (*вздрогнув*). Кто бы это мог быть? (*Идет к двери.*) Кто здесь?.. Катя, отворите...

Громов (*мрачно входит и останавливается у дверей*).

Харченко (*взволнованно*). Кто вы такой? Что вам угодно?

Громов (*глухим голосом*). Что мне угодно? Справочку. У вас не было моего брата?

Харченко. Какого брата? Что нужно? Никакого брата мы не знаем.

Громов. Какого брата? Моего! Глухонемого. Он несколько дней, как исчез. Сначала я думал, что он уехал в Новочеркасск, а потом по справкам выяснилось, что он был у вас.

Харченко (*срывающимся голосом*). Се... сейчас... Я справлюсь... садитесь... (*хватает за руку Подходцева и тащит его на авансцену, чуть не плача*). Господи, Господи. Что же это?

Подходцев (*шепотом*). Не реви, дурак. Надо следы замести, а он разливается, как дождик... Молчи.

Харченко. Да... что... что вы наделали?! З... зачем вы втянули меня в это. Вот теперь брат уже появился.

Подходцев. Ничего, выкрутимся. Вытри слезы (*утирает ему слезы*). Как преступления совершать, так ты мастер, а как надо расплачиваться, так ты в слезы... Экий дурак.

Харченко (*всхлипывая*). Я совершил преступление? Да какое?

Подходцев. Как какое? А сорок рублей за что дал? Лучше бы молчал, миленький. Постой, я поговорю с братом (*громко обращается к Громову*). Вы спрашиваете о глухонемом? Да он был здесь... был, как же! Но в тот же день уехал.

Громов (*с подчеркнутым сомнением*). Что-то мне не верится. Боюсь, не случилось ли с ним чего. Тут места глухие, а он человек больной, без языка и ушей. Говорят, здесь какой-то овраг близко... я думаю, не пошарить ли мне в овраге.

Харченко (*близок к обмороку*).

Подходцев (*поддерживая его*). Крепись несчастный, на нас смотрят.

Громов (*теряет усы, но быстрым движением снова прикрепляет их*).

Подходцев (*громко*). Что вы, что вы? Да чего же ему быть в овраге? Вот новости! Просто уехал человек в Новочеркасск... Гм... А оттуда он собирался в Пятигорск и Тифлис... Он мне сам говорил... еще куда-то... Где-нибудь в этих городах вы его и найдете.

Громов (*закрыв лицо руками, плачет*). Я верю вам! Но что-то подсказывает моему сердцу, что с несчастным братом стряслось неладное... О, как бы я хотел выяснить это. Нет! Так или иначе, я разыщу его.

Подходцев. Поезжайте в Новочеркасск или в Пятигорск.

Громов. Я поехал бы... Я сегодня бы выехал, но увы — у меня нет денег.

Подходцев. Гм... Вот оно что... Действительно. А уехать вам надо... Обождите. Одну минутку (*берет Харченко за руку и отводит его на авансцену*). Слушай... Во что бы то ни стало нужно его сплавить.

Харченко (*хныча*). Все я? Опять я! Опять денег давай... Что у меня, завод денежный, что ли. Откуда я возьму?

Подходцев. Да пойми, чудак, ежели он здесь останется, ведь мы ночей спать не будем. Вдруг он полезет в овраг.

Харченко (*испуганно*). Ну?!

Подходцев. Ты понимаешь? Труп в двухстах шагах от твоего дома. Труп человека, который, как уже осведомлен брат, был у тебя... А?.. Как на тебя посмотрят?..

Харченко (*плача*). Будь вы прокляты! Черт принес вас тогда ко мне. Сколько дать этому дьяволу?

Подходцев (*ласково*). Побольше, Витечка. Пусть уедет подальше и забудет о нас.

Харченко. 15 руб. довольно?

Подходцев. Что?.. 60. И то за одну только дорогу. Харч свой. Ничего, Витечка... На такое дело жалеть не надо. После дороже может стоить. Чего там. Зато теперь можем начать новую жизнь.

Харченко (*решительно*). Ну, хорошо... На, вот передай ему (*вынимает деньги*). Пусть лопает. А я уйду. Не могу я

его видеть. Уж очень он мне своего покойного брата напоминает (*дает деньги и уходит*).

После ухода Харченко несколько секунд пауза... Затем приятели переглядываются, фыркают и начинают смеяться.

Подходцев. Как по маслу!
Громов. Я же говорил! (*одеваются, уходят*).

Сцена несколько минут пуста.

Громов (*снова показываясь из дверей без парика и усов, ищет на полу*). Где мои калоши? Тут я их, кажется, поставил...
Харченко (*показывается из других дверей, сначала не видит оторопевшего «прежнего» Громова, потом замечает его. В ужасе*). Ой! (*падает на стул*).
Громов (*осененный, вдруг поднимает обе руки и, делая к дверям аршинные шаги, говорит загробным голосом*). Я... еще! явлюсь!..

Занавес

КОГДА ЖЕНЩИНА ЗАХОЧЕТ

Посвящ. А.Я. Садовской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж.
Жена.
Горничная.

Столовая. Муж и жена сидят за утренним чаем. Жена звонит.
Входит горничная.

Жена. Где же утренняя почта?
Горничная. Сейчас принесу, барыня.
Жена. Очень мило. Выходит так, что не скажи я вам сейчас — вы бы принесли почту в три часа дня, или в пять! Или в десять — да?
Горничная. Сейчас принесу (*уходит*).
Муж. Ты, кажется, нервничаешь?
Жена. Кто? Я? С чего ты это взял?
Муж. Ну, как же! За что ты обидела горничную? Ведь она всегда приносит почту, когда ей скажут, не раньше.
Жена. Значит я, по-твоему, нервничаю?
Муж. Мне кажется.
Жена (*кричит, хлопает ладонью по столу*). А я тебе говорю, что я не нервничаю!! Слышишь ты?! Я совершенно спокойна!!! Вот и все. И не приставай ко мне.

Горничная (*приносит почту*). Вот извольте письмо барину и письмо барыне. А это газеты...

Жена (*иронически*). Благодарю вас. А то бы мы так и не разобрались без вас — что кому. Можете идти.

Горничная уходит.

Жена (*хватает журнал, срывает упаковку, кладет журнал на колени, берет письмо, потом перелистывает журнал, берет в одну руку письмо и, перелистывая журнал, рвет зубами край конверта. Вынимает зубами письмо. Читает. По мере чтения делается внимательнее. На средине чтения письма рука с письмом опускается. Говорит задумчиво.*) Ах, мужчины, мужчины... Вот, говорят, что женщина, влюбившись, теряет голову... А я думаю, что нет ничего смешнее, трогательнее и бестолковее влюбленного мужчины.

Муж (*с беспокойством*). Ты это не обо мне ведь говоришь?

Жена. Успокойся — не о тебе. Просто я сейчас получила письмо от совершенно незнакомого мне господина. И, представь себе, — он изливается мне в своих чувствах.

Муж (*снова принимаясь за газету. Рассеянно*). Просто дурак какой-нибудь.

Жена. Почему же дурак? Уж сейчас и дурак. Значит, и ты был дурак, когда в свое время изъяснялся в любви ко мне?!

Муж (*в голосе его нотка искренности*). И я.

Жена. Очень мило! Благодарю вас!

Муж. Не стоит. Курите на здоровье.

Жена (*читает*). «Мое бесценное сокровище!» Обрати внимание: человек, который еще даже не знаком со мной — считает меня бесценным сокровищем.

Муж. Не обвиняй его! Для человека, незнакомого с тобой, — это простительно.

Жена (*не поняв*). Ага! Теперь уже и ты начинаешь отпускать мне комплименты, хитрец ты этакий! Да-а... «Другие, может быть, и назовут пошлой дерзостью то, что я пишу вам такое письмо, даже не будучи знаком, но, если вы так же умны, как и красивы, вы не сочтете это дерзостью»... Я и не считаю!

Муж. Еще бы!

Жена. «Благословляю тот счастливый случай, который привел меня третьего дня в «Аквариум»...» (*снисхо-*

дительно покачивает головой). Начиная с этих строк, бедняга совершенно теряет голову. Ха-ха-ха! Обрати внимание: он пишет — «Аквариум», в то время как мы были — в «Аркадии»... Помнишь, тогда? До чего у человека все в голове перепуталось...

Муж. Может быть, он тебя спутал с кем-нибудь?

Жена. Чепуха! С кем он меня может спутать?! «Сердце мое сжималось сладко и мучительно, когда ваша милая головка показывалась у окна кабинета»...

Муж. Постой, постой... Как это так «у окна кабинета», когда мы сидели в общем зале? Тут что-то непонятное!

Жена. Для кого непонятное, а для кого и понятное! Очень просто: значит, он сидел в кабинете, а мы снаружи, и моя, как он говорит, «милая головка» показывалась у окна кабинета.

Муж. Однако, я не думаю, чтобы твоя милая головка достигала окна второго этажа.

Жена. Он об этом и не говорит.

Муж. Но ведь кабинеты во втором этаже?!

Жена (*нетерпеливо*). Я не виновата, милый мой, что кабинеты так глупо устроены. Ну-с, дальше. «Я знаю, кто те двое мужчин, которые сидели с вами»... Постой-ка! Кто был тогда с нами?

Муж. Нас было трое: ты, твоя тетка и я.

Жена. Значит, он мою тетку за мужчину принял? О, Боже, Боже... Недаром говорят: любовь — слепа!

Муж (*критически*). Хорош гусь! Теперь ты согласна, что тут какая-то путаница?

Жена (*язвительно*). О, да. — Я вижу — ты бы очень хотел этого! Еще бы!

Муж. Да как же можно — женщину за мужчину принять?

Жена. Мало ли что. У тети, действительно, очень мужественный вид. Человек смотрел только на меня! Все остальные для него только ненужная декорация!

Муж. И я декорация?..

Жена. И ты декорация.

Муж. А ты знаешь: декорация иногда может на голову свалиться.

Жена. Я знаю — ты другого ничего не можешь сделать. Да... «...Те двое мужчин, которые сидели с вами; но если седой толстый господин в смокинге — ваш муж —

не думаю, чтобы вы любили его»... Заметь: он маскирует эти слова хладнокровным тоном, но видно, что бедняга страдает.

Муж. Интересно: кого он принял за седого господина в смокинге — тетушку, меня или тебя.

Жена. Не будь пошляком.

Муж. Милая: какой я толстый? Какой я седой? Какой я в смокинге, когда я в сюртуке был?

Жена. Очень ему нужно разбирать — в смокинге ты или в сюртуке! Только ему и дела.

Муж. А седой-то? Какой я седой?

Жена. Ты почти блондин. А блондины вечером кажутся седыми. Преломление лучей.

Муж. Именно. Оно самое. А толстым я кажусь тоже от преломления лучей?

Жена. А что ж ты худенький, что ли? Слава Богу четыре с половиной пуда!

Муж. Та-ак; а скажи, сколько ты весишь?

Жена. Три пуда семьдесят. Ах, да дело не в этом!.. Ты все перебиваешь меня! «Но то, что вы изредка кокетничали с другим господином — пронизывало мое сердце отравленными стрелами»...

Муж (*отбрасывая газету, заливается ядовитым смехом*). С другим — это, значит, с теткой. Действительно, обидно! Если женщина со своей собственной теткой кокетничает — дело швах.

Жена. Конечно, конечно — тебе непонятно, что человек мог совсем потерять голову.

Муж. Ну, кто найдет ее, тоже не обрадуется.

Жена. Я так и знала: ты ревнуешь! А, ну, что дальше? «Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь другой обвивал руками вашу тонкую талию и целовал ваши черные, как ночь, волосы».

Муж. Ну, послушай, положа руку на сердце, можно назвать твою талию тонкой?

Жена (*угрюмо*). Если тебе не нравится — ищи себе другую!

Муж. Благодарю вас. Одно должен признать — он довольно мило перекрасил твои волосы в черный цвет.

Жена. Он этого не говорит!

Муж. Ну, как же! Там он сравнивает твои волосы с ночью, что ли.

Жена. Ночи бывают и черные, и белые. Если захотеть критиковать человека, всегда можно придраться. Он писал так, как чувствовал! «... Счастливый случай дал мне возможность узнать ваш адрес от Жоржа Кирюкова»... Это что еще за Жорж?

Муж (*пожимая плечами*). Тебе лучше знать.

Жена. Откуда же мне знать какого-то Кирюкова?! Это, наверное, один из твоих ресторанных забулдыг-знакомых. Знакомитесь, с кем попало! Гм!.. «... От Жоржа Кирюкова, жениха вашей свояченицы Клавдии»... С ума сошел человек! Какая свояченица?

Муж. Он же говорит — твоя?

Жена. Почему моя? Может быть, твоя?

Муж (*иронически*). Да, да. Я ее до сих пор в кармане на всякий случай прятал, а теперь вынул... Получайте, дескать. Новая родственница!

Жена. Нечего хихикать! Обрадовался...

Муж. Милая моя! Ни свояченицы, ни твояченицы, ни мояченицы — у нас нет!

Жена. Поразительно умно! Просто человеку не до того было, и он все перепутал...

Муж. Как это можно — все перепутать? С какой радости?

Жена (*обиженно*). Значит, по-твоему, я не способна внушить человеку сильное чувство, да?

Муж (*поднимая с пола конверт*). Удивительно, как этот идиот еще адреса не перепутал! Постой-ка!.. Гм!.. Тебя зовут Александрой?

Жена. Александрой.

Муж. Есть. Степановной?

Жена. Что за глупости! Какой Степановной?

Муж. Тут, дорогая моя Александра Ивановна, стоит «Степановна».

Жена. Что за нелепый человек! Ты фамилию посмотри!

Муж. Да, фамилия хорошая: Чебоксарова.

Жена. О, Господи! Неужели, он и фамилию... ошибся?!

Муж (*ехидно*). Ну, какие пустяки, Что такое фамилия? Номер дома правилен — 7, а квартира, гм!.. На три номера больше — это, впрочем, тоже деталь...

Жена (*нервно*). В таком случае... я ничего не понимаю!! Ты умным себя считаешь — ты и объясни... В чем тут дело?

Муж. В чем? Просто это письмо не к тебе адресовано.

Жена. Вздор! Как бы оно иначе ко мне попало! Это он мне писал! Только что волосы спутал...

Горничная (*входя в столовую*). Вам не попали по ошибке журналы госпожи Чебоксаровой из одиннадцатого номера?

Жена. Что такое? Какая Чебоксарова?

Горничная. Александры Степановны Чебоксаровой. Брюнетка такая тоненькая. Кажись, почтальон всю ее почту вам сунул. Умается, работамши, вот и сует зря...

Жена (*горничной*). Скажи своему почтальону, что он дурак! А ты тоже... обрадовалась, хватает почту... как слепая курица и тащит без разбору! Зря только вам жалованье платишь. (*Мужу*.) А ты тоже хорош. Вместо того, чтобы разобрать как следует почту — сейчас же хватаешься за свои глупые газеты! Убегут они от тебя, правда? Новости тебе нужно знать! Да? Без тебя политики не сделают?! Выше головы, милый мой, не прыгнешь, могу тебя успокоить (*ходит в бешенстве по комнате*).

Занавес

ТЕЛЕФОН № ТАКОЙ-ТО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Муж }
Жена } Зефировы.
Молодой человек.
Актриса.

На сцене — две комнаты. Налево будуар г-жи Зефировой, направо — отдельный кабинет ресторана. Между этими комнатами некоторое пространство, изображающее кусочек улицы, наверху видны телефонные провода... В будуаре и в кабинете стоят телефоны.

При поднятии занавеса кабинет пуст, а в будуаре на кушетке полулежит г-жа Зефирова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зефирова (*бросая книжку, которую читала*). Какая странная вещь — сердце женщины. С одной стороны, я вот сейчас чувствую, как сердце так и ноет: «нельзя обманывать мужа! Муж сейчас работает, спину гнет в своем Правлении, и ты должна быть ему верна!». А, с другой стороны, сердце так и ноет: «позови Сергея Николаича! Позови Сергея Николаича!». Позову Сергея Николаича, сделаю плохо мужу, не позову Сергея Николаича, сделаю плохо себе. Вот тут и вер-

тись... Впрочем (*задумывается*), можно пойти на компромисс — позову Сергея Николаича, но попрошу его, чтобы он держался в рамках! А раз в рамках, тогда — ничего! (*встает и кричит в дверь*). Катя! Сходи напротив к Сергею Николаичу, скажи, чтобы пришел на минутку! (*Отходит от дверей.*) Гм!.. Надо будет принять его поофициальнее: «Сергей Николаич? Здравствуйте. Как себя чувствуете? Простите, что я вас побеспокоила, но мне нужно было узнать одну важную вещь...». А какую же важную вещь у него спросить? Гм! Спрошу, что такое инкубационный период? Скажу, что читала книгу и наткнулась... Потом, конечно, перейду на сухой светский разговор: «Давно ли видели Виталия Алексеича? Не видели ли новой постановки в Мариинском театре? Когда в последний раз видели...». Впрочем, что это я все: видели да видели... Нет, скажу ему просто, что читала одну книгу, которая произвела на меня сильное впечатление... А если спросит заглавие, скажу что забыла... или что первый листок был вырван... Вообще буду держаться возможно холоднее, с оттенком легкой светской рассеянности: «Что вы сказали? Ах, я задумалась и не расслышала, простите... Уже уходите? Ну, до свиданья. Спасибо, что навестили одинокую отшельницу...». Тсс!.. Идет! (*отбегает к кушетке, садится, принимает натянутую позу; вдруг вскакивает, подбегает к зеркалу, пудрит нос, садится, принимает прежнюю позу*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит молодой человек.

Молодой человек (*остановившись, рассматривает застывшую в напряженной позе хозяйку*). Какой прекрасный экземпляр египетской статуи... Какой ученый откопал ее?..

Зефирова (*неожиданно разражается смехом бросается на шею молодому человеку*). Ах, ты, Сережа, такой веселый, что я не могу выдержать! Ха-ха-ха! Так без тебя скучно было! Почему ты не приходил?

Молодой человек. Да ведь ты же сказала, чтобы ноги моей у вас не было. А на руках я ходить еще не умею.

Зефирова. Что же ты делал все это время?

Молодой человек. Учился ходить на руках. Сколько перчаток истоптал. Постой... (*смотрит на нее*). Целовал я тебя уже или нет?

Зефирова (*серьезно*). А знаешь... кажется, нет.

Молодой человек. Ты это наверное помнишь?

Зефирова (*с комическим страхом*). Наверное.

Молодой человек. Придется искать выход из этого положения... (*целует. Садятся на диван, шепчутся*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В кабинет на правой стороне входит муж — Зефиров. В руках у него букет цветов. Останавливается в задумчивости.

Зефиров. Свинство, собственно говоря... Жена сейчас сидит дома одна, скучает, думает, что я торчу у себя в Правлении, вечернюю работу обрабатываю... Хороша вечерняя работа!.. А Жужу все еще нет... Позвоним пока что жене... Надо же все-таки! (*Подходит к телефону*). Центральная?.. Барышня, дайте 720–19. Алло! (*в будуаре Зефировой звонок*).

Молодой человек (*сидящий около телефона, машинально снимает трубку*). Алло! Что угодно?

Зефиров. Мужской голос... Гм... Это квартира Зефирова?

Молодой человек. Родовспомогательный институт. Что угодно?

Зефиров. Тьфу! (*бросает трубку, звонит*). Барышня, что вы мне другой номер даете? Что? Да... знаем мы, как тот же самый... Я прошу 720–19. Готово? (*Молодой человек снова хочет взять трубку, но Зефирова ее отнимает. Легкая борьба.*)

Зефирова (*зевая*). А-а... Кто говорит?

Зефиров. Это ты, Маруся?

Зефирова. А? Митя!.. Да, я... Лежала тут на диване... задремала. Ты что делаешь?

Зефиров. Я? Этого... Вот работаю тут. Отчет очень запустили. Что?.. (*делает вид, что говорит с кем-то, отрываясь от телефона*) Николай Иваныч, вы эту ведомость перепишите заново, а Поликарпову скажите, чтобы он подсчитал остаток кассы... Пусть за-

пишет, а потом перепишет... Прости, милая, все дела и дела... (*Кричит.*) Попросите Мартьянова съездить к директору! У нас тут понимаешь, милочка, такая работа... Слышишь, как на счетах щелкают? (*пощелкивает пальцами*). Дело в том, что мы должны ежемесячную отчетность сдавать к пятнадцатому... (*Молодой человек подходит к Зефировой, обнимает ее. Она оборачивается к нему, целует, держа трубку далеко от себя. Зефиров продолжает говорить.*) Ну к пятнадцатому мы и сдали бы, да тут захворал вице-директор, а наш новый председатель Звягинцев уехал в отпуск не...

Зефирова (*прикладывая трубку к уху*). Что ты говоришь?

Зефиров. Я говорю: уехал в отпуск...

Зефирова. Ага! Это хорошо... Ну, дай Бог...

Зефиров. Куда там, к черту, — хорошо?!.. Именно и нехорошо... А вот я сейчас кончаю просмотр баланса... (*Молодой человек все время дергает Зефирову за платье, мешая ей слушать, пытается поцеловать.*)

Зефирова. Отстань! С ума ты сошел!

Зефиров. Что? Кто сошел с ума? Алло!.. Это ты, Маруся?

Зефирова. Конечно, я. (*Отбивается от молодого человека.*) Пошел, не мешай!

Зефиров. Кто там, Маруся? Кого ты гонишь?

Зефирова. Кошка тут забралась... Прислуга не закрывает дверей, она и вошла. Киска! Кисанька... (*гладит молодого человека по щеке. Молодой человек, заливаясь смехом, бросается на кушетку, катается по ней*).

Зефиров. Прогони ее к черту, вот и все! Ну, понимаешь, этот директор...

Молодой человек. Ну, мне это уже надоело! (*Вскакивает, отнимает у Зефировой трубку, говорит грубым голосом.*) Алло! Центральная? Что же вы мне не даете аптеки, барышня?! Тут человек умирает, а вы...

Зефиров. Алло! Алло! Кого там присоединили?!

Молодой человек. Алло! Алло! Кто говорит? Аптека?

Зефиров. Кой черт, аптека! Это квартира Зефирова?

Молодой человек (*тонким голосом*). Что? Говорят из сигнальной будки городской водонапорной башни...

Зефиров. Тьфу! Дайте отбой! (*Звонит.*) Барышня. Дайте 720–19. (*Зефирова снова берет телефонную трубку.*)

Зефирова. Алло! Ты, Митя? Эти телефонные барышни прямо с ума сходят. Только все о возлюбленных, наверное, и думают...

Зефиров. Маруся! Все-таки, хотя я и работаю, мне неприятно, что ты скучаешь...

Зефирова. Ты знаешь, невероятная тоска, действительно. Одна, одна — в этих проклятых четырех стенах... (*К молодому человеку.*) Пошел!!

Зефиров. Кто пошел?

Зефирова. Гм!.. Дождь пошел.

Зефиров. Бедняга... Тут ей скучно, а тут еще дождь. Хотела бы ты, чтобы я очутился сейчас около тебя?

Зефирова (*быстро*). Не дай Бог!!

Зефиров. Что? Почему не дай Бог?

Зефирова. Да ведь тебе работать нужно, а если ты отвлечешься для меня, то пострадает работа. А работа, милостивый государь, это все!

Зефиров (*в восторге*). Что за умница!

Зефирова (*шаловливо, прижимая к себе голову молодого человека*). Нет, уж я лучше одна посижу... помечтаю тут о тебе... Одна, одна, одинешенька... Да, я тебе еще не рассказывала, как я нынче утром у Катерины Афанасьевны была... Можешь себе представить, она сшила себе платье и оно оказалось не впору!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В правый кабинет входит Актриса. Она в пальто, в шляпе, осматривает накрытый стол, вино, бросается с шумом в кресло.

Зефиров (*увидя ее, кладет трубку на стол, бросается к актрисе, целует ее*).

Зефирова (*продолжает рассказывать*). И представь себе, она заявляет портнихе: это, говорит, вы испортили, я не такая толстая. А та ей: мадам, ведь две недели прошло, как мерку снимали, за это время вы, значит, и располнели. Наверное, говорит, кушали много. Та, представь себе, и взбеленилась: как это так — кушала?! Что вы меня кушаньем попрекаете? Значит, я для вашего удовольствия должна с голоду помирать?! Значит, вам мой кусок поперек горла стал? Вы мне

и то синее испортили, что я вам в прошлом месяце заказывала, и юбку, говорит, впереди сузили...

Зефиров (*сняв с актрисы манто и шляпу и усадив ее в кресло, бросается к телефону, прикладывает трубку*). Да, да! Что ты говоришь? Это прямо непостижимо! (*Кладет снова трубку, бросается к актрисе, наливает ей вина, начинают есть.*)

Зефирова (*продолжает говорить*). А портниха, представь себе, вдруг говорит: не знаю, сузила я юбку вам или нет, но раз вы мне до сих пор за нее не заплатили, то не все ли вам равно, испорчена она или нет... Как тебе нравится такой тон?.. Не мне она это сказала! Я бы ей ответила!.. Ты помнишь прошлогодний случай со мной в ювелирном магазине? (*Пауза.*) Помнишь? Алло! Помнишь? Почему ты не отвечаешь? Алло! Ты слушаешь? Вот безобразие! Опять раъединили.

Молодой человек. Ну, и черт с ним!

Зефирова. Действительно! (*садится около него, гладит его по голове; любезничают*).

Зефиров (*встает из-за стола, бежит к телефону, в трубку*). Да, что ты говоришь? Это прямо что-то удивительное (*Прислушивается.*) Алло! Полное молчание... Значит, разъединили! (*Возвращается, садится в кресло. Актриса усаживается на спинку кресла, кормит его виноградом.*) Какая ты странная,— я с какой-то женщиной разговариваю по телефону, а ты даже не спрашиваешь — с кем?

Актриса. Зачем же тебя спрашивать?

Зефиров. Ну, если ты, скажем, меня ревнуешь.

Актриса. Ты хочешь, чтобы я тебя ревновала? Ну, хорошо — буду. (*Дурачась.*) С кем это ты сейчас разговаривал?! (*хватает его за горло*).

Зефиров. С женой.

Актриса (*хладнокровно опуская руки*). Ну, вот видишь — с женой! Поэтому я тебя и не ревную. Скажи, у тебя жена... хорошая?

Зефиров. Очень.

Актриса. И тебе не изменяет?

Зефиров. Ты с ума сошла?

Актриса. А представь себе, ты вот сейчас сидишь со мной, а у нее какой-нибудь этакий красавчик с черными усиками...

Зефиров. Ты... ты с ума сошла! Этого не может быть! Я... сейчас... (*Бросается к телефону. Бешено надавливает кнопку.*) Алло! Алло! Это центральная? Бар-рышня! Алл-о-о! Это центрррр-а-а-альная? Что вы там спите, барышня?! Я буду жаловаться! Что? Дайте 720–19.

В будуаре Зефировой резкий звонок.

Молодой человек (*замечтавшись около Зефировой, в ужасе вскакивает, бросается к телефону*). Алло! Кого надо?

Зефиров. Это какой номер?

Молодой человек. Бюро съезда врачей-алкоголиков!

Зефиров. Опять не туда попал.

Молодой человек. Чего же ты, старый дурак, зря звонишь?

Зефиров. Не слышу, повторите!

Молодой человек. Если у вас ослиная голова, так не беритесь разговаривать по телефону...

Зефиров. Ага! Хорошо, хорошо... Я распоряжусь... До свидания!

Молодой человек. Чтоб тебя трамваем переехало! (*вешает трубку, отходит*).

Зефиров (*звонит снова*). Барышня! Да что же это такое?! Русским язы... Алло! Русским язы... Алло, алло! Русским язы... Алло, черт вас побери! Русским языком я вам говорю: дайте мне номер семьсот двадцать (*очень ласково*) и девятнадцать, понимаете? (*медовым голосом.*) Семьсот двадцать и девятнадцать. Готово? Ну, спасибо (*другим тоном*). Спасибо, чтоб тебя черт побрал!

В будуаре Зефировой звонок.

Зефирова. Пустите, я подойду. Это, наверное, муж. Алло! Ты, Митя? Нас, кажется, разъединили.

Зефиров. Да! Вообще, знаешь, этот телефон... Что ты делаешь?

Зефирова. Ничего.

Зефиров (*мнется*). Ага... Ничего? Ну-ну... Ты одна?

Зефирова. Кто же у меня может быть в одиннадцать часов ночи?

Зефиров. Послушай...

Зефирова. Ну что?

Зефиров. Маруся... Кхе! Кхе! Ты... меня любишь?
Зефирова. Что за вопрос?.. Конечно, люблю...
Зефиров (*в трубку, тихо*). Ну... поцелуй меня... по телефону.
Зефирова. Хоть десять раз! (*усаживается на колени к молодому человеку, звучно целует его*). Слышал?
Зефиров. Ой, как хорошо! Ну, еще!
Зефирова (*целует молодого человека*). Вот тебе еще и еще!
Зефиров. Ну, спасибо. Ты меня успокоила...
Актриса (*подходит к нему, садится на спинку кресла, в котором сидит Зефиров*).
Молодой человек (*отнимает у Зефировой трубку*). Дай-ка, я с ним поговорю... (*грубым голосом.*) Что, матушка, отец Симеон дома?
Зефиров. Фу ты, черт... Опять кто-то присоединился... Алло! Какого вам отца Симеона?
Актриса. Ха-ха-ха! Отец Симеон? Дай-ка, я с ним поговорю... Послушайте, на что вам нужен отец Симеон? Венчаться? Хотите за меня замуж? Ха-ха!..
Молодой человек. Боже! Знакомый голос. Жужу, это ты?
Актриса. Неужели, Сережа? Здравствуй! Как это ты туда попал?!
Молодой человек. Куда — туда? Да я у себя...
Актриса. Не лги, миленький. Мы сейчас звонили совсем по другому телефону!..
Молодой человек (*с горьким смехом*). «Мы»! Ты, значит, Жужу, не одна? Ты с мужчиной?! Подожди же...
Актриса. Сережа, клянусь тебе...
Зефирова (*отнимая трубку*). Подожди же, я с ней поговорю...
Зефиров (*отнимая трубку*). Дай-ка мне трубку, я этому молодцу отвечу как следует!.. Алло! Послушайте, молодой человек...
Зефирова. Это ты, Митя?
Зефиров. Господи! Маруся!.. Что за чудеса? (*сладким голосом*). Здравствуй, Маруся... Не спишь еще?
Зефирова. Нет. Скажи, где ты сейчас находишься?
Зефиров. Ну, как же! В Правлении... (*кричит в сторону.*) Павел Иванович! Принесли бумаги для подписи? Пусть перепишут, а потом... опять перепишут!.. Скажите курьеру, чтобы он позвал делопроизводителя!.. Да, так о чем, Маруся, я тебя хотел спросить... Алло!

Актриса. Сережка у нее! Нет, уже этого я ему не прощу! Он у меня узнает!.. Сейчас же еду домой и... и... (*хватает шляпу, накидку, кое-как надевает — убегает, не простившись*).

Молодой человек (*в это же время*). Она с каким-то мужчиной?!. Нет, этого я не допущу!.. Она у меня узнает, как с мужчинами... Она узнает... (*хватает шляпу, убегает*).

Зефиров. Так вот понимаешь, Маруся, я так занят, столько работы... Столько работы... (*оглядывается*). Впрочем, я уже свободен. Кончил! Сейчас приеду!

Зефирова. Сейчас?!. Нет, лучше немного погодя... Или... Ну... (*оглядывается*). Сейчас... Ну, что ж... Приезжай, я буду очень рада.

Зефиров. Маруся...

Зефирова. Митя?

Зефиров. Жди!

Зефирова. Жду.

Зефиров (*чмокает воздух*). Целую!

Зефирова. Ладно.

Зефиров. Что?

Зефирова. Хорошо (*бросается с отчаянием на кушетку, злобно бьет кулаком подушку; стонет*).

Занавес

МОНОЛОГИ

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШАЯ МАСЛЕНИЦА

...Когда все уселись за стол, и я тоже уселся, хозяйка разложила на коленях салфетку и сказала:

— Приглашала я также Кузьму Петровича, но он отказался. Клянется, что не может, потому что работы много. А я уверена, что вовсе не потому. А просто боится своей гражданской жены, которую мы не пригласили. Хм! Работа. Терпеть не могу неискренних людей.

— Вы, действительно, не любите неискренних людей? — спросил я, ощущая прилив странного вдохновения.

— Да, конечно... Эти... неискренние. Что хорошего!

— Так, так. Значит, искренних людей вы любите?

— Д-да... А что?

— И если искренний человек скажет вам то, что он думает, вы будете рады и будете любить этого искреннего человека?

В моем тоне было что-то такое, от чего она немного съежилась, пролепетав очень неуверенно:

— Да, конечно... Я уважаю, которые...

— Знаете, это очень хорошо, что вы уважаете, которые. Искренность, так искренность! — Так вот, что я вам скажу, многоуважаемая Марья Дмитриевна: я тоже с большой неохотой пошел на эти самые ваши блины. Вот уже третий год я хожу к вам на блины, и все — буквально все — мне у вас не нравится! Вы спросите: почему же я тогда хожу? Вот подите ж. Черт его знает, почему хожу. Наверное потому, что я человек деликатный, а вы ведь можете при-

стать как с ножом к горлу! А не пойди-ка — сейчас обида. И пес его знает, зачем это все вам нужно? Не нравится мне у вас, Марья Дмитриевна... Прежде всего, блины. Ведь блины у вас определенно скверные, а мы уже три года едим, да подхваливаем. Они какие-то жесткие, пересушенные; нет в них такой пышности, рыхлости, которая должна быть в порядочном блине. Затем — масло! Масло вы покупаете определенно прогорклое, дешевое, думая, что гость все слопает. Вы думаете, если маслице-то растопили, так все это уж и незаметно? Нет, матушка! Ровно год тому назад у меня от вашего масла была такая изжога, что я до сих пор вспоминаю ваше маслице. А? каково! Такое масло, что целый год помню! Засим, возьмем икру... Я рассуждаю так: если у вас нет средств — не давайте никакой икры. А вы, чтобы соблюсти какой-то жалкий декорум (блины, мол, без икры, не блины! Да?), ставите обычный тип ваксы «Молния». Вы поглядите на эту икру. Если я всажу туда ложку, то ведь ее вытащить обратно обыкновенным способом нельзя. Ей-Богу! Нужно поставить коробку на пол, упереться в нее ногами и тащить ложку обеими руками. Я, конечно, понимаю, что хорошая икра дорога, но зачем же тогда это жалкое торжество? Я понимаю, если бы еще между вашими гостями существовала какая-нибудь духовная идейная связь, общность литературных или художественных интересов — тогда другое дело! Тогда можно бы, скрепя сердце, вынести и гнусные блины, и скверное масло. А то ведь нет! Ведь между вашими гостями нет ничего общего. Ишь ты, посмотрите, какими они волками на меня глядят. А за что? Вот если бы вы, господа, как наша милая хозяйка, любили искренность, — вы бы поняли меня... оценили бы. Я не думаю, чтобы в задачу хозяйки входил также филантропический принцип: «кормление голодающих». Нет! Все вы тут люди более или менее достаточные, и ваксообразной икрой, и блинами, похожими на замасленный переплет детского учебника, — вас не удивишь. Что же остается? Да просто встать и разойтись. Ей-Богу, тоска страшная! Предположим, я действительно хочу покушать блинов... Что же я сделаю? Я возьму какой-нибудь том Диккенса — хороший, господа, писатель! Чтение его книги в сто раз интереснее вашей вялой никому не нужной беседы — возьму, значит, том Диккенса и пойду себе в одиночестве в ресторанчик, где хорошо кор-

мят. Там и икру хорошую получу, и рыхлые блины и, если перемигнусь с метрдотелем, то и сносное масло. И я буду сидеть один, кушать себе — хе-хе! — блиночки с икоркой, с семужкой (семги, кстати, у вас нет!) и буду читать своего Диккенса между двумя блинами. Хорошо, тепло, уютно! И никто ко мне не будет приставать — скушать того-то и того-то, чего мне не хочется, а захотел я, скажем, хорошего пенистого квасу — я взял да потребовал! А у вас — разве удобно потребовать? Скажут: невоспитанный, держать себя не умеет! А какое там не умеет! Нет — сумею. Марья Дмитриевна! я все сказал. Вы любите искренних людей, и я их тоже люблю. Так скажите же мне: оставаться мне после сказанного или уйти? Конечно, вы сами понимаете, что уйти-то мне приятнее. Уйти, а? Уйти? Ну, ладно... Уйду! Всего вам хорошего! (*уходит со сцены*).

ПРОГРАММА КИНЕМАТОГРАФА

Репертуар Московского кабаре «Летучая Мышь».

На сцене полутьма. Направо экран, на который направлен слабый все время дрожащий и мигающий свет.

Налево стулья, на которых несколько зрителей.

Сбоку экрана стоит объяснитель картин.

Он долго откашливается, сморкается, наконец — начинает:

— Программа электромагнитного иллюзорно-реалистного кинемабиографа! Настоящий кинематограф — чудо XX века по Рождестве Христовом!

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ЛОВЛЯ БЛОХ В НОРВЕГИИ
(*Видовая*)

Так называются животные, водящиеся не только в местах для ночного отдохновения трудящих, но и на теле — причиняющие большое беспокойство жителям этой маленькой энергичной страны! Ловлей этих маленьких юрких животных занимается как стар, так и млад, и хотя охота бесприбыльная (мясо их не употребляется в пищу, а кожа не годится за размером), но тем не менее этих хищников ловят по всему побережью отважные норвегцы, как стар, так и мал.

МАЛЮТКА КИТТИ СПАСЛА,
или
СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ, КАК ГОВОРИТСЯ

(*Трогательная*)

В квартире богатого негоцианца Грибуля все спит, не спят только дерзкие грабители, умыслившие подобраться к Грибулевой несгораемой деревянной шкатулке, в которой последний хранил свои капиталы. И вот уже с ножами в зубах лезут эти два каторжника Жюль и Иван за своим позорным ремеслом. Но Привидение не дремлет! Оно положило на пути разбойников куклу малолетней негоцианки Китти. Увидев куклу, разбойники споминают свою молодость и, выранивая из ротов ножи, обсыпают куклу поцелуями. Но тут на шум вскакивает с кроватки малолетняя негоцианка и бросается к разбойникам. Последние хотят ее убить, но потом не хотят ее убить и ласкают малютку, а последняя их. Но прибегают сержанты с револьверами и бросаются на убийц, но малолетняя негоцианка кротко лепечет не надо, не надо, они добрые, и заставляет помириться разбойников с полицейскими. Последние целуются с первыми, а папа Грибуль целует свою милую шалунью. Последняя же целует куклу, спасшую жизнь, и все плачат.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

УМОРИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА ТУПИЦЫНА

(*Очень комическая! масса смеху*)

Нарядившись в пальто и шляпу, наш Тупицын идет на прогулку. Но тут его постигают неудачи. Он зацепляет носильца пустых картонок и последний роняет их на голову нашего Тупицына. Но тут другое горе: дворник поливает улицу и обливает этого чудака. Тогда носилец, дворник и публика набрасываются на него и бьют. Картина эта вызывает несмолчный хохот публики.

РОКОВОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ,
или
РУКА И СЕРДЦЕ НЕВИННОЙ ДЕВУШКИ

(*Трагичная*)

Молодой граф Жорж, встретив на прогулке скромную Мадлену, воспылывает в ней любовью, но нет! Последняя дала себе обет идти в монастырь. Но граф упорен и все добивается своего. Он пишет своему другу де Планшетту письмо: «дорогой Планшетт иди к вышеупомянутой Мадлене и во что бы не стало потребуй от нее для меня ее руку и сердце в память нашей дружбы, ты сделаешь это с совершенным почтением твой граф Жорж Гвоздилин». Де Планшетт, исполняя последнюю волю друга идет, но тут происходит роковое недоразумение: упорный Планшетт, поняв волю друга буквально, отрезывает несчастной кроткой Мадлене руку и сердце, причем последние и приносит потрясенному графу. Последний бежит к Мадлене, но поздно! Она умирает на его руках, благословляя графа, так как втайне любила последнего. Тут же безутешно рыдает ошибочный Планшетт.

ЧИНКА КАРАНДАШЕЙ В СРЕДНЕЙ РОССИИ

(*Этнографическая*)

Этим делом занимаются преимущественно подростки средней полосы России и изредка взрослые. Чинка карандашей требует большого уменья и ловкости, так как очень легко порезаться самому держимым в руке ножом или порезать прохожего, проходящего близко... Посмотрите, как ловко обращается подросток со своим делом на нашей картине. Эта картина, как научная и приличная, может быть рекомендована для учащихся средних учебных заведений.

ТАЙНА КУРТИЗАНКИ,
или
НЕ ТО ПЛОХО, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ С ХОРОШЕЙ ЦЕЛЬЮ, А ТО ПЛОХО, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ С ДУРНОЮ ЦЕЛЬЮ

(Драматичная в красках из древней римско-католической жизни)

Римлянами назывался народ, обитавший в Греции и отличавшийся воинственными наклонностями к разврату. Так, ихние куртизанки... (девушки!) влюблялись и неоднократно вступали в связь, не будучи не только повенчаны, но и обручены. Здесь на экране мы видим историю куртизанки Эпихарисы, поступившей по склону своего сердца и что из этого вышло.

Эпихариса жила с того, что торговалась собою, пока не встретила греческого юношу римлянина Битулия. На нем стало ее молодое сердце, но не то думал греческий патриций Центурион, с которым она ранее продавалась и который любил ее с животной трастью. И что же? Узнав о любви к Битулию, которому она назначила свидание в шесть часов, наш Центурион спешит, дабы убить отважного юношу. Но его песочные часы отставали, и, поэтому к колодцу он пришел, когда счастливый любовник ушел, а осталась одна Эпихариса — эта несчастная жертва общественного термометра. И что же? В темноте он выхватил старинный пистолет, которую он в темноте по белой одежде признал за Битулия, убивает ее. Мужественная девушка падает, как сноб, а Центурион, увидев печальную ошибку, собственным мечом прокалывается насквозь, с выходом конца из спины. Так и лежат рядом эти две жертвы общественного термометра.

Так, как говорится, хорошая славушка бежит, а дурная, извольте видеть, лежит.

ТЕЩА ПРИЕХАЛА!

(*Герметический хохот!!*).

Узнав, что приезжает теща, Адольф подговаривает слуг, и они отравливают жизнь этой злой Мегеры. Едва она приезжает, как на нее сыплятся несчастья. С крыши на нее падает автомобиль, потом кухарка бросает ее в чан с кипятком, из которого она вылетает, как ошпаренная... потом дети во время сна бьют ее по голове большими железными палками, и все это заканчивается тем, что уговоренная зятем наша теща едет в поле осматривать молотилку, попадает туда головой, которая и отрезывает ей голову под общий смех участвующих.

Не могши вынести этих шуток и издевательств, наша старуха собирает свои монатки и уезжает с первым обнимусом во Свояси.

КОММЕНТАРИИ

чёртова дюжина

В настоящий том включены сборники пьес и инсценировок писателя, создававшихся в 1911–1916 гг.

Интерес к театру проявился у Аверченко, быть может, даже раньше, чем к литературе вообще. Однако драматургом он стал лишь после того, как его рассказы и монологи завоевали популярность у читателей. Большинство одноактных пьес и монологов представляют собой инсценировки ранее опубликованных рассказов, а некоторые полностью текстуально совпадают. В таких случаях они не включаются в настоящее издание.

В 1911 г. в «Театральной библиотеке "Сатирикона"» вышел первый сборник пьес «8 одноактных пьес и инсценированных рассказов» и затем еще четыре сборника пьес.

В нашем издании тексты воспроизводятся по этим сборникам.

Пьесы ставились в небольших театрах Петербурга и провинциальных городов России.

8 одноактных пьес и инсценированных рассказов (1911)

Гололедица.

С. 5. *...не просто редактор... а... зиц-редактор».* — Зиц (от нем. Sitz — сиденье»)-редактор — фактически человек для сидения в тюрьме. До революции, когда редакторов различных изданий часто штрафовали и сажали в тюрьму за публикацию тех или иных статей, которые цензура

квалифицировала как антиправительственные, руководство журналов или газет нанимало людей, назначение которых заключалось лишь в отбывании срока наказания вместо настоящих редакторов.

Красивая женщина.

Пьеса основана на одноименном рассказе, вошедшем в сборник «О маленьких — для больших» (1916). Рассказ впервые опубликован в «Сатириконе», 1909, № 29.

С. 16. *Венера Милосская. Одни руки чего стоят.* — Древнегреческая скульптура «Венера Милосская», находящаяся сейчас в Лувре, сохранилась не полностью: у нее отколоты как раз руки.

Рыцарь индустрии.

Впервые сюжет, по которому написана пьеса, был использован в рассказе «Как мне пришлось застраховать жизнь» в 1903 г. («Южный край», 1903, 31 октября). Позже уже под указанным заглавием рассказ был напечатан в «Сатириконе», 1909, № 33.

Данная пьеса входила в репертуар одесского Театра миниатюр.

Она послужила одним из источников последней пьесы Аверченко «Игра со смертью» (1919–1922); см. наст. изд., т. 8.

Конец любви.

Пьеса входила в репертуар одесского Театра миниатюр.

С. 25. *О времена, о нравы...*— Выражение часто употреблял в своих речах Марк-Тулий Цицерон (106–43 до н.э.), — знаменитый римский оратор, политический и государственный деятель, писатель. Эти слова цитируются иногда и по латыни: «O tempora! o mores!»

Юбилей антрепренера.

Пьеса входила в репертуар одесского Театра миниатюр.

Антрепренер (фр.) — предприниматель, хозяин, содержатель, арендатор зрелищного предприятия.

С. 32. *Входит Эрастов — драматический любовник.* — Драматический любовник — актерское амплуа.

С. 34. *Больше синенькой не одолжайте...*— Синенькая — в дореволюционной России просторечное название пятирублевого кредитного билета (дано по цвету купюры).

Настоящие парни.

Пьеса написана на основе рассказа «Измена» (впервые: «Сатирикон», 1908, № 12).

Входила в репертуар Нового драматического театрв в Санкт-Петербурге.

Впервые была напечатана отдельным выпуском в Библиотеке Театра и Искусства (СПБ, 1911).

Без ключа.

В основе пьесы рассказ «Случай с Патлецовыми» (впервые: «Сатирикон», 1910, № 28, затем в составе сборника «Зайчики на стене»).

Пьеса входила в репертуар Нового драматического театра в С.-Петербурге.

Четверо.

В основе пьесы рассказ «Четверо» из сборника «Веселые устрицы» (1910), где он был впервые опубликован.

Пьеса входила в репертуар петербургского театра «Кривое зеркало».

С. 68. *По синим волнам океана...*— Первая строка стихотворения М. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840) (переработка стихотворения австрийского поэта-романтика И.-Х. фон Цедлица (1790–1862). Стало песней (музыка М.И. Глинки, А.Н. Верстовского и других композиторов).

Миниатюры и монологи для сцены (1912)

Сборник вышел как II том Театральной библиотеки «Сатирикона».

Новогодняя Пасха.

Миниатюра входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге, в нем ставились пьесы ужасов, фарсы,

сатирические иниатюры, пародии. Литейный театр в начале XX в. служил площадкой для реформаторских опытов. Вс. Мейерхольда, Н. Евреинова, М. Фокина, М. Кузмина. Спектакли оформляли Л. Бакст, И. Билибин, Б. Кустодиев — лучшие художники «Мира искусств». Название театра постоянно менялось: в 1909 — Литейный, в 1911–1912 — «Мозаика», с 1913 — «Литейный интимный».

С. 76. *У евреев, вот, Пасха еще раньше.* — Пасха — в православии главный праздник, установленный в честь воскресения распятого на кресте Иисуса Христа, о чем повествуется в Евангелиях. Однако первоначально это был древнеиудейский праздник скотоводческих племен с целью умилостивить духов и заручиться их поддержкой в период весеннего отела скота. Христиане на заре своей истории отмечали Пасху вместе с иудеями. Лишь в 325 г. I Вселенский (Никейский) собор христианской церкви установил, что христианская Пасха дóлжна отмечаться отдельно от иудейской в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния, непременно после Пасхи иудейской.

Родственная кровь.

Миниатюра написана на основе рассказа «Я и мой дядя» (впервые: «Сатирикон», 1910, № 45, затем вошел в книгу «Круги по воде» (1912); см. наст. изд., т. 3).

С. 81. *...читал ей Четьи-Минеи.* — Четьи-Минеи — церковные сборники содержащие жизнеописания святых в порядке празднования их памяти, богослужебные песни, поучения, каноны, молитвы на каждый день месяца и на весь год на церк.-слав. языке. Изданы в XII в. Великие Четьи-Минеи составлены митрополитом Макарием (1482–1563).

С. 82. *...я тебе свой пальмерстончик уступлю.* — Пальмерстон — верхнее мужское и женское платье с застежкой сверху донизу (от имени английского государственного деятеля Генри Пальмерстона, 1784–1865, часто ходившего в таком пальто).

Старики.

Пьеса написана на основе рассказа «Старики» (впервые: «Сатирикон», 1911, № 15; рассказ вошел в сборник «Круги по воде» (1912); см. наст. изд., т. 3). Пьеса с огромным успехом шла на сценах многих театров.

Лето.

Пьеса входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге.

С. 98. *Ведь презумпция установлена?* — Презумпция (лат.) — *юр.* признание факта юридически достоверным, пока не будет доказано обратное (например, презумпция невиновности.

Ложь.

Пьеса является автоинсценировкой одноименного рассказа, впервые опубликованного в книге «Веселые устрицы» (1910). Входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге.

Знаменитый трансформатор.

Трансформатор (лат.) — здесь: актер, попеременно играющий роли нескольких лиц, быстро меняющий свой внешний облик.

С. 111. *... объявления... о проезде через наш город... неподражаемого конкурента Фреголи и Франкарди...*— Фреголи и Франкарди — итальянские цирковые фокусники.

С. 112. *А, знаю, Фальер.* — Клеман-Арман Фальер (1841–1931), президент Франции в 1906–1911 гг., посещал Россию.

Это — писатель Ясинский. — Иероним Иеронимович Ясинский (1850–1931) — русский писатель, весьма плодовитый, автор романов, научно-популярных книг, воспоминаний («Роман моей жизни», 1926). Популярный в начале XX в., он сегодня забыт, хотя творчество его калейдоскопически отразило огромный исторический кусок российской жизни.

Власть Рока.

Рок, под которым обычно понимается злая судьба, в этой пьесе Аверченко трактуется по-иному.

Монологи

Пролог.

Текст был написан для первого и единственного спектакля театра «Лукоморье», поставленного В.Э. Мейерхольдом 6 декабря 1907 г. в особняке князя Юсупова на Литейном проспекте.

Несмотря на интересный состав труппы, куда входили и признанные мастера сцены и молодые актеры, представление успеха не имело.

С. 129. *... оспаривать и защищать тезисы Рескина и Толстого...*— Джон Рёскин (1819–1900) — английский эстетик, проповедник социальных реформ, один из основателей и проповедников художественного движения прерафаэлитов, основным смыслом в котором была наивность и искренность в живописи. Лев Николаевич Толстой (1828–1910) в эстетическом трактате «Что такое искусство?» (1897–1898) и ряде статей отстаивал активную социальную роль искусства, критиковал непонятный народу формализм. Главным критерием художественности он считал «заразительность» искусства, его нравственно-эмоциональное содержание и степень воздействия на людей ради их объединения.

С. 130. *...маяк, к которому поплывет наша колесница Джаггернаута.* — Джаггернаут (правильно: Джаганнатха — владыка мира, инд.) — одно из воплощений высшего божества в индуизме Вишну.

Во время одного из праздников статую Джаггернаута провозят в колеснице из Храма, ему посвященного в городе Пури, во главе толпы паломников.

С. 131. *У Плутарха есть некоторые указания на то...*— Плутарх (середина I в. — ок. 120 г.н.э.) — древнегреческий писатель, историк, автор «Сравнительных жизнеописаний двенадцати цезарей».

С. 133. *...я перехожу ко временам Директории...*— Исполнительная Директория — правительство из пяти директоров Французской республики в ноябре 1795–1799 гг. Конец Директории положил государственный переворот Восемнадцатого брюмера. Брюмер (фр. — туман) — второй месяц (с 22–24 октября по 20–22 ноября) французского республиканского календаря, действовавшего в 1793–1805 гг. 18 брюмера VIII года республики (9 ноября 1799 г.) был произведен государственный переворот, поставивший у власти Наполеона Бонапарта.

Функельман и сын.

В основе пьесы одноименный рассказ, впервые напечатанный в «Сатириконе», 1912, № 27, затем вошедший в книгу «Черным по белому» (1913).

С. 135. *Чего тебе каламитно?* — Каламитно (*евр. местечковый жаргон*) — муторно, тоскливо.

С. 136. *Я же так и знала. «Записки Кропоткина»!* — Имеются в виду «Записки революционера», книга путе-

шественника, географа, геолога, теоретика анархизма князя Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921).

...шейгец паршивый. — Шейгез — еврейское ругательство в адрес нееврея.

Роковая гребенка.

Впервые как рассказ в «Сатириконе», 1911, № 12.

Таинственный гость.

С. 152. *От ликующих, праздно болтающих...*— Строка из стихотворения Н.А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862).

Чёртова дюжина
12 одноактных пьес
и инсценированных рассказов
(1913)

Сборник впервые вышел в качестве III тома Театральной библиотеки «Нового Сатирикона» в С.-Петербурге в 1913 г.

Печатается по указанному изданию.

Пролог.

Согласно авторской ремарке «Пролог» предназначен для театра миниатюр.

Хлебосол.

Пьеса входила в репертуар одесского Театра миниатюр.

Визитеры.

Пьеса входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге.

С. 165. *Красота — это Рафаэль, Мадонна, Веласкец какой-нибудь, Венера Милосская!* — Птицын перечисляет символы художественно прекрасного: Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор. Воплотил в своих картинах и архитектурных творениях высшие идеалы Возрождения. Автор изображений богоматери: «Сикстинская мадонна», 1515–1519, «Мадонна Конестабиле», (1500–1502), проектировал собор св. Петра в Риме, и т.п. Веласкец (Веласкес) Диего (1599–1660) — испанский живописец, его

портреты и картины народной жизни проникнуты глубиной и достоверностью. Венера Милосская — античная скульптура, находящаяся в Луврском музее в Париже, одно из наиболее совершенных скульптурных изображений римской богини красоты, любви и брака; у греков носила имя Афродиты.

С. 166. — *Кельнский собор, который в Страсбурге...*— Один из наиболее высоких соборов в Европе — Кельнский, разумеется, находится в Кельне, а не в Страсбурге.

Мерси вам в боку! — бессмысленная фраза, созвучная с французским выражением: merci beaucoup — огромное спасибо.

Красота это Рембрандт, Айвазовский, Шиллер какой-нибудь... Мадонна...— Кармалюхин выдвигает против Птицына подобные же аргументы, апеллируя к символам прекрасного: Харменс ван Рейн Рембрандт (1606–1669), великий голландский художник, в его картинах для раскрытия психологических коллизий особую роль играет светотень; демократизм и жизненность образов его портретов до сих пор остаются образцовыми. Уникальный живописец — маринист Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) создал многие сотни потрясающих своей живостью полотен, посвященных морской стихии. Немецкий поэт и драматург Иоганн Фридрих Шиллер (1739–1805) своими трагедиями «Разбойники» (1781), «Коварство и любовь» (1784), «Вильгельм Телль» (1804) и мн. другими стремился воспитать общество, привить ему чувства справедливости и свободы.

Человек за ширмой.

Пьеса входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге. Впервые в виде рассказа в «Сатириконе», 1911, № 50. Позже включена автором в книгу «О маленьких — для больших» (1916).

Душа общества (Смерч).

Пьеса входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге и одесского Театра миниатюр.

В основу пьесы положен рассказ «Смерч», впервые опубликованный в вып. 3 Дешевой юмористической библиотеке «Сатирикона» в 1911 г.

С. 181. *Заражение трихинами тоже не шуточка.* — Трихины — мелкие паразитические круглые черви, личинки которого поселяются в мышцах; вызывают заболевание

трихинелёз в результате употребления непроваренного или непрожаренного мяса, особенно свинины.

Женская доля.

Пьеса входила в репертуар Киевского Художественного театра миниатюр.

Представляет собой инсценировку рассказа «Ниночка», впервые опубликованного в журнале «Сатирикон», 1909, № 42. Вскоре рассказ был включен в сборник «Рассказы (юмористические), Кн. 1» (1910).

С. 190. *Вы знаете, что такое алиби?* — Алиби (ит. alibi — в другом месте) — нахождение обвиняемого в другом месте как доказательство его невиновности. Пользуясь наивностью Ниночки, адвокат несет всякую околесицу, объясняя свои действия.

...должен удостовериться в отсутствии кассационных поводов. — Кассация (лат. — отмена) — пересмотр, отмена судебных решений судами высшей инстанции на основании обнаруженных ошибок и нарушений в ведении дела.

С. 193. *...посмотреть на... следы... культуртрегеров.* — Культуртрегер (нем. — носитель культуры) — ироническое название человека, прикрывающего свои корыстные интересы маской просвещения, распространения культуры.

С корнем.

Пьеса входила в репертуар петербургского Троицкого театра. Является инсценировкой одноименного рассказа, впервые опубликованного в вып. 61 Дешевой юмористической библиотеки «Сатирикона» в 1912 г.

Отбивная котлета (*Психологический случай*).

Пьеса представляет один из первых подходов к теме будущей пьесы «Игра со смертью», одной из последних в творчестве Аверченко; см. наст. изд., т. 8.

Дамы.

Пьеса входила в репертуар Литейного интимного театра.

В основу пьесы положен рассказ «Раздвоение личности», впервые опубликованный в журнале «Сатирикон», 1911, № 5. Рассказ вскоре был включен автором в книгу «Круги по воде» (1912).

С. 214. *...вы похожи на королеву... Марию-Антуанетту!* — Мария Антуанетта (1755–1793), дочь австрийского императора Франца I и Марии Терезии, славилась своим умом и красотой, в 15 лет вышла замуж за французского короля Людовика XVI. Во время Великой французской революции король и королева были казнены.

Натурщица.

В основу пьесы положен рассказ «Святые души» («Сатирикон», 1912, № 6), вошедший вскоре в книгу «Черным по белому»; см. наст. изд., т. 4.

С. 225. *Покойный профессор Якоби советовал...*— В XIX в. действительно был художник с такой же фамилией — Валериан Иванович Якоби (1834–1902) (наиболее известная его картина — «Привал арестантов»), однако подобной чуши, разумеется, он никогда не говорил.

С. 226. В *...«Художественных письмах» Александра Бенуа... члена дрезденской академии... барона Фокса... профессора Пеля... Академик Бехтерев...* — Все, что произносит Двуутробников, — плод его фантазии, никакого отношения к живописи не имеет.

Неразговорчивый сосед.

Пьеса входила в репертуар петербургского Троицкого театра и одесского Театра миниатюр.

В основу пьесы лег рассказ «Мой сосед по кровати», впервые опубликованный в вып. 32 Дешевой юмористической библиотеки «Сатирикона» (1912).

Искусство любить.

Пьеса представляет собой переработку для сцены рассказа «Сердце под скальпелем» (впервые: «Сатирикон», 1912, № 4; вскоре вошел в сборник «Рассказы для выздоравливающих» (1912); см. наст. изд., т. 4).

С. 237. *...работа «под апаша».* — Апаш (фр.) — хулиган, вор.

С. 238. *...знаете, что такое Ананке?* — Ананке (греч. — необходимость) — богиня, олицетворяющая неизбежность; рок, судьба.

Бенгальские огни
Одноактные пьесы
(1914)

Сборник вышел как IV том Театральной библиотеки «Нового Сатирикона».

Трудный случай.

Пьеса входила в репертуар Интимного театра в Петрограде (Санкт-Петербург был переименован 18(31) августа 1914 г. по инициативе Николая II в связи с началом Первой мировой войны, так как название столицы казалось слишком немецким).

С. 250. *Ты рассуждаешь, как Шопенгауэр.* — Немецкий философ иррационалист Артур Шопенгауэр (1788–1860) был очень популярен как в Европе, так и в России. Его сочинения до сих пор издаются в нашей стране, вызывая определенный интерес. Однако никакого отношения к высказыванию Александры Павловны его философия не имеет.

На Волге.

Пьеса входила в репертуар Интимного театра в С.-Петербурге. Представляет инсценировку рассказа «Волга» (впервые: «Сатирикон», 1911, № 31; вошел в книгу «Черным по белому» (1913); см. наст. изд., т. 4.

С. 256. *Вифлеемское избиение младенцев!* — Согласно Евангелию (Матфей, гл. 2, ст. 16) царь Иудеи Ирод I в год рождения Иисуса Христа приказал уничтожить всех младенцев мужского пола в Вифлееме, поскольку ему была предсказана опасность появления мессии. Однако Иисус избежал злой участи: его родители вместе с ним бежали в Египет.

С. 260. *...открытие театральной школы имени Мочалова...*— Павел Степанович Мочалов (1800–1848) — русский актер, с 1824 служил в Малом театре; прославился в трагедиях Шекспира и Шиллера.

С. 261. *...дай нам на бонбошки...*— Бонбошки — конфетки (фр. bonbon).

С. 263. *...на устройство театрального дома имени Щепкина.* — Михаил Семенович Щепкин (1788–1863) — знаменитый русский актер, из крепостных, с 1824 г. служил в Малом театре, утверждая принципы просветительского

значения театра; прославился в пьесах Гоголя, Грибоедова, Сухово-Кобылина, Тургенева.

Четверги.

В основе пьесы рассказ «Четверг» (впервые опубликованный в книге «Веселые устрицы» (1910); см. наст. изд., т. 1.

С. 266. *...видели ли босоножку?* — В начале XX в. На эстрадах России проходили выступления танцовщиц, отказавшихся от балетных костюмов и обуви; одной из основоположниц новой школы танца были Айседора Дункан (1878–1927); ее последовательниц иронически называли босоножками.

С. 269. *В Соляном городке.* — Соляный городок — район Петербурга между улицами Фонтанка и Гагаринская, против Летнего сада, где в начале XX в. устраивались театральные представления и читались модные публичные лекции.

С. 271. *А вот Вейнингер держится обратного мнения...*— Отто Вейнингер (1880–1903), австрийский философ и психиатр, автор книги «Пол и характер» (1903), делил всех женщин по психологическим свойствам на две категории: мать и проститутка.

С. 276. *... она Метерлинка с редерером путает.* — Морис Метерлинк (1862–1949) — бельгийский поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии (1911); его символистские пьесы пользовались огромным успехом в России; его сказка «Синяя птица» (1908) более ста лет идет на сцене МХАТ. Редерер — одна из лучших марок немецкого шампанского.

Одесситы.

Пьеса входила в репертуар Литейного театра в С.-Петербурге и выдержала более 100 представлений. Является инсценировкой одноименного рассказа, впервые опубликованного в «Сатириконе», 1910, № 36; вошел в сборник «Сорные травы» (1914); см. наст. изд., т. 5.

Суета сует (Водевиль).

Представляет собой инсценировку рассказа «Фабрикант» («Сатирикон», 1912, № 28), вошедшего позже в книгу «Черным по белому» (1913); см. наст. изд., т. 4.

С. 285. *...выкликали фамилию этого папильона...* — Папильон (фр. papillon) — бабочка, мотылек; в переносном смысле: ветреник, легкомысленный человек.

...какой-нибудь Бенвенуто Челлини... — Бенвенуто Челлини (1500–1571) — итальянский скульптор, ювелир, писатель.

Вчера и сегодня.

Представляет собой инсценировку рассказа «Женщина в ресторане» (из сборника «О хороших, в сущности, людях» (1914).

Сердце матери (Павлик).

Пьеса основана на рассказе «Мать», впервые опубликованном в вып. 25 Дешевой юмористической библиотеки «Сатирикона» (1911); см. наст. изд., т. 3.

Коготок увяз — всей птичке пропасть (Сконцентрированная драма).

Пьеса входила в репертуар театра «Кривое зеркало» в С.-Петербурге.

Названием для этой пьесы Аверченко взял подзаголовок драмы Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (1886).

С 314. ... *драмы типа Гран-Гиньоль.* — Гиньоль (фр.) — наименование пьес, изобилующих ужасами, преступлениями, злодействами. В 1899 г. в Париже даже открылся театр, репертуар которого был насыщен пьесами, натуралистически изображавшими преступления и извращения.

Пьеса — пародия на подобные пьесы, которые стали появляться на русской сцене.

Товарищ.

В основу пьесы лег рассказ «Друг» (впервые: в «Сатириконе», 1908, № 17, включен затем в книгу «Юмористические рассказы» (1910); см. наст. изд., т. 2.

С. 326. *...француженка... отбывавшая... наказание в Сен-Лазаре за кражи и разврат.* — Сен-Лазар — с 1799 г. женская тюрьма в Париже.

Без суфлера
Пьесы и монологи
(1916)

Сборник вышел в качестве V тома Театральной библиотеки «Нового Сатирикона».

Пьесы

Деточка.

Репертуарная пьеса петроградского Троицкого театра (прошла свыше 200 раз).

Вторая пьеса указанного сборника — комедия «Женщина, достойная уважения» — будет напечатана в сборнике «Чудаки на подмостках» под заглавием «Женщина и вор»; см. наст. изд., т. 8.

Одесситы в Петрограде.

Сцена в 1-м действии.

Пьеса основана на одноименном рассказе, впервые опубликованная в журнале «Новый Сатирикон», 1915, № 42. Рассказ вошел в сборник «Караси и щуки» (1917).

С. 345. *...и ландштурм взяли, и ландвер взяли...*— Ландштурм — в Германии (до 1945 г.) — категория военнообязанных старших возрастов (запаса 3-й очереди), а также войсковые формирования вспомогательного назначения.

Ландвер — в Германии в начале XX в. категория военнообязанных запаса 2-й очереди, а также войсковые части, формировавшиеся из этих военнообязанных.

С. 347. *...Мюр и Мерилиз прямо!* — Мюр и Мерилиз — большой универсальный магазин, находящийся на пересечении улиц Петровка и Кузнецкий мост в Москве (ныне ЦУМ — Центральный универмаг). Торговый дом «Мюр и Мерилиз» был основан шотландцами Эндрю Мюром (1817–1899) и Арчибальдом Мерилизом (1797–1877), переселившимися в Россию в первой половине XIX века.

С. 349. *Франко Выборг!* — Франко — условие продажи, при котором покупатель освобождается от непосредственных расходов по погрузке, транспортировке (а иногда и сохранению) грузов в связи с тем, что эти расходы включены в цену товара.

С. 350. *Вы — мизерабль!* — Misérable (фр.) — Здесь: ничтожество, мерзавец.

Тихое помешательство
(Инсценированный рассказ).

Репертуарная пьеса одесского Театра миниатюр.

Рассказ впервые был опубликован в книге «Юмористические рассказы» в 1910 г., повторен в книге «Рассказы (юмористические). Кн. 3» в 1911 г., а затем включен в сборник «О маленьких — для больших» (1916).

По-хорошему.

Сцена в 1-м действии.

Пьеса основана на рассказе «Слабая струна» из сборника «О хороших, в сущности, людях» (1914); см. наст. изд., т. 5.

Молодость.

Пьеса в 1-м действии.

Входила в репертуар Литейного театра в Петрограде. Основана на рассказе «Молодость», первя опубликация в журнале «Сатирикон», 1910, № 10–11. В рассказе впервые собираются почти все герои повести «Подходцев и двое других» (1917): Подходцев, Громов, Клинков, Харченко.

С. 368. *Харченко студент, из категории белоподкладочных.* — Белоподкладочниками называли до революции студентов, преимущественно из богатых семей, иногда аристократов, презрительно относившихся в демократическому студенчеству. Название дано по белой шелковой подкладке богатого студенческого мундира.

Когда женщина захочет.

Сцена в 1-м действии

Пьеса под названием «Птичья головка» вошла также в сборник «Чудаки на подмостках».

Телефон № такой-то.

Пьеса в 1-м действии.

Вошла также в сборник «Чудаки на подмостках».

Монологи

В состав раздела не включен монолог «Новогодний тост», поскольку его текст полностью совпадает с текстом, вошедшим в сборник «О хороших, в сущности, людях» (1914), см. наст. изд., т. 5.

Монолог «Программа кинематографа» является пародией на подобного рода программы в провинциальных и даже столичных увеселительных заведениях. В программе сохранено и косноязычие, и безграмотность ведущих, вплоть до словечка герметический (вместо гомерический).

Содержание

8 одноактных пьес и инсценированных рассказов (1911)

Миниатюры и монологи для сцены (1912)

Монологи

Чёртова дюжина
12 одноактных пьес
и инсценированных рассказов
(1913)

Бенгальские огни
Одноактные пьесы
(1914)

Без суфлёра
Пьесы и монологи
(1916)

Пьесы

Монологи

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО
Собрание сочинений

Том 7

ЧЁРТОВА ДЮЖИНА

Редактор Е.Б. Егорова
Художественный редактор И.А. Шиляев
Технический редактор Т.В. Иванникова

Подписано в печать 10.01.2013.
Гарнитура «Petersburg». Формат 84×108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,50.
Тираж 1000 экз. Заказ № 432.

ООО «Издательство «Дмитрий Сечин»
Ул. Ирины Левченко, 2. Москва, 123298, а/я 33.
Тел. 8(985)995-79-70
E-mail: sechinbook@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
E-mail: order@gipp.kirov.ru

ISBN 978-5-904962-22-7

9 785904 962227